This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

A
WID-LC
AP
50
.M55
Vol
[pt.6]

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

XVIII 3/2

Δ
WID
AP
50
.M55
vol.
Lpt 6

Мѳнаій

Трудъ

№ 6.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 14 1982
FAS 130 Photo

1905.

Годъ I и II. **МИРНЫЙ ТРУДЪ** Годъ I и II.

повременное научно-литературное и общественное изданіе.

Въ „Мирномъ Трудѣ" за I-й годъ были помѣщены, м. п. проф. А. С. Вязигина Отъ редакціи, „Два слова о культѣ новизны", „Ѳ. И. Фортинскій", „Итоги перваго года". Клеменса Юноши повѣсть „Черное болото". А. Игнатьева „Былинка". Проф. И. В. Нетушила „Этика въ дисциплинѣ", „Миѳологическія теоріи". М. Кайсарова „Шутка" разсказъ. Киплинга „Вильгельмъ завоеватель". В. Харціева „Ученіе А. А. Потебни о народности и націонализмѣ". Проф. С. Соловьева „В. Гюго" и „Послѣдній Миннезингеръ". Ладислава-Струпеж-ицкаго „Цвиковскій бѣсенокъ". П. Каменскаго „Въ поискахъ христіанъ на Западѣ". Н. Горинскаго „Происхожденіе нѣкоторыхъ особенностей національнаго характера англичанъ". К. Бичъ-Лубенскаго „Дядя изъ калькуты" святочный разсказъ. О. Петрова „О средней школѣ". А. Каута Рядъ замѣтокъ. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность Обществъ. Библіографія. 5 книжекъ журнала за I-й годъ представляютъ собою томъ въ 1276 стр. очень убористаго шрифта, высылаемый Г.г. новымъ подписчикамъ за два рубля съ пересылкой.

Въ Мирномъ Трудѣ" за II-й годъ помѣщены, м. п., „На Руси" ром. и „Кащей" сказка въ 4 д. кн. *Д П. Голицына*. „Въ Сочельникъ" и „Старая усадьба" *С. Тулаева*. „Врачебная тайна" и „Бытовыя картинки" *П. П. Оленича-Гнененко*. „Оскорбленіе" пов. и „Изъ жизни бывшаго гимназиста" *М. Кайсарова*. „Капитанъ-баба" *Ив. Вѣрунина*. Стих. Св. Ф. Пестрякова, В. Иванова, М. Савинова, Ф. Берга, В. Уманова-Каплуновскаго и др. „Провиденціальныя задачи и конечныя цѣли Россіи", „Таинства и обряды православной церкви" и „Памяти В Л. Величко" *Епископа Стефана*. „Изъ записной книжки русскаго Монархиста" и „Мистика, идеалы и поэзія Русскаго Самодержавія" *Н Черняева*. „Взглядъ Ренана на чудеса и пророчества въ евангельской исторіи" Проф. *Т. Буткевича*. „Днѣпровскіе пороги и устройство судоходства на нихъ" Проф *В. Альбицкаго*. „Праздникъ рус. самосознанія" *П. Хорсова*. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими" *М. Савинова*. „Памяти В. Л. Величко", „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева", „О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого", „Необходимость Самодержавія для Россіи" *М Бородкина*. „О необходимости измѣненія системы образованія и воспитанія медиковъ" *Е. Дюкова*. „Предпріимчивость русскаго человѣка", „Восточные вопросы", „Основныя черты англійской политики въ XVIII вѣкѣ" „Изъ исторіи Крымской Кампаніи" Проф. *П. Буцинскаго*. „Къ вопросу о зависимости настроенія нашей школы отъ умственнаго и нравственнаго состоянія самого общества" Проф. *М. Демьянова*. „Кантъ какъ великій учитель нравственности" *Н. Страхова*. „Славянскія извѣстія" и „Степанъ Радичъ о русскомъ самодержавіи" *І. Микша*. „Санитарныя нужды нашей арміи на маньжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій" Д-ра. *В. Вицинскаго* „Мѣсто А. С. Хомякова въ исторіи рус народнаго самосознанія" Пр. *В. Завитневича*. „Мелкая земская единица" кн. *М. Шаховскаго*. „Религіозно философскія воззрѣнія Ѳ. И. Тютчева" *І. Филевскаго*. „Необходимость преобразованій", „По поводу пребыванія Царя въ Харьковѣ", „Обновленіе", „О настроеніи русской молодежи", „Надежда Россіи", „Мнимая спасительность парламентаризма", „По поводу студенческихъ безпорядковъ", „Отвѣтъ Вѣстнику Европы" *А. Каута*. „Политическія мечты русскаго патріота" *Ф В* „Тайное ученіе" и „Крестъ во спасеніе" *В. Задонскаго*. „В Л Величко", „Опасныя стороны новаго закона о бракѣ", „Россія и революція" Проф. *А. Вязигина*. „Д. С. Мережковскій, какъ переводчикъ „Медеи" Еврипида" и „Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на рус. народъ" Проф *Я. Денисова*. „Замѣтки націоналиста" и „Письма съ Дальняго Востока" *М. Павловскаго*. „Отъ Севастополя до Портъ-Артура" *В. В. Звѣрева* „Значеніе М И. Глинки въ исторіи рус. музыки" *В. Липина*. „Графъ Станиславъ Тарновскій, его дѣятельность и ученые взгляды на Россію и русскихъ", „Памяти С М Соловьева" *М Рождественскаго* „Уваровскій Университетъ" *Н Родзевича*. „О классицизмѣ" *Д. Х.* „Митрополитъ Филаретъ о Православіи и Самодержавіи" *И. Кошкарова*. „Побѣдима ли Россія?" *С. Ячейкина*. „Незабвенной памяти Императора Александра III" *С. ф.-Дитмара*. „Христіанство въ Японіи" Проф. *І. Бродовича*. „В. В Верещагинъ о русскомъ народномъ искусствѣ" *В. Карпова*. „За что насъ ненавидитъ Европа?" Ст. *В. Ермолова*. „Общія причины антисемитизма" *В. Лазара*. „Военное Обозрѣніе" *Н. Черникова*. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность „Русскаго Собранія" въ Петербургѣ, его Харьковскаго Отдѣла, Варшавскаго кружка и другихъ Обществъ. Библіографія.

10 книжекъ „Мирнаго Труда" за 1904 г. содержатъ въ себѣ 2405 стр. убористаго шрифта; высылаются Г.г. новымъ подписчикамъ за 4 руб. съ пересылкой.

Выписывающіе оба года (190²/₃ и 1904) одновременно—платятъ 5 руб. съ пересылкой

XVIII 3/2

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 6.

(Іюнь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1905.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ, 16 іюля 1905 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ОГЛАВЛЕНІЕ

іюньской книжки журнала „Мирный Трудъ".

	Стр.
„Солдатская пѣсня", „Современники", „Никудышники" стих. **В. Пуришкевича**	1—21
„Городское самоуправленіе вообще и харьковское въ особенности" **кн. М. Шаховского**	22—34
„Изъ современной жизни русскаго Забужья" **Н. О--ва.**	35—48
„Изъ Подляшья" **В. Г.**	49—50
„Не по торной дорожкѣ" повѣсть въ двухъ частяхъ **Анатолія Брянчанинова.**	51—88
* * * стих. **В. Ермолова.**	—88
„Изъ записной книжки русскаго монархиста", CLVIII—CLXVI, **Н. И. Черняева**	89—104
„О вѣротерпимости въ Россіи" **проф. Т. И. Буткевича**	105—124
„Русскимъ воинамъ" стих. **Л. Кологривовой**	—124
„О способѣ осуществленія предначертаній Высочайшаго Рескрипта 18 февраля сего года"	125—156
„Является ли «Русское Собраніе» противникомъ всякихъ преобразованій?" **А. Вязигина**	157—173
* * * стих. **В. Ермолова**	—174

„Славянофильство и его опредѣленія“ барона **Михаила Таубе** . . . . . 175—1
„Что надо теперь дѣлать русскимъ людямъ? . . . . . 195—1
„Завѣтъ Старины“, стих. **А. А. Навроцкаго.** . . . . . —2
„Отвѣтъ Г. А. Шечкову“ **А. Вязигина.** . . . . . 201—2
„Военное обозрѣніе“, **Н. Черникова.** . . . . . 206—2
Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію по 20 с іюня 1905 года. . . . . —2
Библіографія: Изданіе Русскаго Собранія. „Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ“ **А. Каута.** . . . . . 216—2
Объявленія. . . . . 223—2
„*Тэнъ*. Исторія французской революціи“. Книга I. Глава I—II. . . . . 1—

Солдатская пѣсня.

Хоръ.

Братцы, Русь-ли не должна
Проявить отвагу?
Завтра бой у Гирина
Знай—назадъ ни шагу!

Запѣвало.

Дней минувшихъ вспомнить намъ
Тяжело обиды,
Много славныхъ пало тамъ;
Мы-жъ видали виды!
Освѣтимъ обратный путь
Заревомъ пожара,
Вновь сойдемся съ грудью грудь!
Только для удара!

Хоръ.

Братцы, Русь-ли не должна
Проявить отвагу?
Завтра бой у Гирина
Знай—назадъ ни шагу!

Запѣвало.

Мертвымъ срама братцы нѣтъ,
Вѣритъ въ насъ Россія,
Русской славы прошлыхъ лѣтъ
Мы сторожевые!
Намъ-ли выдать въ этотъ часъ
Головой отчизну,
Съ нами Богъ и Богъ за насъ—
Справимъ павшимъ тризну!

Хоръ.

Братцы, Русь-ли не должна
Проявить отвагу?
Завтра бой у Гирина,
Знай—назадъ ни шагу!

Запѣвало.

Пусть гордыней обуянъ
Врагъ нашъ желтолицый,
За Мукденъ, за Ляоянъ
Воздадимъ старицей!
Станетъ русскою земля
Кровью залитая,
Отберемъ назадъ края
Русскаго Китая.

Хоръ.

Братцы, Русь-ли не должна
Проявить отвагу?
Завтра бой у Гирина,
Знай — назадъ ни шагу.

Запѣвало.

Миновалъ жестокій годъ
Рядъ побѣдъ за ними;
Близокъ, близокъ нашъ чередъ
Помни о Цусимѣ.
Местью дышетъ наша грудь
Того-ль, Камимура
Преградятъ намъ вѣрный путь,
— Путь къ горамъ Артура?

Хоръ

Братцы, Русь-ли не должна
Проявить отвагу?
Завтра бой у Гирина,
Знай — назадъ ни шагу.

Запѣвало.

Пусть, гремя черезъ Уралъ,
Разносясь по свѣту,
Пролетитъ: „гдѣ русскій сталъ,
Тамъ отхода нѣту!“
Слуги родины своей,
Помня долгъ присяги,
Здѣсь послужимъ вѣрно ей
Доблестью отваги!

Хоръ.

Слуги родины своей,
Помня долгъ присяги,
Здѣсь послужимъ вѣрно ей
Доблестью отваги!

3 іюня 1905 г. Петербургъ.

Современники.

Сатира I.

Semper ego auditor tantum? . . . . .
. . . . . .
Impune ergo mihi cantaverit ille togatas
Hic elegos? [1])
(D. Iun. Iuvenalii Sat. 1, 1).

Дай мнѣ руку, мой другъ, въ эти смутные дни
Не легко выходить одинокому,
Тотъ оплеванъ теперь, тотъ забытъ и въ тѣни,
Кто способенъ служить лишь высокому!
Дай мнѣ руку, мой другъ, погляди, погляди,
Кто окутанный доблести тогою,
Безъ царя въ головѣ и безъ сердца въ груди,
Выступаетъ большою дорогою.

I.

Слышишь громкую рѣчь, неподкупный задоръ,
Видишь позу сугубо-картинную,
То внезапной слезой затуманенный взоръ,
То отвагой пылающій львиною?
Что ни возгласъ—любовь къ обойденнымъ судьбой,
И укора слова благородныя,
И жестокій призывъ на отчаянный бой
Угнетающихъ массы народныя!
Все отдалъ бы за честь угнетенныхъ боецъ,
Претерпѣлъ бы за право священное,
Ни по чемъ демагогу терновый вѣнецъ,
„Предпочесть ли нетлѣнному—тлѣнное?“
И высокая рѣчь, какъ могучій потокъ,
Увлекаетъ теченьемъ стремительнымъ

---

[1]) Вѣчно-ль я слушатель только?..
Такъ безнаказанно будетъ читать мнѣ комедіи этотъ,
Тотъ—все элегіи?..
(Переводъ А. В. Адольфа).

И восторженныхъ душъ наростаетъ клубокъ,
Наростаетъ путемъ изумительнымъ!
Но постой, погоди, тамъ у черныхъ дверей,
Громовержца, карателя строгаго,
Поджидаетъ въ тиши терпѣливо еврей,
Да громада крестьянства убогаго.
И вдали отъ трибуны, двуногій паукъ,
„Охранитель лишь блага народнаго",
Не сморгнувъ, кабалѣ щедро смазанныхъ рукъ,
Продаетъ крестьянина голоднаго... [1])
Нѣтъ, родимый, повѣрь, въ эти смутные дни
Не легко выступать одинокому,
Тотъ оплеванъ, увы, тотъ забытъ и въ тѣни,
Кто способенъ служить лишь высокому!

II.

Переполненный залъ, ложи сумрачныхъ хоръ,
Все кишитъ молодежью кудлатою,
Возбужденныя лица, пылающій взоръ,
Кумачевая блуза съ заплатою
На эстрадѣ внизу, молодой Демосѳенъ,
Вдохновитель собранія земскаго,
Призываетъ искать и просить перемѣнъ,
„Облегченья креста деревенскаго!"
„Дайте свѣта толпѣ, только школа одна,
„Только знанія лучъ благодѣтельный,
„Поднимаетъ погибшихъ съ глубокаго дна,
„Наставляетъ на путь добродѣтельный.
„Суевѣренъ и тупъ некультурный мужикъ,
„Онъ боится даровъ покровителя,
„Онъ лишь силѣ властей подчиняться привыкъ,
„Да наступитъ-же сила... учителя!
„Время сбросить наслѣдье минувшихъ вѣковъ,
„По указкѣ ходить утомительно,
„И бреньчанье надъ школой надзора оковъ
„Гражданину терпѣть оскорбительно!

[1]) Въ чертѣ еврейской осѣдлости закабаливаніе крестьянъ евреями, путемъ аренды земель на имя господъ демагоговъ-христіанъ,—явленіе совершенно обыденное.

„Пусть довѣрія лучъ озаритъ, наконецъ,
„Благородныхъ умовъ начинанія.
„И откроетъ нетронутой массѣ сердецъ
„Горизонты широкаго знанія!“
Такъ поетъ демагогъ, такъ поетъ онъ; вокругъ,
Съ затаеннымъ дыханьемъ, оратора
Обступаетъ тѣснѣй одномышленный кругъ,
Восклицая: „долой консерватора!“
И возноситъ борца сколопендра пера:
Прогрессиста привѣтствуютъ *Новости*
И „отсталыхъ“ Нотовичи плюсъ Пропера,
Сокрушаютъ бичами суровости!
Но... собранью конецъ! и въ далекой глуши
Школа *средство, не цѣль* благородная.
И тайникъ непочатый—крестьянской души
Пропаганда смущаетъ негодная!
Поколѣнья растутъ, растлѣвающій ядъ
Демагога отравы губительной
Убиваетъ весной зеленѣющій садъ,
Пробужденья побѣгъ восхитительный.
А затѣмъ,—а затѣмъ и другая пора:
Позабывши завѣты исконные,
Ищетъ призрачныхъ правъ остріемъ топора
Тьмой посуловъ толпа опьяненная!
Но когда наступаетъ возмездія часъ
И сквозь слезы и вопли жестокіе
Раздается заблудшихъ отчаянный гласъ,
Гдѣ вы доблести мужи высокіе?
Почему не звучитъ покаянной трубой
Ваше слово народу свободное?
Почему не громитъ безпощадно разбой
И не лѣчитъ безумье народное?
Нѣтъ, родимый, повѣрь, въ эти смутные дни
Не легко выступать одинокому,
Тотъ оплеванъ теперь, тотъ забытъ и въ тѣни,
Кто способенъ служить лишь высокому!

III.

И опять предо мной амфилада палатъ,
И рѣчей голоса патетическихъ;

Выступаетъ К—нскій, встаетъ Б.....атъ
(Знатоки гіералій фаллическихъ) [1])
Облеченныхъ довѣрьемъ общественныхъ массъ,
И *хозяйственныхъ* нуждъ представителей
Раздается въ собраніяхъ трепетный гласъ,
Со слезой о судьбѣ довѣрителей!
„Въ эти тяжкіе дни намъ молчать не съ руки",
Восклицаютъ народа печальники,
„Отъ Петра управляютъ страной дураки,
„Не годятся намъ эти начальники!"
„Истомленные гнетомъ жестокихъ владыкъ,
„Посылая имъ вѣчно проклятія,
„Мы хотимъ, чтобъ отнынѣ забитый мужикъ,
„Оцѣнилъ, какъ гнила бюрократія!
„Мы хотимъ пріобщенія страждущихъ массъ
„Къ необъятнымъ задачамъ Правительства,
„Наступила пора, благодѣтельный часъ,
„Испросить намъ дары представительства!"
„Мы желаемъ, друзья, да всего не сказать...
„Но короче—свободы ревнители,
„Мы *согласны* усилить чиновную рать
„И... *какъ жертва*... попасть въ управители!
„Пусть блеснетъ, наконецъ. надъ страною Царя
„Лучъ зари—обновленьемъ живительнымъ,
„Но покамѣстъ взойдетъ золотая заря
„Трудъ нашъ здѣсь, признаемъ унизительнымъ!"
И, подъ шумъ одобреній ревущей толпы,
Вдругъ „порыва гражданскаго" данники,
Благородныхъ задачъ государства столпы,
Покидаютъ работу избранники [2]).
И блестятъ на страницахъ газетъ имена
Неподкупной опоры Отечества,
Воспѣваются „правды святой сѣмена"
„Охранителей правъ человѣчества".
А въ глуши позабытой, въ далекой глуши,
Гдѣ не вскормишь по громкому словушку,

---

[1]) Культъ хорошо знакомый господину Розанову.

[2]) Возмутительный фактъ прекращенія работы въ земскихъ собраніяхъ послѣдней сессіи *до утвержденія смѣты*, объяснялся именно „гражданскими мотивами" (напр. въ Вологодскомъ земствѣ).

Проѣдаетъ народъ дорогіе гроши,
За безцѣнокъ спустивши коровушку!
Нѣтъ, родимый, повѣрь, въ эти смутные дни
Не легко выступать одинокому,
Тотъ оплеванъ, увы! тотъ забытъ и въ тѣни,
Кто способенъ служить лишь высокому!

Сатира II.

Душою трепетной внимаю молча я
Безумью жалкому духовнаго разврата,
Къ чему стремишься ты, о родина моя,
Какимъ ты пламенемъ объята?
Куда ни посмотрю, куда ни кину взоръ,
Невиданный разгулъ воскресшихъ сатурналій
И какъ „Мани, Факелъ“ блестятъ слова: „позоръ“!
„Измѣна родинѣ“ въ дни скорби и печалей!
„О нѣтъ! такъ жить нельзя“, зловѣщій слышенъ крикъ,
„Гдѣ право—звукъ пустой, гдѣ попрана свобода,
„Гдѣ вѣчно связанъ духъ, гдѣ угнетенъ языкъ,
„Тамъ сонмъ рабовъ, тамъ нѣтъ народа!“
„О нѣтъ, такъ жить нельзя!“ Зачѣмъ-же яркій свѣтъ
Широкихъ, чистыхъ правъ дарованныхъ глаголу
Принесъ собой странѣ не истины завѣтъ,
А только дружный гимнъ борьбѣ и произволу?
Гляди, подъ маскою тревоги и заботъ,
Подъ громкимъ лозунгомъ—„страданье объ отчизнѣ“
Что „Сынъ Отечества“ съ Порошинымъ поетъ,
Что воспѣвается Терситомъ „Нашей Жизни“?
Народныхъ помысловъ безстыдный опекунъ
Вчерашній лжецъ. вчерашній провокаторъ
Гражданскихъ подвиговъ здѣсь признанный вѣщунъ,
И благодѣтельный новаторъ!

. . . . . .

Въ дни полной дряхлости общественныхъ жрецовъ,
Въ года тяжелые путей исканья новыхъ,
И похотливыхъ думъ о пользѣ образцовъ
Формъ жизни западной, намъ чуждыхъ, но готовыхъ,

Кто массу властную встревоженныхъ сердецъ,
Во имя истинной любви къ родному краю
Обязанъ захватить и двинуть подъ конецъ
Къ новозавѣтному Синаю?
Не ты-ли, доблестный, высокій публицистъ,
Народныхъ помысловъ и нуждъ истолкователь,
Не за тобою-ли, пойдетъ онъ, твой читатель,
Подонковъ общества презрѣвъ постыдный свистъ?
Но вы поклонники ничтожнаго гроша,
Вы, съ краснымъ знаменемъ подъ обликомъ газеты,
О чемъ радѣете? Что рушите спѣша,
Толпы разнузданной безстыдные клевреты?
Я понимаю васъ, я вижу этотъ флагъ
Продажныхъ принциповъ, убожества, крамолы.
Исканья въ омутѣ, исканья личныхъ благъ
Съ мечемъ въ рукахъ Савонаролы!
Я понимаю васъ— „гражданскіе борцы“,
Я понимаю васъ—„не ищущихъ награды“,
И вашихъ помысловъ мнѣ чудятся концы
Въ огняхъ кровавой баррикады!
Къ отвѣту грозному, правдиваго суда
Къ отвѣту васъ, смущеннаго народа
Тамъ, у источника терпѣнья и труда
Поймутъ, что принесетъ хваленная „свобода“,
Тамъ разберутъ ее; забвенье старины,
Ярмо тяжелое иноплеменныхъ гнета,
Да ростъ губительной по родинѣ волны
Потомковъ Іуды Искаріота!
Тамъ разберутъ ее, тамъ чувствуютъ, тамъ знаютъ,
Что яркій свѣтъ ея—Данаевы дары,
И камня цѣннаго въ чаду не промѣняютъ
На блескъ заманчивой, но жалкой мишуры!
Къ отвѣту грозному носителей разврата,
Въ глушь деревенскую, къ молчавшимъ до сихъ поръ,
Тамъ ждетъ васъ—правнуковъ Дантона и Марата
Суда народнаго достойный приговоръ!

Никудышники.

(Эпиграммы на героевъ дня современной „интеллигенціи“).

I.

Я любитель К. т. н.
Мужъ отмѣнно либеральный,
Жажду разныхъ перемѣнъ,
Но... во мнѣ сидитъ квартальный.
Въ дни былые прогорѣвъ,
Я изъ пепла возродился
И теперь я снова левъ:
Оперился, оперился!
Я на съѣздахъ анархистъ,
Съ гордо поднятою рожей;
Но... сановнику въ прихожей
Расчеркнусь въ пріемный листъ.
И когда сболтну въ пылу
Тамъ я вздора на крупинку,
Здѣсь—я каюсь подъ сурдинку,
Разстилаясь на полу.

II.

ДОНЪ ТРИКО.

Закинувъ ноги выше носа,
Куражу захвативъ въ клико,
Судьбу NN-скаго вопроса
Рѣшаетъ хитрый донъ-Трико.
Блюдя завѣты Марка Тула—[1])
„При спорѣ сильныхъ—зоркій глазъ“,
Мой донъ-Трико связалъ два стула
И... посрединѣ сѣлъ какъ разъ.
Болитъ изнѣженная .. шея,
Но, дѣлать нечего, увы!

---

[1]) Цицеронъ.

Кому чужды дары Бишопа, [1])
Она помощникъ головы!
И вотъ, задравши выше носа
Свои худые циркуля,
Судьбу NN—скаго вопроса
Куетъ онъ нюхомъ, безъ руля.

III.

Бѣдный Коля, ему
Скучно жить одному,
Тихо,
Пьетъ онъ цѣлые дни
И проходятъ они
Лихо!
По ночамъ онъ не спитъ
Все винтитъ, да винтитъ
Съ жаромъ
И *везетъ* ему такъ
Что живетъ онъ, *простакъ*,
Даромъ.

IV.

По виду онъ Гефестъ,
По болтовнѣ—сорока.
Любитель теплыхъ мѣстъ
И цѣлитъ онъ высоко.
Въ башкѣ не важный „царь“,
Но все-жъ блеснетъ онъ „взглядомъ“,
Когда съ нимъ секретарь
Сидитъ не глупый рядомъ.

V.

Быть можетъ ты и радикалъ
(Пусть въ этомъ даже нѣтъ обмана),
А все-жъ, сойдясь, я-бъ отъ кармана
Руки отнюдь не отнималъ.

[1]) Извѣстный въ 90-хъ годахъ угадыватель мыслей.

VI.

Павлуша „кое-гдѣ“ таперствовалъ когда-то,
Теперь—другія времена:
Мой ех-таперъ живетъ богато
И сѣетъ „правды сѣмена“.
Унять нѣтъ силъ сего витію,
Но этотъ грязный водопадъ
Увы! лишь на еврейскій ладъ
Способенъ обновить „Россію“.

VII.

Онъ въ понедѣльникъ—консерваторъ,
Во вторникъ ярый либералъ,
Бездарный въ среду онъ ораторъ,
Въ четвергъ—ходячій мадригалъ.
Онъ въ пятницу—народникъ бурный,
Въ субботу страстный монархистъ,
А въ сущности—онъ карьеристъ,
Не развитой и не культурный.

VIII.

Въ былыя времена
Крутился у навоза,
Явилася „она“—
И... въ мигъ метаморфоза!
Двѣ книжки одолѣвъ,
Онъ чтецъ „Освобожденья“
И либеральный „левъ“
Привѣтствуетъ движенье.
Но если, вдругъ, порой
У Струве поросята
Исчезнутъ. Боже мой,
Дотянетъ до Сената!

IX.

Ты игрекомъ останешься во вѣкъ.
Иначе говоря: съ болгариномъ болгаринъ,

Съ евреемъ—жидъ, съ грекосомъ—шустрый грекъ.
Ты, въ сущности, конечно, „человѣкъ“,
Но только „человѣкъ“, не „баринъ“.

X.

Съ Петромъ ругаетъ онъ Ивана,
Съ Иваномъ - онъ бранитъ Петра.
Глупъ, похотливъ, какъ обезьяна,
По ресторанамъ до утра.
Вчера—Мещерскаго любитель,
Сегодня—ярый либералъ,
Россійской грамоты гонитель,
Онъ Струве съ Ходскимъ зачиталъ.
Но, подхалимъ въ своей основѣ.
Заносчивъ онъ лишь съ бѣднякомъ,
А предъ вельможей-дуракомъ
Всегда съ бумажкой наготовѣ;
Тонъ безконечно деревенскій;
Его случайно изобрѣлъ
Такой же, какъ и онъ, оселъ,
Блудоязычный игрекъ N—скій.
Въ былые дни, въ былые годы
Его бы не увидѣлъ свѣтъ.
Увы! теперь иныя моды:
И молодцовъ такой породы
Сегодня прочатъ въ нашъ „совѣтъ“.

XI.

Въ наши дни жестокой смуты
Берегись друзей на службѣ:
Въ часъ, какое! въ полминуты,
Продадутъ подъ видомъ дружбы!
Пообчистятъ въ мигъ карманы,
Съ чувствомъ, съ разстановкой, съ толкомъ,
Станешь всѣмъ таскать каштаны,
А попросишь—встрѣтятъ волкомъ.
О свободѣ—крики стадомъ,
Но рискни замолвить „мнѣнье“—
Встрѣтятъ брани жесткой градомъ,
Заклюютъ безъ сожалѣнья!

Нѣтъ, теперь оставь заботы
Отрезвлять ихъ громомъ рѣчи:
Нынче время „сѣрой роты“,
Сахалинцевъ нынче вѣче.

XII.

Здорово, новый генералъ,
Обѣдовъ тощихъ устроитель,
За подхалимство ль ты попалъ
Въ превосходительныхъ обитель,
За то ли что лизнуть умѣлъ
Начальство вовремя съ любовью,
За кипу ль нерѣшенныхъ дѣлъ,
За дань ли вѣчно пустословью.
Здорово, братъ, теперь пора,
Когда кричать всему „ура“!
Когда мозги совсѣмъ не въ модѣ,
Ты генералъ—тебѣ привѣтъ,
Итакъ, ура! и много лѣтъ,
Превосходительной колодѣ!

XIII.

Какъ превратна жизнь на свѣтѣ,
Испытавъ пору тревогъ,
Сталъ причастнымъ я газетѣ,
Изъ... чистильщиковъ сапогъ!
Но, сгибать привыкнувъ спинку,
Нынче, гласности слуга,
Я (покаюсь подъ сурдинку),
Все тянусь до сапога.
Трудъ мой сталъ, конечно, чище,
Отесаться я успѣлъ,
Но, ей Богу, голенище,
И донынѣ мой предѣлъ!

XIV.

Въ конюшнѣ онъ вкусилъ впервые плодъ наукъ,
Внимая прелестямъ холопской перебранки.
Лицеемъ для него былъ только гладкій „кругъ“,
На жизнь глядитъ... съ американки!

Чѣмъ кончитъ? Не прочтешь на благородномъ лбу.
О лаврахъ „Дерби“ онъ, не уставая, бредитъ,
Клянетъ наѣздниковъ капризную судьбу,
Безспорно пуститъ все въ трубу,
Но... дальше круга не уѣдетъ!

XV.

Играю въ карты я — отмѣнно,
По днесь — гроша не проигралъ,
Да захотѣлъ, и „непремѣнно“,
Со мной сразиться генералъ!
Я — отъ рожденья деликатенъ,
Засимъ, къ тому же, дипломатъ,
Мнѣ съ нимъ и *минусъ* непріятенъ,
Но *плюсу* также я не радъ!
Охъ! не легко съ начальствомъ строгимъ!
Ожесточенными былъ нашъ бой!
Какъ я сыгралъ — понять не многимъ,
Но всталъ довольнымъ я собой!
Закончилъ... двинулись къ „Медвѣдю“
Мой шефъ тамъ руку жалъ мою!
. . . . . .
Я тайнъ игры не выдаю.
Кто хочетъ знать, пусть спроситъ... Ѳедю!

XVI.

Земскій прогрессистъ.

Я въ собраньяхъ — Мирабо,
Если... нѣтъ начальства,
А войдетъ — сижу tout beau
И... въ карманъ нахальство,
Провожу всегда принципъ —
„Все во имя чести“ —
Но покажутъ мнѣ „цыпъ, цыпъ“
Я... на новомъ мѣстѣ!
Въ думѣ, въ земствѣ низшихъ школъ
Я большой ревнитель.
(Пусть запишутъ въ протоколъ,
Пусть прочтетъ учитель!)

Но, признаться на духу,
Въ уваженье къ предкамъ,
Сѣять въ селахъ чепуху,
Предоставлю... дѣткамъ!
Земской смѣты буйный ростъ
Не страшитъ героя:
Дуйте въ гриву, дуйте въ хвостъ,
„Повышайте вдвое"!
Такъ твержу я—прогрессистъ,
Въ бой вступивъ съ рутиной.
(Окладной мнѣ присланъ листъ,
Пахнетъ онъ—полтиной!)
Я даю—пусть видитъ свѣтъ,
Сироту пригрѣю,
Но, гдѣ можно—„денегъ нѣтъ"!
(Прачкѣ и лакею).
Чуждой горя и тревогъ
Жизнь моя струится.
Выступалъ я безъ сапогъ,
Но... сумѣлъ жениться.
И теперь („идеалистъ
Гордый и свободный").
При вельможахъ—банный листъ
Я трибунъ народный!

XVII.

Дядя Янусъ.

Я прожилъ вѣкъ мой не безпечно,
Десятокъ стульевъ просверлилъ
И службѣ посвящу, конечно,
Остатокъ силъ, остатокъ силъ!
Удѣлъ мой многимъ сталъ завиднымъ,
Да и понять не мудрено:
Я власти громовержцемъ виднымъ
Уже давно, уже давно!
И поученье дѣтямъ въ жизни
Оставивъ—новый Мономахъ—
Даю совѣтъ служить отчизнѣ,
Какъ я, за страхъ, какъ я, за страхъ!

Я не талантъ, не даръ, не геній,
Но, кончивъ плохо курсъ наукъ,
Добился твердыхъ положеній
Путемъ услугъ, путемъ услугъ!
Былъ комитетъ Гіерофалла,
Блеснула тамъ моя заря
Графиня N мнѣ предлагала
Секретаря, секретаря!
Я молодъ былъ, красивъ и статенъ!..
Мой трудъ мнѣ ходъ дальнѣйшій далъ,
Друзья, и солнце не безъ пятенъ.
Я... не Танталъ, я не Танталъ!
Здѣсь, заручившись званьемъ лестнымъ
Неутомимаго слуги,
Направилъ я путемъ извѣстнымъ
Мои шаги, мои шаги!
Пусть восхваляютъ „убѣжденья“—
Ихъ спутникъ горестный—сума,
Они лишь признакъ ослѣпленья,
А не ума, а не ума!
Отъ засѣданья къ засѣданью
Переходя, какъ сильныхъ тѣнь,
Учился мудрому *молчанью*
Я каждый день, я каждый день!
Писалъ записки по заказу,
Порой враждебнымъ сторонамъ,
Рѣшалъ вопросъ двояко сразу.
Конечно clam, конечно clam! [1])
И сердца всуе не тревожа,
Дѣла къ докладу волоча,
Гадалъ—на чемъ стоитъ вельможа,
И маршъ съ плеча, и маршъ съ плеча!
Отказомъ *взять*—лишь разъ обидѣлъ,
Прогнавъ бѣднягу со двора.
И не людей въ бумагахъ видѣлъ,
А нумера, а нумера!..
Плоды трудовъ ношу открыто,
Ихъ рядъ на доблестной груди,

[1]) По латыни—„тайно“.

Карманъ мой не пустое сито,
Я впереди, я впереди!
Я былъ ничѣмъ—умру въ почетѣ.
Моя судьба не глупый миѳъ,
Я трудный путь провелъ въ работѣ
Не какъ Сизифъ, не какъ Сизифъ!

XVIII.

Радикалъ.

Я сторонникъ—конституціи
Я не прочь отъ—революціи,
Но лишь съ тѣмъ, чтобы правительство
Приложило всѣ усилія
Сохранить мнѣ мѣстожительство
Отъ насилія.
Я большой любитель гласности,
Я не вижу въ ней опасности,
Сѣйте правду въ изобиліи:
Ex oriente dies crimini.
Но меня—ни по фамиліи
Ни—по имени!

XIX.

Либералу № 1-й.

Ты либералъ лишь потому,
Что твой карманъ и тощъ и жалокъ.
Но, разукрась твою суму,
И ты герой кнута и палокъ!

XX.

Либералу № 2.

Ты „просвѣщенный демагогъ",
Кумиръ безумцевъ волосатыхъ,
Твоихъ рѣчей высокій слогъ
Разитъ бездушье массъ богатыхъ,
Но, почему-жъ, разбогатѣвъ,
Ты, прогрессивный столпъ и левъ,

Со мной нужду знававшій вмѣстѣ,
Академической казнѣ
Ничтожныхъ суммъ, *по долгу чести*,
Не возвратишь?—повѣдай мнѣ!

XXI.

Здорово Жорженька, здорово милый другъ,
Отсюда, издали, хочу тебя поздравить,
На службу, къ старости, попалъ ты, бѣдный, вдругъ
И будешь володѣть и править.
Смотри же, не зѣвай, такихъ не много мѣстъ,
Возьми секретаремъ ты пошустрѣе птицу,
И, грамотѣй плохой, прійми за подпись—крестъ,
Но не смѣшай съ овсомъ пшеницу!

XXII.

„Интеллигенту".

Я врагъ химеры устарѣлой:
Сословья выдохлись давно,
И мужика намъ съ „костью бѣлой"
Теперь смѣшать немудрено:
И тотъ и эта на дорогѣ
Стоятъ съ протянутой рукой,
Ждутъ манны съ неба, спятъ въ берлогѣ
И цѣнятъ нѣгу и покой!
И тамъ и здѣсь нытье о долѣ,
Презрѣнье къ своему кресту,
Безумный крикъ о пошлой волѣ,
Прикрывшій сердца наготу.

XXIII.

Отзвуки.

Либералъ. Я говорилъ—дрожали своды.
Отзвукъ. Но звукъ терялся въ бородѣ.
Либ. Я воспѣвалъ дары свободы.
Отз. Была-то кашка на водѣ!
Либ. Я кончилъ съ бурей одобренья.
Отз. Плодъ фантастическаго сна!
Либ. За мною масса, внѣ сомнѣнья.
Отз. Но гдѣ она? но гдѣ она?

XXIV.

Неудачникъ

1.

Мнѣ не везетъ: попасть въ герои
Давно хочу,
И о себѣ красоткѣ Хлоѣ
Теперь кричу.
Но, какъ не бьюсь, найти успѣха
Не въ силахъ я,
Рождаетъ въ ней лишь приступъ смѣха
Любовь моя!

2.

Я росъ въ тиши; попасть въ трибуны
Ласкалъ мечту,
Ропталъ на прихоти фортуны
И пѣлъ въ кусту.
Наскучивъ тщетнымъ ожиданьемъ,
Вспорхнулъ я вдругъ
И огласилъ своимъ стенаньемъ
Обширный кругъ.
Я призывалъ низвергнуть власти
Суровый гнетъ
И съ пыломъ вѣры, съ пыломъ страсти
Твердилъ – „впередъ“!
Но голосъ мой остался втунѣ
И я замолкъ,
Изъ свѣтлой грезы о фортунѣ
Не вышелъ толкъ!

3.

Теперь кляну и проклинаю
Коварный свѣтъ,
Но раскусилъ и понимаю
Причину бѣдъ:
Мнѣ солнце жизни не блистало,
Судьбѣ не милъ
Я потому, что *дѣлалъ* мало
Но... *говорилъ*!

XXV.

Радикалу.

Рѣчамъ внимая Д—ла
Твержу на глупыя слова:
Мой другъ, вы не имѣли стула,
У васъ страдаетъ голова.
Вамъ не понять пустыхъ вопросовъ,
И вотъ, хотя вы и философъ,
Но Bitter Wasser'a стаканъ
(Цѣлитель крѣпкаго желудка)
Полезенъ вамъ и для... разсудка,
Гдѣ мыслей путанныхъ канканъ!

XXVI.

Терситу.

Ты дворянинъ высокой марки
— Ослиный хвостъ въ твоемъ гербѣ —
И родъ достойный музъ Петрарки
Дерзну-ль прославить на трубѣ?
Но, все старо́ въ подлунномъ мірѣ,
„Кровь гуще, другъ мой, чѣмъ вода“
Кто homo novus [1]) въ нашемъ клирѣ
Узнать не вижу я труда:
Далекимъ предкамъ расточаетъ
Лишь тотъ хвалу и ѳиміамъ,
Кто предковъ *современныхъ* намъ
Всегда забыть предпочитаетъ.

XXVII.

Поэту-потогону.

Пахнетъ масломъ отъ лиры твоей,
(Повторю я слова Цицерона [1])
И рожаетъ, бѣдняжка, ей ей
Не безъ пота и тяжкаго стона.
Я совѣтовъ отнюдь не даю,
Но, жалѣя тебя, какъ поэта,

[1]) Выскочка.

[1]) Мнѣніе Цицерона о бездарныхъ поэтахъ, корпѣвшихъ надъ сочиненіемъ стяховъ.

Бѣдный труженикъ, музу твою
Отогналъ бы подальше за это!
Для *Эвтерпы* минула пора,
Мельпомена - тебѣ не знакома;
Надъ *Эрато* сидятъ юнкера
И Р - овъ (питомецъ Содома),
Терпсихорой заняться, увы!
Ты не можешь, бѣдняга, по вѣсу,
А *Талія*, живя у травы,
Пастуха поджидая повѣсу,
Убѣжитъ, непокорная прочь...
Не терзай же. мой другъ, *Калліопу* [2]).
Мнемозины прелестная дочь
Вдохновлять не отважится...

XXVIII.

* * *

У Темзы онъ лакей, у Шпре дастъ „форъ“ холопу,
Заносчивый дуракъ въ полуденныхъ онъ странахъ,
Роль дядьки стараго играетъ на Балканахъ,
Пьетъ „Францъ-Іосифа“ и слушаетъ „Европу“.

XXIX.

Подагрикъ въ тридцать лѣтъ, съ моноклемъ блѣднолицый,
Гастрономъ, дегустаторъ винъ,
Знакомъ со Спа, съ Трувиллемъ, съ Ниццей,
Гдѣ разгоняетъ модный „сплинъ».
Поклонникъ ревностный ужимокъ этикета,
Къ распятью родину допуститъ, какъ Пилатъ,
Мнѣ стыдно говорить, но это
Конечно... „русскій“ дипломатъ.

В. М. Пуришкевичъ.

---

[2]) Музы: Эвтерпа—лирики; Мельпомена—трагедіи; Эрато—любовн. поэзіи; Терпсихора—танцевъ, пляски; Талія—пасторали и комедіи; Калліопа—эпическ поэзіи.

Городское самоуправленіе вообще и харьковское въ особенности[1].

II.

Въ чемъ заключаются задачи городского общественнаго управленія? Разрѣшить этотъ вопросъ надлежитъ уже потому, что врядъ ли всѣ городскіе обыватели это знаютъ, да и освѣдомленные должны имѣть въ виду, что прогрессивное развитіе городской жизни, усиленіе потребностей, возрастающихъ съ интенсивнымъ увеличеніемъ числа жителей, вызываетъ все новые и новые вопросы, разрѣшеніе которыхъ не терпитъ отлагательствъ, а самое хозяйство городовъ расширяется, требуя значительныхъ общественныхъ силъ и средствъ. Задача городскихъ общественныхъ управленій можетъ быть опредѣлена въ краткихъ выраженіяхъ такъ: создать здоровыя условія жизни для обитателей городовъ, организовать и облегчить совершающіеся въ нихъ процессы производства и распредѣленія продуктовъ. Какъ ни кажется простымъ успѣшное ее разрѣшеніе, но на дѣлѣ надо много труда, много работы, много заинтересованности, и даже больше, любви къ дѣлу, чтобы подойти безъ затрудненія къ благополучному результату.—Войдемъ напр. въ необъятную область городской гигіены; начиная отъ жилищъ населенія и до погребенія умершихъ, отъ снабженія водой до проведенія сточныхъ каналовъ, отъ устройства базаровъ до надзора за хлѣбопекарнями,—все это относится къ кругу прямыхъ обязанностей городского управленія. Но этого мало. Къ заботамъ о матеріальномъ благополучіи присоединяются заботы объ умственномъ образованіи: необходимо устраивать и содержать техническія и всякія другія школы, народныя библіотеки, музеи и т. д. Также настоятельно нужны быстрота и безопасность сообщеній, для чего требуются хорошо устроенныя широкія улицы и проведеніе удобныхъ путей. Нужно

[1] См. Мирный Трудъ № 4. 1905 г.

хорошее и доступное по цѣнѣ всѣмъ обывателямъ освѣщеніе. Быстрота сообщеній вызывается необходимостью въ соединеніи между собою всѣхъ частей города, которыя, при безпрерывномъ ростѣ городовъ, захватываютъ все большую и большую площадь. Этимъ достигается выгода тѣсной, совмѣстной жизни, стоящая въ зависимости отъ болѣе легкаго и быстраго сообщенія, короче говоря отъ болѣе сплоченной дѣятельности, часто парализуемой чрезмѣрнымъ разростаніемъ городовъ, а потому при отсутствіи указаннаго условія, подвергаемой риску быть утраченной. Для упорядоченія сообщеній, которыя должны соединять всѣ части города съ центромъ его коммерческой дѣятельности, является потребность въ хорошо организованной охранѣ, которая въ качествѣ уличной полиціи надзираетъ за движеніемъ по улицамъ и въ качествѣ судебно-полицейскаго органа предупреждаетъ преступленія. Большіе города по мѣрѣ развитія становятся въ то же время центрами отечественныхъ и международныхъ мошенническихъ продѣлокъ; незаконное въ нихъ развивается рядомъ съ законнымъ.—Укромные, тайные притоны, которые преступникъ раньше находилъ въ лѣсахъ и горахъ, исчезли благодаря распространившейся культурѣ, создавшей безопасныя убѣжища въ городахъ. Такимъ образомъ изъ этаго краткаго перечня читатель видитъ, какая масса задачъ лежитъ на обязанности городскаго самоуправленія, успѣшное разрѣшеніе которыхъ требуетъ сложнаго механизма, неутомимо работающаго.—Та же сложность и разнообразіе задачъ городскаго благоустройства, какъ бы указываетъ, что дѣятельность самоуправленія должна быть ограничена областью хозяйственныхъ интересовъ, или, что тоже, задачъ благоустройства городскихъ поселеній, т. е. городскія самоуправленія должны имѣть характеръ мѣстныхъ для общей пользы всѣхъ жителей существующихъ учрежденій. Изъ ихъ правъ и обязанностей должно быть исключено все то, что могло бы преобразить ихъ въ политическія машины. Другое направленіе повлекло бы за собою служеніе интересамъ политическихъ партій, вѣчно враждующихъ за политическое господство или вліяніе въ ущербъ прямому своему назначенію. Избирательный цензъ и избирательныя права для избранія представителей, довѣріемъ городовъ облеченныхъ, въ высшее государственное учрежденіе, должно имѣть самостоятельную отдѣльную организацію.—Этимъ способомъ городскія общественныя самоуправленія, оставаясь учрежденіями строго-хозяйственными, если и будутъ политиканствовать, то не съ тою силою, какъ при условіи избранія представителей изъ

состава городскихъ думъ и кромѣ того рекомендуемая организація не станетъ заслономъ выполненія хозяйственныхъ потребностей сообразно съ видами и цѣлями наилучшаго благоустройства городскихъ поселеній. Мы полагаемъ, что избраніе представителей отъ городовъ въ государственную думу должно быть основано на принципѣ участія въ образованіи государственнаго бюджета. Всѣ плательщики государственнаго налога, до извѣстнаго предѣла, съ недвижимыхъ имуществъ должны быть выборщиками представителей въ эту думу. Только при такихъ условіяхъ составъ ея не только будетъ выраженіемъ народной воли, но и создастъ контингентъ представителей, тѣсно связанныхъ съ интересами всего государства, дѣеспособныхъ къ устроенію жизни государства на положительныхъ началахъ. Вопросъ этотъ слишкомъ серьезенъ, чтобы вводить въ настоящее изложеніе всѣ мотивы, склоняющіе насъ къ сдѣланному выводу. И говоря о немъ попутно мы намѣрились подчеркнуть только сложность городскаго хозяйства, правильное веденіе котораго исключаетъ всякую хотя бы косвенную возможность вмѣшательства въ общегосударственныя нужды. Намъ извѣстна исторія городскаго самоуправленія Англіи, между прочимъ указывающая на тотъ періодъ ея развитія, когда парламентарныя тенденціи захватили все вниманіе городскихъ управленій. Стремленіе къ полновластью и соединенному съ нимъ расширенію правъ и обязанностей породило такую сумятицу въ городскихъ хозяйствахъ, что изъ за борьбы партій, самые насущные интересы благоустройства стали второстепенными, часто игнорировались изъ за того, чтобы угодить партійности и этимъ путемъ провести въ парламентъ представителей извѣстной окраски. Улучшеніе городскаго хозяйства пріостанавливалось. Бушевали только опозиціонные лагери и не во имя общественныхъ пользъ, а личныхъ вожделѣній, всегда составляющихъ неотъемлемую принадлежность всякаго парламентаризма.

Переходя затѣмъ къ практической сторонѣ примѣненія городоваго положенія 1892 г., мы остановимся только на нѣкоторыхъ фактахъ, изъ жизни, наиболѣе намъ знакомой, а именно на Харьковскомъ городскомъ общественномъ управленіи. Въ послѣднее время у насъ только какія-либо выдающіяся явленія вызываютъ оживленіе общественной дѣятельности. Энергія и работа съ общественными цѣлями въ такихъ случаяхъ интенсивнѣе проявляются. Объясняется ли это оживленіе порывами какъ особенностью нашего характера или просто воспріимчивостью ко всякимъ инфекціямъ, сказать

трудно. Но къ систематическя неуклонному труду мы какъ-то неспособны. Вотъ почему можетъ быть мы никогда и ни къ чему неготовы и подготовляться должны тогда, когда у насъ прямо на то не хватаетъ времени. Вспомнимъ недалекое отъ насъ прошлое. Городское хозяйство въ періодъ 1898—1902 г. находилось въ рукахъ тѣсно сплотившейся партіи обывателей, во главѣ съ умнымъ и твердымъ руководителемъ. Это не значитъ, что составъ городскихъ общественныхъ дѣятелей съ указанными благопріятными для веденія дѣла свойствами, направлялъ городское хозяйство въ желательномъ порядкѣ. Нѣтъ, недочетовъ было много. Но разумѣется не это послѣднее обстоятельство вызвало довольно энергичные протесты и противъ думы того состава и городского головы. Обширность и сложность городскихъ потребностей, ограниченность средствъ къ ихъ удовлетворенію, разнообразіе во взглядахъ, весьма трудно приводимое къ соглашенію въ исполненіи обязанностей по городскому благоустройству, отсутствіе системы въ самомъ его осуществленіи и, наконецъ, всегдашнее недовольство со стороны избирателей своими избранниками, открываетъ обильный источникъ къ отысканію такихъ указаній, которыя при томъ или иномъ освѣщеніи могутъ быть поставлены въ вину, могутъ служить средствомъ къ возбужденію недовольства, а за нимъ и цѣлой серіи различныхъ конфликтовъ между городской думой и избирателями и той же думой и городскимъ головою. Иногда такія столкновенія оканчиваются благополучно, въ большинствѣ же случаевъ нѣтъ. Появляется активная опозиція и общество оживляется, начинаетъ организовать партіи, призываетъ къ борьбѣ, сплачивается и начинаетъ дѣйствовать. Такой именно подъемъ духа среди обывателей г. Харькова выразился съ значительной силой въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Не буду вспоминать нашихъ сходокъ въ частной квартирѣ. Тогда такой образъ дѣйствій считался противузаконнымъ. При другихъ условіяхъ насъ могли разогнать, зачинщиковъ охладить по крайней мѣрѣ негласнымъ наблюденіемъ и навѣрное силою власти прекратить *нелегальныя* скопища. Но всего этого не случилось и только потому что въ опозиціонной партіи участвовали губернаторскіе чиновники и свобода союзовъ и собраній была такъ сказать за ихъ внушительной защитой прочно обезпечена, такъ что даже по панели у дома, гдѣ мы собирались ходилъ городовой не для того чтобы „тащить и не пущать“, а охранять спокойное обсужденіе вопросовъ избирательной агитаціи. Словоизверженій,

хоть отбавляй! Рѣчи на тему освобожденія отъ засилья городской купеческой партіи, украшались самыми яркими цвѣтами адвокатскаго, профессорскаго и обывательскаго краснорѣчія. Всѣ ораторы старались внушить, что ими руководитъ стремленіе къ общественному благу, что личныя ихъ цѣли отсутствуютъ, что наконецъ нужно проснуться, нужно дѣйствовать, нужно сломить „иго самоуправства", въ которое превратилось самоуправленіе. Этотъ кличъ съ каждымъ днемъ увеличивалъ численность партіи. Новые члены прибывали и прибывали. Разбивались на отдѣльные кружки и кто въ трактирахъ, а кто въ лучшихъ ресторанахъ обсуждалъ и вырабатывалъ части общаго плана для пораженія противника. Но и противникъ не дремалъ, и онъ соединялся въ внушительную силу, и онъ имѣлъ энергичныхъ агитаторовъ, и онъ готовился къ войнѣ за избраніе излюбленныхъ. Однимъ словомъ необыкновенная энергія обуяла всѣми имѣющими право участія въ избирательномъ собраніи для выбора городскихъ гласныхъ. Городъ оживился. Даже въ гостинныхъ мѣстныхъ львицъ говорили только о выборахъ. И вотъ при наличности такихъ казалось бы благопріятныхъ явленій избирательное собраніе 5 марта, по счету первое, состоялось при 817 голосахъ изъ 3120 избирателей занесенныхъ въ списки, т. е. нѣсколько болѣе 26%.

Вотъ какое относительно незначительное число, несмотря на усиленную работу двухъ боровшихся партій, откликнулось на горячіе призывы той и другой стороны. Но это указаніе еще недостаточно опредѣленно дастъ понять степень общественнаго интереса къ дѣлу, даже во дни выборнаго ажіотажа. У меня сохранились записи числа голосовъ, участвовавшихъ въ 10 собраніяхъ, въ выборѣ городскихъ гласныхъ. Эти собранія происходили 5, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 17, 18 и 19 марта. Для наглядности представленія, какъ уменьшался составъ избирательныхъ собраній, я помѣщаю нижеслѣдующую табличку. Въ первомъ столбцѣ идутъ числа, въ которыя были собранія, а второй столбецъ обозначаетъ число участвовавшихъ голосовъ въ каждомъ изъ нихъ:

5	марта	817	голосовъ.
6	»	782	»
7	»	747	»
10	»	721	»
11	»	709	»
13	»	680	»
14	»	660	»

17	марта	630 голосовъ.
18	„	608 „
19	„	604 „

Затѣмъ изъ дальнѣйшихъ моихъ записей оказывается, что наиболѣе уменьшалась въ числѣ партія такъ называемая интеллигентная; партія купеческая была настойчива, крѣпка и терпѣлива. Результатъ выборовъ: вмѣсто 80 гласныхъ было избрано гласныхъ 61. изъ нихъ купцовъ 34, профессоровъ 9, чиновниковъ 7, дворянъ 4, мѣщанъ 2, адвокатовъ 1, нотаріусъ 1, кандидатъ естественныхъ наукъ 1, архитекторъ 1. врачъ 1. Такимъ образомъ „интеллигентная партія" получила 27 мѣстъ, что все же слѣдуетъ признать для нея успѣхомъ, если принять во вниманіе предшествующій составъ думы и постепенное охлажденіе къ выборамъ въ послѣднія 4 собранія.

Слѣдующій избирательный періодъ въ отношеніи характеристики интереса къ городскимъ общественнымъ дѣламъ, обстоялъ гораздо хуже. Въ избирательныхъ спискахъ лицъ, имѣющихъ право участвовать въ выборѣ городскихъ гласныхъ на четырехлѣтіе 1901—1905 годъ, значилось 2808 владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ торговли и промысловъ 607 избирателей, а всего 3415.

На избирательныхъ собраніяхъ бывшихъ въ ноябрѣ 1900 г. участвовало 615 лицъ, а на дополнительныхъ выборахъ въ декабрѣ 511 лицъ, т. е. въ среднемъ 561 (взяты первыя собранія). Слѣдовательно изъ указаннаго общаго числа избирателей проявили интересъ къ городскому общественному самоуправленію 16,4%. Общее число избирателей повысилось сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ на 295, что, какъ мы видимъ не только не оказало вліянія на увеличеніе состава дѣйствительно участвовавшихъ въ выборахъ, напротивъ процентное отношеніе при сравненіи съ числомъ принимавшихъ участіе въ избирательныхъ собраніяхъ и абсолютно и относительно понизилось.

Приведенныя статистическія данныя какъ бы указываютъ, что при цензѣ нынѣ установленномъ и ограничивающемъ права участія въ городскихъ дѣлахъ двумя группами городскихъ обывателей: домовладѣльцевъ, имущества которыхъ оцѣнены относительно высоко, и представителей торговли и промысловъ, обязанныхъ выборкой свидѣтельствъ 1 и 2 гильдіи, число проявляющихъ интересъ къ городскимъ дѣламъ настолько незначительно, что не даетъ основанія требовать расширенія избирательныхъ правъ. Но такой выводъ былъ бы несправедливъ. Расширеніе избирательныхъ правъ необходимо. Какое вліяніе

на самоуправляющееся городское хозяйство окажетъ такая новелла это предрѣшить трудно. Тѣмъ не менѣе нельзя лишать владѣльца недвижимаго имущества права избирать и быть избраннымъ въ гласные думы только потому, что его имущество оцѣнено въ 1499 р. и ниже. (Здѣсь взятъ примѣръ для ценза въ г. Харьковѣ). Онъ, этотъ владѣлецъ, также дѣеспособенъ и правоспособенъ, какъ и тѣ, кто обладаетъ крупной недвижимой собственностью, т. е. оцѣненной для взысканія городскихъ сборовъ въ 1500 р. и выше. Онъ, можетъ быть, даже дѣйствительнѣе заинтересованъ въ правильной постановкѣ городскаго хозяйства, чѣмъ тотъ, кто, по внѣшнимъ признакамъ, его состоятельнѣе. Для него всякое отклоненіе отъ нормальнаго удовлетворенія городскихъ потребностей и слѣдующія за нимъ непроизводительныя траты денежныхъ средствъ, вызывающія увеличеніе сборовъ, усложняющія городской бюджетъ, гораздо чувствительнѣе. Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что недвижимыя имущества съ наименьшей оцѣнкой расположены въ громадномъ большинствѣ случаевъ на окраинахъ городовъ, которыя и не имѣютъ представителей въ общественномъ самоуправленіи. Это положеніе домовладѣльцевъ окраинъ, лишаетъ самыхъ необходимыхъ условій городской жизни, обращая ихъ въ вѣчныхъ данниковъ благоустройству центра, нерѣдко выходящему за предѣлы удовлетворенія его потребностей. Въ то время, когда окраины тонутъ въ грязи, лишены средствъ возможно обезопасить себя отъ пожарныхъ бѣдствій, не имѣютъ хотя бы сносныхъ путей сообщенія, центръ украшается узорчатыми тротуарами, обрамляющими городскія зданія; мозаика цвѣтовъ пестритъ въ скверахъ, окруженныхъ вычурными рѣшетками, съ выхоленными, чуть не тропическими растеніями, съ фонтанами прихотливыхъ рисунковъ. Окраинный же обыватель платитъ на все это деньги и въ то-же время часто бываетъ лишенъ возможности переступить порогъ своего двора, чтобы хотя полюбоваться на виртуозность художественнаго вкуса отцовъ города, созданную и за его счетъ. За его дворомъ улица съ непроходимыми и непроѣздными болотами, на которыя равнодушно взираютъ заправляющіе городскими благоустройствами, а часто и взирать не имѣютъ никакого желанія. Напомнить же о своемъ житьѣ въ такой безобразной обстановкѣ, окраинецъ лишенъ возможности, такъ какъ у него нѣтъ голоса въ думѣ. Безполезность письменныхъ заявленій ему доподлинно извѣстна еще со временъ Очакова и покоренія Крыма, а практика водворенія бумагъ

подъ сукно, въ такихъ случаяхъ существуетъ и до днесь, какъ она процвѣтала въ дни незабвеннаго Тяпкина-Ляпкина.

И такъ, съ этой чисто практической стороны контингентъ городскихъ избирателей долженъ быть расширенъ. Принявъ за основаніе къ установленію избирательнаго права имущественный цензъ, а также считаясь съ тѣмъ положеніемъ, что интересъ къ общественному дѣлу не можетъ быть обусловленъ тѣмъ или инымъ размѣромъ взносимыхъ въ городскую кассу сборовъ, какъ принципъ, ничего общаго съ веденіемъ и завѣдываніемъ городскаго хозяйства не имѣющій, первой реформой Городового положенія 1892 года должно быть предоставленіе всѣмъ владѣльцамъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, независимо отъ той или иной оцѣнки ихъ домовладѣній, участія въ избирательныхъ собраніяхъ.

Торгово-промышленныя предпріятія въ отношеніи представительства, закономъ 1892 года обезпечены въ достаточной мѣрѣ.—Нѣтъ никакой надобности возвращаться къ положенію 1870 г. допускавшему въ избирательныя собранія лицъ выбирающихъ приказчичьи свидѣтельства 1 и 2 разрядовъ. Контингентъ, изъ котораго рекрутируется эта группа избирателей, не обладаетъ необходимымъ элементомъ избирательнаго права, осѣдлостью, прочной связью съ интересами города. Между тѣмъ, что бы тамъ не говорили, а это условіе весьма существенно. При его наличности городское хозяйство подвергается меньшему риску быть направленнымъ по пути случайныхъ, а потому неосновательныхъ, мѣропріятій. Если для обывателя недостаточно имѣть недвижимое имущество или торговое препріятіе, но еще нужно ими владѣть не менѣе года (взято изъ англійскаго законодательства),—что, надо замѣтить, совершенно правильно,—то врядъ ли было бы полезнымъ вручать веденіе городского хозяйства людямъ, временно проживающимъ и пріобрѣтающимъ право на представительство путемъ взноса той или иной суммы за приказчичье свидѣтельство. Когда это право существовало, то, повторяемъ, нерѣдко въ избиратели попадали такія лица, которыя уплачивали извѣстную сумму, но никогда приказчиками не были. Въ особенности такія явленія наблюдались при партійной борьбѣ.

Затѣмъ мы знаемъ, какъ усердно хлопочутъ дать городскому самоуправленію такъ называемую интеллигентную окраску. Наполнить думы профессорами, адвокатами, врачами, инженерами и даже третьимъ элементомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить представительство отъ недвижимыхъ имуществъ и особенно противодѣйствовать представительству отъ купече-

скаго элемента, который якобы и необразованъ, склоненъ къ „засилью“ и къ силоченности особаго рода, для которой придумано названіе „черной сотни“,—такіе взгляды весьма распространенны, и въ недавнее время были между прочимъ высказаны газетами: „Русь“, „Наша Жизнь“, „Наши Дни“; въ дѣйствительности же весьма ошибочны.

Законность, а слѣдовательно и право, участія въ городскомъ общественномъ управленіи торгово-промышленнаго класса основана на его роли въ городской жизни. По переписи 1897 г. купцовъ въ Харьковѣ насчитывалось 3800. Громадное большинство изъ нихъ—домовладѣльцы. Въ числѣ избирателей купцы занимаютъ видное мѣсто. Они же являются въ массѣ своей крупнымъ плательщикомъ городскихъ налоговъ. Противъ участія купечества, главнымъ образомъ, возражаютъ „интеллигенты“ (умышленно ставлю опошлѣвшую кличку въ ковычкахъ), говоря, что это сословіе имѣетъ возможность охранять свои интересы въ своихъ сословныхъ учрежденіяхъ. Но очевидность различія между заявленіемъ о своихъ нуждахъ, поданнымъ отъ имени сословныхъ органовъ хотя бы въ думу, и участіемъ въ обсужденіи и рѣшеніи городскихъ дѣлъ, затрагивающихъ интересы всѣхъ горожанъ, ясна. Всякая группа, всякое городское сословіе, а купечество въ особенности, какъ построившее и устроившее города, давшее имъ жизнь и поддерживающее ее не фразистыми разговорами, не двадцатымъ числомъ, этимъ кумиромъ массы изъ интеллигенціи и чиновничества, а дѣломъ, хозяйственнымъ складомъ своего мышленія и даже быта, должно имѣть видное мѣсто черезъ своихъ представителей въ дѣлахъ общественныхъ, можетъ быть интересующихъ это сословіе интенсивнѣе, чѣмъ классъ свободныхъ профессій и другихъ „интеллигентовъ“, уже до безцеремонности ворочающихъ городскими дѣлами. Купечество весьма часто обвиняютъ въ томъ, что характеръ его занятій вызываетъ необходимость кредита, а отсюда вытекаетъ отсутствіе въ немъ самостоятельности; но это обвиненіе по нынѣшнимъ временамъ является негоднымъ. Кредитъ есть право, основанное на кредитоспособности даннаго лица. Кумовство, сватовство и всякія другія матримоніальныя отношенія чаще имѣютъ вліяніе на самостоятельность взглядовъ чиновниковъ, чѣмъ въ купеческой средѣ. А нравственно-воспитательныя послѣдствія отъ банковыхъ краховъ и имъ подобныхъ катастрофъ такъ велики, что пропзшедшая въ этой области реформа воззрѣній уже сдѣлала свое дѣло. Для городского избирателя, а затѣмъ и гласнаго, необходимо знать, что такое хозяйство и

какъ его по хозяйски вести. А эти два условія трудно уживаются въ представителяхъ свободныхъ профессій,—„интеллигенціи“ нынѣшняго красно яркаго цвѣта, парящей въ высь тогда, когда всего-то требуется наблюдать и вести городское хозяйство. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что расширеніе избирательнаго ценза для участія въ городскомъ общественномъ управленіи должно быть направлено къ привлеченію всѣхъ лицъ, владѣющихъ въ предѣлахъ городской черты недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ налогу на городскія потребности, что основаніемъ избирательнаго права долженъ быть оставленъ имущественный цензъ, что для торговли и промышленности не требуется какихъ либо измѣненій въ отношеніи нынѣ существующихъ правъ на представительство.

Затѣмъ укажемъ на одно, рѣзко бросающееся въ глаза, явленіе, какъ результатъ неудовлетворительной организаціи самихъ выборовъ въ городскіе гласные. Въ 60 ст. городового положенія 1892 г. содержится правило, по которому гласные не должны уклоняться отъ присутствованія въ думѣ, безъ уважительныхъ на то причинъ, а ст. 61 опредѣляетъ отвѣтственность за нарушеніе этого закона, подвергая виновныхъ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ 1440[1] уложенія о наказаніяхъ. Появленіе въ городскомъ положеніи 1892 г. приведеннаго закона, само по себѣ характерно,—указывая на особую черту нашихъ общественныхъ дѣятелей. Многіе изъ нихъ добиваются стать поближе къ городскому пирогу, но какъ только этотъ пирогъ раздѣленъ между случайными людьми, по счастью къ нему присосѣдившимися, наступаетъ полнѣйшій индеферентизмъ къ дѣлу. Думскія засѣданія пустуютъ: для законности ихъ состава, усердно работаетъ телефонъ, выбиваются изъ силъ думскіе сторожа въ погонѣ за розысканіемъ какого либо Ивана Ивановича, нѣсколькихъ Петровъ Петровичей, для дополненія того числа гласныхъ безъ котораго засѣданіе состояться не можетъ. Явленіе, при томъ совершенно безобразное, всегда имѣло мѣсто и вездѣ наблюдалось въ періодъ дѣйствія положенія 1870 г. Его распространенность и вызвала законодателя на борьбу съ нимъ, но надо замѣтить, борьбу, и по мѣропріятіямъ и по результатамъ совершенно безплодную. Нельзя устанавливать такіе законы, которые въ самомъ своемъ существѣ заключаютъ несогласимыя противорѣчія. Обязанности гласныхъ относятся къ дѣятельности общественной, т. е. такой, гдѣ принужденіе не можетъ почитаться нормальнымъ. Гласные получаютъ это званіе при условіи свободной воли избирающихъ и избираемыхъ. Воспользо-

ваться правомъ избранія не заключаетъ въ себѣ какихъ либо обязательныхъ элементовъ, тѣмъ паче принудительныхъ условій. Каждый рѣшившій принять на себя эти обязанности, надо предположить, сознательно относится къ этому рѣшенію, а слѣдовательно простое понятіе о долгѣ ему должно бы внушить, что нѣтъ такого права, которое не влекло бы за собою опредѣленныхъ обязанностей, осуществить которыя необходимо въ силу данныхъ и принятыхъ полномочій и интересовъ. Уклоняющіеся отъ исполненія обязанностей гласнаго, не только нарушаютъ понятіе о долгѣ, но и не оправдываютъ, въ самой грубой, при томъ непоправимой формѣ, довѣріе избирателей, непоправимой потому, что въ теченіи четырехлѣтія, на которое гласные избираются, составъ думы не пополняется.

Какъ и слѣдовало ожидать, законъ, выраженный въ 61 ст., никогда не видѣлъ примѣненія, что вполнѣ естественно. Съ одной стороны, всякая кара за неисполненіе добровольно принятыхъ на себя обязанностей, не имѣетъ полезнаго значенія, а съ другой, массовыя нарушенія 60 ст. указываютъ, что всякое преслѣдованіе и слѣдующая за нимъ отвѣтственность равносильны самонаказанію, напоминающему эпизодъ съ гоголевской унтеръ офицерской вдовой.

Сказанное о небрежномъ отношеніи гласныхъ къ своимъ обязанностямъ, не есть результатъ личныхъ умозаключеній, а весьма картинно иллюстрируется жизнью харьковской городской думы послѣдняго четырехлѣтія. Останавливаемся на этомъ четырехлѣтіи главнымъ образомъ потому, что этотъ періодъ дѣятельности въ особенности ярко выраженъ участіемъ въ городскомъ самоуправленіи такъ называемой „интеллигенціи“. Вотъ цифровыя данныя, извлеченныя изъ журналовъ городской думы за 1902, 1903 и часть 1904 гг., часть потому, что за этотъ годъ изъ городской управы можно было добыть журналы городской думы лишь съ 28 февраля по 7 мая включительно.

На четырехлѣтіе 1902—1905 г. было избрано 68 гласныхъ. Въ первомъ засѣданіи 8 января 1902 года присутствовало 57 гласныхъ, 6 не прибыли за отсутствіемъ изъ города, 1 по болѣзни и 4 по неизвѣстнымъ причинамъ. Въ этомъ засѣданіи производилось избраніе предсѣдателя думскихъ засѣданій, замѣняющаго городскаго голову въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ предсѣдательствовать не имѣетъ права. 11 января, когда происходило избраніе городскаго головы и членовъ управы, участвовало 60 гласныхъ, 3 отсутствовали изъ города, 1 по болѣзни и 4 по неизвѣстнымъ причинамъ. Затѣмъ, во

время производства выборовъ товарища директора городскаго купеческаго банка, члена въ губернское по воинской повинности присутствіе и разныхъ коммиссій—въ эти три засѣданія являлось въ среднемъ 55 гласныхъ и 13 уклонялось. Отсутствіе изъ города, не составляющее уважительной причины, мы относимъ также къ уклоненію отъ исполненія обязанностей. По окончаніи выборовъ на различныя платныя должности или такія, которыя хотя и не вознаграждаются, но избранныя лица могутъ вліять на направленіе различныхъ хозяйственныхъ предпріятій, интересъ къ городскимъ дѣламъ значительно падаетъ, число уклоняющихся достигаетъ удивительныхъ размѣровъ. Среднее число за двадцать засѣданій думы 1902 г. даетъ число присутствовавшихъ гласныхъ—31; и если взять для сравненія наличное число всѣхъ гласныхъ къ концу года—60, то окажется что 50% думскими дѣлами не занимались и въ думу не являлись. 10 декабря 1902 года, когда разсматривалась смѣта на 1903 годъ, т. е. одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ городскаго хозяйства, гласныхъ было въ засѣданіи 28, не явилось—32.

Въ слѣдующемъ 1903 году, городская дума еще болѣе становится бездѣятельной. Засѣданій было всего 14, противъ 27 за 1902 г.—Число гласныхъ къ началу года—58, а къ концу—56. Число уклоняющихся отъ исполненія выражается въ среднемъ на каждое засѣданіе 37. Только разсуженія о выкупѣ водопровода, выборы разныхъ должностныхъ лицъ собираютъ въ думу больше 40, а всѣ остальныя дѣла проходятъ при участіи 29—38 гласныхъ. Къ началу 1904 г. остается 54 гласныхъ; число не являющихся, при такомъ незначительномъ числѣ наличныхъ гласныхъ, за время имѣющихся свѣдѣній, доходитъ до 42%.

Этотъ классическій абсентеизмъ городскихъ избранниковъ не подтверждаетъ ли совершенно очевидно, что наблюдаемый фактъ есть прежде всего результатъ неправильной организаціи выборнаго представительства въ дѣлахъ городскаго хозяйства. Централизація выборовъ въ одномъ избирательномъ собраніи не даетъ возможности избирателямъ безъ стѣсненій осуществить свое право, которое, кромѣ понятія о долгѣ, непремѣнно заключаетъ въ себѣ и требованіе чисто физическихъ удобствъ. Нельзя же сгонять избирателей въ помѣщеніе, вмѣщающее не болѣе 200—300 человѣкъ, тысячами. Вѣдь простое охраненіе себя отъ опасности быть смятымъ, можетъ многихъ заставить не появляться въ толпѣ, безъ мѣры скученной. Многочисленныя просьбы, клонящіеся къ органи-

зацiи выборовъ по участкамъ, или кладутся подъ сукно, или же разрѣшаются отрицательно думой, какъ это было въ прошлое время. Впрочемъ, вопросъ о раздѣленiи города на избирательные участки такъ много разсматривался и въ обществѣ и въ печати, что не настоитъ надобности вновь приводить мотивы къ доказательствамъ преимущества его передъ другими. Скажемъ только, что имъ въ значительной мѣрѣ ослабляется развитiе партiйности и отбираются средства произвести избранiе сознательно, остановивъ свой выборъ на лицахъ, которыя не будутъ пополнять ряды отсутствующихъ по неизвѣстнымъ причинамъ, ряды, при существующемъ порядкѣ избранiя, все увеличивающiеся и увеличивающiеся. О томъ, какъ отражается этотъ фактъ на дѣятельности думы, а слѣдовательно и на городскомъ хозяйствѣ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Настоятельно необходимо также расширенiе избирательнаго права на основанiяхъ, уже въ предъидущемъ изложенiи представленныхъ Подтвержденiе этой необходимости мы находимъ въ данныхъ того-же классическаго абсентеизма, который такъ выпукло обнаружился относительно какъ избирателей, такъ и гласныхъ, при настоящемъ ограничительномъ имущественномъ цензѣ.

Мы не излагаемъ какое либо отвлеченное разсужденiе на тему—о законѣ городскаго самоуправленiя, о правахъ его и обязанностяхъ. Фактическiй матерiалъ, который имѣется у насъ, дастъ возможность на конкретныхъ примѣрахъ указать необходимость тѣхъ мѣръ и способовъ, какими по нашему мнѣнiю можетъ быть упорядочена эта важная отрасль государственнаго устройства. Высказываясь въ настоящей статьѣ по поводу дѣйствовавшихъ и нынѣ существующихъ законоположенiй, а также о главной основѣ самоуправленiя, избирательномъ правѣ, другiе вопросы, какъ то: о законности дѣйствiй и необходимости фактическаго, при томъ широкаго контроля надъ жизнью городскаго общественнаго самоуправленiя, какъ недостаточно выраженныя въ положенiи 1892 г. оставляемъ до другого раза.

Князь Михаилъ Шаховской.

Изъ современной жизни Русскаго Забужья.

Прошелъ мѣсяцъ со времени обнародованія указа объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, и вотъ мы уже располагаемъ достаточными свѣдѣніями, чтобы судить, кто и какъ въ Забужной Руси воспользовался этимъ указомъ.

Долгомъ считаемъ подѣлиться этими свѣдѣніями съ почтенными читателями въ надеждѣ, что и при нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ свѣдѣнія эти будутъ для нихъ не безынтересны.

Нужно замѣтить, что этотъ многострадальный русскій край съ давнихъ временъ находился въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе близости своей къ центрамъ католичества и непрестаннаго соприкосновенія съ польской національностью, русскій народъ въ Забужьи значительно потерпѣлъ въ своей національной цѣлости. Сохранивъ въ неприкосновенности свой языкъ въ уѣздахъ, прилегающихъ къ Волыни и Галиціи, онъ утратилъ чистоту рѣчи въ мѣстахъ непосредственнаго соприкосновенія съ поляками. Искони православный народъ подъ вліяніемъ могущественной латино-польской пропаганды вынужденъ былъ принять унію. Съ теченіемъ времени восточный обрядъ въ видахъ сближенія съ латинствомъ постепенно засорялся различными новшествами въ латинскомъ духѣ, и народъ мало-по-малу сжился съ этими особенностями и сталъ дорожить ими. Такъ обстояло дѣло, когда стало назрѣвать рѣшеніе отклонить искусственно созданныя симпатіи народа отъ нежелательнаго направленія, возстановить въ полной мѣрѣ его русское самосознаніе и привести къ единству съ православною церковью

Чтобы достигнуть этихъ высокихъ цѣлей, при указанныхъ обстоятельствахъ, предстояло дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью и мудрою осмотрительностью, избѣгая всякой грубой ломки и вредной во всякомъ дѣлѣ торопливости. Къ сожалѣнію, у тѣхъ, кому досталось верховодить возрожденіемъ Холмщины и Подляшья послѣ мятежа 1863 г., не доставало именно этихъ качествъ, а напротивъ съ избыткомъ кипѣла

стремительность и желаніе покончить дѣло, какъ можно скорѣе. И вотъ напрасны были предостереженія свѣдущихъ людей, какъ б. уніатскій еп. Михаилъ Куземскій, что для полнаго возсоединенія съ православіемъ, время еще не приспѣло, что значительно ополяченный народъ къ этому возсоединенію совсѣмъ не подготовленъ, и само духовенство пока еще не сочувственно относится къ этой идеѣ и что отъ необдуманной, не оправдываемой ничѣмъ поспѣшности получатся результаты самые нежелательные: народъ окажется взволнованнымъ, недовѣрчивымъ, подозрительнымъ къ дѣятельности духовенства. Такимъ настроеніемъ народа не преминетъ воспользоваться недремлющее латинское духовенство, и великое дѣло возрожденія народа подвергнется величайшей опасности и можетъ быть заторможено на многіе десятки лѣтъ. Какъ не отвѣчавшій требованіямъ вершителей уніатскаго вопроса въ Забужьи, Куземскій вмѣстѣ съ своими сотрудниками-единомышленниками вынужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ, и возсоединеніе пошло быстрымъ темпомъ по усмотрѣнію слишкомъ ретивыхъ реформаторовъ

Къ глубокому прискорбію, все случилось такъ, какъ предполагали люди разумной постепенности.

Возсоединеніе состоялось спустя 4 года по отъѣздѣ Куземскаго, и возсоединенный народъ переданъ былъ духовенству на увѣщаніе и укрѣпленіе въ истинахъ православной вѣры; но какой народъ? измученный, ожесточенный, враждебно настроенный противъ Россіи, полный недовѣрія къ своимъ пастырямъ, которые явились замѣстителями удалившихся въ Галицію уніатскихъ священниковъ. Для пастырей открылась чрезвычайной трудности задача успокоить взволнованный, ожесточенный народъ, пріобрѣсти его довѣріе и ввести въ ограду церкви православной уже не на бумагѣ, а самымъ дѣломъ. Задача осложнялась усиленною пропагандою ксендзовъ, которые не теряли надежды на духовное преобладаніе. Итакъ изъ года въ годъ пошла взаимная борьба, причемъ успѣхи православія могли быть только самые медленные. Была однако эпоха, когда наступило, повидимому, относительное затишье въ этой борьбѣ за вліяніе. Это—время генер.-губернаторствованія І. В. Гурка.

Ровная, открытая, основанная на глубокомъ сознаніи русскаго національнаго достоинства политика Іосифа Владиміровича ясно указывала врагамъ православія и русскаго народа ту черту, за которую безнаказанно они не смѣли переступать. И вотъ, въ то время, когда власти исполняли свою

обязанность—„укрощали неистовство еретиковъ“ и не давали пропагандистамъ полнаго простора въ ихъ подпольной дѣятельности, направленной противъ всего русскаго и православнаго, священники старались залѣчивать народныя раны, заручаться народными симпатіями, привлекать по единицамъ пасомыхъ въ пустыя по возсоединеніи церкви, образуя небольшія паствы среди сплошного упорствующаго или католическаго населенія. Подъ твердою рукою Гурки, православное и латинское духовенство стали какъ будто сживаться между собою и во всякомъ случаѣ какъ бы молча уговорились: „я не обижаю тебя, а ты не трогай меня“. Ксендзы уже открыто сознавались, что хотя успѣхи православія ростутъ, но ихъ не пугаютъ, такъ какъ священники довольствуются дѣятельностью въ своей сферѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ приходовъ въ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ раны, нанесенныя возсоединеніемъ, были особенно глубоки, православное дѣло готово было наладиться.

Но миновали времена Гурки. Подули иные вѣтры, прилетѣли иныя птицы и запѣли иныя пѣсни; обнаружились новыя вѣянія, неопредѣленныя, непостоянныя, порождающія хаосъ; всплыла и стала усиленно культивироваться идея примиренія съ народомъ, братскимъ по крови. Перемиріе, видимо, кончалось. Агитація пріободрилась и подняла голову. Быстро оживилась дѣятельность враждебнаго лагеря. Отношенія стали обостряться. Зачастили въ православные приходы по ночамъ „заграничные эмиссары“, стали раздаваться и разбрасываться усиленно между народомъ возмутительнаго содержанія листки, брошюры. Во многихъ, однако, мѣстахъ духовенство имѣло утѣшеніе убѣдиться, что труды его не пропали даромъ. По мѣстамъ народъ успѣлъ уже узнать и полюбить православную вѣру и церковь, почувствовать расположеніе къ православнымъ пастырямъ, какъ къ людямъ простымъ и идущимъ на встрѣчу нуждамъ и заботамъ своихъ пасомыхъ; въ такихъ мѣстахъ оживившаяся агитація встрѣтила достойный отпоръ. Но много было и такихъ мѣстъ, гдѣ только еще началъ подтаивать ледъ недовѣрія, гдѣ народъ находился такъ сказать на вѣсу, раздумывая, куда окончательно склониться со своими симпатіями, гдѣ началось уже броженіе, благопріятное для русскаго православнаго дѣла, но еще не окрѣпло. Въ такихъ мѣстахъ агитація оказала свое разрушительное дѣйствіе. Всенародная перепись 1897 года принесла много огорченій православнымъ пастырямъ—она была использована врагами православно-русскаго дѣла для возбужденія народа противъ православія и

противъ русской національности. Равновѣсіе нарушилось и уже не возстановллялось въ послѣдующіе годы.

Но вотъ началась война съ Японіей. Зашевелились всѣ враги внѣшніе и еще больше внутренніе. Настало благопріятное время для осуществленія ихъ вожделѣній. Господи, что за шумъ, что за ликованіе поднялось во всемъ враждебномъ Россіи лагерѣ! Нелѣпыя, но поражающія народное воображеніе вѣсти понеслись по Забужной Руси. „Японецъ защищаетъ унію. Микадо—уніатъ, жена его—католичка! Папа благословилъ войну японца въ защиту уніи". Брошюры, листки и всякія подпольныя изданія стали распространяться въ деревняхъ цѣлыми возами. Содержаніе всѣхъ этихъ подпольныхъ изданій уже открыто враждебное Россіи, ея государственному строю. Въ каждомъ, впрочемъ, начинается все еще съ уніи и лишь кончается враждою Польши къ „москалю ншеклентому". Россія—злѣйшій врагъ Польши. Нужно сломить, подорвать ея силы, подавить и на ея трупѣ воздвигнуть Польшу отъ моря до моря. По мѣрѣ неудачъ нашихъ на Востокѣ, тонъ прокламацій подымается все выше и выше. Уже стали появляться подметныя письма къ православнымъ священникамъ съ угрозами сжечь, убить, взорвать церковь „померанцами" (апельсинами = ручная бомба). Отъ народа требовалось симпатій къ Польшѣ, костелу, папѣ. Объ уніи стали упоминать уже рѣже, а прямо сообщали, что всѣ въ предѣлахъ Царства Польскаго (Привисл. края) должны быть католиками, что такъ рѣшили въ Петербургѣ по настоянію папы, что даже священники православные перейдутъ въ католичество, „бо такъ рѣшилъ папа". А кто останется православнымъ, тотъ будетъ выселенъ въ отдаленныя мѣста—Государь-де пріобрѣлъ для такихъ двѣ губерніи. Съ другой стороны явился рядъ милостивыхъ для поляковъ манифестовъ, которые истолковывались превратно тѣми, кому это было выгодно, и усилили тревогу...

Вотъ та обстановка въ Забужьи, при которой обнародованъ былъ указъ отъ 17 апрѣля.

Принимая во вниманіе изложенное, безъ преувеличенія можно сказать, что этотъ указъ показался для неподготовленныхъ къ нему православныхъ оглушительнымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти захолустья, населенныя православными, вообще мало освѣдомлены о происходящихъ общественныхъ движеніяхъ—всѣ свѣдѣнія приходятъ туда со значительнымъ опозданіемъ.

Но когда православно-русскіе люди оказались оглушенными, противный лагерь немедленно перешелъ въ самое энер-

гичное наступленіе, спѣша воспользоваться наступившимъ моментомъ въ самомъ необузданномъ размѣрѣ, благо отсутствіе въ указѣ подробностей открывало полный просторъ. Вотъ какъ шло дѣло по словамъ одного изъ наблюдателей жизни Холмскаго края:

„Въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ, спустя недѣлю по обнародованіи указа, въ Горецко (Бѣлгорайскаго уѣзда), былъ отпустъ, куда пришли въ первый разъ католическіе крестные ходы изъ Тарнограда и Юзефова. Народу было тьма, власти никакой, и поляки-католики рѣшили начать свое дѣло. Одинъ изъ ксендзовъ произнесъ проповѣдь, въ которой завѣрялъ, что „японцы явились искупителями поляковъ и латинства", и приказалъ вѣрнымъ за души японцевъ „змувиць шесть патержей" (Отче нашъ). Всѣ „русины" призваны были подъ „оброну костела и папы". На исповѣди ксендзы воспрещали подъ угрозами обнаруживать, отъ кого получили раздаваемыя прокламаціи возмутительнаго содержанія противъ Государя, всего русскаго и православнаго. Во вторникъ уже по селамъ читались агитаторами прокламаціи, православныхъ призывали въ костелъ, а кто не соглашался, тому угрожали. Агитаторы увѣряли, что Государь принялъ латинство и наслѣдника перекрестилъ и проч. и проч. Принялись за успокоеніе взволнованнаго народа тѣ, кому дорогъ этотъ народъ, и кое-кого на время успокоили. Но во всякомъ случаѣ смута поднялась великая. Ксендзы назначили три недѣли сроку для полонченья (соединенія) съ костеломъ, приводили къ присягѣ на вѣрность костелу и папѣ прежде всего, а агитаторы сновали по всѣмъ деревнямъ ежеминутно. Отпаденіе массовое, хотя есть и достойные люди, необычайной христіанской твердости, только жаль, что ихъ то мало".

А вотъ что сообщаютъ изъ другого мѣста очевидцы развивавшихся въ истекшемъ мѣсяцѣ событій:

„Ксендзы принялись за дѣло съ мѣста въ карьеръ: по православнымъ деревнямъ стали разставлять аналои съ крестомъ и Евангеліемъ. Безъ проповѣди, безъ убѣжденія стали приводить всѣхъ безъ разбора къ присягѣ на вѣрность костелу. Въ присягѣ крестьяне отрекались отъ схизмы, давали обѣщанія до конца жизни не переступать порога церкви, не говорить *„по московски"*.

„Силою приводили костельные дѣды и фанатики къ присягѣ православныхъ, подъ угрозою изгнанія будущими польскими властями изъ края. Ксендзы угрожали дать немедленно разводъ смѣшаннымъ бракамъ, если одна сторона

останется православной; научали народъ требовать у православныхъ священниковъ уничтоженія метрикъ, исповѣдныхъ вѣдомостей. Были случаи такіе: Церковь въ приходѣ Сульмицы, Замостск. уѣзда, стоитъ особнякомъ отъ большихъ деревень со сплошнымъ православнымъ населеніемъ и окружена водою. Чтобы попасть въ церковь, нужно проходить черезъ небольшую деревню Монастырекъ со сплошнымъ католическимъ и упорствующимъ населеніемъ. Подъ вліяніемъ агитаціи послѣдняго времени крестьяне монастырскіе открыто препятствуютъ православнымъ проходить черезъ ихъ деревню въ церковь. Православные строятъ себѣ кладки черезъ рѣку, а кладки ночью разрушаютъ".

„Въ Скербешовѣ былъ случай, когда католики насильно подъ руки привели православную въ костелъ для присяги и, когда она, не смотря на угрозы и ругательства ксендза, все же не хотѣла присягать, послѣдній, обратившись къ мужу-католику, сказалъ: „я даю тебѣ съ этой „ися крэвъ-схизматычкой" розвудъ; можешь жениться на другой".—Тамъ же въ Скербешовѣ былъ случай, что поляки-католики насильно отнимали у женщины ребенка, съ которымъ она шла въ церковь для воцерковленія. Женщина отдѣлалась лишь хитростью, сказавъ, что зайдетъ въ сосѣдній домъ перевить ребенка, а сама задними дверьми, черезъ сѣни и огородъ, прибѣжала къ церкви".

„Къ священникамъ крестьяне православные приходятъ ежедневно съ воплемъ и слезами: „Батюшка, помогите, защитите. Католики не даютъ намъ никакой возможности оставаться въ своей вѣрѣ: бросаютъ въ насъ и нашихъ дѣтей камнями, выбиваютъ стекла, разбрасываютъ заборы и плоты, вытаскиваютъ всѣ посѣвы ночью, смѣются, издѣваются, ругаютъ нашу вѣру... Мы обращались за помощью къ мѣстной администраціи, но она умываетъ руки: „знаемъ, знаемъ, говорятъ намъ, что все это такъ, но безсильны помочь, такъ какъ не получили на сіе никакихъ особыхъ инструкцій и полномочій. Подавайте молъ въ судъ". Каково? Подавать въ судъ, искать свидѣтелей среди самихъ же обидчиковъ тѣмъ православнымъ прихожанамъ, коихъ жизнь виситъ на волоскѣ!".

„Предъ пріѣздомъ католическаго епископа въ Замостье ксендзы объявили, что „суббота (8 мая) послѣдній срокъ для возсоединенія съ костеломъ, а если кто до сего времени не возсоединится чрезъ присягу, тотъ подлежитъ въ недалекомъ будущемъ выселенію изъ края". И вотъ наблюдались случаи такіе: идутъ православные крестьяне той деревни, гдѣ ихъ

меньшинство, заказываютъ въ своей церкви послѣднюю литургію, молятся усердно, *плачутъ въ голосъ* (каково?), просятъ Господа, чтобы простилъ имъ грѣхъ отступничества по нуждѣ, плачетъ съ ними и ихъ пастырь, безсильный оказать имъ помощь, а послѣ литургіи идутъ къ ксендзу, записываются и присягаютъ въ костелѣ".

Много, очень много отпало отъ церкви къ пріѣзду латинскаго епископа Ячевскаго изъ тѣхъ деревень, гдѣ православныхъ было меньшинство. Въ деревняхъ съ большинствомъ православнаго населенія отпали такъ называемые колеблющіеся, т.-е. дѣлавшіе лишь первые робкіе шаги къ сближенію и примиренію съ церковью. Въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ сплошное православное населеніе, послѣднее даетъ ксендзамъ и ихъ приспѣшникамъ крѣпкій отпоръ, но за то не показывается на базары и ярмарки, гдѣ ихъ всячески преслѣдуютъ. „Батюшка, говорятъ православные священнику: если бы законъ о свободѣ совѣсти повременилъ бы лѣтъ 10, даже 5 лѣтъ, мы бы окрѣпли и сами постояли бы за себя, а теперь, если насъ не защитятъ, насъ всѣхъ мало по малу заставятъ пойти въ костелъ, бо теперь ихъ сила".

„Въ особенности много отпавшихъ среди такъ называемыхъ фольварковыхъ рабочихъ, которые поставлены въ полную экономическую зависимость отъ пана-поляка. Послѣдніе долго не разсуждаютъ: „или принеси свидѣтельство отъ ксендза, или убирайся вонъ изъ чворака (постройка для помѣщичьихъ слугъ). А гдѣ дѣнется бѣдняга, не имѣя ни дома, ни земли, родившійся батракомъ помѣщика? Ихъ положеніе буквально безвыходное, а потому всѣ такіе уже и перешли въ костелъ, а ихъ въ здѣшнемъ краѣ много.

Такъ вотъ что дѣлается у насъ на Руси Забужной. Не жизнь, а плачъ и стонъ".

„9-го мая въ Замостьѣ всегда бывало великое религіозное торжество, какъ престольный день мѣстнаго Николаевскаго храма и праздникъ древняго Свято-Николаевскаго Братства [1]). Всегда въ этотъ день посѣщалъ городъ и служилъ въ мѣстномъ храмѣ православный епископъ. Пріѣхалъ онъ въ Замостье и въ этомъ году, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день

[1]) Постройка храма началась въ 1589 г. и окончена около 1604 г. Храмъ представляетъ дорогой памятникъ усердія православныхъ крестьянъ и мѣщанъ. Братство учреждено для сохраненія православія, вскорѣ послѣ постройки церкви. Благословенную грамоту отъ Гедеона Балабана, епископа львовскаго, экзарха константинопольскаго патріарха, получило оно 30 марта 1606 года.

Государственная БИБЛІОТЕКА СССР

и часъ (5 час. вечера 8 мая), лишь по иной дорогѣ, прибылъ въ городъ и люблинскій католическій епископъ Ячевскій, встрѣченный съ такимъ торжествомъ, которое по своей пышности затмило все доселѣ бывавшее. Почему, спрашивается, епископъ Ячевскій прибылъ въ Замостье именно въ православный праздникъ? Конечно, все сдѣлано съ разсчетомъ. За недѣлю еще до его пріѣзда распространяли усиленно между православными прихожанами слухъ (все это дѣлается у насъ открыто, на улицѣ, среди бѣла дня), что въ Николаевской Замостской церкви 9 мая православнаго епископа не будетъ, а вмѣсто его пріѣдетъ польскій бискупъ, который, если захочетъ, воспретитъ служеніе литургіи въ Николаевской церкви, или если разрѣшитъ служеніе, то лишь при закрытыхъ дверяхъ".

При посѣщеніи Замостья епископомъ Евлогіемъ, еще много собралось православныхъ прихожанъ, но плача было больше, чѣмъ радости: всѣ просили защиты Владыки предъ Государемъ. Нѣкоторые, упавши на колѣни, просили съ воплемъ Владыку освободить ихъ отъ присяги, данной въ костелѣ. Явилась изъ деревни Горышева-Польскаго одна женщина, которую мужъ-католикъ уже два дня подъ замкомъ держалъ въ въ кладовой безъ пищи за то, что она не соглашалась перейти въ костелъ. Она публично съ рыданіями заявила объ этомъ Владыкѣ. Сцена вызвала у тысячной толпы тяжелые вздохи и слезы".

Къ сказанному можемъ прибавить и еще нѣсколько подробностей, сдѣлавшихся извѣстными въ послѣднее время. Пропаганда шла совершенно открыто, даже больше того. Вотъ, напр., въ с. Конеховицахъ ксендзъ устроилъ каплицу прямо противъ крыльца дома, гдѣ проживаетъ православный священникъ, и тутъ же совершалъ свои миссіонерскіе подвиги. Въ дер. Горошкахъ, Яновскаго уѣзда, оказался удавленнымъ православный, не пожелавшій даже послѣ истязаній итти въ костелъ, и вопреки очевидности найдено возможнымъ признать, что это случай самоубійства. Въ другомъ мѣстѣ фанатики-католики разрыли, обезобразили могилы на православномъ кладбищѣ. По розыску мѣстной власти оказалось, что это сдѣлано однимъ безумнымъ католикомъ, хотя растащены и свернуты съ могилъ такіе камни, которые одному человѣку не подъ силу даже сдвинуть. Радечницкій женскій монастырь (Замостск. уѣзда) держится окрестнымъ населеніемъ въ строгой блокадѣ. Чтобы выжить монахинь, окрестные крестьяне ни сами не поставляютъ туда необходимыхъ продуктовъ, ни другимъ не

дозволяютъ, и обители грозитъ голодъ, а тамъ не только монахини, но и дѣти, обучающіяся въ монастырскихъ пріютахъ-школахъ! Или вотъ не угодно ли еще.

Всѣ помѣщики принуждаютъ своихъ служащихъ батраковъ переходить въ костелъ, а тѣхъ которые не соглашаются, прогоняютъ со службы. Такъ дѣлается даже въ майоратномъ имѣніи гр. Замойскаго, гдѣ всѣхъ православныхъ лишили должностей лѣсниковъ, а рабочихъ прогнали, и даже отдано приказаніе не принимать православныхъ на поденныя работы. 13 мая въ деревню Забытово Замостк. уѣзда. возвращались со своихъ полевыхъ работъ православныя дѣвушки и пѣли „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво"... Когда онѣ подошли къ рѣкѣ, католики не позволили имъ сѣсть въ лодку для переправы, и онѣ должны были переходить черезъ рѣку и въ бродъ и вплавь.

Сейчасъ (15 мая) католики отъ имени ксендзовъ ходятъ по православнымъ деревнямъ, взимаютъ по 50 коп. съ каждаго дома на вознагражденіе ксендзамъ за предстоящее освященіе полей, при чемъ, если кто изъ православныхъ не желаетъ платить, тѣмъ угрожаютъ, что при католическихъ крестныхъ ходахъ вокругъ полей имъ, православнымъ, вытопчутъ всѣ посѣвы, и православные вынуждены откупаться 50-копѣечными взносами. Обостреніе отношеній доходитъ уже до того, что ксендзы запрещаютъ католикамъ и бывшимъ упорствующимъ *говорить* съ православными священниками, снимать предъ ними шапки и отвѣчать на ихъ привѣтствія.

Вотъ малая частица того, что дѣлается теперь въ Забужьи. Не правда ли, какъ это все напоминаетъ страницы исторіи XVII, XVIII вѣка съ тою разницею, что все это происходитъ не подъ властью Польши, а подъ русскимъ „просвѣщеннымъ владычествомъ"? Соблазны и угрозы свирѣпствуютъ. Правда, встрѣчаются случаи героической стойкости православныхъ русскихъ людей, и эти слезы, кровь, мученичество несомнѣнный залогъ торжества конечнаго, но уронъ, который понесло православно русское дѣло за минувшіе 30 дней, громаденъ: по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ до 150 тыс. человѣкъ отпало отъ православія, при чемъ отпали не только такъ называемые упорствующіе, но многія тысячи и такихъ, которые казались уже утвердившимися въ православіи.

Необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой печальной и позорной для русскихъ дѣятелей оргіи „душехватства", разразившейся надъ Холмщиной и Подляшьемъ, чтобы прочувствовать ихъ и оцѣнить по достоинству.

„Батюшка, защитите, помогите!“ несется стонущій вопль угнетеннаго хозяина—народа русскаго, пронесшаго свою вѣру, языкъ и обычаи чрезъ многіе вѣка и теперь вновь неожиданно терзаемаго. И этотъ народъ въ защитѣ нуждается. Въ нашей вѣрѣ апостольской, православной священно-апостольское слово: „Во всякомъ народѣ боящійся Бога и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему“ (Дѣян. Ап. X, 35), а въ церкви римской, кто съ папою, тотъ спасенъ, а кто не подчиняется папѣ, тотъ схизматикъ, еретикъ и погибъ на вѣки. На практикѣ эта разность принциповъ выражается въ спокойномъ терпимомъ отношеніи къ чужимъ вѣрамъ у православныхъ и неукротимой жаждѣ прозелитизма у латинянъ, которые чрезвычайно быстро доходятъ до жестокаго фанатизма, тѣмъ болѣе, что въ полной силѣ царитъ у нихъ принципъ: „цѣль оправдываетъ средства“. Вотъ почему при свободѣ, отсутствіи сдерживающихъ ограниченій, православіе всегда занимаетъ оборонительное положеніе, а латинство наступательное. Но этого мало. Въ Холмщинѣ и Подляшьи борьба религіозная перешла давнымъ-давно на почву политическую, что сообщаетъ ей еще болѣе острый характеръ.

„Если насъ не защитятъ, то насъ всѣхъ заставятъ пойти въ костелъ, *бо теперь ихъ сила*“! Угрозы избить, сжечь, переселить за тридевять земель, потравы посѣвовъ, тайныя убійства и открытыя оскорбленія и издѣвательства—сильные аргументы въ рукахъ рѣшительныхъ людей, спѣшащихъ во что-бы то ни стало, пользуясь благопріятными условіями, натворить какъ можно больше совершившихся фактовъ, а тамъ ужъ пусть разбираются, кому будетъ охота. Къ глубокому прискорбію, обстоятельства сложились такъ, что дѣйствительно трудно разувѣрить встревоженный, колеблющійся народъ, что онъ ошибается въ своемъ мнѣніи—„бо теперь ихъ сила“ и что о возстановленіи Польши со всѣми грозными для православныхъ людей послѣдствіями и рѣчи быть не можетъ. Рядъ польскихъ манифестовъ, превратно истолковываемыхъ всѣми любителями смуты, создалъ такую удушливую атмосферу, въ которой неладно чувствуютъ себя и люди болѣе независимые и освѣдомленные, чѣмъ крестьяне. Въ Привислинскомъ краѣ предстоитъ введеніе земскаго самоуправленія... Какъ можно использовать эту идею для запугиванья крестьянъ! И вотъ дѣйствительно трагизмомъ отзываются эти слова—„бо ихъ сила“. „Если насъ не защитятъ“... А кто же защититъ? Мѣстныя власти всегда имѣютъ странность усиленно угадывать вѣянья и подлаживаться къ нимъ, впадая въ ошибки и преувеличенія, столь

свойственныя провинціальнымъ дѣятелямъ. Когда появляются ограничительные законы, мѣстныя власти такъ поусердствуютъ въ ихъ примѣненіи, что ограничиваемымъ придется довольно туго; если же объявлены будутъ облегченія, то ужъ пойдетъ такое размягченіе, что въ страдательномъ положеніи окажется самъ народъ-хозяинъ.

Теперь мы вступили во вторую полосу и слышимъ, какъ при заявленіяхъ о вопіющихъ беззаконіяхъ и насиліяхъ отвѣтствуютъ: „знаемъ, знаемъ все... но не получили инструкцій и уполномочій". Удивительное дѣло! По убогому представленію мѣстной власти всѣ законы, ограждающіе гражданъ отъ насилій и безчинства, оказались упраздненными, по крайней мѣрѣ на время? Законы о совращеніи не отмѣнены, но блюстители закона не смѣютъ выступить на ихъ защиту. Это вѣдь такъ несовременно: объявлена свобода, такъ что ужъ тутъ. И вотъ свободное избраніе вѣроисповѣданія обращается безнаказанно въ свободу насилія надъ православными, и русскихъ людей пытаются передѣлать въ поляковъ. Ну, не упомнить всѣхъ тамъ законовъ: какъ-то они испаряются скоро изъ головъ людей, плохо ихъ читающихъ и точно никогда не разумѣющихъ. Такое настроеніе мѣстныхъ властей даетъ дурное предсказаніе и для будущаго. Вотъ, напр., въ указѣ отъ 17 апрѣля въ 14-мъ параграфѣ сказано, что преподаваніе закона Божія инославнаго исповѣданія ведется на природномъ языкѣ учащихся, а ксендзы уже напередъ берутъ клятвы съ съ русскихъ крестьянъ не говорить „по-московски". Думаемъ, что этотъ параграфъ указа останется безъ исполненія, и некому будетъ настаивать на немъ. Въ параграфѣ 2 мъ указа сказано, что при отпаденіи отъ православія обоихъ родителей дѣти ихъ, достигшія 14 лѣтняго возраста, остаются въ прежней религіи. Едва ли возникнутъ дѣла о нарушеніи этого параграфа, хотя ксендзы не разбирали, кто тамъ достигъ, кто не достигъ совершеннолѣтія, „бо теперь ихъ сила".

Что же дѣлать при такого рода обстоятельствахъ? Только не складывать рукъ и не возлагать на другихъ упованій. Борьба такъ борьба. И чѣмъ скорѣе и шире она возгорится, тѣмъ лучше. Дай Богъ, чтобы загорѣлось сердце у русскихъ людей отъ обиды и сбросили они расплывчатую сантиментальность. Враги наши Бѣлякевичи возбуждаютъ насилія, должно отвѣтить законнымъ возмездіемъ, немедленнымъ и суровымъ. Нельзя ждать того, чтобы сами крестьяне брались за расправу: прошли безвозвратно казацкія времена, полныя кипучаго героизма. Въ наши культурныя времена неудобно сказать народу

то, что сказалъ король польскій Владиславъ IV казакамъ, когда они безуспѣшно искали законной управы на шляхетское своеволіе. На власти лежитъ обязанность защищать мирный народъ отъ своеволій вѣковыхъ насильниковъ и если мѣстныя власти почиваютъ въ бездѣйствіи и потворствѣ врагамъ, то должно ихъ разбудить хотя бы грозною силою общественнаго негодованія. Забужье—исконная русская земля и должна быть русскою, что бы тамъ ни говорили разные скороспѣлые сановники, которые казалось бы должны были бодро стоять на стражѣ русскихъ интересовъ.

Наущаемые своими руководителями, католическіе фанатики даже въ Варшавѣ требуютъ то возвращенія имъ какой-то древней иконы изъ Вольской православной кладбищенской церкви, то усиленно на разные лады раздувается въ польской варшавской печати вопросъ о возвращеніи бывшимъ уніатамъ Успенской церкви, что на Медовой улицѣ въ Варшавѣ; должно напомнить всѣмъ этимъ господамъ, что и мы, православные, можемъ предъявить имъ не маленькій счетъ: пусть возвратятъ они намъ древнюю виленскую православную святыню—Остробрамскую икону Божіей Матери, о возвращеніи которой имѣется даже, насколько извѣстно, Высочайшее повелѣніе, до сихъ поръ къ сожалѣнію, неисполненное. Не по чести они владѣютъ и другою русскою святынею Ченстоховской иконой Божіей Матери, захваченной въ давнія времена изъ православной церкви русскихъ князей въ Бензѣ[1]). Русская православная святыня сдѣлалась главною святынею Польши, воспѣтою даже свѣтскими поэтами. Давно уже польское католичество православными святынями живетъ. Безъ нихъ у Польши ничего нѣтъ. Это надо знать и напоминать очень ужъ заносящимся польскимъ недоброхотамъ вѣры православной и народа русскаго.

Дальнѣйшихъ хищеній позволять нельзя.

И нельзя медлить съ живымъ участіемъ въ возгорѣвшейся борьбѣ. Вотъ уже выпущены для успокоенія взволнованнаго народа и ободренія его руководителей пастырскія посланія Высокопреосвященнаго Іеронима; вышло въ свѣтъ 20 го мая воззваніе къ русскому народу варшавскаго генер.-губернатора генер.-адъютанта К. К. Максимовича. Высокопреосвященный Іеронимъ въ своемъ посланіи къ православной паствѣ Холмщины и Подляшья оповѣщаетъ своихъ духовныхъ чадъ о тро-

[1]) Чудотворная икона Божіей Матери, нынѣ Ченстоховская, увезена изъ Бензской замковой церкви русскихъ князей Владиславомъ Опольскимъ въ 1377 году.

гательномъ пріемѣ, который былъ оказанъ 12 мая Его Величествомъ Государемъ Императоромъ въ Царскомъ Селѣ игумени Лѣснинскаго монастыря и пяти крестьянамъ Сѣдлецкой губерніи, со слезами повѣдавшимъ Государю своему о скорбяхъ и притѣсненіяхъ, причиняемыхъ православному русскому народу въ Забужьи поляками католиками. Какъ Отецъ родной, Государь милостиво выслушалъ скорби крестьянскія, обласкалъ крестьянъ и успокоилъ ихъ тѣмъ царственнымъ словомъ Своимъ, что Холмщина и Подляшье останутся, какъ и были, русскими землями; святыя церкви православныя будутъ стоять твердо, и попрежнему въ нихъ будетъ славить Господа русскій народъ по завѣтамъ святой православной Церкви,—для огражденія же православныхъ людей отъ притѣсненій и оскорбленій дастъ Свой Царскій Наказъ. Въ знакъ духовнаго единенія въ вѣрѣ со всѣмъ русскимъ православнымъ народомъ Онъ, Царь-Государь, благословилъ иконой Христа Спасителя каждаго изъ крестьянъ. Какъ истинно русскій Царь, Онъ, по народному обычаю, отпуская крестьянъ, угостилъ ихъ хлѣбомъ-солью со Своего Царскаго стола. Генер.-адъютантъ К. К. Максимовичъ заключаетъ свое воззваніе слѣдующими словами: „Да не смущается русскій православный людъ разными нелѣпыми слухами, распространяемыми теперь въ народѣ, и да вѣдаетъ онъ, что православныя церкви, монастыри и святыя иконы, Царь Православный и впредь никому не отдастъ".

Еще раньше выпустило свое воззваніе Холмское Св. Богородицкое Братство, состоящее подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, и другіе ревнители вѣры православной и русской чести національной. Всѣ эти воззванія несомнѣнно успокоительно подѣйствуютъ на встревоженный русскій народъ и охладятъ пылъ неистовыхъ хулителей всего русскаго и православнаго. Но надобно, чтобы отозвались на душевную тугу обитателей Холмщины и Подляшья и другіе русскіе люди, общества, братства, кружки, которымъ не безразлично, будетъ ли исконная русская земля заселена православнымъ русскимъ народомъ, единодушнымъ, единомышленнымъ со всею Великою, Малою и Бѣлою Русью, откликающимся на ихъ радости и печали, непоколебимо вѣрнымъ Царю и Отечеству въ мирѣ и въ войнѣ, или пронесется надъ этою страною и внѣдрится въ ней разлагающее дыханіе іезуитской морали, умѣющей оправдывать измѣну и возводить въ добродѣтель убійства,—водворится латинство, имѣющее высшаго своего повелителя въ папѣ и направляемое согласно цѣлямъ повелителя изъ далекаго Рима. Должны оказать русскіе люди

немедленную поддержку тѣмъ, кто стоитъ въ огнѣ борьбы, чтобы не расширялось на ихъ счетъ враждебное православію вліяніе Рима, все еще лелѣющаго идею о свѣтскомъ владычествѣ и внушающаго, что постольку цари царствуютъ, поскольку папы ихъ благословляютъ; чтобы не усилился полонизмъ, всегда претворяющій друзей русскаго народа въ его лютыхъ, неукротимыхъ враговъ. Сочувствіе такъ драгоцѣнно въ бѣдѣ.

Полонизмъ грозитъ вытравить русскую рѣчь изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ звучала она отъ древнихъ временъ Владиміра Святого, князей волынскихъ и галицкихъ. Люди, дорожащіе сокровищемъ русскаго вольнаго слова, должны приложить всѣ усилія, чтобы не дать совершиться злому, убійственному дѣлу. Пусть звенятъ и переливаются въ Забужьи серебряныя пѣсни Малой Россіи на вѣчныя времена. Къ враждѣ противъ Россіи, противъ родныхъ братьевъ зоветъ закованный въ латиницу языкъ. Давитъ воображеніе народа миражъ возстановленія владычества польскаго. Надобно выяснить народу точное значеніе послѣднихъ польскихъ манифестовъ и крѣпко вкоренить въ его сознаніи, что русскій царь-народъ—хозяинъ въ своей землѣ и государствѣ. Надо неотложно дать больше школъ для русскихъ людей съ учителями, преданными своему дѣлу и своему народу! Больше знакомства и сношеній съ Малой Россіей здѣшней заброшенной вѣтви малорусскаго народа, чтобы почерпнуть ему въ живомъ единеніи совершенное и быстрое обновленіе.

Возстановленіе прихода и его жизни... Много можно сдѣлать для разсѣянія поднявшейся смуты и побѣды русскаго дѣла. Пошли Богъ самоотверженныхъ, пламенныхъ работниковъ въ эту страдную пору! Свобода—и борьба, борьба упорная, безконечная.

17—25 мая 1905 г.
Варшава.

Н. О—въ.

Изъ Подляшья

(Сѣдлецкой губерніи)

Мы, русскіе и православные въ Подляшьи, переживаемъ теперь чрезвычайно тревожные и невыразимо горестные дни. Какъ только явился въ печати Указъ о вѣротерпимости отъ 17 апрѣля, по деревнямъ съ исконно русскимъ населеніемъ стали разбрасывать тысячи возмутительныхъ прокламацій на польскомъ языкѣ съ призывомъ къ бывшимъ уніатамъ принимать католичество, съ бранными выраженіями по адресу православнаго духовенства, мѣстныхъ и высшихъ властей и даже Государя Императора. Происхожденіе Указа о вѣротерпимости объясняется тамъ не мягкосердіемъ Государя, а принужденіемъ его отъ папы и стыдомъ предъ Японіей. Подробности Указа и общій смыслъ его замалчиваются, а все толкуется въ томъ духѣ, что нужно торопиться принимать католичество. Есть свѣдѣнія, что потомъ вскорѣ стали появляться открыто особыя лица, дѣйствовавшіе словомъ въ томъ же направленіи, какъ и чрезъ прокламаціи. И вотъ тысячи „упорствовавшихъ“ потянулись къ ближайшимъ ксендзамъ „записываться на католиковъ“. Наскоро выработана особая система и порядокъ. Въ одинъ день принимаютъ съ извѣстныхъ деревень и притомъ не больше 500 человѣкъ. Принявъ католичество, „упорствующіе“ принимаются за своихъ односельчанъ православныхъ, то уговариваютъ ласковыми словами, то грозятъ поджогомъ и рѣзней за отказъ принять католичество; запрещаютъ имъ работать въ полѣ и огородѣ въ польскіе праздники и дѣлаютъ всякаго рода утѣсненія. Экзальтированные своимъ новымъ положеніемъ эти неофиты католичества производятъ подавляющее вліяніе на неокрѣпшихъ въ православіи поселянъ и тѣ въ свою очередь шествуютъ къ ксендзамъ и „записываются“. У ксендзовскихъ квартиръ теперь цѣлая ярмарка. Массы народа, прибывшаго пѣшкомъ и съ подводами, толпятся у входа, ожидая своей очереди записы-

ваться. По имѣющимся свѣдѣніямъ къ обряду присоединенія прибавляется еще *„присяга на католичество“*, послѣ которой присоединившійся пылаетъ особенной ревностью къ дальнѣйшему распространенію католицизма, получая за каждое новое совращеніе отпущеніе грѣховъ на 100 дней. Отношенія новообращенныхъ къ православнымъ, стойкимъ въ вѣрѣ, рѣзко измѣняются: угрозы усиливаются, ругаютъ ихъ самой отборной бранью при каждой встрѣчѣ. „Будьте какъ и всѣ, *скоро будетъ Польша*, всѣ московскіе люди уйдутъ и какъ вы тутъ сами останетесь“—вотъ самые убѣдительные доводы для совращаемыхъ и, благодаря этимъ угрозамъ, ряды православныхъ все больше рѣдѣютъ. Дошло до того, что въ нѣкоторыхъ приходахъ нѣтъ уже ни одного человѣка православнаго, а въ другихъ остались единицы, о которыхъ нельзя сказать съ увѣренностію, что они долго продержатся. Нахальнымъ претензіямъ католиковъ прежнихъ и новообращенныхъ нѣтъ предѣла. Идутъ толки о предстоящей передачѣ имъ православныхъ храмовъ подъ костелы, объ возстановленіи закрытыхъ монастырей. Если это состоится, то тогда можно съ увѣренностію сказать, что дѣлу православія и русской народности на Подляшьѣ наступитъ быстрый и неожиданный конецъ. Совершается мирное завоеваніе цѣлой исконно русской области съ 100 тысячнымъ русскимъ населеніемъ. Быстро претворяется оно въ польскую народность чрезъ католичество. Однимъ взмахомъ пера совершена крупнѣйшая историческая ошибка, ошибка, кажется, уже не поправимая! Намъ, созерцателямъ всего происходящаго здѣсь на мѣстѣ, переживающимъ начало этого печальнаго событія, кажется, что нравственное пораженіе русской чести, русскаго достоянія здѣсь на западѣ—тяжелѣе всѣхъ ляоянскихъ и мукденскихъ пораженій на далекомъ востокѣ.

В. Г.

Не по торной дорожкѣ[1].

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

На другой день, прямо со службы, Осокинъ поѣхалъ къ Татьянѣ Львовнѣ.

— Ну, тетушка, чуть не съ порога крикнулъ онъ ей;—благодарю покорно: устроили племянника!

— Что съ тобой? Рехнулся ты что-ли? немного смѣшалась старуха.

— Я то не рехнулся, а вотъ тѣ, кто Перепелкину посылалъ—здоровы-ли?

— Не кипятись... поздоровайся сперва!

Орестъ поздоровался.

— Вы мнѣ теперь все испортили, дорогу къ Ильяшенковымъ закрыли... Кто просилъ васъ вмѣшивать эту дуру?

— Не кричи, а лучше сядь и выслушай.

Племянникъ сѣлъ.

— Слушаю.

— Перепелкиной я не поручала дѣлать предложенія; это она сама въ дурацкой своей головѣ придумала.

— Какъ-же она смѣла?.. Значитъ за чѣмъ-нибудь да вы ее посылали?

— Посылала... и для тебя-же.

— Удивительно! пожалъ плечами молодой человѣкъ.

— Хотѣла помочь тебѣ, видя твою любовь къ Софьѣ.

— Да изъ чего, скажите на милость, вывели вы подобное заключеніе?

---

[1]) Продолженіе. См. „Мирный Трудъ“ № 4—5.

— Ну, Орестъ Александровичъ, ты, пожалуста, не финти и меня не морочь! указательнымъ пальцемъ помахала передъ нимъ Татьяна Львовна:—Какъ ты не скрытничай, а любовь, что шило—въ мѣшкѣ не утаишь!

— Да къ дѣлу-же, тетушка! нетерпѣливо перебилъ ее Осокинъ!

— Вотъ и велѣла я этой дурѣ, подъ рукой, справиться сколько за Софьей даютъ...

— Такъ и есть! вскочилъ племянникъ:—Для васъ деньги прежде всего!.. Да почемъ вы знаете: можетъ-быть ихъ-то мнѣ и не нужно?—Ну-съ, интересно очень знать, иронически продолжалъ онъ,—какъ ваша уполномоченная приступила къ подобному разговору... чай въ шею ее оттуда прогнали?

— Ничуть не бывало: старики очень серіозно толковали съ нею и сказали, что ни прочь имѣть тебя зятемъ.

— Вретъ ваша Перепелкина, а вы ей вѣрите!

— Что другое, а лжи я въ ней не замѣчала; объ закладъ побьюсь, что она сказала правду.

— Да что въ старикахъ толку, коли Софья Павловна будетъ несогласна? А это навѣрно такъ и случится, потому что глупость Перепелкиной разсердила ее, а меня она считаетъ ея сообщникомъ!

— Софья тебѣ это разсказала?

— А то кто-же? и Орестъ передалъ теткѣ разговоръ свой съ Ильяшенковой.

Плюнь на все... вѣдь ты-же не влюбленъ? подсмѣялась Татьяна Львовна.

— Да стыдно-вѣдь быть замѣшаннымъ въ такую пошлость!

— На меня свали; скажи, что, жалѣя тебя, я все это сдѣлала.

— Да вѣдь она спроситъ, откуда вдругъ эта жалость явилась?

А ты отвѣть, что любишь—вотъ и сказъ весь! брякнула старуха, уже начинавшая тяготиться всей этой канителью.

Племянникъ махнулъ рукой и зашагалъ по комнатѣ. Пріѣхала Бирюкова.

— Наденька! Душа моя! горячо обняла Татьяна

Львовна гостью;—Ну каково съѣздила?.. Какъ здоровье? Что дѣтки? засыпала она ее вопросами.

Надежда Александровна, по возможности, удовлетворила тетку; начались поцѣлуи, новые разспросы.

— Братецъ-то твой, послѣ первыхъ минутъ свиданія, возвѣстила старуха,—пока ты въ деревнѣ была, влюбиться успѣлъ!

Бирюкова вопросительно взглянула на Ореста.

— Въ Софи Ильяшенкову?

— Похоже на то! слегка конфузясь, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ты что-же мнѣ-то не сказалъ,— не стыдно это тебѣ? упрекнула брата Надежда Александровна.

— Нельзя было, милая: мѣшали все... То Владиміръ Константиновичъ, то докторъ.

— Ужъ ты откровенности отъ братца не жди, замѣтила племянницѣ Татьяна Львовна;—и я-то догадалась, потому что стара, опытности понабралась.

— Ошибаетесь тетушка: сестрѣ я-бы непремѣнно все разсказалъ, и при первомъ удобномъ случаѣ.

— А отъ меня почему скрывалъ? Чужая я тебѣ что-ли?

— Разскажи-ка вамъ—вы-бы Богъ-вѣсть чего надѣлали! Ужъ коли, ничего не видя, посольство придумали! усмѣхнулся Осокинъ.

— Нечего зубы-то скалить, обидѣлась старуха,—пора-бы и кончить! — Надя, чаю хочешь?

— Нѣтъ, ma tante, мнѣ скоро надо будетъ ѣхать!.. визиты кой какіе сдѣлать.

— Ну пирожка съѣшь.

— Пирожка пожалуй.

Татьяна Львовна пошла распорядиться.

— О какомъ посольствѣ ты говорилъ? спросила Бирюкова, когда они остались съ братомъ вдвоемъ.

Орестъ, въ короткихъ словахъ, передалъ сестрѣ все случившееся съ нимъ въ собраніи.

— Все это неважно... какъ-нибудь устроимъ. Ты мнѣ вотъ что скажи: дѣйствительно ты любишь Софи? Не капризъ это?

— Нѣтъ.

Надежда Александровна вздохнула; молодой человѣкъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Мнѣ кажется, ты не будешь счастливъ съ нею.

— Отчего?.. Дѣвушка она умная, добрая... испорчена правда, немного, воспитаніемъ.

— Слишкомъ много, Остя!

— Если на выѣзды ты намекаешь—такъ вѣдь обстановка этого требуетъ... А натура у нея право не свѣтская: гораздо глубже. Она способна не только увлечься высокою идеей, но и проникнуться ею.—Она съ сердцемъ дѣвушка, Надя!

Бирюкова промолчала.

— Допустимъ даже, продолжалъ Осокинъ,— что воспитаніе было уродливое, но развѣ любовь не дѣлаетъ чудеса? Не можетъ она развѣ сгладить все искусственно привитое и вызвать къ жизни тѣ силы, которыя таятся покамѣстъ подъ спудомъ?

— Конечно, разсѣянно согласилась Надежда Александровна.

Вошла Татьяна Львовна, а за нею Марфушка съ пирогомъ и тарелками.

— Сюда! скомандовала она ей.—А ножи гдѣ? Пальцами, что-ли ѣсть будемъ?

— Дайте срокъ—будутъ и ножи, огрызнулась Марфушка.—руки-то у меня одни!

— Ну-ну, заткни глотку!

Марфушка швырнула послѣднюю тарелку и удалилась.

— Нѣтъ-ли у тебя дѣвки какой на примѣтѣ, обратилась старуха къ племянницѣ,—сладу съ этой коровой, прости Господи, не могу дать!

— Теперь нѣтъ, а хотите—поищу.

— Пожалуста поищи.

— Вотъ-бы вы Перепелкиной поручили— чего лучше! Подшутилъ Орестъ.

— Будетъ ужъ тебѣ тетку на-смѣхъ поднимать! Ѣшь лучше пирогъ-то!

Марфушка принесла ножи и вилки, съ грохотомъ свалила ихъ на столъ и, стуча своими мясистыми пятками, вышла.

— Экой мужланъ сиволапый! проводила ее Татьяна Львовна.

Братъ и сестра, пробывъ еще нѣсколько минутъ, уѣхали вмѣстѣ; Бирюкова предложила Осокину довезти его—тотъ согласился. Дорогою они возобновили прерванный разговоръ.

— Такъ ты еще не знаешь, на сколько расположена къ тебѣ Софи?

— Нѣтъ.

— Допустимъ, что она приметъ твое предложеніе... Не приходило тебѣ въ голову, что въ согласіи ея можетъ играть роль будущее твое наслѣдство?

— Она знаетъ объ отношеніяхъ моихъ къ дядѣ.

— Отношенія эти ничего не доказываютъ, временная холодность и больше ничего; Ильяшенковы прекрасно знаютъ, что дядя, какъ человѣкъ суевѣрный, завѣщанія никогда не напишетъ, а по закону ты— единственный наслѣдникъ.— слѣдовательно, въ глазахъ ихъ, ты богатый женихъ, а такъ какъ они рѣдки...

— То Софи имѣетъ въ виду мое будущее богатство?

— Боюсь!

Орестъ нахмурился.

— Конечно это только мое предположеніе, ласково замѣтила Надежда Александровна,— но я нарочно обращаю на это твое вниманіе... Не торопись, голубчикъ, помни, что тутъ дѣло идетъ о всей твоей жизни! Изучи Софи хорошенько, осмотрись, прежде чѣмъ рѣшиться... чтобы не пришлось расплачиваться такъ-же дорого какъ мнѣ за одинъ необдуманный шагъ?

Она вздохнула и провела рукою по глазамъ.

— Мнѣ тридцати лѣтъ еще нѣтъ, продолжала Бирюкова,—а ужъ жизнь моя кончена; даже если-бы и проявилась во мнѣ жажда къ ней—такъ и тутъ я должна только томиться ею, а не мечтать о ея утоленіи .. Положеніе мое, Остя.—замкнутая ограда, въ стѣны которой я напрасно буду толкаться, отыскивая выходъ—его нѣтъ для меня!

Отнесись Осокинъ внимательнѣе къ послѣднимъ словамъ сестры—онъ подмѣтилъ-бы въ нихъ не одни жалобы на семейное ея горе, а и смутное желаніе чего-то

лучшаго, вмѣстѣ съ сѣтованіями на невозможность удовлетворить этимъ стремленіямъ; но молодой человѣкъ слушалъ разсѣянно и, по свойственному всѣмъ влюбленнымъ эгоизму, думалъ въ эти минуты только о себѣ, о томъ какъ-бы то счастіе, которое онъ полагалъ въ бракѣ съ Софи, не выскользнуло у него изъ рукъ.

— Надя, милая, придумай какъ-бы вывернуться мнѣ изъ того глупѣйшаго положенія, въ которое поставила меня тетка, сказалъ Орестъ, видя, что экипажъ подъѣзжаетъ къ крыльцу его квартиры;—пожалуйста!

— Непремѣнно; и постараюсь какъ можно скорѣе, успокоила брата Бирюкова.

IX.

Вечеръ въ собраніи доставилъ большое удовольствіе Леониду Николаевичу: любезное обхожденіе съ нимъ Софи, на глазахъ Осокина, размолвка ея съ нимъ, по его мнѣнію, обѣщали многое. Съ свойственною ему самонадѣянностью. Огневъ вообразилъ, что теперь вѣтеръ окончательно подулъ въ его сторону и ему остается только пользоваться благопріятными обстоятельствами. Возвращаясь къ своему прежнему намѣренію, надъ которымъ еще такъ трунила Соханская, возбудить ревность въ сердцѣ Софьи Павловны, Леонидъ Николаевичъ счелъ настоящій моментъ самымъ подходящимъ и рѣшился воздвигнуть баттареи противъ ни въ чемъ неповинной Бирюковой. Знакомый съ нею, но не близко, Огневъ, чтобы сойтись, началъ дѣйствовать на супруга: угощалъ его шампанскимъ, проигрывалъ ему на бильярдѣ и въ карты, слушалъ терпѣливо его хвастливые разсказы и такъ ловко эксплуатировалъ слабыя стороны Владиміра Константиновича, что весьма скоро привелъ его въ восторгъ и сталъ въ его домѣ совершенно своимъ человѣкомъ.

Надеждѣ Александровнѣ очень не нравились посѣщенія Леонида Николаевича: она и прежде не очень-то долюбливала этого господина, а теперь, когда семейное горе и матеріальныя заботы поглотили все вниманіе молодой женщины, чужой человѣкъ, съ своими свѣтскими любезностями, былъ положительно ей въ тягость. Очень

непріятно удивилась она когда, на другой день послѣ бала въ собраніи, Огневъ, пріѣхавшій, какъ она думала, только съ утреннимъ визитомъ, по просьбѣ Бирюкова, остался у нихъ обѣдать, а вечеромъ усѣлся съ нимъ въ карты. Довольно сухо обошлась она съ гостемъ и, когда тотъ уѣхалъ, спросила мужа: „съ чего дружъ завязалась у нихъ такая дружба?“

— Славный онъ парень, отвѣчалъ Владиміръ Константиновичъ: — такихъ здѣсьне много. Поневолѣ будешь дорожить подобнымъ знакомствомъ.

— Онъ и прежде бывалъ у насъ, но ты не оставлялъ его на цѣлый день? возразила Надежда Александровна.

— Бывалъ!.. Развѣ въ нѣсколько визитовъ можно узнать человѣка?

— А, такъ ты его теперь узналъ?

— Да.

— Гдѣ-же это вы сошлись такъ?

— Въ собраніи; я цѣлый почти вечеръ проболталъ съ нимъ и скажу тебѣ: такого милаго, деликатнаго и благороднаго малаго я еще не встрѣчалъ!

— Играли на бильярдѣ?

— Играли.

— И конечно онъ проигралъ? насмѣшливо спросила Бирюкова.

— Почему-же конечно?

— Да потому что проигрывающіе всегда намъ милѣе выигрывающихъ!

— Богъ съ тобою, Надя! Ты все стараешься, какъ-бы мнѣ шпильку впустить! Ну что могъ онъ проиграть мнѣ? Десять—пятнадцать рублей! Какая подумаешь уйма денегъ! Для меня, который по десяти тысячъ въ вечеръ спускалъ!

— Когда-же это было? Я что-то не помню!

— А когда въ гусарахъ служилъ... Пришлютъ бывало двадцать—тридцать тысячъ—ну и живешь недѣлю-другую—дымъ коромысломъ!

— Ноликъ-то откинь—вѣрнѣе будетъ!

— Ты думаешь я лгу? Вотъ тебѣ честнѣйшее слово что правда!.. Да и для чего мнѣ лгать?

Милѣйшій Владиміръ Константиновичъ говорилъ со-

лучшаго-нѣйшую правду: лгать нужды ему никакой дѣйствительно не было, тѣмъ болѣе, что супруга его уже слуш отвыкла вѣрить ему на слово, но онъ до такой нынеш изолгался, что и самъ не замѣчалъ удаленій своторъ отъ истины и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ совершенно механически, съ невинностію младенца.

На другой и третій день повторилась та-же сцена: какъ стукнуло восемь часовъ -- раздался звонокъ, явился Огневъ, и Бирюковъ усѣлся съ нимъ въ пикетъ. Надежда Александровна не вышла; напрасно супругъ посылалъ за нею, самъ бѣгалъ упрашивать ее — Бирюкова отговорилась мигренью и легла въ постель. Утромъ Владиміръ Константиновичъ выразилъ женѣ свое неудовольствіе.

— Помилуй, Владиміръ, вѣдь это несносно: каждый день чужой человѣкъ.

— Ангельчикъ ты мой, да ты пойми, какую онъ мнѣ пользу приноситъ: играя съ нимъ, я не только не проиграю столько, сколько въ клубѣ, а еще выиграю можетъ быть... Такого благороднѣйшаго игрока, какъ Огневъ, я и не видывалъ!

— Почему-же ты не играешь у него? пожала плечами Бирюкова.

— Нельзя дружочикъ: онъ говоритъ, что въ его квартирѣ что-то передѣлываютъ - принять негдѣ.

— Ну хоть въ кабинетѣ усаживайтесь. а то, право, это и меня и дѣтей стѣсняетъ... имъ и побѣгать негдѣ.

На этомъ пока и порѣшили; новые друзья завладѣли кабинетомъ, а залъ и гостиную предоставили въ распоряженіе Надежды Александровны.

Все это происходило въ отсутствіе Осокина: по дѣламъ службы ему пришлось отправиться въ уѣздъ на нѣсколько дней Когда онъ вернулся, двѣ вещи непріятно поразили его: короткость, съ которою держалъ себя Огневъ въ домѣ Бирюковыхъ, и крайне печальное, измученное лицо сестры. Встревоженный не на шутку, онъ на время позабылъ и свою любовь и порученіе, данное имъ Надеждѣ Александровнѣ, а хлопоталъ только о томъ, какъ-бы узнать причину такой внезапной перемѣны въ здоровьи Бирюковой. Онъ обратился къ ней съ разспросами, но ничего не добился: сестра объявила, что здо-

рова, что въ семейной жизни ея, кромѣ посѣщеній Огнева, новаго ничего не произошло и вообще какъ-то старалась замять разговоръ о своей болѣзни. Неудовлетворенный Орестъ полетѣлъ къ Каменеву.

— Перемѣны къ худшему я, того, не замѣтилъ, отвѣчалъ врачъ,—душевное разстройство вѣроятно.

Все это показалось Осокину очень страннымъ и онъ рѣшился наблюдать; появленіе Огнева въ домѣ сестры крайне интриговало молодого человѣка.

Между тѣмъ Надежда Александровна не забыла о порученіи брата: она заѣзжала къ Ильяшенковымъ и случай доставилъ ей возможность переговорить съ Софи наединѣ. Не вдаваясь въ подробности и не высказывая того, что она посвящена въ тайну брата, молодая женщина вывѣдала кой-что отъ дѣвушки и тотчасъ-же замѣтила склонность ея къ Оресту; обнаруженное-же въ разговорѣ ея съ братомъ, неудовольствіе Бирюкова объяснила себѣ свѣтскою щепетильностію дѣвушки и желаніемъ ея вызвать молодаго человѣка, подобнымъ маневромъ, на объясненіе. Въ этомъ смыслѣ она и передала Оресту свои наблюденія.

— Бояться тебѣ нечего, закончила она:—ступай къ Ильяшенковымъ и, если ты уже рѣшился, пользуйся первымъ удобнымъ случаемъ и откровенничай.

— И ты ручаешься за успѣхъ?

— Увѣрена!

— А на счетъ Перепелкиной?

— Она то и будетъ предлогомъ: увѣряя Софи въ непричастіи къ этому дѣлу, тебѣ трудно будетъ скрыть то обстоятельство, вслѣдствіе котораго вмѣшалась тетка... Ты его не скрывай... оно и будетъ твоей исходной точкой.

Пока братъ съ сестрой совѣтовались, въ домѣ Ильяшенковыхъ шли разные толки. Посѣщеніе Перепелкиной, таинственная бесѣда ея съ господами при закрытыхъ дверяхъ, затѣмъ визитъ Бирюковой не укрылись отъ вниманія прислуги. Дѣвичья, всегда чуткая до разныхъ новостей, сразу провидѣла во всемъ случившемся что-то особенное, а приказъ, отданный Павломъ Ивановичемъ камердинеру, принимать Ореста во всякое время, убѣдилъ всѣхъ, что дѣло пахнетъ свадьбой и что которая нибудь

изъ барышенъ скоро сдѣлается госпожей Осокиной. Поднялись споры: сначала о томъ, на долю которой изъ дѣвицъ выпадетъ этотъ счастливый жребій, а потомъ о наружности жениха и его состояніи. Павелъ Ивановичъ и Анна Ильинишна также не были чужды тому напряженному состоянію, которое силою обстоятельствъ овладѣло ихъ внутренними комнатами. Сановитый генералъ и его аристократическая супруга начинали уже безпокоиться о томъ, что-бы это значило, что вотъ прошло уже нѣсколько дней, какъ Перепелкина закинула имъ такой крючокъ, а дѣло не изъ короба ни въ коробъ; даже и женихъ показаться не думаетъ!.. Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, опасенія ихъ разсѣялись: раздался звонокъ и Осокинъ, собственной персоной, вошелъ въ гостинную Ильяшенковыхъ.

На счастье молодого человѣка хозяева были не одни: два чиновные старца увеселяли ихъ игрой въ винтъ. Юлія и Clé-Clé вышивали въ пяльцахъ, а Софья Павловна въ залѣ разливала чай. Такого удобнаго случая Орестъ и ожидать не могъ; онъ поспѣшилъ имъ воспользоваться и, наскоро отдѣлавшись въ гостинной, подсѣлъ къ Софи.

— Что васъ давно не видно? спросила дѣвушка.

— Я уѣзжалъ по службѣ...

— Сестра ваша была у насъ, пристально взглянула Софи на молодого человѣка; тотъ немного сконфузился.

—Je trouve qu'elle a maigri votre soeur.

— Она не совсѣмъ здорова.

Софи отпустила чай.

— Хотите? предложила она стаканъ Осокину.

Тотъ поблагодарилъ и, боясь чтобы дѣвицы своимъ приходомъ не помѣшали ему объясниться, рѣшился прямо приступить къ дѣлу.

— Я исполнилъ ваше приказаніе, Софья Павловна, несовсѣмъ твердо выговорилъ онъ.

— Какое? съ прекрасно разыгранымъ изумленіемъ, спросила дѣвушка.

— Я навелъ справки, доказывающія мою невинность... по дѣлу г-жи Перепелкиной.

— А!

— Мою взбалмошную тетку интересовало ваше мнѣ-

ніе обо мнѣ; она и поручила Перепелкиной узнать его.... Та-же, Богъ вѣсть съ чего, позволила себѣ...

— Съ чего-же ваша тетка, улыбнувшись перебила его Софи,—такъ интересуется мною и моими мнѣніями?

— Можетъ быть, благопріятнымъ отвѣтомъ, она думала доставить мнѣ удовольствіе, несмѣло отвѣтилъ Орестъ.

— Вотъ какъ! протянула Ильяшенкова и легкій румянецъ заигралъ на ея щекахъ;— Я и не знала, что вы дорожите моимъ мнѣніемъ!

— Софи! Еще чашечку, влетѣла Clé-Clé,—я выпью ее здѣсь, вдругъ надумалась она, быстро взглянувъ на сестру и Осокина, и усѣлась около самовара.

Орестъ былъ готовъ побить ее въ эту минуту.

— Vous êtes en compote ce soir? обратилась Clé-Clé къ молодому человѣку.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Вы точно чѣмъ-то недовольны.

Можетъ быть.

— Можно узнать чѣмъ?

— Нѣтъ нельзя.

— Tiens Clé-Clé, сказала Софи, передавая сестрѣ чашку.—Что вы не курите? спросила она Осокина.

Молодой человѣкъ закурилъ. Разговоръ не клеился.

— Décidément M-r Огневъ est d'une impertinence! воскликнула Clé-Clé:—какъ цѣлую недѣлю носу не показать!

Фамилія Огнева непріятно кольнула Ореста; онъ нетерпѣливо ждалъ, что скажетъ Софи.

— Il nous bande assurément, равнодушно замѣтила Софи. поймавъ напряженный взглядъ молодого человѣка;—Опять какая-нибудь муха укусила!

— За что-же ему гнѣваться, вмѣшался Осокинъ,—въ собраніи вы были съ нимъ такъ любезны...

— Да, сначала... но потомъ мы поссорились.

— Можно узнать причину?

— Я сказала ему, что не уважаю его матеріальныхъ взглядовъ, его ничегонедѣланія и страсти къ пріобрѣтенію благъ земныхъ.

Clé-Clé! показалась въ дверяхъ Юлія,—Пойдемъ же, кончимъ.

Клеопатра допила чашку и, къ великому удовольствію Ореста, ушла въ гостинную.

— Вы отпустили мнѣ мое прегрѣшеніе, Софья Павловна? свернулъ молодой человѣкъ на прежнюю тему.

— Какъ-же было не отпустить? Вы убѣдили меня въ своей невиновности et apres tout je ne suis pas rancuneuse.

— Такъ что я могу задать вамъ маленькій вопросъ?

— Говорите.

— То, чего не узнала Перепелкина, вы мнѣ скажите?

— Mon opinion sur vous?

— Да.

— А оно очень васъ интересуетъ! усмѣхнулась дѣвушка.

— Очень.

— Мнѣнія о васъ я самаго лучшаго.

Орестъ вспыхнулъ и, въ порывѣ радости, поцѣловалъ руку Софи; та смутилась немного и съ безпокойствомъ оглядѣлась по сторонамъ.

— Merci, прошепталъ молодой человѣкъ.

— За что-же? удивилась дѣвушка.

На этомъ разговоръ оборвался; чай отпили и Софья Павловна отправилась въ гостинную (Въ ея разсчеты не входила слишкомъ быстрая экспансивность). Осокинъ посидѣлъ около часа, но убѣдясь, что tête à tête продолженія имѣть не будетъ, откланялся и побѣжалъ къ сестрѣ сообщить о случившемся.

X.

Леонидъ Николаевичъ, вѣрный своей цѣли возбудить ревность Софьи Павловны, неустанно продолжалъ посѣщать Бирюковыхъ. Но другая недѣля приходила уже къ концу, а онъ все-таки не замѣчалъ сильнаго, какъ онъ ожидалъ, проявленія неудовольствія со стороны M-lle Ильяшенковой. Они встрѣчались въ обществѣ, говорили другъ съ другомъ и ничто не показывало, что Софья Павловна сердита на него за его ухаживаніе (Огневъ конечно позаботился уже о томъ, чтобы протрубить знакомымъ Ильяшенковыхъ о своей будто бы новой страсти) или желаетъ привлечь его снова на свою сторону. Ро-

дители и тѣ показывали видъ, какъ будто игнорируютъ рѣдкое посѣщеніе Леонида Николаевича; одна только Clé-Clé замѣтила ему однажды, что онъ забылъ ихъ, но и то сказано было это какъ то вскользь, въ видѣ свѣтской любезности.

Надежда Александровна, какъ мы видѣли, очень недолюбливала р-скаго льва; она постоянно избѣгала его и рѣдко выходила изъ своей комнаты, когда Огневъ являлся къ нимъ въ домъ. Сначала подобная тактика сердила избалованнаго Леонида Николаевича, но потомъ прирожденная самонадѣянность стала нашептывать ему другое: „избѣгаетъ слѣдовательно боится, а боится—значитъ неравнодушна ко мнѣ“ и заинтересовавшись легкой, какъ онъ думалъ, и не лишенной пикантности побѣдой Огневъ позабылъ на время коварную Софью Павловну. Бирюкова, какъ дама свѣтская, не захотѣла понятно облечь свое неблаговоленіе къ Леониду Николаевичу въ грубую форму; избѣгая его, она все таки изрѣдка принимала его. Къ этому побуждали ее съ одной стороны нежеланіе показать самонадѣянному донъ-жуану, что она боится его, а съ другой неотвязчивыя приставанія Владиміра Константиновича не третировать друга его „en canaille“. Подчиняясь этимъ двумъ стимуламъ, Бирюкова находила уже совершенно излишнимъ занимать непрошеннаго гостя, быть любезной или насиловать свое расположеніе духа; вотъ почему, въ разговорахъ съ Огневымъ, она по большей части была скучна, молчалива и разсѣянна. Леонидъ Николаевичъ, считавшій себя „irrésistible“, не преминулъ тотчасъ истолковать всѣ эти симптомы въ свою пользу и безповоротно рѣшилъ, что Надежда Александровна сильно увлеклась имъ и что только сознаніе долга и женская стыдливость мѣшаютъ ей высказаться. Одно обстоятельство еще болѣе укрѣпило его въ этой мысли: разъ, какъ-то передъ обѣдомъ. Огневъ встрѣтился съ Каменевымъ почти у самаго крыльца Бирюковыхъ и они вошли вмѣстѣ. Хозяйка, здороваясь съ молодыми людьми, почему-то покраснѣла и какъ-бы на минуту смѣшалась; это замѣтилъ Огневъ и тотчасъ-же заключилъ, что смущеніе Надежды Александровны произошло отъ свиданія съ нимъ при постороннемъ человѣкѣ и что она

втайнѣ негодуетъ на незваннаго посѣтителя. Убѣдившись въ непогрѣшимости своей проницательности, Леонидъ Николаевичъ не устоялъ противъ малодушнаго желанія съѣздить къ Ильяшенковымъ и, ловко бросивъ Софьѣ Павловнѣ нѣсколько прозрачныхъ намековъ на отношенія свои къ Бирюковой, порисоваться передъ дѣвушкой своей новой удачей и пренебреженіемъ къ прекраснымъ глазкамъ своего недавняго кумира. Но визитъ Огнева почти не произвелъ впечатлѣнія: слова молодого человѣка укололи только свѣтское самолюбіе Софи, не подѣйствовавъ нисколько на ея душевный строй: у нея былъ уже свой планъ, окончательно обдуманный, свой путь, на который она уже вступила.

Перемѣна въ сестрѣ крайне озабочивала Ореста; какъ ни былъ онъ занятъ своимъ дѣломъ и какъ, вслѣдствіе этого, не наблюдалъ плохо, но, бывая постоянно у Бирюковыхъ, не могъ не замѣтить что въ домѣ у нихъ творится что-то неладное и что многое отъ него укрываютъ. Дружба Владиміра Константиновича съ Огневымъ, его частые визиты, нервное и грустное расположеніе духа сестры—все это наводило его на многія и тяжелыя размышленія. Осокинъ начиналъ уже предполагать не влюбилась ли Надежда Александровна въ Огнева и насчетъ этого ему очень хотѣлось разспросить ее, но сестра замѣтно уклонялась отъ задушевныхъ разговоровъ и даже, въ послѣднее время, перестала говорить съ братомъ о его собственной любви. Оставалась одна Настя; но пытать ее молодой человѣкъ находилъ неудобнымъ и неделикатнымъ и даже оскорбительнымъ для Надежды Александровны.

Между тѣмъ Леонидъ Николаевичъ, слѣдуя своему неизмѣнному правилу „ковать желѣзо пока горячо“ и, вполнѣ разсчитывая на побѣду, рѣшился воспользоваться первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы въ конецъ разрушить слабое, по его мнѣнію, сердце Бирюковой. Случай этотъ вскорѣ представился. Не заставъ однажды Владиміра Константиновича дома, Огневъ получилъ отъ швейцара записку, въ которой Бирюкова просила дождаться его возвращенія. Леонидъ Николаевичъ снялъ шубу и прошелъ въ кабинетъ. Надеждѣ Александровнѣ доложили

и она, не сочтя приличнымъ оставлять гостя одного, вышла къ нему. Эту вѣжливость хозяйки Огневъ перетолковалъ конечно по своему и, просіявъ отъ восторга, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

— Чему, Надежда Александровна, обязанъ я тѣмъ, что вы приняли меня въ отсутствіи Владиміра Константиновича?

— Его запискѣ, Леонидъ Николаевичъ; я не сочла себя вправѣ манкировать обязанностями хозяйки.

— Вы такъ все это время были неблагосклонны ко мнѣ, что мнѣ простительно было задать вамъ этотъ вопросъ.

— Въ чемъ же вы замѣтили мою неблагосклонность? усмѣхнулась молодая женщина.

— Во всемъ... А между тѣмъ я, кажется, ничѣмъ не заслужилъ ее: кромѣ горячей преданности и глубокаго уваженія къ вамъ...

— Съ чего скажите пожалуста, перебила гостя Бирюкова,—пришло вамъ вдругъ въ голову признаваться мнѣ въ своихъ чувствахъ?

— Въ печальной жизни вашей, Надежда Александровна, истинные друзья далеко не лишнее... и если сердце, готовое идти за вами въ огонь и въ воду...

— Пожалуста никуда не ходите, насмѣшливо остановила его хозяйка,—ждите лучше мужа и садитесь въ пикетъ!

Франта слегка передернуло,—онъ начиналъ уже злиться; но идти прямо на проломъ—не рѣшался: съ Бирюковой губернскій левъ держался осторожно.

— Не думалъ я, чтобы искреннія слова мои были приняты съ такой ироніей!

— А какъ-же иначе? Вы, Богъ-вѣстъ съ чего, говорите нелѣпости о моей жизни, предлагаете свое сердце, когда я въ немъ не нуждаюсь,—согласитесь, что вѣдь это смѣшно, Леонидъ Николаевичъ!

— Вы жестки ко мнѣ... но какъ бы вы меня не поняли—я рѣшился открыть вамъ тайну, которую до сихъ поръ скрывалъ даже отъ самого себя.

Молодая женщина взглянула на гостя съ удивленіемъ.

— Вы кажется совсѣмъ уже заговорились, сказала она, не спуская съ него глазъ.

Огневъ не вытерпѣлъ и впалъ въ обычную дерзость.

— Нѣкоторое время можно скрывать чувства, продолжалъ онъ,—но потомъ они неминуемо должны обнаружиться... Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я думалъ, что неспособенъ любить, но теперь убѣдился въ противномъ: я люблю всѣми силами души—и въ этомъ чувствѣ для меня и жизнь и смерть!

Послѣднія слова Леонидъ Николаевичъ произнесъ какъ то особенно театрально.

Ну и поздравляю! съ холодной усмѣшкой, спокойно сказала Бирюкова, хотя лицо ея передергивало и она нервно кусала губы.

— Можетъ быть не съ чѣмъ, Надежда Александровна! съ напускной грустью замѣтилъ Огневъ;—Можетъ быть, взамѣнъ блаженства, меня ожидаютъ вѣчныя терзанія. можетъ быть та женщина, которую я боготворю, отвѣтитъ мнѣ однимъ презрѣніемъ!

— А, такъ вы находите, что есть за что?

— Надежда Александровна! порывисто вскочилъ франтъ;—Неужели вы не догадываетесь, что эта женщина - вы, что я васъ люблю!

Бирюкова вдругъ поблѣднѣла, потомъ вспыхнула; но ни единымъ словомъ не измѣнила себѣ и, съ ледянымъ спокойствіемъ, взявъ со стола колокольчикъ, позвонила. Огневъ вытаращилъ глаза. Вошелъ лакей.

— Стаканъ воды Леониду Николаевичу, съ едва замѣтнымъ волненіемъ, приказала она и, не взглянувъ на гостя, вышла изъ кабинета.

„А, дьяволъ тебя возьми!“ въ безсильной злобѣ прохрипѣлъ одураченный левъ и, дѣлать нечего, выпилъ принесенную воду.

XI.

О поступкѣ Огнева было тотчасъ-же передано Надеждой Александровной брату и мужу. Орестъ очень обрадовался, что подозрѣнія его, на счетъ отношеній сестры къ губернскому франту, рушились такимъ блестящимъ образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его крайне взбѣсила

манера, съ которою принялъ это извѣстіе Владиміръ Константиновичъ. Бирюковъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы его другъ, благовоспитанный Леонидъ Николаевичъ, могъ рѣшиться на подобную дерзость и всю эту исторію отнесъ къ разстроенному воображенію жены, которой во что бы то ни стало хотѣлось выжить Огнева изъ ихъ дома, въ ущербъ его, бѣднаго супруга, спокойствію. Но на этотъ разъ Надежда Александровна, поддерживаемая братомъ, настояла таки на своемъ: она объявила мужу, что если онъ находитъ приличнымъ принимать, послѣ подобнаго поступка, г Огнева,—то она ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не желаетъ этого допустить, и если негодяй этотъ явится къ нимъ въ домъ—она немедленно переселится къ брату и объявитъ роднымъ о невозможности жить съ подобнымъ мужемъ. Бирюковъ, сильно разсчитывавшій на поправленіе своихъ запутанныхъ дѣлъ весьма вѣроятной подачкой Ореста, при полученіи будущаго наслѣдства, моментально смолкъ и, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ передать Огневу рѣшеніе Надежды Александровны, конечно всячески постаравшись позолотить эту горькую для самолюбія франта пилюлю

Всѣ эти передряги естественно не могли не вліять на здоровье Бирюковой, тѣмъ болѣе, что супругъ ея день ото дня все болѣе и болѣе расширялъ кругъ своихъ неблаговидныхъ дѣяній.

Разъ какъ-то вечеромъ, вскорѣ послѣ происшествія съ Огневымъ, Осокинъ сидѣлъ въ спальнѣ Надежды Александровны; ей въ этотъ день что-то особенно не поздоровилось и она легла въ постель. Бирюковъ съ самаго утра уѣхалъ на охоту, Настя была у дѣтей и братъ съ сестрой оставались одни. Больная была очень грустна и изрѣдка нервно всхлипывала.

— Ну могу-ли я чувствовать къ этому человѣку что-либо кромѣ презрѣнія? продолжала она начатый разговоръ; —Ты помнишь, какъ онъ велъ себя въ прошлой исторіи... самолюбьишка-то даже нѣтъ! Теперь тайкомъ съ этимъ мерзавцемъ видится! Что-же это за мужчина, который за честь жены не только не можетъ—не хочетъ

даже вступиться! А его послѣдній поступокъ... разсказывать-то даже гадко!

— Что такое? спросилъ Орестъ.

— Третьяго дня получила я съ почты тысячу съ чѣмъ-то рублей; изъ этихъ денегъ пятьсотъ надо было тотчасъ уплатить процентовъ по закладной, а на остальные надо жить три мѣсяца. Я заперла ихъ въ шкатулку и ключъ положила къ себѣ въ карманъ; сегодня иду за деньгами — шкатулка отворена и пуста: супругъ мой деньги вытащилъ и всѣ до чиста проигралъ вчера въ карты!

Она не выдержала и заплакала.

— Чѣмъ теперь проценты платить?.. Чѣмъ жить? заговорила она помолчавъ;—А низость-то какая!

— Кому онъ проигралъ... Огневу? спросилъ Осокинъ.

— Говоритъ, что нѣтъ... Въ клубѣ кому-то... Присталъ сегодня ко мнѣ съ разными ласками (ты знаешь его манеру), чтобы я выпросила у дяди тысячъ хоть пять на уплату долговъ—я конечно отказала и онъ, чтобы утѣшиться, уѣхалъ на охоту!

— Надо, однако, Надя, выйти какимъ-нибудь образомъ изъ этого положенія... Пятьсотъ рублей, на уплату процентовъ, я смогу найти, но вѣдь необходимо подумать, на что жить... Брилліанты твои цѣлы?

— Давно пропали въ залогѣ! махнула рукой Бирюкова.

— А твоя усадебка въ какой суммѣ заложена?

— Въ пяти тысячахъ.

— Когда срокъ платежа процентовъ?

— На дняхъ; вотъ изъ этихъ пятисотъ рублей, которые Владиміръ Константиновичъ проигралъ, надо было и за Грязи внести.

Орестъ размышлялъ.

— Вотъ что Надя, послѣ небольшой паузы сказалъ онъ:—на твоего мужа разсчитывать нечего: служить онъ не способенъ, да и не хочетъ, а постоянно перевертываясь вы дойдете до нищеты; надо на что-нибудь рѣшиться.

— Да на что-же, Остя?

— Брось все и переѣзжай въ Грязи... Денегъ на время я тебѣ достану, а ты сейчасъ же переговори съ Татьяной Львовной и затѣмъ обратись къ дядѣ... Онъ любитъ тетку... И я съ ней поговорю...

— Но вѣдь это разрывъ, Остя!

— Пожалуй... А что-же придумать другое?

— Страшно! закрывъ лицо руками, содрогнулась Бирюкова.

— А перспектива нищенства, чахотки—не страшна?

— Стыдно просить... да врядъ-ли дядя и дастъ.

— Попытаться необходимо: время не терпитъ. Ты—не я; я трудиться могу, а ты связана дѣтьми и ничего заработать не можешь. Ну, не удастся у дяди—можно будетъ Владиміра Константиновича въ опеку взять...

— Скандалъ! ужаснулась Надежда Александровна.

— Хуже скандалъ будетъ, когда все у васъ продадутъ и ты съ дѣтьми вынуждена будешь руку протягивать.

— О Боже мой! простонала бѣдная женщина, бросаясь брату на шею;—Помоги. Остя, родной мой! залилась она слезами.

— Полно... успокойся... Богъ милостивъ. Устроимъ какъ-нибудь, утѣшалъ ее Орестъ;—денегъ я достану... хоть изъ-подъ земли вырою! Только не плачь... для дѣтей побережись...

— Охъ, дѣтки, дѣтки! воплемъ вырвалось у Бирюковой и, распустивъ руки, она упала на подушку. Изъ стѣсненной груди вылетѣло нѣсколько хриплыхъ стоновъ, по всему тѣлу пробѣжала судорога, другая, третья—и больная разразилась вдругъ сильнымъ истерическимъ плачемъ.

Орестъ совершенно растерялся; онъ впервые присутствовалъ при подобной сценѣ. Блѣдный, какъ полотно, бросился онъ на колѣни передъ сестрой, цѣловалъ ея руки, называлъ самыми нѣжными именами; потомъ схватилъ стоявшую въ стаканѣ воду и началъ брызгать ею въ лицо больной. Надежда Александровна сдѣлала движеніе рукой, какъ-бы отмахиваясь, но припадокъ не прекращался. Осокинъ, весь дрожа, отыскалъ колокольчикъ и началъ звонить изо всѣхъ силъ... Вбѣжала горничная.

— Настасью Сергѣевну сюда! крикнулъ онъ охрипшимъ голосомъ.—Да капель что-ли какихъ!

— Господи, что это такое? бросился онъ на встрѣчу Завольской.

Та поспѣшно отыскала спиртъ, капли и стала хлопотать около Бирюковой.

— Я за Каменевымъ съѣзжу, вполголоса предложилъ Орестъ.

Настя одобрительно качнула головой.

— Не надо! хотя слабо, но настойчиво сказала больная,—проходитъ...

— Все-бы лучше, замѣтилъ братъ.

— Нѣтъ! съ небольшимъ раздраженіемъ возразила Надежда Александровна;—Настя, милая, дайте мнѣ воды.

Осокинъ подалъ.

— Mercі! Теперь почти прошло... слабость одна... Я постараюсь уснуть. Остя, заѣзжай черезъ часокъ.

— Я здѣсь останусь, Надя, съ Настасьей Сергѣевной посижу.

— Ну хорошо. Что дѣти, спятъ?

— Уже съ полчаса какъ уложили.

Осокинъ вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ явилась и Завольская.

— Какъ вы встревожены, воскликнула она, вглядываясь въ его блѣдное лицо,— не хотите-ли чего нибудь?

— Нѣтъ, благодарю... я уже воды выпилъ... О Боже мой! всплеснулъ онъ руками, тяжело опускаясь на диванъ;—Счастье еще, что около нея есть такое доброе сердце, какъ ваше!

Онъ вдругъ схватилъ руку дѣвушки и крѣпко, нѣсколько разъ, пожалъ ее; яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Завольской.

— За мою бѣдную сестру! съ чувствомъ проговорилъ онъ.

Слезы блеснули въ глазахъ дѣвушки.

— Вы... добрѣе меня! тихо сказала она, стараясь скрыть свое смущеніе. Но молодой человѣкъ не разслышалъ этихъ словъ: подпершн голову руками, онъ думалъ тяжелую, скорбную думу.

— Орестъ Александровичъ, послѣ паузы, несмѣло начала Завольская,—извините, что я васъ побезпокою...

— Чѣмъ? быстро повернулся къ ней Осокинъ.

— ...Я-вѣдь къ вамъ на днихъ собиралась...

— Ко мнѣ? изумился Орестъ.

— Да; мнѣ надо переговорить съ вами, просить вашего совѣта, а здѣсь, вы сами знаете, это почти невозможно; вотъ только сегодня выдался такой случай.

— Да что такое?

— Помогите мнѣ въ дѣлѣ, которое для меня крайне тяжело, а для сестры вашей, смѣю думать, имѣетъ нѣкоторое значеніе.

— Господи! встревожился Осокинъ,—Еще! Говорите ради Бога!

— Вы знаете, какъ привязана я къ Надеждѣ Александровнѣ.. да оно и не могло быть иначе. потому что сестра ваша дѣйствительно чудная женщина: изъ наемницы она сдѣлала меня членомъ семейства, своимъ другомъ; такія вещи нами, чернорабочими, не забываются! Ихъ цѣнятъ и помнятъ до гробовой доски!.. Представьте же себѣ, какъ тяжело рѣшиться мнѣ, сознательно, сдѣлать непріятность Надеждѣ Александровнѣ! И въ теперешнее время, когда она страдаетъ, когда я знаю, что присутствіе мое въ ея домѣ было-бы не лишнимъ. А между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что я не могу поступить иначе—и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше!

Молодой человѣкъ въ недоумѣніи глядѣлъ на Настю.

— Вы хотите покинуть сестру? воскликнулъ онъ.

— Не хочу, а *должна*!

— Должны?! (Осокинъ задумался)—Владиміръ Константиновичъ? вдругъ догадался онъ.

Завольская утвердительно кивнула головой.

— Господи! вскричалъ взбѣшенный Орестъ;—И суда нѣтъ на такого негодяя!

— Самое трудное—скрывать отъ Надежды Александровны настоящую причину отъѣзда, а самое тяжелое — быть заподозрѣнной въ безсердечіи и неблагодарности. Ну да вы понимаете мое незавидное положеніе!

— Понимаю, Настасья Сергѣевна... Но понимаю и то, что сестра, разставшись съ вами, лишится единственной опоры...

— Что-же дѣлать? Научите меня ради Бога!

— Возможности нѣтъ вамъ оставаться здѣсь?

— Нѣтъ... По крайней мѣрѣ при теперешнемъ положеніи дѣлъ.

— Куда хотѣли вы ѣхать?

— Я разсчитывала на васъ, на доброту вашу, краснѣя проронила дѣвушка.

— И прекрасно сдѣлали, потому что для васъ я готовъ сдѣлать все отъ меня зависящее.

Завольская еще болѣе покраснѣла

— Мѣсто я постараюсь вамъ найти, но какъ уладить вашъ отъѣздъ, чтобы сестрѣ и вамъ это было-бы не такъ тяжело?... Вотъ что: сегодня-же я напишу нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ, а вы сдѣлайте милость пообождите немного и не начинайте ничего безъ моего вѣдома: сдается мнѣ, что можетъ быть дѣло обойдется и безъ вашего отъѣзда.

— Это невозможно, Орестъ Александрычъ!

— Ну, тамъ увидимъ!.. Такъ такъ?

— Благодарю Васъ... отъ всего сердца!

Она робко протянула ему свою дрожавшую руку.

— Отнынѣ будутъ у меня двѣ заботы, улыбнулся Осокинъ, пожимая руку дѣвушки:—устроить, по возможности лучше, сестру и васъ.

Изъ спальни раздался звонокъ и сначала Настя, а потомъ и Орестъ вошли къ Надеждѣ Александровнѣ.

XII.

Зима описываемаго нами года стала быстро и прочно; на другой-же день, послѣ перваго снѣга, дорогу укатали и образовалась отличнѣйшая первопутка. M-me Соханская, великая, какъ намъ извѣстно, охотница до всевозможныхъ parties de plaisir, смутила молодежь, та въ свою очередь знакомыхъ дамъ и дѣвицъ—и первый пикникъ былъ рѣшенъ Сначала думали устроить его по подпискѣ, но, одинъ изъ мѣстныхъ богачей, князь Сильванскій, старый холостякъ, пригласилъ общество въ свою подгородную усадьбу и обѣщалъ повеселить дорогихъ гостей. Ильяшенковы, понятно, были тоже изъ участвовавшихъ; Осокинъ добылъ тройку и предложилъ ее дѣвицамъ. Предложеніе было принято и любезный кавалеръ, какъ водится, приглашенъ былъ въ спутники. Старики Ильяшенковы съ Юліей должны были ѣхать въ своихъ саняхъ, а Софи и Clé-Clé съ Орестомъ.

Владиміръ Константиновичъ, не смотря на то, что проигрался въ пухъ, снарядилъ прекрасную тройку и чуть не сплошь разукрасилъ ее разноцвѣтными кокардами и бантами. Крупный разговоръ, который имѣли съ нимъ жена и Осокинъ, по поводу послѣдней его продѣлки, какъ и слѣдовало ожидать, скользнулъ по немъ даже не разсердивши его и онъ, со свойственною его натурѣ дряблостью, не обращая вниманія на то, что и Надежда Александровна и шуринъ явно показывали ему полнѣйшее пренебреженіе, на другой же день послѣ болѣзни жены сталъ ухаживать за нею и униженно молить о прощеніи Бирюкова, чтобы отвязаться, дала поцѣловать ему руку, но отъ предложенія участвовать въ пикникѣ на отрѣзъ отказалась. Просьбы брата также не подѣйствовали на нее и только благодаря авторитету Каменева, объявившему о необходимости развлечься. Надежда Александровна согласилась, пригласивъ доктора сопутствовать ей въ предстоявшей прогулкѣ.

Въ назначенный день, около часу, все общество собралось въ залѣ дворянскаго дома; дамамъ былъ предложенъ чай и кофе, мужчинамъ легкая закуска; обо всемъ этомъ позаботился любезный предводитель. Потомъ разсѣлись въ сани, и поѣздъ изъ десятка-другого экипажей, при веселомъ смѣхѣ и оживленной болтовнѣ, гремя бубенчиками, тронулся въ путь. День былъ морозный, ясный; солнце ярко свѣтило съ голубовато-блѣднаго, безоблачнаго неба и лучи его искрились по молодому, чистому снѣгу мирріадами алмазныхъ точекъ. Подъѣхавъ къ заставѣ, колокольчики отвязали; передняя тройка прибавила ходу, слѣдующія послѣдовали ея примѣру и вся вереница саней, со звономъ и шумомъ, блестя наборной сбруей и лакированными дугами, осыпаемая снѣжною пылью, быстро помчалась впередъ.

Софи и Clé-Clé сидѣли рядомъ, Осокинъ напротивъ; молодой человѣкъ не сводилъ глазъ съ оживленнаго, раскраснѣвшагося лица Софи, съ ея стройной фигуры, закутанной въ изящную бархатную шубку. Какой-то смѣлой, захватывающей за сердце, красотой блистала дѣвушка и какъ мизерна казалась Оресту сидѣвшая рядомъ съ ней Clé-Clé, маленькая, сухонькая, съежившаяся отъ

мороза, съ лицомъ спрятаннымъ въ муфту! Ни разу еще до сихъ поръ не производила Софи такого полнаго впечатлѣнія на молодого человѣка, ни разу не чувствовалъ онъ въ себѣ такого сильнаго прилива страсти какъ въ настоящія минуты; теперь, окруженная этою безграничною ширью, на этой лихой тройкѣ, осыпаемая снѣгомъ, съ внезапно пробудившеюся удалью въ сверкавшихъ глазахъ. Софи казалась ему во сто разъ прелестнѣе, чѣмъ въ душной залѣ, въ какомъ нибудь эфирномъ платьѣ, въ обществѣ млѣющихъ предъ нею кавалеровъ. И страстно хотѣлось Осокину преклониться предъ этой поражающей красотой и вымолить хотя теплое слово, ничтожную ласку...

— Какъ жаль, что нельзя выѣхать изъ ряда! воскликнула Софи.

— А что? спросилъ Орестъ.

— Ужасно люблю сильныя ощущенія! Мнѣ кажется, что тройка наша не довольно скоро подвигается.

— Васъ захватываетъ быстрая ѣзда?

— Да; въ этомъ бѣшеномъ бѣгѣ, какъ то вольнѣе дышется!

— Обгоняй! крикнулъ Осокинъ ямщику и шепнулъ ему что то на ухо. Тотъ живо подобралъ возжи и ловко объѣхавъ нѣсколько переднихъ саней лихо вылетѣлъ впередъ и понесся дѣйствительно сломя голову.

— Чудо какъ хорошо! весело вскричала Софи.

Не понимаю, пробормотала Clé-Clé. отнимая отъ лица муфту;—что тутъ чуднаго? Вѣтеръ рѣжетъ лицо, лошади осыпаютъ снѣгомъ... А на васъ разсердятся, послѣ небольшой паузы, замѣтила она Оресту.

— За что?

— За то что вы нарушили свѣтскую вѣжливость и ѣдете впереди даже губернатора, распорядителя праздника.

— Ахъ Боже мой, перебила сестру Софи,—не ѣхать же намъ шагомъ потому только, что у его превосходительства лошади плетутся нога за ногу!

— Пошелъ! крикнулъ ямщику Осокинъ.—Доѣхавъ до усадьбы, мы дождемся губернатора, Клеопатра Павловна, и пропустимъ его впередъ успокойтесь.

— Невѣжливости вашей мы все-таки этимъ не по-

правимъ, сказала Clé-Clé и поторопилась уткнуть носъ въ муфту.

Вдали показалась усадьба Сильванскаго; на горѣ, боковымъ фасадомъ упираясь въ крутой берегъ рѣки, стоялъ большой каменный домъ, въ средневѣковомъ стилѣ, съ башнями по угламъ, и цѣлымъ верхнимъ этажемъ, залитымъ огнями, выглядывалъ изъ за слегка посеребреннаго первымъ морозцемъ сада, живописно спускавшагося по отлогостямъ горы. Длинная березовая аллея вела къ дому. Подъѣхавъ къ ней, Орестъ велѣлъ ямщику остановиться; уже темнѣло и блѣдноватый серпъ луны все яснѣе и яснѣе проступалъ на густѣвшей синевѣ ночного неба; морозъ крѣпчалъ и едва замѣтный вѣтерокъ начиналъ заигрывать въ верхушкахъ старинныхъ березъ, по временамъ сдувая съ вѣтвей мелкія снѣжныя блестки. Въ ожиданіи отставшихъ, ямщикъ сошелъ съ козелъ, осмотрѣлъ лошадей, отъ которыхъ паръ такъ и валилъ, и началъ топтаться на мѣстѣ, постукивая одной ногой о другую. Осокинъ закурилъ папиросу.

— Merçi, Орестъ Александровичъ, вы доставили мнѣ большое удовольствіе, сказала ему Софи: - давно я такъ хорошо не каталась.

Орестъ просіялъ.

— За то Клеопатрѣ Павловнѣ я кажется не угодилъ? улыбнулся онъ.

— Совершенно! отвѣтила Clé-Clé; впрочемъ у васъ нѣтъ таланта угождать всякому.

— Отсутствіе подобнаго таланта — достоинство по моему, подхватила Софи:—это значитъ только, что М-г Осокинъ неспособенъ быть и нашимъ и вашимъ!

— Положительно не могу... и очень радъ что вы, Софья Павловна, меня такъ поняли!

Поѣздъ приблизился и ямщикъ Ореста, пропустивъ впередъ половину саней, въѣхалъ въ рядъ. Нѣсколько любопытныхъ взглядовъ, въ томъ числѣ Леонида Николаевича и Соханской, брошено было на Осокина и его спутницъ, многое множество предположеній родилось въ головкахъ дамъ и дѣвицъ. Но вотъ мелькнули мимо путешественниковъ бѣлыя каменныя ворота и изъ-за угла блеснулъ яркій свѣтъ громаднаго рефлектора, освѣщав-

шаго подъѣздъ. Первыя сани остановились и два лакея, во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, отстегнувъ полсть, высадили губернатора и избранную имъ даму, М-me Соханскую; за губернаторомъ стали опоражниваться и другіе экипажи. Гости входили въ большія сѣни, изъ которыхъ направо и налѣво приготовлены были дамскія и мужскія уборныя. Представительный Сильванскій принималъ гостей на верхней площадкѣ парадной лѣстницы, ярко освѣщенной и уставленной экзотическими растеніями. Бальная зала горѣла огнями и на украшенной зеленью и цвѣтами эстрадѣ стоялъ оркестръ, капельмейстеръ котораго, съ смычкомъ въ рукѣ въ ожиданіи сигнала, не спускалъ глазъ съ дверей небольшой круглой аванъ-залы, гдѣ собирались пріѣхавшіе. Но вотъ хозяинъ подалъ руку губернаторшѣ... капельмейстерскій смычекъ разсѣкъ воздухъ, грянулъ польскій—и гости попарно стали входить въ залъ; затѣмъ начались танцы.

Первый вальсъ и предобѣденную кадриль Орестъ танцовалъ съ Софи; давно уже не помнилъ онъ себя до такой степени счастливымъ. Софи была любезна, весела и, скажемъ отъ себя, дѣйствительно увлечена въ этотъ вечеръ молодымъ человѣкомъ. Когда начали шестую фигуру, Осокинъ попросилъ у нея позволенія сѣсть за обѣдомъ рядомъ съ ней и, получивъ разрѣшеніе, просто растаялъ отъ восторга. Но счастіе его достигло крайнихъ предѣловъ, когда М-г Огневъ, безуспѣшно рисовавшійся передъ Софи въ теченіи всей кадрили, по окончаніи ея подлетѣлъ къ Ильяшенковой съ любезностями и разными сѣтованіями: Софья Павловна такъ холодно приняла свѣтскаго льва, такъ сухо отказалась танцовать съ нимъ, что тотъ, съ перекошеннымъ отъ досады лицомъ, изъ приличія пробормоталъ что-то невнятное и полетѣлъ къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— У нихъ опять на ладъ пошло! пожаловался онъ.

— Вижу и удивляюсь вашей навязчивости.

— Хочу разстроить свадьбу!

Генеральша разсмѣялась.

— Чему же вы смѣетесь Ketty? Не вы-ли сами наболтали разныхъ разностей Перепелкиной, съ цѣлью поселить раздоръ между Софи и Осокинымъ?

— Это правда, но вы видите результатъ: полное соглашеніе! Я сдѣлала это, желая угодить вамъ и въ родѣ пробы—не болѣе... А ваши пресловутыя пробужденія ревности и самолюбія—къ чему привели они? Къ полному фіаско?... De grâce, замѣтивъ его желаніе оправдаться, перебила его молодая женщина,—n'allez pas me débitter des mensonges—я вѣдь имъ не повѣрю... Вспомните лучше, что говорила я вамъ въ самомъ началѣ: пусть женятся, а тамъ...

— Но уступить дорогу какому-нибудь Осокину!

— Ce „какой-нибудь" aura les poches pleines, cher ami, tandis que vous...

Катерина Ивановна печально развела руками.

Франтъ бѣсился.

— Que faire, chou-chou, утѣшала его Соханская,—il aura le bouton et vous la rose—такъ видно судьбѣ угодно!

— Хоть-бы этотъ проклятый процесъ поскорѣе выиграть!

— Ахъ! комично вздохнула Соханская;—хотя бы эти проклятыя двѣсти тысячъ мнѣ поскорѣе выиграть!

Огневъ зло посмотрѣлъ на нее.

Не сердитесь... Бросьте все это до времени, а затѣмъ мы сообща будемъ дѣйствовать et je vous jure que l'affaire marchera toute seule... Я вѣдь тоже имѣю свои причины насолить Осокину.

Пока шелъ этотъ разговоръ, Орестъ, совершенно довольный и счастливый, бродилъ въ ожиданіи обѣда по парадныхъ комнатамъ княжескаго дома, приглядывался къ карточнымъ столамъ и совершенно нечаянно добрался до зимняго сада. Бѣлый матовый свѣтъ мягко лился изъ его растворенныхъ дверей, сглаживая рѣзкіе контуры темно зеленыхъ пальмъ, громадныхъ лавровъ и миндальныхъ деревъ и широколистныхъ арумовъ Посреди галлереи, изъ большаго, изящно убраннаго ноздреватымъ камнемъ и ползучими растеніями, акваріума билъ фонтанъ, мелкою пылью осыпавшій свѣсившіяся по сторонамъ вѣтви апельсинныхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Изъ-за группъ зелени сквозили бѣлые шары лампъ, а по угламъ сада, передъ чугунными диванчиками, стояли небольшіе мраморные столики. Все было тихо; бальный

шумъ доносился сюда лишь въ видѣ неяснаго гула и только слабо журчалъ фонтанъ, равномѣрно роняя въ бассейнъ свои свѣтлыя, прозрачныя капли. Осокинъ сѣлъ на стоявшую въ нишѣ скамейку и погрузился въ мечты: „вотъ бы куда привести Софи, въ этотъ таинственный полусвѣтъ, подъ благоухающую сѣнь этихъ чудныхъ растеній, и подъ мягкій ропотъ этой падающей воды отдать ей свое сердце навсегда, на всю жизнь!... О, какъ чудно прозвучали бы мнѣ, въ этомъ райскомъ уголкѣ, слова любви съ ея дорогихъ для меня устъ!

И, какъ-бы въ отвѣтъ на грезы Ореста, изъ противоположнаго конца сада вдругъ долетѣлъ до него грустный, словно сквозь слезы, полушепотъ:

— Но развѣ нельзя остаться вамъ здѣсь? Нельзя развѣ? спрашивалъ женскій голосъ.

— Нѣтъ! глухо отвѣчалъ мужской.—Тѣ роковыя слова, которыя только что сорвались у меня съ языка, та недостойная мужчины слабость, которую я обнаружилъ въ разговорѣ съ вами—мой приговоръ... Ни одного дня не долженъ я болѣе оставаться здѣсь!

Осокинъ затрепеталъ и вся кровь мгновенно прилила къ сердцу: въ разговаривающихъ онъ узналъ сестру и Каменева! Первымъ движеніемъ молодаго человѣка было тотчасъ-же встать и удалиться, но надежда на то что, быть можетъ, онъ ослышался остановила его.

— На кого-же вы оставляете меня? Что меня ожидаетъ? восклицала Бирюкова.

— Надежда Александровна! Счастіе наше сомнительно; остановимтесь-же во время... Повѣрьте: присутствіе мое здѣсь не принесетъ вамъ ничего кромѣ горькихъ минутъ... За одну улыбку воображаемаго счастія вы легко, можетъ статься, заплатите мученіями цѣлой жизни—за что-же?.. Теперь чувство наше чисто; мы хоть и плачемъ надъ нимъ, но стыдиться намъ нечего!

Сомнѣваться было невозможно; съ жгучей болью въ сердцѣ, быстро вышелъ Орестъ изъ сада. „Такъ вотъ, мучительно думалъ онъ, гдѣ разгадка того, что я такъ напрасно силился узнать, вотъ гдѣ корень болѣзни моей бѣдной сестры!“ и, подобно клубку, конецъ котораго вдругъ отыскался, стали разматываться передъ нимъ тѣ

мелочныя обстоятельства и случаи, которымъ прежде онъ не придавалъ значенія.

Размышленія Осокина были прерваны приглашеніемъ къ обѣду. Онъ пошелъ отыскивать свою даму, предварительно постаравшись отогнать отъ себя тяжелыя мысли; сначала это удавалось ему плохо, впечатлѣніе было еще слишкомъ свѣжо, такъ что Софья Павловна даже замѣтила его озабоченное состояніе, но потомъ взглянувъ на сестру, которая мастерски надѣвала на себя личину веселости, онъ мало по малу успокоился, а близость любимой женщины и мечты о собственномъ счастіи скоро вытѣснили изъ его памяти грустную сцену въ саду.

Послѣ роскошнаго обѣда, гости разбрелись по комнатамъ съ чашками чая и кофе; образовались кружки, нѣкоторые усѣлись за карты. Къ Оресту подошла сестра; завидѣвъ ее, молодой человѣкъ не могъ подавить въ себѣ тяжелаго чувства: оно такъ вдругъ и нахлынули на него, съ прежнею силою, при появленіи Бирюковой.

— А тебя можно поздравить, съ улыбкою проговорила она, тронувъ брата за плечо и отводя его въ уединенный уголъ гостинной: ты счастливъ!

— Да, Надя... И желалъ-бы, чтобы и другіе, милые моему сердцу, были такъ же счастливы!

Бирюкова вздохнула и провела рукою по глазамъ.

— Не для меня счастіе, Остя! печально вымолвила она - и слезы послышались въ ея голосѣ.

— Надя, Надя! въ волненіи схватилъ Осокинъ обѣ руки сестры;—У тебя другое горе ѣсть, сильнѣе, чѣмъ семейное! Ты не хочешь высказаться... Я вѣдь вижу... Изъ-за такихъ людей, какъ твой мужъ, не мучатся, не страдаютъ - ихъ презираютъ только!

Бирюкова слегка измѣнилась въ лицѣ; „онъ что-нибудь замѣтилъ!“ мелькнуло у нея въ головѣ

— Не понимаю я о чемъ ты говоришь, холодно возразила она:—какое-же горе можетъ быть сильнѣе того, которое я испытываю?. Мужъ—негодяй, средствъ нѣтъ, сердце разбито—чего-же еще?

Орестъ съ грустью взглянулъ на сестру; онъ ясно видѣлъ, что откровенности отъ нея не дождешься, что даже намека одного было достаточно, чтобы измѣнить

тонъ ея разговора. Онъ тотчасъ-же прекратилъ его и, воспользовавшись первымъ подвернувшимся предлогомъ, отошелъ отъ Надежды Александровны. Проходя въ танцовальную залу, Осокинъ обернулся и, увидавъ Каменева подходившаго къ Бирюковой, горячо пожелалъ, чтобы отъѣздъ доктора, рѣшенный въ саду, состоялся въ дѣйствительности и какъ можно скорѣе.

Въ залѣ раздавался гулъ смѣшанныхъ голосовъ, женскій смѣхъ, шумъ шаговъ и передвигаемыхъ стульевъ. Разносили конфекты и фрукты. Замѣтивъ Софи въ одномъ изъ кружковъ около эстрады, Орестъ направился къ ней, пробираясь между ходившими дамами и наставленными въ безпорядкѣ стульями, какъ вдругъ на самой серединѣ былъ остановленъ милѣйшимъ Владиміромъ Константиновичемъ, который уписывая за обѣ щеки громадиѣйшую дюшессу, лѣвой рукой предложилъ шурину, помѣщавшуюся на ней, кучку конфектъ; тотъ вытаращилъ глаза: „вотъ мѣдный-то лобъ!“ подумалъ онъ и отказался.

Что-же такъ? усмѣхнулся Бирюковъ; — или и безъ конфектъ много сласти выпало тебѣ сегодня на долю?

— Не понимаю я вашихъ остротъ! пожалъ плечами Орестъ и повернулся чтобы идти.

— А дамочка-то, ухъ канальство!, съ какими каленными глазами! остановилъ его зять,—Такъ-вотъ и пышетъ!

— Какая дамочка? нетерпѣливо спросилъ Осокинъ, порываясь уйти.

— А вонъ та, къ которой ты пробираешься! безцеремонно кивнулъ головой Бирюковъ въ сторону Софи.

— Вы—совершенный невѣжа! взбѣсился Осикинъ.

— А ты можетъ думаешь, что всѣ дураки, не видятъ! Орестъ отвернулся и пошелъ прочь.

Около Софи замѣтилъ онъ незнакомую дѣвицу, Огнева и нѣкоторыхъ другихъ кавалеровъ. Леонидъ Николаевичъ сидѣлъ немного поодаль и, развалившись корчилъ изъ себя Печорина: зѣвалъ, чистилъ Богъ-вѣсть для чего, привѣшеннымъ къ часовой цѣпочкѣ ножичкомъ, свои и безъ того выхоленные ногти и саркастически улыбался, вслушиваясь въ любезности увивавшихся около Софи юношей. При приближеніи Ореста, онъ взглянулъ

на него и, вспомнивъ, что съ нимъ сегодня еще не здоровался, несовсѣмъ рѣшительно проговорилъ:

— Bonjour!

Осокинъ отвернулся и молча прошелъ мимо скучающаго франта. Тотъ не совладалъ съ собой и сконфузился. Софи, отъ вниманія которой рѣдко что укрывалось, замѣтила это и подозвала Ореста.

— Садитесь, ласково предложила она ему,—и, въ ожиданіи танцевъ, поболтаемъ.

Осокинъ сѣлъ.

— Vous venez de donner une petite leçon? улыбнулась она, очень хорошо зная, какъ пріятны будутъ Оресту эти слова.

— Я просто не хотѣлъ отвѣтить на его поклонъ.

— За что?

— Monsieur est trop mal élevé!

Софи болѣе не настаивала.

— Ne ferons nous pas un petit tour? спросила сидѣвшая около Ильяшенковой дѣвушка.

— Pourquoi pas, отвѣтила Софи.

— А кстати у меня и планъ готовъ, сказалъ Осокинъ:—вы видѣли зимній садъ?

— А развѣ есть?

— Прелестный... Желаете, чтобы я былъ вашимъ чичероне?

— Съ удовольствіемъ. Méry, serez-vous de la partie? обратилась Софи къ своей сосѣдкѣ.

— Volontiers, отвѣчала та и поднялась съ мѣста.

Орестъ предложилъ руку Софи, одинъ изъ юношей ея спутницѣ, и молодые люди тронулись.

— Вы опять не въ духѣ? замѣтила Софи своему кавалеру.

— Что дѣлать: обстоятельства такъ складываются! вздохнулъ молодой человѣкъ.

— Вы однако капризны!

— Я увѣренъ, что вы извините мой капризъ, когда узнаете его причину.

— А въ чемъ она заключается?

— Мнѣ ужасно хочется танцовать съ вами эту кадриль, а между тѣмъ...

— Но я танцую съ вами слѣдующую...

Въ это время они вошли въ садъ и раздѣлились на пары; Софи съ Осокинымъ осталась у фонтана, а юноша съ своей дамой отправился далѣе.

— Вы не поняли меня, Софья Павловна, съ волненіемъ проговорилъ Орестъ:—мнѣ хотѣлось бы весь вечеръ танцовать съ вами... не отходить отъ васъ...

Софи вспыхнула и въ смущеніи опустилась на близъ стоявшую скамейку.

— Когда на дняхъ, въ первый разъ послѣ разговора въ собраніи, съ жаромъ продолжалъ молодой человѣкъ,—вы съ прежнею снисходительностію отнеслись ко мнѣ—я ожилъ... Сегодня я не знаю, что со мной .. я самъ удивляюсь своей смѣлости... Простите, но я выскажусь: я люблю васъ, Софья Павловна!

Кровь ударила въ голову Осокина и, весь замирая, съ лихорадочнымъ трепетомъ, взглянулъ онъ на Софи. Она сидѣла склонивъ голову и, закрывшись вѣеромъ, тяжело и часто дышала. Волненіе охватило и ее: ноздри ея расширились черные глаза сверкнули изъ-подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ, но она молчала и только нервно перебирала отдѣлку своего чернаго шелковаго платья.

— Софья Павловна! подсѣлъ къ ней рядомъ Орестъ и робко, дрожащей рукой прикоснулся къ рукѣ дѣвушки;— отдайте мнѣ эту руку... отдайте на всю жизнь!

Головка Софи медленно повернулась и она, вся дышащая жизнью, озаренная торжествомъ, устремила на него свои глубокіе, горѣвшіе страстью, глаза.

— И вы не оттолкнете ее? Никогда? медленно, прерывающимся голосомъ уронила она.

— Никогда! воскликнулъ Осокинъ и, въ безпредѣльномъ упоеніи, поднесъ руку дѣвушки къ своимъ горячимъ, трепещущимъ губамъ.

XIII.

Ильяшенковы собрались въ обратный путь немного ранѣе прочихъ гостей; Анна Ильинишна жаловалась на мигрень а Павелъ Ивановичъ, кончивъ свою партію, на-

ходилъ, что у Сильванскаго дѣлать было больше уже нечего. Къ Ильяшенковымъ присоединились еще два благоразумныя семейства и четыре тройки, со звономъ и громомъ, съѣхали со двора княжеской усадьбы, увозя своихъ сѣдоковъ, довольныхъ и недовольныхъ впечатлѣніями пережитаго дня.

Ночь была свѣтлая, и тонкая пелена молодого снѣга ярко бѣлѣла при лунномъ сіяніи. Длинныя темныя тѣни деревьевъ ложились черезъ дорогу и, переплетаясь разнообразными узорами, принимали самыя фантастическія очертанія. Окрестность тихо дремала, окутанная морозною мглою, и въ этой строгой тишинѣ какъ-то непріятно звучалъ рѣзкій звонъ колокольца, скрипъ полозьевъ или отрывистое карканье взбуженной вороны.

Осокину счастье какъ-то особенно благопріятствовало въ этотъ вечеръ: не успѣли отъѣхать и версты, какъ Clé-Clé объявила, что ей холодно и пересѣла въ кибитку своей пріятельницы. Замѣтила-ли она, что въ саняхъ Ореста она лишняя или просто показалось ей скучнымъ слушать чужой разговоръ, не принимая въ немъ участія, только будущіе женихъ и невѣста остались одни. Осокинъ тотчасъ-же воспользовался этимъ и приступилъ къ разговору, который во весь вечеръ тяжелымъ камнемъ лежалъ у него на душѣ.

— Софья Павловна, началъ онъ,—вы не разсердитесь, если вмѣсто поэзіи, которой полно мое сердце, я на нѣсколько минутъ обращусь къ вамъ немного прозаически?

Софи посмотрѣла на него какъ-то сбоку и отвѣтила:

Нисколько... и въ доказательство того, что я не сержусь на васъ—прошу отнынѣ называть меня не Софьей Павловной, а просто Софи... Sophie tout court... Cela vous va? кокетливо улыбнулась дѣвушка.

— Еще-бы въ восхищеніи воскликнулъ молодой человѣкъ и потянулся за ручкой, спрятанной въ муфту.

— Voyons un peu: quelle prose allez vous me débiter? ежась отъ холода и вкладывая руку обратно, спросила Ильяшенкова.

— Если вы, M-lle Sophie (Орестъ никакъ не могъ рѣшиться выговорить просто Софи), согласились отдать

мнѣ ваше сердце, то вы конечно намѣрены раздѣлять мои убѣжденія—не такъ-ли?

Дѣвушка нѣсколько встревожилась, но утвердительно кивнула головой.

— Главными изъ нихъ, понижая голосъ, продолжалъ Орестъ,—я считаю откровенность и прямоту дѣйствій; и вотъ почему мнѣ хочется, прежде чѣмъ я буду говорить съ вашими родителями, объясниться съ вами, чтобы на будущее время въ отношеніяхъ нашихъ не было ничего недосказаннаго.— Вы считаете меня богачемъ?

Быстрый пытливый взглядъ сверкнулъ изъ подъ густыхъ рѣсницъ дѣвушки; она какъ-бы задумалась на минуту. но тотчасъ-же оправилась и весьма равнодушно проговорила:

— Я этимъ не интересовалась.

Радость отразилась на лицѣ Осокина; маневръ Софи ускользнулъ отъ его вниманія.

— Но вы должны были слышать о моемъ будущемъ наслѣдствѣ?

— Слышала, но къ чему этотъ разговоръ?

— А къ тому, M-lle Sophie, что я не имѣю права оставлять васъ въ невѣдѣніи: своего у меня только небольшое родительское имѣніе и служба;—всего тысячъ около двухъ съ чѣмъ-то дохода.

— Развѣ дядя лишилъ васъ наслѣдства?

— Нѣтъ; и даже не лишитъ—въ этомъ я увѣренъ, но я самъ откажусь отъ него.

— Софи, въ неописанномъ изумленіи, посмотрѣла на молодого человѣка.

Какъ?! Вы откажетесь?.. Да вслѣдствіе чего-же? вырвалось у нея.

— Вслѣдствіе того, что состояніе это нажито по моему не совсѣмъ правильно, тихо проговорилъ Орестъ.

Софи обдумывала.

— ...По моимъ убѣжденіямъ я не могу принять его... Эти деньги будутъ жечь мнѣ руки...

„Бредъ пылкаго, честнаго юноши“, разсуждала въ это время Софи,—„но, къ сожалѣнію, перешедшій границы... Это донкихотство, которое я не могу допустить и не допущу!—А если это—твердое убѣжденіе, которое

не сломишь?... Вздоръ! Къ чему-жъ тогда моя красота, мои ласки? Развѣ не въ моей власти сдѣлать ихъ всесильными?"

Все это молніей сверкнуло въ головѣ дѣвушки и когда Осокинъ возобновилъ разговоръ - планъ ея былъ уже составленъ и кроткая улыбка блуждала на ея коралловыхъ губкахъ.

— Я протянула вамъ руку, Орестъ, мягкимъ, ласкающимъ голосомъ сказала она,—не для того, чтобы идти врозь съ вами... Не богатства искала я въ васъ, а человѣка, который бы любилъ меня, который...

— И вы нашли его Софи! въ безумной радости прошепталъ Осокинъ, страстно припадая къ рукѣ дѣвушки; - Твой я, твой на всю жизнь! задыхаясь добавилъ онъ.

И я—твоя, тихо склонилась къ нему Софи.

XIV.

На другой день утромъ, когда по обыкновенію дѣвицы Ильяшенковы явились въ спальню Анны Ильинишны поздороваться съ матерью, генеральша встрѣтила Софи слѣдующимъ нравоученіемъ:

— Ma fille, quoique vous avez vos vingt-deux ans—вы должны знать что, пока вы въ дѣвицахъ, мать отвѣчаетъ за васъ передъ свѣтомъ. Вчера вы вели себя неприлично, comme une demoiselle sans éducation, и я, скрѣпя сердце, должна выразить вамъ свое неудовольствіе.

Софи очень хорошо знала, что мать думаетъ иначе, что вся тирада эта высказана Анной Ильинишной только ради сохраненія своего родительскаго достоинства и что вслѣдъ за ея отвѣтомъ неминуемо послѣдуетъ торжественный поцѣлуй въ лобъ, а потому и рѣшилась не прерывать ея рѣчи, потѣшить мать на послѣдкахъ

— Ты настолько хорошо воспитана, продолжала старуха,—что должна знать, что принято въ обществѣ и что нѣтъ. Hier vous avez fait infraction à ses lois: цѣлый день не разлучались съ Осокинымъ! Je vous demande un peu: est-ce qu' une fille bien née se mettra ainsi à la risée de tout le monde?

Софи молчала и только кусала губы: ее ужасно смѣшила серьезность, съ которой мамаша разыгрывала эту комедію.

— Et vous, Clé-Clé, обратилась Ильяшенкова къ младшей дочери.—vous vous êtes permis une chose sans nom: пересѣсть въ чужой экипажъ и оставить votre soeur наединѣ съ молодымъ человѣкомъ!

— Ямщикъ былъ! возразила Клеопатра.

Vous dites des sottises!

— Не мерзнуть же было мнѣ, maman, въ открытыхъ саняхъ!

— Mais vous deviez faire attention aux conséquenses, a ce que dira le monde!

— Le monde n'aura rien à dire, maman, вмѣшалась Софи, которой уже надоѣла эта сцена:—я—невѣста М-г Осокина!

Краска удовольствія проступила на лицѣ Анны Ильинишны, но это однако не помѣшало ей выдержать до конца свою роль и притвориться удивленной:

— Ты—невѣста?.. Безъ моего согласія?... Je n'en reviens pas! театрально всплеснула она руками.

— Вчера по пріѣздѣ, хотѣла я сообщить вамъ, maman, о предложеніи Осокина, но вы были такъ утомлены, что я боялась васъ обезпокоить.

— Въ такихъ важныхъ случаяхъ бояться нечего: это былъ твой долгъ и ты должна была его исполнить, наставительно замѣтила генеральша;—Дать слово не посовѣтовавшись со мной!... Безъ моего благословенія! воскликала она

— Я была увѣрена, что выборъ мой не встрѣтитъ порицанія съ вашей стороны.

— Это почему?

— Потому, maman, что вы слишкомъ хорошо знаете людей и не допустили бы до сближенія съ вашей дочерью человѣка недостойнаго.

— Д-да... c'est comme ça? важно протянула Анна Ильинишна

— Я прошу вашего благословенія, maman; чтобы сразу кончить эту комедію, объявила Софи и опустилась передъ матерью на колѣни.

Ильяшенкова благословила дочь, прочла ей небольшое наставленіе и невѣста, принявъ всеобщее поздравленіе, отправилась къ отцу. Дорогой Clé-Clé сказала Софи:

— А я-вѣдь нарочно вышла изъ вашихъ саней... Видя ухаживанія Осокина, я хотѣла доставить ему случай скорѣе сдѣлать первый шагъ.

— И опоздала, разсмѣялась Софи:—la glace était déjà rompue!

Съ Павломъ Ивановичемъ разговоръ у невѣсты былъ до крайности простъ и кратокъ: порадовавшись выбору дочери и благословивъ ее, генералъ тотчасъ же перешелъ на практическую почву:

— Умная и ловкая женщина. сказалъ онъ,—всегда съумѣетъ забрать нашего брата въ руки—это аксіома. Помни, что со временемъ Осокинъ будетъ богатъ и что съ перваго же дня тебѣ необходимо подчинить его своему вліянію.

Онъ снова перекрестилъ дочь и. поинтересовавшись пріѣздомъ жениха, хотѣлъ было уже садиться за письменный столъ, но Софи остановила его:

— Мнѣ хотѣлось бы, папа, чтобы ты разъяснилъ мои сомнѣнія на счетъ одного обстоятельства... и невѣста вкратцѣ передала отцу о предположенномъ Осокинымъ отказѣ отъ наслѣдства.

Павелъ Ивановичъ расхохотался.

— Есть о чемъ безпокоиться! Да видано-ли это, чтобы кто-нибудь отказывался отъ денегъ, да еще отъ такихъ денегъ! Люди, чтобы добыть нѣсколько сотъ рублей. рѣжутъ себѣ подобныхъ, жизнью своею рискуютъ, а тутъ, безъ хлопотъ, плывутъ онѣ въ руки и вдругъ.. Ха-ха-ха!... Орестъ Александрычъ молодъ еще, фанаберія въ головѣ его бродитъ, —ну, да и наслѣдство еще въ будущемъ. а какъ поднесутъ ему на ладошкѣ тысячъ эдакъ полтораста—тогда увидимъ, какъ-то онъ ими побрезгуетъ! Полно, милая моя. не безпокойся и прими еще разъ мое сердечное поздравленіе!... Откажется!... Ха-ха-ха!

Павелъ Ивановичъ торжественно поцѣловалъ дочь въ лобъ и не менѣе торжественно умолчалъ о приданомъ.

Въ часъ пополудни того-же дня, Осокинъ, въ праздничномъ нарядѣ, стоялъ на колѣняхъ рядомъ съ Софи и принималъ благословеніе стариковъ Ильяшенковыхъ; въ три-о помолвкѣ зналъ уже весь городъ, а черезъ мѣсяцъ назначена была свадьба, въ великолѣпіи которой никто не сомнѣвался.

Анатолій Брянчаниновъ.

Конецъ первой части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Ночка свѣтлая, ночка майская,
По рѣкѣ туманъ разстилается,
Ароматъ съ тепломъ надъ землей виситъ,
Соловьи кругомъ заливаются.
Тамъ подъ бережкомъ, бѣлоснѣжная
Ужъ черемуха со сиренями
Обнявшись стоятъ надъ скамеечкой,
Надъ забытою во густомъ саду...
Ты сидишь одна, призадумавшись,
Ожидаючи друга милаго,
Думки легкія, безмятежныя,
Грезы свѣтлыя, грезы тихія,
Что несутъ они, что сулятъ они,
Заполняя грудь лаской нѣжною...
Чу!.. Да, какъ же ты всполохнулася:
Загорѣлись вдругъ ясны оченьки,
Сердце замерло... Ну, прощай, мой свѣтъ!..
Ахъ ты ночка-ночь, моя ноченька!
Ночка свѣтлая, ночка майская,
По рѣкѣ туманъ разстилается,
Ароматъ съ тепломъ надъ землей виситъ,
Соловьи кругомъ заливаются...

В. Ермоловъ.

Изъ записной книжки русскаго монархиста.

(Продолженіе).

CLVIII.

Изъ воспоминаній о художникѣ Ге

Въ книгѣ покойнаго В. Л. Величка „Владиміръ Соловьевъ" разсказывается, между прочимъ, объ одномъ характерномъ, для уразумѣнія нашихъ антимонархическихъ теченій, эпизодѣ:

„Въ одномъ обществѣ поднялся вопросъ — какіе два факта въ исторіи истекшаго столѣтія слѣдуетъ признать рѣшающими для русской жизни. Нѣсколько образованныхъ людей закричали въ одинъ голосъ: „Конечно, освобожденіе крестьянъ и судебную реформу!" Всѣ собирались съ этимъ согласиться, и одна дама даже захлопала въ ладоши. Но это единодушіе было прервано неудержимымъ, громкимъ хохотомъ. Смѣялся покойный художникъ Н. Н. Ге. Черезъ минуту онъ заговорилъ серьезно:

„Главные два факта произошли,—одинъ въ началѣ, другой въ концѣ этого столѣтія. Первый—нашествіе французовъ, положившее начало интенсивной прививкѣ западныхъ правовыхъ и революціонныхъ понятій къ русской жизни, второй,—какъ естественное послѣдствіе перваго,—катастрофа 1 марта, грозно поставившая передъ обществомъ *вопросы совѣсти и религіи*. Вотъ гдѣ причины, а все прочее—производное, дѣти или выкидыши этихъ творческихъ фактовъ".

Вотъ какъ затемняется пониманіе русской исторіи подъ вліяніемъ антимонархическихъ предразсудковъ! Народъ видитъ въ нашествіи Наполеона въ 1812 г. страшное бѣдствіе и съ ужасомъ вспоминаетъ о катастрофѣ 1 марта, а художнику Ге эти два событія казались „творческими фактами"!..

Но онъ былъ правъ: цареубійство 1881 года, дѣйствительно „грозно поставило передъ обществомъ вопросы совѣсти и религіи", ибо показало, куда ведетъ проповѣдь антимонархическихъ началъ.

CLIX.

Монархическое начало съ точки зрѣнія германскаго соціалиста Бебеля, французскаго соціалиста Жореса и интересовъ французскихъ рабочихъ.

Лѣтомъ 1904 года, въ Амстердамѣ, собрался международный съѣздъ соціалистовъ, и въ одномъ изъ засѣданій его обнаружилось что и среди соціалистовъ есть убѣжденные сторонники монархическихъ началъ, возлагающіе свои надежды на государей, но отнюдь не на республики. Бебель, котораго имя внушаетъ ужасъ германскимъ монархистамъ, этотъ именно самый Бебель и ополчился въ Амстердамѣ противъ республиканскаго строя, который взялъ подъ свою защиту Жоресъ.

Парижскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей", (Московскія Вѣдомости, 1904 г., № 244) г. Flambeau по этому поводу писалъ:

„Мы, французскіе націоналисты, — убѣжденные враги парламентаризма, — видѣли съ чувствомъ удовлетворенія, какъ въ Амстердамѣ маленькій Бебель произнесъ съ несокрушимой логикой уничтожающую обвинительную рѣчь отъ имени соціализма противъ всѣхъ республикъ, вообще, и противъ французской республики, въ особенности, восхваляя монархическую форму правленія, въ виду того, что она во всѣхъ отношеніяхъ болѣе благопріятствуетъ интересамъ рабочаго класса. Какъ не рукоплескать этому здравомыслящему соціалисту съ его безпощадною нѣмецкою логикой, предъ которою преклонились всѣ представители международнаго соціализма, оцѣнившіе вмѣстѣ съ тѣмъ по достоинству и всю пустую громогласную реторику заливавшагося дутыми фразами „представителя Франціи" Жореса, тщетно пытавшагося заступиться за поруганную честь французской республики!".

Г. Flambeau, отмѣчая эту рознь двухъ представителей международнаго соціализма говоритъ:

„А между тѣмъ во Франціи болѣе чѣмъ когда либо вполнѣ очевидна справедливость тезиса, провозглашеннаго Бебелемъ.

„Никогда у насъ рабочій классъ не былъ такъ счастливъ, какъ при Второй Имперіи, предоставившей ему всѣ тѣ права, которыми онъ теперь пользуется, и никогда онъ не былъ такъ несчастенъ, какъ при Третьей республикѣ, когда онъ попалъ подъ иго шарлатановъ соціализма, заставляющихъ его умирать

съ голоду посредствомъ безконечныхъ стачекъ. Эти стачки въ концѣ концовъ лишь разоряютъ хозяевъ и рабочихъ, тогда какъ безсовѣстные подстрекатели, орудуя подписными деньгами и дерзкимъ шантажемъ, набиваютъ себѣ карманы, покупаютъ себѣ замки и заводы и завоевываютъ себѣ самыя „теплыя“ мѣста въ парламентѣ.

„Въ самомъ дѣлѣ, неоспоримымъ фактомъ является то обстоятельство, что всѣ французскіе соціалистическіе демагоги съ тѣхъ поръ, какъ они ведутъ свою шумную, крикливую агитацію, не увеличили дохода французскихъ рабочихъ ни на одинъ сантимъ, стараясь вскружить имъ головы одними пустыми обѣщаніями, тогда какъ сами они, прибывъ еще недавно въ Парижъ чуть не въ лохмотьяхъ, нынѣ являются блестящими бульварными франтами съ омерзительными, разжирѣвшими рожами. Внѣшность ихъ дѣйствительно отвратительна, и на крайней лѣвой сторонѣ ихъ толстые животы особенно бросаются въ глаза среди тощихъ, голодныхъ фигуръ ихъ наивныхъ приверженцевъ.

„Вотъ почему Бебель былъ совершенно правъ, когда онъ упрекалъ вожаковъ французскаго соціализма въ томъ, что они безсердечно относятся къ своимъ братьямъ рабочимъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда французскіе солдаты не стрѣляли такъ часто во французскихъ рабочихъ, какъ съ того времени, когда Франція превратилась въ республику, а хозяевами республики сдѣлались соціалисты, которые, съ одной стороны, подстрекаютъ рабочихъ къ стачкамъ и къ мятежу, а съ другой—прехладнокровно усмиряютъ ихъ ружейными залпами, подавая имъ, такимъ образомъ, вмѣсто хлѣба, даже и не камень, а картечь“.

CLX.

Нѣсколько эпизодовъ обороны Петропавловскаго порта [1] ***въ августѣ 1854 г.***

У союзниковъ было: шесть судовъ, 224 пушки, 2500 человѣкъ команды и 2 адмирала. Защитники Петропавловска имѣли съ фрегатомъ „Аврора“, транспортомъ „Двина“ и нашими батареями 69 пушекъ, 858 человѣкъ, въ томъ числѣ 250 рекрутовъ, пришедшихъ за мѣсяцъ на „Двинѣ“. Непріятель былъ по меньшей мѣрѣ втрое сильнѣе, но въ концѣ концовъ удалился ни съ чѣмъ, встрѣтивъ геройскій отпоръ со-

[1] На юго-восточномъ берегу Камчатки.

стороны малочисленныхъ, но крѣпкихъ духомъ защитниковъ Петропавловскаго порта, которыми руководилъ камчатскій губернаторъ, контръ-адмиралъ Василій Степановичъ Завойко.

О нравственномъ подъемѣ защитниковъ Петропавловскаго порта можно судить по слѣдующимъ эпизодамъ:

„19 августа, въ 9 часовъ утра, на сигнальной батареѣ служили молебенъ. Непріятель, замѣтивъ это, сталъ бросать бомбы и ядра, которыя свистали надъ головами молящихся; но достойный пастырь о. Герасимъ, надъ головой котораго пролетѣла бомба во время чтенія Евангелія, не смутился и продолжалъ громкимъ внятнымъ голосомъ взывать ко „Господу силъ".

„Г. губернаторъ Камчатки сошелъ на батарею и сказалъ: „Братцы! великая сила идетъ, но Богъ за насъ. Многихъ изъ насъ не станетъ. Да будетъ послѣдняя молитва наша за Царя!" Пропѣли „Боже, Царя храни" на всѣхъ батареяхъ нашихъ и на судахъ, и стрѣлковыя партіи вторили. Грянули „ура" и принялись съ крестомъ за дѣло. Началась страшная канонада".

Когда одному мальчику, участвовавшему въ оборонѣ Петропавловскаго порта, отнимали руку, онъ говорилъ докторамъ: „скорѣе, мнѣ не больно: я потерялъ руку за Царя!" Супруга камчатскаго губернатора, вспоминая пережитыя опасности, писала преосвященному Иннокентію, епископу камчатскому, впослѣдствіе митрополиту московскому:

„Ужасны были эти дни; я знаю по многимъ опытамъ, какое неоцѣненное благо для человѣка—молитва; но никогда я не чувствовала это такъ живо, какъ нынѣ. Мы почти постоянно молились всѣ вмѣстѣ, живя тамъ на хуторѣ... Дѣти молились всѣ, съ горькими рыданіями. Богъ внялъ молитвамъ нашимъ. Молитва насъ укрѣпляла полною преданностью волѣ Провидѣнія. Всѣ, всѣ у насъ видятъ сверхъестественную Божью помощь; нѣтъ ни одного, который бы не благоговѣлъ передъ путями благого Провидѣнія, которые теперь для насъ такъ ощутительно видны. Хвально и прославлено имя Господа отъ нынѣ и до вѣка" [2]).

Тонъ этого письма говоритъ самъ за себя. Онъ показываетъ, что поддерживало бодрость защитниковъ и населенія Петропавловскаго порта въ грозное для него время. Вѣра, Царь и Отечество—вотъ чѣмъ объясняется и питается русскій героизмъ.

---

[2]) И. Барсуковъ „Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій", 346—352.

CLXI.

Высочайшая милость.

„Полтавскія Вѣдомости“ сообщали въ началѣ сентября 1904 г., что, въ бытность Государя Императора въ Полтавѣ, въ маѣ того же года, жена столяра Осипа, у которой 5 человѣкъ дѣтей, причемъ старшему 8 лѣтъ, а младшему 6 мѣсяцевъ, подала всеподданнѣйшее прошеніе: „щобъ не отняли кормильца малолѣтнихъ дѣтокъ“. По Высочайшему повелѣнію, Осипа, совершенно здороваго, возвратили съ войны. Успѣлъ онъ побывать лишь въ первомъ бою Орловскаго полка на Фыншулинскомъ перевалѣ 5-го и 6-го іюля. („Южный Край“, 1904 г., № отъ 3 сентября).

CLXII.

Военно-германская точка зрѣнія на цареубійство.

Бывшій полковникъ германской службы, военный корреспондентъ газеты „Berliner Tageblatt“, г. Гедке напечаталъ въ 1903 году статью, въ которой старался оправдать сербскихъ офицеровъ, убившихъ короля Александра на томъ основаніи, что они будто бы исполняли свой долгъ и лишь защищали конституцію страны. За эту статью г. Гедке былъ привлеченъ къ офицерскому суду чести, который и лишилъ его офицерскаго званія и права ношенія офицерскаго мундира („Южный Край“, 5 сент. 1904 г.). Очевидно, что въ германскихъ военныхъ кругахъ не угасло пониманіе монархическаго начала.

Цареубійство, какими софизмами оно не оправдывалось бы, должно быть признаваемо величайшею изъ подлостей и страшнѣйшимъ изъ злодѣйствъ и преступленій.

Англійскіе роялисты временъ „великаго бунта“ справедливо приравнивали его къ отцеубійству, такъ какъ государство, дѣйствительно, есть какъ бы великая семья, имѣющая своимъ отцомъ монарха. Будучи тягчайшимъ преступленіемъ противъ жизни, цареубійство есть вмѣстѣ съ тѣмъ и тягчайшее государственное преступленіе. Съ религіозной точки зрѣнія въ составъ его входитъ еще и клятвопреступленіе.

Цареубійство, совершенное военными, есть ужаснѣйшее преступленіе, такъ какъ офицеры связаны съ монархомъ двойною присягою: общегражданскою и военною, слѣдовательно, цареубійца, носящій военный мундиръ „двойной присягою

играетъ", ибо нарушаетъ не только священный долгъ каждаго изъ вѣрноподданныхъ сохранять вѣрность и преданность Государю даже до смерти, но и долгъ человѣка, имѣющаго честь носить военный мундиръ и оружіе. Цареубійца - офицеръ поднимаетъ руку не только на отца отечества, но и на верховнаго вождя арміи, съ которымъ онъ связанъ особымъ долгомъ послушанія и дисциплины.

Армія держится на дисциплинѣ, а что останется отъ дисциплины, если каждый офицеръ будетъ считать себя законнымъ обвинителемъ, полномочнымъ судьею и палачемъ своего Верховнаго Вождя?

Офицерскій судъ чести, покаравшій г. Гедке, поступилъ совершенно правильно. Человѣкъ, оправдывающій сербскихъ офицеровъ, запятнавшихъ себя позоромъ бѣлградскаго цареубійства 29 мая 1903 г., не долженъ носить офицерскаго мундира, особенно если принять во вниманіе исключительно ужасныя и по истинѣ омерзительныя особенности безвременной гибели короля Александра и королевы Драги, сдѣлавшихся жертвами гнусной облавы, безпримѣрнаго предательства, свирѣпости и кровожадности, указывающихъ на атрофію нравственнаго чувства у цареубійцъ 29 мая 1903 г.

CLXIII.

Открытіе памятника Императору Александру II-му въ слободѣ Борисовкѣ (Грайворонскаго уѣзда Курской губ.).

Въ номерѣ 7892 „Южнаго Края" это торжество такъ было описано въ корреспонденціи, присланной изъ Борисовки:

„28-го сентября 1903 г. въ нашей слободѣ состоялось рѣдкое, давно съ нетерпѣніемъ ожидавшееся, торжество открытія памятника Царю-Освободителю Императору Александру II.

Памятникъ воздвигнутъ на площадкѣ, образуемой соединеніемъ трехъ улицъ, благодаря чему онъ открытъ съ трехъ сторонъ и виденъ издалека; около площадки расположены зданія: волостного правленія, Успенскаго мужскаго начальнаго училища и графа Шереметева; къ площадкѣ прилегаетъ улица Невскій проѣздъ, представляющая мѣсто гулянья публики. Памятникъ состоитъ изъ темно-бронзовой фигуры Государя, высотою 3 аршина, въ ростъ, въ порфирѣ; фигура поставлена на пьедесталѣ изъ темнаго, пятнистаго полированнаго лабрадора, высотою въ 4½ аршина, обращена она лицомъ на Западъ, въ правой рукѣ ея свитокъ съ висящею печатью, на

концѣ котораго изображены даты манифеста объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля 1861 г. Фигура Царя величественна и художественна, пьедесталъ красивый; мѣстность центральная, чистая и открытая. На пьедесталѣ надписи: на лицевой сторонѣ: „Царю-Освободителю, Императору Александру II“, на южной сторонѣ: „Крестьяне Борисовской волости“, на сѣверной: „Въ ознаменованіе сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сооруженъ въ 1903 году“, на восточной: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. Сооруженіемъ памятника завѣдывала коммиссія изъ 10 крестьянъ, по два отъ пяти сельскихъ обществъ волости. На сооруженіе памятника, по призыву коммиссіи, пожертвовано борисовцами проживающими внѣ слободы (110 лицами) 700 руб., собрано коммиссіею по домамъ крестьянъ волости до 600 руб. и ассигновано волостнымъ и сельскими сходами (изъ выручки отъ общественной винной торговли до введенія казенной монополіи) 4,500 руб. Чертежъ памятника изготовленъ академикомъ Радкевичемъ: модель статуи вылѣплена академикомъ Адамсонъ; статуя отлита на фабрикѣ „А. Моранъ преемники“, въ С.-Петербургѣ, пьедесталъ сдѣланъ фирмою Я. Я. Риццолатти, въ Харьковѣ, изъ лабрадора карьеровъ въ м. Коростышевѣ, Кіевской губ., П. Я. Риццолатти.

Торжество открытія памятника совершилось въ 11 час. утра, въ присутствіи курскаго вице-губернатора П. Г. Курлова и другихъ начальствующихъ лицъ. Духовенство 4-хъ церквей слободы и Тихвинской женской пустыни съ иконами, хоругвями, хорами пѣвчихъ и массою народа сошлось въ ближайшей къ памятнику Успенской церкви, и отсюда, соединившись, при колокольномъ звонѣ, пѣніи ирмосовъ, вся процессія перешла къ памятнику, гдѣ уже стояли начальствующія лица и великое множество народа изъ слободы (29,000 жителей) и окрестныхъ селеній. Отслужена была панихида, и, по возглашеніи вѣчной памяти Императору Александру II, пелена скрывавшая памятникъ, была сброшена вице-губернаторомъ, памятникъ окропленъ св. водою; хоръ запѣлъ „Спаси, Господи, люди твоя“, оркестръ заигралъ „Коль славенъ“, къ памятнику приблизилась группа взрослыхъ крестьянъ и группа учащихся дѣтей и положили къ подножію серебряные вѣнки съ самоотвѣтственными надписями. По окончаніи пѣнія и музыки, предсѣдатель коммиссіи по сооруженію памятника, крестьянинъ И. Г. Волковъ произнесъ слѣдующую рѣчь, обра-

щаясь къ памятнику: „Незабвенный Царь-Освободитель! 19 февраля 1861 года, 42 года назадъ, Державною волею Своею, Ты освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и призвалъ ихъ къ новой, свободной жизни. Весь міръ преклоняется передъ этимъ высочайшимъ подвигомъ Монаршей любви; освобожденные крестьяне и ихъ потомки были и будутъ преисполнены безкопечною благодарностью Тебѣ за дарованныя имъ блага свободы. Прими сей памятникъ, какъ слабое выраженіе чувствъ безпредѣльной благодарности Тебѣ освобожденныхъ Тобою крестьянъ Борисовской волости, и да свидѣтельствуетъ онъ всегда предъ Тобою о сихъ чувствахъ". Обращаясь къ народу: „Братья борисовцы! Благодареніе Господу, мы соорудили сей памятникъ приснопамятному Освободителю нашему, видимымъ образомъ увѣковѣчили священную память о Немъ и наши благодарныя чувства къ Нему и этимъ исполнили долгъ предъ Нимъ нашъ. отцовъ и дѣдовъ нашихъ. Поздравляю васъ съ этимъ радостнымъ, давно желаннымъ событіемъ! Отцы и дѣды наши желали дожить до этого свѣтлаго часа, но Богъ судилъ увидѣть его намъ. Безмолвно, но краснорѣчиво этотъ памятникъ будетъ говорить, предъ нынѣшними и грядущими поколѣніями о нашихъ благодарныхъ чувствахъ къ Царю-Освободителю; насъ не станетъ на землѣ, а памятникъ будетъ стоять, и не умолкнетъ". Послѣ Волкова, студентъ харьковскаго университета, сынъ борисовскаго крестьянина, П. П. Салютый, сказалъ нѣсколько словъ о значеніи освобожденія крестьянъ и празднуемаго торжества. Засимъ совершенъ былъ молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора, Государыни Императрицъ, Государя Наслѣдника и всего Царствующаго Дома, и по возглашеніи многолѣтія, вице-губернаторъ обратился къ борисовцамъ съ рѣчью; закончивъ ее провозглашеніемъ „ура", которое съ горячимъ воодушевленіемъ подхвачено было и многократно повторено многотысячною толпою народа; тутъ раздался звонъ колоколовъ, музыка заиграла: „Боже, Царя храни"; на Усовой горѣ, противъ мѣста торжества, мѣстные кузнецы начали палить изъ пушекъ, отнятыхъ у шведовъ подъ Полтавою и сохраняемыхъ во дворѣ графа Шереметева, потомка главнокомандующаго войсками подъ Полтавою—фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Воодушевленіе народа при видѣ памятника вѣчнопамятному Царю-Освободителю и необычнаго торжества открытія не знало границъ: на многихъ лицахъ текли слезы, всѣ поздравляли другъ друга съ торжествомъ. Вся слобода была украшена флагами; вечеромъ было народное гулянье, по

улицамъ, прилегающимъ къ памятнику, горѣли плошки, игралъ военный оркестръ, а на Усовой горѣ пылали смоляныя бочки".

CLXIV.

Монархическій элементъ въ русскихъ солдатскихъ пѣсняхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при изученіи русскаго монархизма, какъ чувства и настроенія, нельзя не придавать значенія нашимъ военно-историческимъ бытовымъ пѣснямъ, распѣваемымъ въ нашихъ войскахъ. Эти пѣсни важны или потому, что составляютъ произведеніе народной поэзіи, или потому, что сдѣлались популярными среди солдатъ.

Приведемъ нѣсколько характерныхъ отрывковъ изъ сборника Г. М. Попова (изданіе третье) „Боевыя пѣсни русскаго солдата".

Заздравная военная пѣсня: (№ 4)

Выпьемъ первый бокалъ
За здоровье Царя!
Онъ, родимый, удалъ
И свѣтлѣй, чѣмъ заря.
Ура, ура, ура!..
А второй то бокалъ
За Хозяйку Его,
Чтобы Богъ ниспослалъ
Ей на счастье всего!
Ура, ура, ура!..
А ужъ третій бокалъ
За Сынка-Молодца,
Чтобы росъ да мужалъ
Цѣлый вѣкъ безъ конца!
Ура, ура, ура!..
А четвертый бокалъ
Наливай черезъ край,
Будемъ пить до конца
За родимый нашъ край!
Ура, ура, ура!..

Въ этой пѣснѣ, какъ и во всѣхъ солдатскихъ пѣсняхъ, монархизмъ сливается съ патріотизмомъ, вытекаетъ изъ него и приводитъ къ нему.

Пѣсня И. С. Молчанова „*Полтавскій бой*" (№ 25):

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья;
Мы дрались тогда со шведомъ
Подъ знаменами Петра!
Нашъ Великій Императоръ,—
Память вѣчная Ему!—
Богатырь былъ между нами
По осанкѣ и уму.
Самъ, родимый, предъ полками
Яснымъ соколомъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушки заряжалъ.
Бой кипѣлъ. Герой Полтавы,

Нашъ державный Великанъ,
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Былъ тотъ день для насъ великій,
Смерть летала вкругъ Царя,
Но хранилъ Господь для русскихъ
Императора Петра.
Пули облакомъ носились,
Кровь горячая лилась;
Вдругъ одна злодѣйка-пуля
Въ шляпу царскую впилась.
Только шведы промахнулись,—
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.
Много шведовъ, много нашихъ
Подъ Полтавою легло...
Вдругъ еще впилася пуля
Прямо въ царское сѣдло,
Не смутился Императоръ,
Взоръ какъ молнія сверкалъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
А быстрѣе поскакалъ.
Но какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ:
Прямо въ грудь Ему летѣла,
И ударила, какъ громъ.
Чудо дивное случилось!
Въ этотъ мигъ Царь усидѣлъ;
На груди Царя высокой
Чудотворный крестъ висѣлъ,—
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ широкаго креста,
И спасенный Побѣдитель
Славилъ Господа Христа.
Было дѣло подъ Полтавой...
Сотни лѣтъ еще пройдутъ—
Эти царскія три пули
Въ сердцѣ русскомъ не умрутъ!

Въ малороссійской пѣснѣ (№ 22) о Полтавской битвѣ говорится:

„Ворскло зрило славне дило,
Якъ Царь Билый, мудрый, смилый,

Побывъ шведску вражу силу,
И насыпавъ имъ могилу".

Въ пѣснѣ о подвигѣ Архипа Осипова (№ 32), этому знаменитому рядовому Тетинскаго полка, взорвавшему себя и оставшихся защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія на горе врагамъ-черкесамъ, приписываются такія слова:

Пусть врагамъ извѣстно будетъ,
Что за русская земля; —
Врагъ насъ сдаться не принудитъ,
Ляжемъ всѣ здѣсь за Царя!

Извѣстная пѣсня „*Взятіе Измаила*" (№ 57) (Громъ побѣды раздавайся), написанная Державинымъ и положенная на музыку Козловскимъ, имѣетъ припѣвомъ, которымъ заканчивается каждый куплетъ, стихи:

Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Двѣ послѣднія строфы:

Зри, премудрая Царица,
Зри, великая Жена,
Что Твой взглядъ, Твоя десница—
Нашъ законъ, душа одна.

* * *

Зри на блещущи соборы [1]),
Зри на сей прекрасный строй,—
Всѣхъ сердца Тобой и взоры
Оживляются одной.

Пѣсни про народное ополченіе 1812 года (№ 65), по словамъ подполковника Зубковскаго, начиналась такъ:

За Царя, за Русь святую
Подъ призывный барабанъ,
Соберемъ семью родную
Крестоносцевъ-ополчанъ.

(Ополчане временъ Отечественной войны носили шапки съ выбитымъ изъ мѣди крестомъ, съ вензелемъ Государя и надписью: „За Вѣру и Царя).

Пѣсня (№ 113) „О боѣ у деревни Кюрюкъ-Дара" (23-го іюля 1854 года) начинается такъ:

Съ нами Богъ! ура! ребята!
Царства Бѣлаго орлы!—

Окончаніе ея:

Слава Руси православной!
Слава Бѣлому Царю!

[1]) Блестящія собранія.

Съ вѣрой тронъ Самодержавный.
Припадаетъ къ алтарю.

Эта, неизвѣстно кѣмъ написанная, пѣсня замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ней Россія именуется бѣлымъ царствомъ.

Есть пѣсня на „враговъ-союзниковъ“ (№ 114), написанная въ сентябрѣ 1854 года:

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ—

Въ четвертомъ куплетѣ есть стихи:

За Царя и за Россію
Мы готовы умирать!

Въ пѣснѣ объ объявленіи войны Турціи 12-го апрѣля 1877 года (№ 123) воспѣваются Императоръ Александръ II и Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій:

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, Отецъ Державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда.

* * *

Какъ Онъ полный царской мощи
Съ отуманеннымъ челомъ—
Берегите, сказалъ, Брата,
Будьте каждый молодцомъ.

* * *

Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю Васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло
Дѣдовъ славы не срамить!

Пѣсня (№ 129), посвященная освобожденію Болгаріи начинается словами:

Когда нашъ Царь Освободитель
Войну невѣрнымъ объявилъ,
Тогда, казалось, Вседержитель
Войска Руси благословилъ!

Пѣніе баса-запѣвалы чередуется съ хоровымъ припѣвомъ, слова котораго, явно въ подражаніе первой изъ выше приведенныхъ, пѣснѣ:

За Батюшку Царя
Мы крикнемъ всѣ ура!
Онъ намъ и заря.
Въ честь его ура, ура, ура!

Въ маршѣ Петра Великаго (№ 153), передѣланномъ въ

пѣсню о битвѣ при рѣкѣ Кушкѣ (18 марта 1885 года), въ уста участниковъ боя влагаются слова:

И мы будемъ твердо драться
Всѣ за Бѣлаго Царя!

Въ пѣсню (№ 155), передѣланную изъ стихотворенія Жуковскаго:

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій Царь!

внесенъ варіантъ:

Строемъ станьте, пѣсню гряньте
Про Царя и про народъ!

Хоръ поетъ:

Царь державный, Русью славный
Правь на славу въ родъ и родъ.

Въ одной пѣснѣ (№ 162) Русскій солдатъ говоритъ винтовкѣ:

Я съ тобой пойду на бой
За Россію и Царя!

Въ слѣдующей пѣснѣ о шашкѣ хоръ поетъ:

И когда мгновенно грянетъ
Грохотъ пушки боевой—
Православный Царь возстанетъ
Гнѣвомъ праведнымъ грозой,—

* * *

За Царя, за Русь, за Вѣру,
Силой вѣрной послужи,
И, по старому примѣру,
Дерзкихъ грозно накажи.

Въ пѣснѣ, воспѣвающей царскій смотръ (№ 165), сначала повѣствуется о томъ, какъ ротный командиръ и полковой командиръ готовились къ царскому смотру, а, затѣмъ, о томъ, какъ

Вдругъ пріѣхалъ Бѣлый Царь,
Александра Государь.

* * *

Съ права фланга и на лѣвый
Закричали всѣ „ура!“
Ура, ура, ура, ура!
Царю Бѣлому хвала!

* * *

Царь полковнику сказалъ,
Чтобъ пріемы показалъ;
Нашъ полковникъ не сробѣлъ,
Показалъ храбрость, примѣръ.

На средину выѣзжалъ,
Всѣ пріемы показалъ.
Мы пріемы отмахали,
Получили честь, хвалу.
* * *
Церемоніяломъ проходили,
Благодарность получили,
Мы со радости такой
Пошли съ плацу всѣ домой.

Въ пѣснѣ „Русскаго солдата знаетъ цѣлый свѣтъ“ (№ 170) запѣвало поетъ:

Царь Самодержавный
Бѣлый Русскій Царь,
Первый Православный
Въ свѣтѣ Государь.

А потомъ:

Молви только слово
Взглядомъ поведи,
Мы повсюду снова
Будемъ впереди!

Извѣстная пѣсня о солдатской роднѣ начинается такъ:

Солдатушки, други дорогіе,
А кто вашъ родимый—отецъ?
Нашъ родимый,—Царь непобѣдимый,
Вотъ кто нашъ родимый!

CLXV.

Китайскій монархизмъ.

Въ 1903 году была напечатана работа проф. Попова: „Государственный строй Китая“. Авторъ пользуется извѣстностью знатока китайской жизни, поэтому его взгляды на китайскій монархизмъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Что же говоритъ г. Поповъ о власти богдохановъ?

Какъ и всѣ ученые, пристально изучавшіе китайскія древности и современный Китай, онъ не отождествляетъ китайской формы правленія съ деспотизмомъ.

Вотъ какъ излагались выводы г. Попова въ одномъ изъ нашихъ повременныхъ изданій, вскорѣ послѣ появленія въ печати его труда:

„Во мракѣ вѣковъ тонетъ исторія китайскаго народа. Дѣйствительный основатель могущества чжоускаго дома У-ванъ, явившись послѣ уничтоженія династіи Шанъ верховнымъ правителемъ Китая, раздаетъ удѣлы уже въ тѣ дни, когда на-

шихъ державъ не было и въ зародышѣ, своимъ сподвижникамъ и родичамъ и, такимъ образомъ, кладетъ основаніе такъ называемой феодальной системѣ, съ чжоускими князьями въ качествѣ сюзереновъ, достигшей своего полнаго развитія въ эпоху Чунь-цю, за 7¼ вѣковъ до Р. Х., и закончившейся полнымъ объединеніемъ всего Китая, подъ могучею рукою императора Цинъ-ши Хуанъ-ди, въ 221 г. до Р. Х.

Обыкновенный титулъ повелителя Китая: Хуанъ-шанъ—августѣйшій повелитель; Цжу-цзы—государь; въ болѣе возвышенномъ слогѣ: Хуанъ-ди—августѣйшій императоръ, Шэнъ-чжу—августѣйшій владыка, Тянъ-цзы—Сынъ Неба, какъ его намѣстникъ на землѣ и продолжатель его благодѣтельной дѣятельности по отношенію къ живымъ существамъ и т. д. Самъ богдыханъ обыкновенно называетъ себя чжэнь-я, каковое названіе ведетъ свое начало за 2 вѣка до Р. Х., отъ династіи Цинь. Эмблемою императорскаго достоинства въ Китаѣ служитъ баснословное животное—драконъ, какъ царь семейства чешуйчатыхъ, и потому все, принадлежащее богдыхану исходящее отъ него, носитъ названіе „драконовый“ (напр., Лунъ-янь—лицо государя, Лунъ-пао—императорскій кафтанъ, Лунъ-цзо—императорскій тронъ и т. д.).

Этотъ неограниченный монархъ, предъ которымъ повергаются въ прахъ всѣ безъ исключенія его подданные, на самомъ дѣлѣ, связанъ, какъ въ своей частной жизни, такъ и въ дѣятельности государственной, не менѣе всякаго ограниченнаго монарха Европы. Въ жизни частной онъ связанъ такъ-называемыми церемоніями или обычными правилами, опредѣляющими каждый шагъ его дѣятельности, какъ человѣка и правителя. Всякое важное нарушеніе ихъ влечетъ за собою гнѣвъ неба, который выражается въ ниспосланіи имъ разныхъ физическихъ бѣдствій, поражающихъ страну и вызывающихъ въ населеніи ропотъ и недовольство противъ виновнаго. Въ лицѣ института прокуроровъ или цензоровъ, называемыхъ Юй-ши и являющихся въ теоріи блюстителями общественной нравственности, порядка и законности, онъ связанъ своими подданными. Пользуясь предоставленнымъ имъ законами правомъ говорить правду безъ всякой утайки и не взирая на лица,—болѣе смѣлые и мужественные изъ нихъ не стѣсняются представлять богдыхану обличительные противъ него доклады, въ которыхъ открыто и иногда въ сильныхъ выраженіяхъ порицаютъ его незаконную дѣятельность, запечатлѣвая иногда свое гражданское мужество самоубійствомъ, какъ это было въ 1875 году съ знаменитымъ цензоромъ У-кэ-ду.

Когда во время ужаснаго голода, поразившаго сѣверный Китай, вдовствующая императрица дозволила себѣ забавляться театральными зрѣлищами и фейерверками, одинъ изъ цензоровъ тоже представилъ противъ нея обличительный докладъ, сущность котораго сводилась къ тому, что едва-ли прилично государынѣ предаваться удовольствіямъ въ то время, когда милліоны людей, ея подданныхъ, умираютъ съ голоду.

Стереотипная, казенная фраза „минь цинъ бу фу", т. е. что „народное чувство не мирится съ этимъ", есть такой факторъ, съ которымъ китайскому правительству приходится серьезно считаться и согласовать съ нимъ свою дѣятельность, въ особенности въ вопросахъ, касающихся увеличенія или введенія новыхъ налоговъ.

Наконецъ, однимъ изъ сильно ограничивающихъ дѣятельность верховной власти началъ, является созданная ею же самою крайняя децентрализація".

CLXVI.

Любовь Царя къ войскамъ.

11 августа 1904 года командующій маньчжурскою арміей генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ Государя Императора:

„Сегодня, во время совершенія таинства св. крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Ея Величество и Я, въ душевномъ помышленіи о Нашихъ доблестныхъ войскахъ и морякахъ на Дальнемъ Востокѣ, въ сердцѣ молитвенно призывали ихъ быть воспріемниками новокрещаемаго Цесаревича. Да сохранится у Него на всю жизнь особая духовная связь со всѣми тѣми дорогими для Насъ и для всей Россіи, отъ высшихъ начальниковъ до солдата и матроса, которые свою горячую любовь къ Родинѣ и Государю выразили самоотверженнымъ подвигомъ, полнымъ лишеній, страданій и смертельныхъ опасностей. *Николай*".

Эта телеграмма даетъ возможность заглянуть въ самую глубину Царскаго сердца. Она никогда не утратитъ значенія, важнаго историческаго документа, характеризующаго духъ Русскаго Самодержавія.

Н. И. Чернявъ.

Окончаніе слѣдуетъ.

О вѣротерпимости въ Россіи[1].

Тяжелое время переживаетъ наше Отечество. Враждебность ко всему русскому, національному, народному съ каждымъ днемъ обнаруживается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Можно только удивляться, какое удовольствіе находятъ враги Россіи даже въ самооплеваніи и самоиздѣвательствѣ. За неимѣніемъ дѣйствительныхъ фактовъ для очерненія Россіи они не брезгаютъ ложью, клеветою и фантастическими вымыслами. Область христіанской религіи, жизнь Православной Церкви не избѣжали общей участи.

Не такъ давно (въ концѣ февраля) телеграфъ разнесъ по всему свѣту странное извѣстіе,—будто-бы 300 псаломщиковъ города Москвы обратились въ Св Синодъ съ заявленіемъ о забастовкѣ. Извѣстіе это было помѣщено даже въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". „Боже мой!" подумалъ я. „И псаломщики забастовали!" Но 5-го марта тотъ же самый телеграфъ чрезъ посредство тѣхъ же самыхъ газетъ предъ всѣмъ міромъ объявляетъ себя лжецомъ. „Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*— сообщаетъ онъ—напечатано: недавно на страницахъ газетъ было сообщено, что въ Святѣйшій Синодъ обратились 300 псаломщиковъ города Москвы съ заявленіемъ о забастовкѣ. Означенное сообщеніе безусловно ложно, такъ какъ въ Святѣйшій Синодъ подобнаго заявленія не поступало". Кому же нужна была эта ложь? Кого могли интересовать московскіе псаломщики?

Еще болѣе въ странное положеніе въ то же время поставилъ себя телеграфъ другимъ извѣстіемъ: „Изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ,—объявлялъ онъ,—что въ послѣднее время освобождено изъ тюремнаго заключенія свыше 900 лицъ, приговоренныхъ духовными судами *за принадлежность къ расколу*". Эта телеграмма для меня была совершенно непонятна, хотя она и получена будто *„изъ достовѣрнаго источника"*. По основнымъ законамъ Россійской имперіи *принад-*

[1] Докладъ, прочитанный въ Харьковскомъ Отдѣлѣ „Русскаго Собранія".

лежность къ расколу не наказуется (т. XIV, изд. 1890 г. ст. 45). Какъ же могло быть заключено въ тюрьму свыше 900 лицъ только *за принадлежность къ расколу*? Духовному суду подлежатъ лишь лица духовнаго званія за ихъ преступленія противъ благоповеденія и служебныхъ обязанностей. Но и эти лица духовными судами къ тюремному заключенію не приговариваются. Міряне только по особому рѣшенію окружного суда, какъ прелюбодѣи, кровосмѣсители или невольные убійцы, могутъ быть отправляемы духовнымъ начальствомъ въ монастыри для несенія *епитиміи*. Конечно, прелюбодѣевъ въ Россіи въ каждый данный моментъ, быть можетъ, и найдется свыше 900 лицъ: но телеграмма имѣетъ въ виду не прелюбодѣевъ, а раскольниковъ. Ясно, что нужно быть очень не высокаго мнѣнія о читателяхъ, чтобы писать и помѣщать въ газетахъ такого рода телеграммы. Впрочемъ, мое недоумѣніе было скоро разсѣяно. 5-го же марта н. г. телеграфъ сообщаетъ: „Въ виду появившихся въ печати извѣстій, что изъ монастырскихъ и общихъ тюремъ выпущено 900 лицъ, заключенныхъ за религіозныя преступленія. *Правительственный Вѣстникъ* сообщаетъ, что послѣднее время въ монастырскихъ тюрьмахъ содержалось только 7 лицъ, которыя теперь освобождены".

И такъ, цѣлое телеграфное агенство снова предъ всѣмъ свѣтомъ объявляетъ себя лжецомъ. Ради чего? Ради того, чтобы, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ фактовъ, хотя при помощи клеветы, бросить грязью въ ненавистную ему Православную Церковь. Оно полагалось на невѣжество и индифферентизмъ русскаго общества, благодаря которымъ его клевета не только могла быть замолчана, но и произвела бы впечатлѣніе. Невѣжественные читатели естественно подумали бы: „какая нетерпимость къ чужимъ вѣрованіямъ царитъ въ несчастной Россіи! Не даромъ же на эту сторону жизни русскаго народа теперь обратило серьезное вниманіе и наше правительство!"

Дѣйствительно, въ настоящее время вопросъ о вѣротерпимости выдвинутъ у насъ на видное мѣсто. Къ сожалѣнію, русское общество слишкомъ мало знакомо съ этимъ вопросомъ и потому легко вѣритъ часто каждому газетному вертопраху. Иначе оно признало бы чуждымъ терпимости не законодательство наше, а скорѣе тѣхъ газетныхъ репортеровъ, которые рѣшаются клеветать и измышлять...

Подъ именемъ *свободы совѣсти* разумѣется право каждаго свободно вѣровать въ то, что согласно съ его совѣстію и его

внутреннимъ убѣжденіемъ, безъ всякаго насилія со стороны другихъ людей. Слѣдовательно свобода совѣсти состоитъ въ томъ, чтобы никто не былъ принуждаемъ поступать вопреки тѣмъ принципамъ, которые онъ считаетъ истинными и необходимыми для своего вѣчнаго спасенія. Каждому должна быть предоставляема возможность сообразно съ своею совѣстью почитать Бога и поступать сообразно съ тѣмъ закономъ, который совѣсть признаетъ Божественнымъ. Напротивъ *порабощеніе совѣсти* состоитъ въ томъ, когда человѣка принуждаютъ поступать иначе, чѣмъ предписываютъ ему правила той религіи, къ которой онъ принадлежитъ по своей совѣсти. Свойства совѣсти таковы: 1) совѣсть есть понятіе чисто формальное; 2) совѣсть императивна; 3) совѣсть естественно свободна и 4) совѣсть устанавливаетъ жизнь по совѣсти, *внѣшнее исповѣданіе вѣры* (Рим. X. 10), культъ. Свобода совѣсти есть поэтому свобода обнаруженія убѣжденій совѣсти и свобода жизни по совѣсти. Подъ именемъ же *вѣротерпимости* разумѣется уваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ и чужимъ убѣжденіямъ.

Свобода совѣсти и вѣротерпимость суть самый существенный и необходимый признакъ христіанской религіи. Христосъ не требовалъ слѣпой вѣры и никому не навязывалъ своего ученія. „*Если кто хочетъ по Мнѣ идти. да отвержется себе*“. „Если хочешь быть совершеннымъ, иди. продай имѣніе твое“. „Испытайте писанія... они свидѣтельствуютъ о Мнѣ“. Даже въ Ветхомъ Завѣтѣ пророкъ училъ: „Пойте Богу, пойте разумно...“

Русскій человѣкъ (говоря вообще) отличается рѣдкою добротою, сердечностью, отзывчивостію и незлобіемъ. Даже дѣйствіямъ врага своего онъ лично не хотѣлъ бы оказывать особеннаго сопротивленія И вы слышите отъ него удивительныя фразы: „Богъ ему судья!“ „Богъ съ нимъ!“ „Богъ его накажетъ!“ „Всякъ Еремѣй про себя разумѣй!“ „Чужая душа—потемки!“ Мы останемся вѣрными дѣйствительности, если скажемъ. что русскій народъ, по природѣ своей, отличается и особенною вѣротерпимостію. Говоримъ: „*по природѣ*“, потому что, какъ увидимъ ниже, даже историкъ *Карамзинъ* иначе не могъ объяснить вѣротерпимости русскаго народа. Еще до принятія христіанства русскій народъ охотно терпѣлъ въ своей средѣ и даже въ самомъ Кіевѣ различныхъ иновѣрцевъ. Христіане проживали во множествѣ въ Россіи еще при Игорѣ, Олегѣ, Святославѣ. Правда намъ указываютъ на двухъ христіанскихъ варяговъ, мученически пострадавшихъ въ Кіевѣ въ 983 г. Но эти мученики—Ѳеодоръ и Іоаннъ—не были жер-

твою нетерпимости или фанатизма даже языческихъ нашихъ предковъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ Карамзинъ со словъ Нестора. „Увѣнчанный побѣдою (надъ галичанами, поляками и ливонцами) и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ и кровію человѣческою обагрить алтари. Исполняя совѣтъ бояръ и старцевъ, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ,—и жребій палъ на юнаго варяга, прекраснаго лицемъ и душею, коего отецъ былъ христіаниномъ. Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и ненавистью къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тлѣнному дереву, вмѣсто живаго Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. *Кіевляне терпѣли христіанство*; но торжественное хуленіе вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ варяжскаго христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку съ твердостію сказалъ: „если идолы ваши дѣйствительно Боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій“. Народъ въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына“...

Далѣе намъ указываютъ на казнь трехъ волхвовъ или кудесниковъ въ 1077 году. Дѣйствительно во второй половинѣ XI вѣка въ Ростовѣ проживали два волхва, которые были, по всей вѣроятности, еретиками-манихеями или богомилами. Долгое время они свободно вѣровали, и, безъ стѣсненія со стороны ростовцевъ, проповѣдывали свое еретическое ученіе,—что діаволъ сотворилъ тѣло человѣка, гніющее въ могилѣ, а Богъ—душу, парящую на небеса,—что антихристъ сидитъ въ безднѣ, что они вѣруютъ въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. Признавая жизнь зломъ, они ненавидѣли женщинъ, какъ естественныхъ виновницъ жизни. Въ 1077 году они дѣйствительно были умерщвлены народною толпою, но—не за вѣрованія свои или свое ученіе, а за то, что съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, скрывавшихъ будто-бы въ своемъ тѣлѣ хлѣбъ, медъ и рыбу, и грабили имѣнія богачей.—Въ томъ же году былъ убитъ въ Новгородѣ и еще одинъ волхвъ, находившійся будто бы въ связи съ черными крылатыми духами, но—не за то, что онъ былъ волхвъ, еретикъ или иновѣрецъ, а за то, что онъ публично осуждалъ вѣру христіанскую, бранилъ епископа и совратилъ почти всѣхъ новгородцевъ въ какую то свою вѣру.

Въ древнемъ стольномъ градѣ русскомъ Кіевѣ, какъ и

во всей древней Руси, свободно проживали даже и евреи, имѣя свои школы и синагоги и не испытывая никакого стѣсненія для своей религіозной совѣсти. Особенно же много проживало евреевъ въ Кіевѣ при великомъ князѣ Святополкѣ. Правда, въ 1113 году, по свидѣтельству лѣтописца, послѣ смерти Святополка и до вступленія на великокняжескій столъ Владиміра Мономаха, въ Кіевѣ произошелъ страшный погромъ, дома евреевъ были разграблены, а многіе евреи побиты. Но такое поведеніе кіевлянъ въ отношеніи къ евреямъ объясняется не фанатизмомъ русскаго народа, а тѣмъ экономическимъ стѣсненіемъ, которое евреи причиняли кіевлянамъ Святополкъ былъ очень корыстолюбивъ и при помощи евреевъ стремился удовлетворить этой гнусной своей страсти. Онъ вступилъ съ ними въ компанію и не стыдился вмѣстѣ съ ними, *къ утѣсненію народа*, торговать солью. Впрочемъ, не одинъ Святополкъ обнаруживалъ къ евреямъ особенное благорасположеніе. Такую-же память оставилъ по себѣ и волынскій князь Владиміръ Васильковичъ, котораго, по словамъ лѣтописца, евреи оплакивали съ такою же скорбію, какъ и христіане. Кіевскіе князья Олельковичи, запутавшіеся въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, также покровительствовали евреямъ. Когда одинъ изъ этихъ князей—Михаилъ Олельковичъ—былъ избранъ на княженіе въ Новгородѣ, за нимъ поѣхали и его главные кредиторы-евреи: Схарія и Мойша Хапуша, потянувшіе за собою еще множество своихъ единовѣрцевъ. Всѣ эти евреи какъ въ Новгородѣ, такъ и Псковѣ пользовались не только свободою даже заграничной торговли, но и свободою своей совѣсти: они были съ почетомъ принимаемы въ домахъ бояръ и высшаго духовенства, свободно разсуждали о вѣрѣ и распространяли свое еретическое ученіе, извѣстное подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Этою ересью увлечены были даже невѣстка великаго князя Іоанна III и митрополитъ.

Особенный интересъ представляютъ, впрочемъ, отношенія русскихъ митрополитовъ, князей и народа къ католичеству, какъ великой нравственной силѣ, имѣвшей важное значеніе въ исторіи духовнаго развитія человѣчества. Отношенія эти также свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что русскій народъ всегда относился съ безупречною вѣротерпимостію и къ католикамъ, не смотря на то, что послѣдніе нерѣдко отвѣчали ему проявленіемъ грубаго фанатизма.

Укажемъ нѣсколько фактовъ.

Въ г. Мурахъ Ликійской области почивали мощи св. Николая. Въ концѣ XI вѣка Ликія была опустошена турками;

г. Муры также подвергся ихъ нападенію. Опасаясь за св. мощи, римскій папа распорядился перенести ихъ въ г. Баръ въ (Италіи). Это было 9 мая 1087 г., почему папа и установилъ— навсегда праздновать этотъ день. Греки, какъ извѣстно, не признали этого праздника. Не смотря на это нашъ митрополитъ, грекъ по происхожденію, Ефремъ-скопецъ, установилъ празднованіе этого торжества для русской церкви,—ясное доказательство нашего дружелюбнаго отношенія къ Риму. Объ этомъ же говоритъ и тотъ фактъ, что въ 1091 году папа Урбанъ II-й присылалъ къ нашему великому князю Всеволоду какого-то святителя Ѳеодора. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о цѣли этого посольства.

Нашъ митрополитъ *Іоаннъ* находился даже въ дружественной перепискѣ съ папою *Александромъ III*. По крайней мѣрѣ, въ 1167 году онъ отправилъ къ нему письмо на латинскомъ языкѣ и въ немъ доказывалъ истину православія Восточной церкви. „Не знаю (писалъ онъ), какимъ образомъ произошли ереси въ вѣрѣ Божественной; не понимаю, какъ могутъ римляне именовать насъ лже-христіанами. Мы не слѣдуемъ такому примѣру и считаемъ ихъ своими братьями, хотя и видимъ, что они во многомъ заблуждаются". Засимъ изложивъ ученіе обѣихъ церквей и доказавъ, что ученіе нашей церкви согласно съ апостольскимъ, добрый митрополитъ убѣждаетъ папу возстановить древнее единство вѣры, кланяется ему отъ имени всего духовенства и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ христіанъ. Этого письма одного достаточно, чтобы видѣть какою чистою вѣротерпимостію отличались въ древности русскіе люди.

Властолюбивые папы поддерживали почти постоянно сношенія съ нашими князьями; но они имѣли въ виду задніи цѣли: подчиненіе себѣ русской церкви. Не смотря на это наши древне русскіе князья и цари принимали папскихъ пословъ всегда съ почетомъ, относились къ нимъ съ уваженіемъ, и этимъ засвидѣтельствовали о своей вѣротерпимости.

Вотъ нѣкоторые факты.

Папа *Иннокентій III* отправлялъ особенное посольство къ князю Роману Галицкому въ 1204 году. Сначала папскій посолъ старался доказать нашему князю истину и превосходство католичества предъ православіемъ; но, опровергнутый искуснымъ въ богословскихъ преніяхъ Романомъ, онъ съ наивностію сказалъ ему, наконецъ, что папа можетъ надѣлить его многими городами и сдѣлать его даже королемъ при посредствѣ меча ап. Петра. Желая показать всю неумѣстность вмѣша-

тельства папы въ политическія дѣла, Романъ обнажилъ свой мечъ и съ гордостію спросилъ: „Такой ли мечъ у папы? Пока онъ у меня при бедрѣ, я не имѣю нужды въ иномъ и кровію покупаю города, слѣдуя примѣру нашихъ дѣдовъ, возвеличившихъ землю русскую".

Этотъ же папа, съ цѣлію распространенія католичества въ предѣлахъ тогдашней Россіи, учредилъ въ Ливоніи особый *орденъ Меченосцевъ*, которые грубо и насильственно обращали въ католичество туземцевъ. Ливонцы крайне ненавидѣли за это нѣмцевъ. Вотъ доказательства. Опуская въ могилу своего усопшаго родственника, ливонецъ обыкновенно говорилъ: „иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ нѣмцы уже не могутъ господствовать надъ тобой!" Неудивительно послѣ этого, что бѣдные ливонцы всегда обращали свой взоръ къ Россіи и у русскихъ князей искали защиты. Дѣйствительно, полоцкій князь *Владиміръ* однажды просилъ епископа Ливонскаго Альберта, чтобы онъ не терзалъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься, что въ этомъ случаѣ нѣмцы должны слѣдовать *примѣру русскихъ*, которые довольствуются подданствомъ народовъ, предоставляя ихъ волѣ—вѣрить Спасителю или не вѣрить.—„Нѣтъ!" сказалъ съ жаромъ епископъ: „совѣсть обязываетъ меня крестить идолопоклонниковъ: такъ угодно Богу и папѣ!"

Въ 1277 г. папа Гонорій III отправлялъ посольство къ Ярославу; но никакихъ практическихъ послѣдствій оно не повлекло за собою.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ этого (въ 1247 г.) самъ князь галицкій *Даніилъ* вступилъ въ сношеніе съ папою Иннокентіемъ IV, въ надеждѣ, что папа пріймете „дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны христіанъ отъ Батыя", и ставя условіемъ, чтобы до всеобщаго собора папа не осуждалъ догматовъ греческой церкви.

Какою вѣротерпимостію отличался великій князь *Василій II Васильевичъ Темный*, видно изъ того, что онъ сказалъ лжемитрополиту Исидору по поводу его просьбы относительно поѣздки на флорентійскій соборъ: „Отцы и дѣды наши не хотѣли и слышать о соединеніи законовъ греческаго и римскаго; я самъ не желаю сего. Но если ты мыслишь иначе, то иди; *не запрещаю тебѣ*".

Великій князь *Іоаннъ III* съ особеннымъ уваженіемъ относился къ иностранцамъ и ихъ вѣрѣ; какъ извѣстно, онъ вызвалъ въ Москву многихъ художниковъ, архитекторовъ, медиковъ, механиковъ не только изъ Германіи, но и изъ Италіи. По словамъ лѣтописцевъ, онъ покровительствовалъ даже

магометанамъ и евреямъ, а тѣмъ болѣе былъ расположенъ къ католикамъ, какъ христіанамъ. Между прочимъ, при немъ произошло слѣдующее. Папа *Сикстъ IV* вмѣстѣ съ греческою царевною Софіею Палеологъ, невѣстою Іоанна III, отправилъ въ Россію и своего легата нѣкоего *Антонія*. Желая имѣть болѣе важности въ глазахъ русскихъ людей, гордый и честолюбивый Антоній всю дорогу, отъ Смоленска до Москвы, ѣхалъ съ латинскимъ *крыжемъ*, т. е., въ особыхъ саняхъ предъ нимъ везли литое серебряное распятіе. Народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на папскаго легата, на его пурпуровую одежду, высокую епископскую шапку и перчатки. Пускай бы нашъ епископъ проѣхалъ съ такою торжественностію въ то время по Италіи или Испаніи! Что бы ему сказали католики? А у насъ не дозволили ему въ такомъ видѣ проѣхать только по Москвѣ... Мало того, къ соблазну русскихъ православныхъ людей, этотъ легатъ въ шапкѣ вошелъ въ нашу церковь и не захотѣлъ поклониться св. иконамъ, на что обратила вниманіе даже Софія... Наконецъ, лѣтописецъ говоритъ, что Антоній пожелалъ вступить въ преніе о вѣрѣ съ нашимъ кроткимъ и престарѣлымъ митрополитомъ Филиппомъ. Митрополитъ согласился. Но чѣмъ же кончилась эта затѣя?—посрамленіемъ ученаго папскаго легата. Митрополитъ, опираясь на особенную мудрость какого то московскаго книжника Никиты, ясно доказалъ истину греческаго исповѣданія, а легатъ Антоній, не имѣя возможности представить какія-либо возраженія противъ доводовъ митрополита, сказалъ: „со мною пѣтъ книгъ“ и этимъ прекратилъ пренія.

Папа *Левъ X* отправлялъ особаго посла къ великому князю *Василію Іоанновичу*. Цѣль этого посольства, по обычаю, состояла въ томъ, чтобы убѣдить великаго князя подчинить папѣ русскую церковь, при чемъ папскій посолъ увѣрялъ князя, что папа возведетъ Россію на степень первостепенной европейской державы, а митрополиту нашему дастъ санъ патріарха и т. п. На это князь отвѣчалъ послу, что ему весьма пріятно видѣть доброе расположеніе къ себѣ папы и быть съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ по государственнымъ дѣламъ Европы, но что касается вѣры, то Россія была, есть и будетъ греческаго исповѣданія во всей чистотѣ и неприкосновенности его.

Не оставилъ въ покоѣ этого князя и папа *Климентъ VII*, преемникъ Льва X. За подчиненіе Риму русской церкви онъ даже предлагалъ князю королевское достоинство. Но князь оставался вѣрнымъ себѣ. Папскую грамоту онъ взялъ изъ рукъ

посла, поднявшись съ своего трона; самого посла онъ принялъ съ большимъ почетомъ. Отъ королевскаго же достоинства отказался; о вѣрѣ говорить не захотѣлъ, сказавъ, что это не его дѣло.

Іоаннъ Грозный, какъ извѣстно, относился съ уваженіемъ ко всѣмъ вѣрамъ, кромѣ одной еврейской; но и евреевъ онъ не любилъ не за ихъ вѣрованія, а за ихъ особенности національныя. Онъ вызывалъ въ Москву изъ Европы не только ученыхъ, художниковъ, медиковъ, но даже и богослововъ, съ которыми любилъ вести ученыя бесѣды. Въ самой Москвѣ иновѣрцы имѣли свои молитвенныя зданія, своихъ священниковъ, и свободно совершали свои богослуженія. Но особенно интересно отношеніе Грознаго къ католичеству; въ основѣ его лежала самая широкая вѣротерпимость. Вотъ доказательство. Въ 1582 году въ Москву пріѣхалъ іезуитъ *Антоній Поссевинъ*. Его пріѣздъ былъ связанъ съ чисто политическими цѣлями; но, конечно, *Поссевинъ* не упустилъ случая заговорить и о подчиненіи папѣ русской церкви. Онъ потребовалъ особенной бесѣды съ царемъ о соединеніи вѣръ. Для Грознаго то было время трудное; онъ еще не успокоился надлежащимъ образомъ отъ ужаса сыноубійства. Тѣмъ не менѣе предложеніе Поссевина было принято. „Мы готовы бесѣдовать съ тобою,—сказалъ Іоаннъ,—но только въ присутствіи нашихъ ближнихъ людей и безъ споровъ, если возможно, ибо всякій человѣкъ хвалитъ свою вѣру и не любитъ противорѣчія. Споръ ведетъ къ ссорѣ, а я желаю тишины и любви". 21 февраля съ тремя іезуитами Антоній пришелъ въ тронную палату, гдѣ сидѣлъ Іоаннъ только съ боярами, дворянами *сверстными* и князьями *служилыми:* стольниковъ и младшихъ дворянъ выслали. Изъявивъ послу ласку, государь снова убѣждалъ его не касаться вѣры. „Антоній!" сказалъ онъ. „Мнѣ уже 51 годъ отъ рожденія и недолго жить на свѣтѣ: воспитанный въ правилахъ нашей *христіанской* церкви, издавна несогласной съ *латинскою*, могу ли измѣнить ей предъ концомъ бытія своего? День суда небеснаго уже близокъ: онъ явитъ, чья вѣра, ваша ли, наша ли, истиннѣе и святѣе. Но говори, если хочешь". Послѣ этого Антоній началъ говорить съ напыщенностью и воодушевленіемъ: „Свѣтлѣйшій Государь! изъ всѣхъ твоихъ милостей, мнѣ понынѣ оказанныхъ, самая величайшая—это дозволеніе говорить съ тобою о предметѣ столь важномъ для спасенія душъ христіанскихъ. Не думай, Государь, чтобы св. отецъ хотѣлъ тебя оставить вѣру греческую: нѣтъ, онъ желаетъ единственно, чтобы ты, имѣя умъ глубокій и просвѣщен-

ный, изслѣдовалъ дѣянія первыхъ ея соборовъ и все истинное, все древнее на вѣки утвердилъ въ своемъ царствѣ, какъ законъ неизмѣняемый. Тогда исчезнетъ различіе между восточною и римскою церковію, тогда мы всѣ будемъ единымъ тѣломъ І. Христа, къ радости единаго истиннаго, Богомъ установленнаго пастыря церкви. Государь! моля св. отца доставить тишину Европѣ и соединить всѣхъ христіанскихъ вѣнценосцевъ, для одолѣнія невѣрныхъ,—не признаешь ли его самъ главою христіанства? Не изъявилъ ли ты особеннаго уваженія къ апостольской римской вѣрѣ, *дозволивъ всякому, кто исповѣдуетъ оную, жить свободно въ россійскихъ владѣніяхъ и молиться Всевышнему по ея св. обрядамъ*, ты, царь великій, никѣмъ не нудимый къ сему торжеству истины; но движимый явно волею Царя царей, безъ коей и листъ древесный не падаетъ съ вѣтви? Сей желаемый тобою общій миръ и союзъ вѣнценосцевъ можетъ ли имѣть твердое основаніе безъ единства вѣры? Ты знаешь, что оно утверждено соборомъ флорентійскимъ, императоромъ, духовенствомъ Греческой имперіи, самымъ знаменитымъ іерархомъ твоей церкви—Исидоромъ: читай представленныя тебѣ дѣянія сего 8-го вселенскаго собора, и если гдѣ усомнишься, то повели мнѣ изъяснить темное. Истина очевидна: пріявъ ее, въ братскомъ союзѣ съ сильнѣйшими монархами Европы, какой не достигнешь славы, какого величія? Государь! ты возьмешь не только Кіевъ, древнюю собственность Россіи, но и всю имперію Византійскую, отнятую Богомъ у грековъ за ихъ расколъ и неповиновеніе Христу Спасителю". Царь спокойно отвѣчалъ: „Мы никогда не писали къ папѣ о вѣрѣ. Я и съ тобою не хотѣлъ бы говорить объ ней; во 1-хъ, опасаюсь уязвить твое сердце какимъ нибудь жестокимъ словомъ: во 2-хъ, занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами Россіи, не толкуя церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего богомольца, митрополита. Ты говоришь смѣло, ибо ты—попъ и для того сюда пріѣхалъ изъ Рима. Греки же для насъ не Евангеліе: мы вѣримъ Христу, а не грекамъ. Что касается до восточной имперіи, то знай, что я доволенъ своимъ и не желаю никакихъ новыхъ государствъ въ семъ земномъ свѣтѣ; желаю только милости Божіей въ будущемъ". Не упоминая ни о флорентійскомъ соборѣ, ни о всеобщемъ христіанскомъ союзѣ противъ султана, Іоаннъ, въ знакъ дружбы своей къ папѣ, *снова обѣщалъ свободу и покровительство всѣмъ иноземнымъ купцамъ и священникамъ латинской вѣры въ Россіи.* Но ревностный іезуитъ хотѣлъ дальнѣйшаго пренія; утверждалъ, что мы *новоуки*

въ христіанствѣ, что Римъ есть древняя столица онаго. Царь начиналъ уже досадовать. „Ты хвалишься православіемъ,— сказалъ онъ, а стрижешь бороду; вашъ папа велитъ носить себя на престолѣ и цѣловать въ туфель, гдѣ изображено распятіе: какое высокомѣріе для смиреннаго пастыря христіанскаго! какое уничиженіе святыни!“... „Нѣтъ никакого уничиженія“,—возразилъ Антоній: „достойному воздается достойное! Папа есть глава христіанъ, учитель всѣхъ монарховъ православныхъ, сопрестольникъ ап. Петра, Христова сопрестольника. Мы величаемъ и тебя, Государь, какъ наслѣдника Мономахова; а св. отецъ...“ Іоаннъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ: „У христіанъ—единъ Отецъ на небесахъ! Насъ, земныхъ властителей, величать прилично по мірскому уставу; ученики же апостольскіе да смиренно мудрствуютъ! Намъ честь царская, а папамъ и патріархамъ святительская. Мы уважаемъ митрополита нашего и требуемъ его благословенія; но онъ ходитъ по землѣ и не возносится выше царей гордостію. Были папы дѣйствительно учениками апостольскими: Климентъ, Сильвестръ, Агаѳонъ, Левъ, Григорій; но кто именуется Христовымъ сопрестольникомъ, велитъ носить себя на сѣдалищѣ какъ бы на облакѣ, какъ бы подобно ангеламъ; кто живетъ не по Христову ученію,—тотъ папа есть волкъ, а не пастырь“... Антоній въ сильномъ негодованіи воскликнулъ: если папа уже волкъ, то мнѣ говорить нечего!“... Іоаннъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ: „Вотъ отчего и не хотѣлъ я бесѣдовать съ тобою о вѣрѣ! Невольно досаждаемъ другъ другу. Впрочемъ, называю волкомъ не Григорія XIII, а папу, не слѣдующаго Христову ученію. Теперь оставимъ“... Нѣсколько дней спустя Поссевинъ просилъ царя чрезъ бояръ—выгнать изъ Россіи ядовитыхъ *лютерскихъ магистровъ*, отвергающихъ Богоматерь и святость угодниковъ Христовыхъ, а принимать однихъ только латинскихъ іереевъ. Ему отвѣчали, что „лютеране, какъ и всѣ иновѣрцы, живутъ свободно въ Россіи“... Интересно у Поссевина еще и слѣдующее мѣсто: „Не ожидая ничего отъ св. отца для выгодъ своей политики (пишетъ онъ), царь выдумалъ хитрость, чтобы успокоить суевѣрныхъ россіянъ, недовольныхъ моимъ смѣлымъ сужденіемъ объ ихъ законѣ. Что жъ онъ сдѣлалъ? призвалъ меня во дворецъ *въ первое воскресенье великаго поста* и сказалъ: „Антоній! Зная, что *ты желаешь* (?!) видѣть обряды нашей церкви, я велѣлъ нынѣ отвести тебя въ храмъ Успѣнія (гдѣ буду и самъ), да созерцаешь красоту и величіе истиннаго богослуженія. Тамъ обожаемъ мы небесное, а не земное; чтимъ, но не носимъ митрополита на рукахъ... и св. ап. Петра

также не носили вѣрные: онъ ходилъ пѣшъ и босъ; а вашъ папа именуетъ себя его намѣстникомъ!"... „Государь! отвѣчалъ я хладнокровно, удивленный этою новою грубостію: всякое мѣсто свято, гдѣ славятъ Христа; но пока не согласимся въ нѣкоторыхъ догматахъ, и пока митрополитъ Россійскій не будетъ въ сношеніяхъ съ св. отцомъ, я не могу видѣть вашего богослуженія"... Іоаннъ однако же далъ знакъ,—и толпы сановниковъ двинулись впередъ, къ дверямъ, увлекли и меня съ собою; а царь издали сказалъ мнѣ громко: „Антоній! смотри, чтобы кто нибудь изъ *лютеранъ* не вошелъ за тобою въ церковь". Но я самъ не хотѣлъ войти въ нее: ждалъ минуты, и тихонько ушелъ, когда царедворцы остановились предъ соборомъ. Всѣ думали, что мнѣ не миновать бѣды; но Іоаннъ, изумленный моимъ ослушаніемъ, задумался, потеръ себѣ лобъ рукою и сказалъ: „его воля!"... Чтобы понять весь юморъ нашего царя, не нужно забывать, что въ первый воскресный день великаго поста въ православныхъ церквахъ совершается *торжество православія* и анаѳематствуются ереси.

Въ 1589 году изъ Россіи были изгнаны іезуиты. Это подало поводъ папѣ *Клименту VIII* дважды (въ 1595 и 1597 гг.) отправить посольство къ нашему царю *Ѳеодору Іоанновичу* во главѣ съ именитымъ легатомъ *Александромъ Комулеемъ*. Впрочемъ, и на этотъ разъ желанія папы не были исполнены.

Австрійскій императорскій посолъ *Кобенцель* прославлялъ въ Европѣ не только могущество, но и вѣротерпимость или доброжелательство россіянъ по отношенію къ латинской церкви, а своему правительству онъ доносилъ слѣдующее! „*Несправедливо считать ихъ* (россіянъ) *врагами нашей вѣры*, быть можетъ, таковыми были они прежде; нынѣ же россіяне любятъ распрашивать о Римѣ, желаютъ его видѣть, знаютъ, что въ немъ страдали и покоются великіе христіанскіе мученики, ими еще болѣе, нежели нами, уважаемые".

Императоръ *Петръ Великій* еще въ 1702 г. торжественно объявилъ принципъ свободы вѣроисповѣданія для всѣхъ своихъ подданныхъ. „*Совѣсти человѣческой*,—писалъ онъ,—*принуждать не желаемъ* и охотно предоставляемъ каждому на его отвѣтственность пещися о спасеніи души своей". Средствами для распространенія христіанства среди язычниковъ и обращенія иновѣрцевъ къ православію онъ признавалъ только проповѣдь и наставленіе. Онъ приказалъ крещенныхъ монголовъ, евреевъ и язычниковъ не освобождать ни отъ ясака, ни отъ наказаній за преступленія, какъ это бывало до него. Тѣмъ не менѣе католичества онъ вообще не долюбливалъ: вѣрнѣе

сказать,—онъ не любилъ собственно римскихъ папъ за ихъ борьбу изъ-за власти съ императорами и королями. Онъ боялся, чтобы папство не послужило дурнымъ примѣромъ для русскаго духовенства. Возмущенный страданіями православныхъ въ Польшѣ отъ католическаго духовенства, Петръ Великій въ 1722 году велѣлъ объявить римскому папѣ, что онъ самъ у себя, т. е. въ Россіи, воздвигнетъ гоненіе на католичество. Однако этого не случилось. Въ дѣйствительности Петръ дозволялъ католикамъ, какъ и другимъ иновѣрцамъ, строить въ Россіи свои храмы, имѣть свое духовенство, свободно отправлять свои богослуженія. Онъ не терпѣлъ только іезуитовъ и вторично изгналъ ихъ изъ Россіи въ 1719 г. Въ 1717 году Сорбонскій университетъ, расчитывая на вѣротерпимость Петра, возбудилъ передъ нимъ даже ходатайство о соединеніи церквей; но въ слѣдующемъ году былъ присланъ отъ имени Петра отрицательный отвѣтъ съ указаніемъ на то, что вопросъ о соединеніи церквей можетъ быть разрѣшенъ только при участіи восточныхъ патріарховъ. Въ 1723 году Петръ повелѣлъ особымъ указомъ, чтобы католики, живущіе въ Россіи, избирали себѣ духовенство только изъ французовъ: Петру казалось, что французы относятся къ папамъ либеральнѣе, чѣмъ поляки, итальянцы или испанцы.

При *Петрѣ II* къ католичеству въ Россіи относились гораздо благосклоннѣе, чѣмъ къ протестантству и другимъ иновѣрцамъ. Русскимъ дозволялось даже переходить въ католичество,—и многія лица знатныхъ русскихъ фамилій—Долгоруковы, Голицыны и др.—дѣйствительно, оставили вѣру своихъ отцовъ ради католичества.

При *Аннѣ Іоановнѣ*, наоборотъ, восторжествовала протестантская партія и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Католическіе ученые: аббатъ *Жюбе*, присланный Сорбонною для рѣшенія вопроса о соединеніи церквей, и доминиканецъ *Рибейра*, защищавшій сочиненіе Яворскаго „Камень вѣры“, были высланы изъ Россіи; вѣроотступники строго наказаны. Кн. Долгорукая должна была отречься отъ католичества; одного изъ князей Голицыныхъ за принятіе католичества Анна Іоановна сдѣлала придворнымъ шутомъ и обвѣнчала съ придворной дурой калмычкой (свадьба была въ ледяномъ домѣ); польскіе ксендзы были выгнаны за рубежъ. Впрочемъ, и въ царствованіе Анны католики вообще могли свободно, по-прежнему, совершать свои богослуженія. Запрещена была лишь пропаганда.

Екатерина Великая, подобно Петру I, отличалась либерализмомъ и широкою вѣротерпимостію. Еще въ своемъ зна-

мепитомъ „Наказѣ“ она писала: „Въ столь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности гражданъ былъ порокъ—запрещеніе ихъ разныхъ вѣръ“. Въ указѣ 1773 г. она объявила: „Какъ всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, такъ и Ея Величество, изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между Ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали“. При такихъ убѣжденіяхъ Екатерина, естественно, должна была относиться съ полною вѣротерпимостью къ своимъ католическимъ подданнымъ. Правда, въ душѣ она не любила католической церкви, какъ не любилъ и другъ ея—Вольтеръ; но это не мѣшало ей, по политическимъ причинамъ, кокетничать съ католиками и перемигиваться съ папою. Достаточно сказать, что къ католичеству Екатерина относилась гораздо благосклоннѣе, чѣмъ къ православному духовенству. Такъ, напр., у православныхъ монастырей она отняла ихъ имѣнія и отдала своимъ любимцамъ; католическіе же монастыри въ полной неприкосновенности сохранили свои владѣнія и богатства. Православному архіепископу при Екатеринѣ выдавалось 6000 р. жалованья, католическому—60,000. Екатерина дозволила оставаться въ Бѣлоруссіи ордену іезуитовъ, дважды изгнанному изъ Россіи; въ 1780 г. съ соизволенія Екатерины іезуиты учредили новиціатъ для воспитанія новыхъ іезуитовъ. Іезуиты свободно проповѣдывали католичество, обращая въ него евреевъ, протестантовъ, уніатовъ и даже православныхъ. Изъ русскихъ аристократическихъ семействъ были совращены въ католичество при Екатеринѣ: *Голицыны*, *Гагарины*, *Одоевскіе*, *Толстые*, *Растопчины* и др. Въ Бѣлоруссіи, какъ новоприсоединенномъ краѣ, правительство Екатерины Великой (по словамъ проф. Знаменскаго) считало нужнымъ съ величайшимъ вниманіемъ наблюдать всѣ интересы католиковъ, составлявшихъ меньшинство населенія, но считавшихся интеллигенціей края; все польское, латинское получило полное обезпеченіе своего существованія; свобода вѣры, которою Екатерина думала блистать передъ Европою, доведена была здѣсь до явнаго униженія господствующаго вѣроисповѣданія, православія. Русскіе законы и власти обязаны были защищать цѣлость католической церкви отъ всякихъ вредныхъ для нея вліяній, въ томъ числѣ и отъ вліянія православныхъ пастырей. Чтобы не обидѣть католиковъ, православнымъ архіереямъ было запрещено принимать уніатовъ въ лоно Православной церкви, какъ бы они того ни

желали. Въ 1773 г. Екатерина дала Бѣлоруссіи особаго католическаго епископа, котораго тамъ никогда прежде не бывало.

Императоръ Павелъ I такъ же благосклонно относился къ католичеству, какъ и его мать Екатерина Великая. Въ католичествѣ онъ видѣлъ великую нравственную силу, которая могла бы противодѣйствовать какъ невѣрію, такъ и революціоннымъ движеніямъ. Онъ давалъ у себя убѣжище эмигрантамъ-католикамъ и съ особеннымъ участіемъ относился къ полякамъ, которые, по его мнѣнію, будто бы были обижены Екатериною. Находясь подъ вліяніемъ католическаго митрополита Сестренцевича и польскихъ магнатовъ, Павелъ принялъ званіе генерала или великаго магистра католическаго ордена мальтійскихъ рыцарей и съ тѣхъ поръ сталъ особенно покровительствовать католичеству. Онъ дозволилъ іезуитамъ поселиться въ самомъ Петербургѣ и основать тамъ свою коллегію: ставъ подъ вліяніе іезуита Грубера, онъ подарилъ іезуитамъ значительное количество имѣній и дозволилъ имъ посылать на востокъ свои миссіи. Имъ было разрѣшено обращать въ католичество всѣхъ иновѣрцевъ, кромѣ православныхъ.

Нѣтъ нужды подробно доказывать намъ обнаруженіе вѣротерпимости въ отношеніи къ католичеству со стороны послѣдующихъ русскихъ императоровъ: Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и нынѣ царствующаго Императора Николая II. Всѣ эти государи отличались гуманностію, справедливостію и вѣротерпимостію.

Положеніе католичества въ Россіи въ настоящее время—у насъ передъ глазами: вѣротерпимость со стороны Россіи—полная. Католики у насъ совершенно свободно исповѣдуютъ свою религію, строютъ свои костелы, гдѣ угодно, открыто совершаютъ свои богослуженія, безпрепятственно устраиваютъ свои торжественные ходы и процессіи, имѣютъ свое духовенство—ксендзовъ, бискуповъ, а въ Петербургѣ даже митрополита, получающихъ отъ правительства казенное жалованье въ большемъ количествѣ, чѣмъ православное духовенство. Во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ они свободно воспитываютъ своихъ дѣтей: могутъ имѣть и имѣютъ собственныя школы, богадѣльни, кладбища. Въ Петербургѣ существуетъ католическая духовная академія. Католикамъ открыты у насъ всѣ государственныя должности и всѣ ступени іерархическаго служенія. О какой же послѣ этого вѣротерпимости по отношенію къ католикамъ въ Россіи еще можетъ быть рѣчь?...

Но если Россіи нельзя сдѣлать упрека въ недостаткѣ

вѣротерпимости въ отношеніи къ католичеству, то такою же безупречною оказывается она и въ отношеніи къ *протестантству*. Доказательствъ этого можно привести много.

Еще при жизни Лютера его послѣдователи свободно являлись и проживали въ Россіи и—при томъ въ такихъ городахъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ...

Не прошло и 25 лѣтъ послѣ смерти Лютера (1546 г.), какъ протестантскіе пасторы являются уже предъ тропомъ русскаго царя съ цѣлію вести пренія о вѣрѣ. *Іоаннъ Грозный*, прославившійся, какъ мы видѣли, благоразумною терпимостью вѣръ, охотно дозволялъ нѣмцамъ-лютеранамъ и даже кальвинистамъ устраивать въ самой Москвѣ свои кирки, имѣть своихъ пасторовъ и свободно совершать свои богослуженія. Мало того, Іоаннъ самъ любилъ вѣдь спорить съ учеными нѣмецкими пасторами объ ихъ вѣрѣ и терпѣливо сносилъ ихъ возраженія и противорѣчія. Въ 1570 году онъ имѣлъ въ своемъ кремлевскомъ дворцѣ преніе о вѣрѣ съ лютеранскимъ богословомъ *Роцитою* или *Рокитою* и уличалъ его въ ереси. Роцита *сидѣлъ передъ нимъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ богатыми коврами:* говорилъ смѣло, оправдывалъ догматы аугсбургскаго исповѣданія, удостоился особыхъ знаковъ царскаго благоволенія и написалъ книгу объ этой любопытной бесѣдѣ. Впрочемъ, по его словамъ, царь не охотно будто бы рѣшился вести пренія о вѣрѣ и даже сказалъ слѣдующее: „Не хочу я говорить съ тобой о вѣрѣ, ибо сказано: „не давайте святыни псамъ, не мечите бисера предъ свиньями“... Учитель вашъ *Лютеръ* и по имени, и по жизни былъ *лютъ*... Вы живете, какъ свиньи, откармливаемыя въ постъ: отвергаете различіе пищи. Вы ненавистны святымъ на небѣ, потому что отвергаете, браните ихъ“ и проч. въ томъ же родѣ. Однако, любя бесѣдовать съ нѣмцами о вѣрѣ, Іоаннъ не дозволялъ имъ кощунствовать. Въ 1576 году одинъ лифляндскій пасторъ въ бесѣдѣ съ царемъ вздумалъ было сравнивать Лютера съ ап. Павломъ. Царь ударилъ его со всего размаха по головѣ и сказалъ: „ступай къ дьяволу съ своимъ Лютеромъ!“ Не терпѣлъ Іоаннъ и лютеранской пропаганды. Въ 1563 г. пастора *Фому* за распространеніе протестантства въ Полоцкѣ онъ пустилъ подъ ледъ на Двинѣ. Въ 1575 году Грозный позволилъ нѣмцамъ построить въ Москвѣ, въ двухъ верстахъ отъ Кремля, еще и третью кирку. Вообще же нужно сказать, что въ царствованіе Іоанна IV нѣмцы не жаловались на притѣсненія; они жили спокойно въ Москвѣ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ,

на берегу Яузы, собирая себѣ обширныя богатства отъ своихъ ремеслъ и искусствъ.

Иностранцы боялись только вспышекъ гнѣва Грознаго и слѣдовавшихъ за ними казней. Доброта его сына, царя Ѳеодора Іоанновича, устраняла это препятствіе, а потому въ его царствованіе Нѣмецкая Слобода въ Москвѣ значительно увеличилась новыми жильцами. Заканчивая свой разсказъ о царствованіи этого государя, историкъ *Карамзинъ* говоритъ: „Упрекая россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили однако-жъ ихъ *терпимость*, которой мы не измѣнили отъ временъ Олеговыхъ до Ѳеодоровыхъ и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ, ибо чѣмъ объяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ вѣры, о коемъ спорили и философы и богословы? Равнодушіемъ ли къ ея догматамъ въ государствѣ, искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа, совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцомъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя, и миръ въ земляхъ? Т. е., назовемъ ли сію *терпимость* единственно политическою добродѣтелью? Во всякомъ случаѣ она была выгодною для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія, и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы должны были заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла".

Въ царствованіе *Бориса Годунова* наплывъ нѣмцевъ въ Россію особенно усилился. Борисъ принялъ 35 ливонскихъ дворянъ, изгнанныхъ поляками, множество лекарей, художниковъ и ремесленниковъ-нѣмцевъ; онъ ежедневно видѣлся съ ними, бесѣдовалъ съ ними о дѣлахъ государственныхъ и о вѣрѣ, часто просилъ ихъ молиться за него и возобновилъ имъ на свои средства кирку въ Яузской слободѣ. Пасторъ этой кирки, *Мартинъ Беръ*, въ своей исторіи временъ Годунова пишетъ: „Мирно слушая ученіе христіанское и торжественно славя Всевышняго по обрядамъ вѣры своей, московскіе нѣмцы плакали отъ радости, что дожили до такого счастья!"

При царѣ *Михаилѣ Ѳеодоровичѣ* шведское правительство усердно заботилось о распространеніи протестантства среди Русскихъ: заставляло пасторовъ говорить проповѣди на русскомъ языкѣ, издавало русскіе переводы лютеранскихъ катехизисовъ и другихъ книгъ религіознаго содержанія. И оно

достигло, чего хотѣло: цѣлыя тысячи православныхъ русскихъ людей обращались въ протестантство, особенно—въ Ингріи и Карелiи, отошедшихъ къ Швеціи по *Столбовскому* договору (1617г.).

Петръ Великій, очень нуждавшійся въ иностранцахъ для осуществленія своихъ реформъ, питалъ къ нимъ особенное благорасположеніе и предоставилъ имъ полную религіозную свободу. Къ сожалѣнію, въ его время протестанты злоупотребляли этою свободою и занимались пропагандою. Результатомъ этого несомнѣнно явилась ересь *Дмитрія Тверитинова*. Тверитиновъ самъ былъ пропагандистомъ протестантства. Издѣваясь надъ православною церковію, смѣясь надъ ея уставами—постами, иконами, монашествомъ и обрядами,—онъ надѣялся на широкую *вѣротерпимость* Петра: *„нынѣ у насъ*,—говорилъ онъ,—слава Богу.—*вольно всякому: кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ*". И Тверитиновъ не ошибся. Онъ десять лѣтъ совершенно свободно проповѣдывалъ свое крайне раціоналистическое ученіе. Правительство хорошо было освѣдомлено о пропагандѣ Тверитинова. Но Государь не хотѣлъ поднимать серьезнаго дѣла изъ-за этой ереси; онъ поручилъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому присоединить еретиковъ къ церкви и потушить дѣло. Къ сожалѣнію, фанатизмъ еретиковъ погубилъ ихъ. Въ 1713 году одинъ изъ послѣдователей Тверитинова цирульникъ *Фома Ивановъ* разсѣкъ топоромъ въ церкви уважаемый образъ св. Алексія Чудотворца. За это, по рѣшенію *гражданскаго суда*, онъ былъ сожженъ, а остальные еретики разосланы были по монастырямъ. При Петрѣ Великомъ нѣмецкія кирки появились даже въ московскомъ кремлѣ и бѣломъ городѣ. При Петрѣ же въ 1721 году въ первый разъ было разрѣшено православнымъ вступать въ бракъ съ лютеранами...

Императрица Анна Іоанновна оказывала протестантамъ такое же благоволеніе, какъ и Петръ. При ней нѣмцы свободно строили въ Россіи свои кирки, выписывали для нихъ пасторовъ, заводили школы, распространяли протестантскія сочиненія и мысли въ русскомъ обществѣ. Не только порицать, но даже критически разбирать протестантское ученіе—было бы преступнымъ дѣйствіемъ со стороны пастырей православной церкви...

Всѣ послѣдующіе наши императоры и императрицы, отъ Анны Іоановны до царствующаго нынѣ Николая II, также ничуть не стѣсняли религіозной свободы протестантовъ, тѣмъ болѣе что члены Императорской Фамиліи почти всегда всту-

пали въ бракъ съ лицами протестантскаго исповѣданія и что нѣмцы у насъ въ Императорскій періодъ нашей исторіи нерѣдко занимали мѣста и должности высшихъ государственныхъ сановниковъ, до канцлера включительно.

Положеніе протестантовъ въ Россіи такое-же, какъ и положеніе католиковъ: они совершенно свободно исповѣдуютъ свою религію, имѣютъ свои кирки, учреждаютъ колоніи, заводятъ свои школы, въ юрьевскомъ университетѣ имѣютъ свой особый богословскій факультетъ и т. д. и т. д. И мы положительно затруднились бы сказать, чего бы еще могли желать нѣмцы въ смыслѣ расширенія ихъ свободы вѣроисповѣданія?

Русскихъ людей нужно осуждать не за недостатокъ вѣротерпимости, а скорѣе за религіозный индифферентизмъ, по причинѣ котораго они легко поддаются вліянію какъ иновѣрія, такъ и вольнодумства. Вспомнимъ только, что вольтерьянство у насъ нашло для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ во Франціи; массонство у насъ распространялось съ удивительною быстротою, какъ и всякаго рода сектантства: даже нигилизму 60-хъ годовъ мы не могли оказать никакого серьезнаго противодѣйствія. Не имѣя надлежащей научной подготовки и твердо обоснованныхъ философскихъ убѣжденій, въ области интеллектуальнаго развитія русскіе люди сознавали себя стоящими ниже западно европейскихъ народовъ и потому легко поддавались ихъ вліянію, при чемъ они заимствовали у нихъ не ихъ научныя и философскія системы, а только ихъ легкое, чисто эпикурейское отношеніе къ требованіямъ нравственной жизни. Отсюда—охлажденіе русскихъ къ посѣщенію св. храмовъ, или къ богослуженію, несоблюденіе постовъ, неуваженіе религіозныхъ обрядовъ своей церкви и т. п. Однимъ словомъ, изъ русскаго человѣка, дружащаго съ нѣмцемъ, т. е., интеллигента часто выходитъ Богъ знаетъ что: наполовину—протестантъ, наполовину—безбожникъ, но только—не фанатикъ и даже не преданный сынъ Православной Церкви..

Русскихъ людей нельзя упрекать въ нетерпимости даже и въ отношеніи *языческихъ дикарей*, населявшихъ окраины Россіи, гдѣ дѣйствовала русская миссія. Такъ, мы знаемъ, что въ 1227 году Ярославъ (или Георгій) Всеволодовичъ отправилъ своихъ священниковъ въ *Корельскую землю* и, какъ свидѣтельствуетъ нашъ историкъ (*Карамзинъ*), *не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ*, крестилъ большую часть жителей, уже давно подчинившихся Новгороду и бывшихъ расположенными къ добровольному принятію православной вѣры.—

Вся обширная страна *зырянъ* или *пермянъ* издревле платила дань россіянамъ; но довольные серебромъ и мѣхами, тамъ собираемыми,—говоритъ *Карамзинъ*,—россіяне нисколько не принуждали жителей къ перемѣнѣ закона, т. е., религіи: св. Стефанъ крестилъ только тѣхъ зырянъ, которые сами твердо желали принять православіе. *Лапландскіе поморяне* сами просили великаго князя Василія Іоанновича прислать къ нимъ христіанскихъ учителей; затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, пожелали принять крещеніе отъ православныхъ священниковъ также и отдаленнѣйшіе дикари—*кольскіе лапландцы*. „Такъ,—заключаетъ нашъ историкъ *Карамзинъ*,—россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали вѣру Спасителеву, *не употребляя ни малѣйшаго принужденія*“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

22 марта 1905 г.

Проф. Прот. Т. Буткевичъ.

Русскимъ воинамъ.

Тамъ, гдѣ плещетъ сердитый прибой,
Тамъ, гдѣ стелются степи чужія
Неотступно вы ждете родные,
Что-бы грянулъ рѣшительный бой.
Утомительно долгій походъ,
Неудачи, потери, лишенья,
Не сломили въ васъ силы терпѣнья
И надежды могучій оплотъ.
Злыя рѣчи затмить не могли
Въ вашемъ сердцѣ святыя основы,
Не колеблясь ни мигъ вы готовы
Лечь за славу родимой земли
Да хранитъ васъ Господь всеблагой
Въ грозный часъ огнедышащей битвы,
Да услышитъ Онъ наши молитвы
Объ отчизнѣ намъ всѣмъ дорогой.

А. Кологривова.

О способѣ осуществленія предначертаній Высочайшаго Рескрипта 18 февраля сего года.

Рескриптомъ 18-го февраля сего года на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ Государю Императору угодно было объявить свою волю отнынѣ „привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній". Осуществленіе этой мѣры представляетъ, безспорно, значительныя трудности, на которыя указываетъ и Высочайшій Рескриптъ. Обширность нашего отечества, многочисленность населенія, присутствіе въ составѣ его значительнаго количества инородческихъ племенъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются очень слабою гражданственностью, другія, наоборотъ, превосходятъ коренное русское населеніе по своему экономическому и частью умственному развитію, наконецъ, въ самомъ коренномъ русскомъ населеніи малочисленность образованнаго класса и отчужденность значительной его части отъ массы народа—все это такія условія, при которыхъ организовать участіе выборныхъ лучшихъ людей въ законодательныхъ работахъ на правильныхъ основаніяхъ является задачею въ высшей степени трудною. Дѣло усложняется еще тѣмъ, что настоящее время крайне неблагопріятно для такого рода преобразованій, въ виду чрезвычайнаго общественнаго волненія, вызваннаго тяжкими военными неудачами и внутреннею смутою. Какъ бы то ни было, въ настоящее время вопросъ въ принципѣ безповоротно рѣшенъ волею Государя Императора, и задача Правительства и общества состоитъ въ томъ, чтобы найти наиболѣе правильный путь къ осуществленію предначертаній Высочайшаго Рескрипта 18 февраля. Въ виду этого мы, нижеподписавшіеся, считаемъ себя обязанными изложить въ настоящей запискѣ нѣкоторыя соображенія о томъ, какимъ образомъ надлежало бы, по нашему мнѣнію осуществить задуманную Правительствомъ мѣру, оставаясь на почвѣ основныхъ началъ, выраженныхъ въ Рескриптѣ, Манифестѣ

и Указѣ отъ 18 февраля сего года. Конечно, далеко не на всѣ вопросы, которые подлежатъ теперь разрѣшенію, даетъ отвѣтъ наша Записка, и многія стороны дѣла, въ ней разсмотрѣнныя, требовали бы болѣе подробной и обстоятельной разработки. Но мы и не задаемся цѣлью составить полный законопроэктъ; наша задача заключается только въ томъ, чтобы по возможности выяснить нѣкоторые основные принципіальные вопросы, правильное разрѣшеніе коихъ представляется намъ необходимымъ для того, чтобы возвѣщенный Государемъ Императоромъ призывъ выборныхъ людей осуществился съ возможно большею пользою для дѣла и въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ эта мѣра была задумана.

Сущность государственной мѣры, возвѣщенной Рескриптомъ 18 февраля, состоитъ въ томъ, что къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній будутъ отнынѣ привлекаться „достойнѣйшіе, довѣріемъ народа облеченные, избранные отъ населенія люди". Это должно служить, по смыслу Рескрипта и одновременно съ нимъ изданнаго Манифеста, „къ вящему укрѣпленію истиннаго самодержавія", и потому предпринятое теперь преобразованіе должно быть проведено въ жизнь „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи". Такимъ образомъ, основы нашего государственнаго строя остаются неизмѣнными, и преобразованіе касается лишь дѣйствующей у насъ организаціи для выработки законовъ. Признано необходимымъ, въ видахъ болѣе всесторонняго освѣщенія законодательныхъ вопросовъ привлекать къ ихъ разработкѣ „совмѣстно съ правительствомъ" людей, обладающихъ непосредственнымъ житейскимъ опытомъ и не принадлежащихъ къ составу правительственныхъ должностныхъ лицъ.

Этимъ самымъ устанавливаются и *предѣлы* возвѣщеннаго преобразованія: a) участіе выборныхъ людей въ законодательствѣ можетъ имѣть лишь совѣщательный характеръ и b) выборные люди призываются не для того, чтобы замѣнить высшія законодательныя учрежденія Имперіи, а чтобы восполнить ихъ дѣятельность.

Для того, чтобы найти правильный путь къ осуществленію предначертаній Рескрипта 18 февраля на указанныхъ главныхъ основаніяхъ, необходимо возможно точнѣе выяснить тотъ коренной принципъ, который долженъ лечь въ основу всей предположенной организаціи. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія можно извлечь изъ самаго Рескрипта. Здѣсь нѣтъ рѣчи о *народномъ представительствѣ*, даже совсѣмъ не

встрѣчается это выраженіе. Не говорится также и о предоставленіи народу какихъ-либо *политическихъ* правъ. Здѣсь проводится иная точка зрѣнія. Государство пришло къ убѣжденію, что законодательная работа не можетъ выполняться одними должностными лицами, спеціально къ тому призванными. Усложнившіяся условія жизни требуютъ отъ людей, призванныхъ къ законодательной дѣятельности, такого близкаго знакомства съ народнымъ бытомъ, которое можетъ получаться лишь путемъ непосредственнаго опыта и не можетъ быть замѣнено изученіемъ того или другого вопроса по письменнымъ матеріаламъ. Отсюда возникаетъ для государства необходимость привлекать къ совмѣстной съ правительствомъ разработкѣ законодательныхъ предположеній людей, не принадлежащихъ къ числу правительственныхъ должностныхъ лицъ. Эти люди участвуютъ въ законодательной работѣ не въ силу принадлежащаго имъ права и не въ силу профессіи, добровольно ими на себя принимаемой, а вслѣдствіе требованія Государственной власти, которая возлагаетъ на нихъ это дѣло по соображеніямъ государственной пользы. Такимъ образомъ, участіе въ законодательной работѣ получаетъ для населенія характеръ исполненія гражданской обязанности, которую оно несетъ не ради огражденія своихъ личныхъ интересовъ или правъ, но для пользы всего государства. Довольно близкую аналогію представляетъ въ этомъ отношеніи институтъ присяжныхъ засѣдателей и сословныхъ представителей, участвующихъ въ судебномъ разбирательствѣ. Опытъ показываетъ, что во многихъ случаяхъ профессіональные судьи, какъ бы ни былъ высокъ уровень ихъ юридическаго образованія, не въ состояніи постановить рѣшеніе вполнѣ справедливое по существу, такъ какъ они не обладаютъ достаточнымъ житейскимъ опытомъ и склонны смотрѣть на дѣло слишкомъ формально. Поэтому государство привлекаетъ къ отправленію правосудія наряду съ правительственными должностными лицами и во взаимодѣйствіи съ ними людей изъ состава самого населенія, возлагая это дѣло на нихъ, какъ государственную повинность. Подобно этому государственная власть можетъ привлекать къ содѣйствію само населеніе и при отправленіи другихъ своихъ функцій, напр. при разработкѣ законодательныхъ предположеній. Съ этой точки зрѣнія самое избраніе лицъ, призываемыхъ къ участію въ законодательной работѣ, должно разсматриваться не столько какъ *право*, представляемое населенію, сколько какъ *обязанность*, на него возлагаемая. Выборные люди не имѣютъ здѣсь значенія народныхъ

представителей, и самое избраніе нужно лишь для того, чтобы указать власти лучшихъ людей, наиболѣе пригодныхъ для выполненія государственнаго дѣла, къ которому они призываются.

Этой основной точкой зрѣнія должна, по нашему убѣжденію, опредѣляться прежде всего *организація выборовъ*. При выработкѣ избирательной системы задача должна заключаться не въ томъ, чтобы дать возможность всѣмъ безъ исключенія гражданамъ осуществлять, хотя бы косвенно и въ самой ограниченной мѣрѣ, принадлежащее имъ право, а въ томъ, чтобы Правительству были указаны населеніемъ люди независимые и честные, способные дать серьезный и обдуманный совѣтъ по тѣмъ государственнымъ вопросамъ, которые будутъ предложены на ихъ обсужденіе, и разрѣшать ихъ не въ интересахъ какой либо партіи или какого-либо класса населенія, а съ государственной точки зрѣнія. Къ достиженію этой цѣли должна быть направлена вся избирательная система. Отсюда первое и главное условіе, которому она должна удовлетворять, состоитъ въ томъ, чтобы члены каждой избирательной единицы возможно лучше знали другъ друга, ибо иначе они не могутъ сговориться между собою и вполнѣ сознательно отнестись къ выборамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что необходимо избѣгать слишкомъ крупныхъ избирательныхъ единицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они не должны быть образованы искуственно, ad hoc, а должны по возможности пріурочиваться къ естественной, бытовой группировкѣ населенія.

Далѣе, каждая избирательная единица должна выбирать только изъ своей среды, ибо только своихъ членовъ она можетъ въ достаточной степени знать; къ тому же предоставленіе избирать посторонних лицъ открыло бы широкій просторъ всякаго рода случайностямъ и внѣшнимъ вліяніямъ.

Та же самая основная цѣль—найти лучшихъ людей—требуетъ, чтобы Государственная власть обращалась преимущественно къ тѣмъ слоямъ и группамъ населенія, которыя уже издавна сложились въ опредѣленные классы и обладаютъ надлежащею сплоченностью и однородностью, ибо этимъ въ значительной мѣрѣ обезпечивается сознательность выборовъ и независимость ихъ отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ и посторонних вліяній. Вмѣстѣ съ тѣмъ это должны быть такія общественныя группы, которыя и въ прошломъ своемъ имѣли государственное значеніе и которыя призывались и въ прежнее время къ исполненію различныхъ государственныхъ обязанностей. Только отъ такихъ общественныхъ классовъ, связанныхъ всею своей исторіей съ жизнью Государства, и

можно ожидать, что они выставятъ для участія въ законодательной работѣ людей, которые будутъ вести ее въ духѣ началъ, завѣщанныхъ намъ нашей исторіей, и руководясь прежде всего и главнымъ образомъ пользою государства. Что же касается такихъ слоевъ населенія, которые еще недавно обособились или даже состоятъ изъ болѣе или менѣе разрозненныхъ личностей, то они не обладаютъ достаточно прочнымъ внутреннимъ укладомъ, легко поддаются разнымъ преходящимъ вліяніямъ и не рѣдко способны вовлекаться въ такія общественныя движенія, которыя идутъ вразрѣзъ съ вѣковыми устоями нашей государственной и народной жизни. Поэтому было бы не цѣлесообразно вызывать отъ нихъ выборныхъ для участія въ законодательной работѣ.

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ болѣе опредѣленнымъ практическимъ указаніямъ относительно организаціи выборовъ, слѣдуетъ прежде всего остановиться на разсмотрѣніи той избирательной системы, которая въ настоящее время пользуется особенною популярностью въ нашемъ обществѣ, т. е. на всеобщей, прямой и равной подачѣ голосовъ. Съ изложенной выше точки зрѣнія система эта, очевидно, не можетъ быть признана удовлетворительной. Избирательной единицей здѣсь служитъ территоріальный округъ, все населеніе коего, безъ различія сословія, званія вѣроисповѣданія и вообще безъ распредѣленія на какія бы то ни было группы, призывается къ участію въ выборахъ. Въ избирательномъ собраніи, составленномъ изъ всѣхъ избирателей такого округа, встрѣтятся крупный землевладѣлецъ и крестьянинъ, живущій одной надѣльной землей, фабрикантъ-милліонеръ и мелкій кустарь, богатый торговецъ и сельскій лавочникъ, православный священникъ и духовное лицо инославнаго или нехристіанскаго исповѣданія, люди, живущіе исключительно умственнымъ трудомъ, какъ, учитель, врачъ, чиновникъ,—съ людьми, добывающими себѣ существованіе работой физической и съ людьми, живущими на доходъ съ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ. Можно ли надѣяться, что вся эта пестрая разнородная толпа сумѣетъ столковаться и въ состояніи будетъ избрать такихъ людей, которые дѣйствительно пользуются довѣріемъ округа? При разнохарактерности и бытовой обособленности отдѣльныхъ разрядовъ обывателей можно опасаться, что результатъ выборовъ будетъ зависѣть отъ случая, или, что еще хуже, отъ большей или меньшей ловкости отдѣльныхъ кандидатовъ и политическихъ партій; сознательнаго отношенія къ выборамъ

при этой системѣ трудно ожидать[1]). Нѣкоторымъ образчикомъ того, что произойдетъ при этой системѣ, могутъ служить выборы думскихъ гласныхъ въ большихъ городахъ, гдѣ избиратели группируются какъ извѣстно, исключительно по мѣсту ихъ жительства. Хотя кругъ избирателей здѣсь ограниченъ довольно высокимъ имущественнымъ цензомъ и потому составъ ихъ гораздо болѣе однообразенъ, чѣмъ онъ будетъ при всеобщей подачѣ голосовъ, однако здѣсь открытъ широкій просторъ всякаго рода случайностямъ и избирательнымъ интригамъ, и результатъ выборовъ въ большинствѣ случаевъ мало соотвѣтствуетъ желаніямъ населенія, или хотя бы самихъ избирателей, большинство коихъ уклоняется отъ всякаго участія въ выборахъ. Между тѣмъ, въ тѣхъ же самыхъ городахъ выборы сословныхъ обществъ отличаются несравненно большею сознательностью, привлекаютъ къ себѣ вниманіе и интересъ избирателей, и результаты ихъ обыкновенно соотвѣтствуютъ желаніямъ большинства членовъ общества.

Итакъ, очевидно, что избирательная система должна быть пріурочена къ какимъ нибудь существующимъ общественнымъ организаціямъ. Отсюда у многихъ естественно возникаетъ мысль, нельзя ли возложить обязанность избирательныхъ собраній на земскія и городскія учрежденія. Повидимому, это было бы самымъ простымъ и практичнымъ разрѣшеніемъ труднаго вопроса, поставленнаго на очередь Рескриптомъ 18 февраля. Не надо было бы создавать никакой спеціальной орга-

---

[1]) Даже въ Англіи нѣкоторые избиратели, повидимому, подаютъ свой голосъ на выборахъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, почему они поддерживаютъ того или другого кандидата. Такъ, по крайней мѣрѣ, было лѣтъ 30 тому назадъ, если судить по слѣдующимъ отвѣтамъ одного избирателя на судебномъ разбирательствѣ, происходившемъ 28 апрѣля 1874 года: Судья: „Знаете ли какая теперь партія управляетъ страной?“—Свидѣтель: „Желтые, я полагаю“.—Судья: „Думаете ли вы, что г. Дизраэли желтый?“—Свидѣтель: „По правдѣ сказать, я не знаю“.—Судья: „Вы не знаете?“—Свидѣтель: „Я не знаю, я не способенъ это понять“.—Судья: „Когда подавали вы свой голосъ, знали ли вы, за какіе принципы высказывались? Знали ли вы какую партію представлялъ тотъ цвѣтъ, за который вы подавали голосъ?“—Свидѣтель: „Желтый цвѣтъ—это либеральная партія“.—Судья: „Какъ называете вы другую партію?“—Свидѣтель: „Синіе“.—Судья: „Не знаете ли вы другого имени?—Свидѣтель: „Нѣтъ“.—Судья: „Что такое синіе?“—Свидѣтель: „Я не знаю, какъ она называется“.—Судья: „Слышали вы что-либо о г. Дизраэли?“—Свидѣтель: „Нѣтъ“.—Судья: „Слышали ли вы имя теперешняго перваго министра?“—Свидѣтель: „Нѣтъ, я не знаю“... и т. д. (Franqueville—Le gouvernement et le Parlement Britanniques. t. 2 p. 441. n. 2).

низаціи, и созывъ выборныхъ могъ бы совершиться весьма скоро. Къ тому же, въ нѣкоторой части общества нашего давно уже привыкли смотрѣть на мѣстныя общественныя учрежденія, какъ на подготовительную ступень къ государственному представительному собранію, и потому можно разсчитывать, что привлеченіе къ участію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ земствъ и городскихъ думъ будетъ въ глазахъ многихъ лишь естественнымъ завершеніемъ дѣла, начало коему положено было въ 1864 году. При всемъ томъ однако по нашему убѣжденію нельзя остановиться на такомъ предположеніи, ибо это привело бы къ созданію такой организаціи, которая не соотвѣтствуетъ духу Рескрипта 18 февраля.

Не случайно и не безъ основанія распространился въ нашемъ обществѣ указанный выше взглядъ на земскія учрежденія, какъ на первую ступень центральнаго народнаго представительства. Дѣло въ томъ, что наши мѣстныя общественныя учрежденія, какъ земскія, такъ и городскія, построены на принципѣ народнаго представительства, и этотъ принципъ не подвергся существеннымъ измѣненіямъ при преобразованіи, произведенномъ въ 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Завѣдываніе мѣстными хозяйственными дѣлами предоставлено самому населенію, какъ право, уступленное ему государственною властью. Осуществлять это свое право мѣстное населеніе, конечно, не можетъ иначе, какъ чрезъ особыхъ уполномоченныхъ или представителей, которые, пока остаются въ предѣлахъ своихъ полномочій, дѣйствуютъ отъ имени всего населенія, выражаютъ его мысль и его волю. Изъ этой фикціи выводится обыкновенно и право общественныхъ учрежденій облагать мѣстное населеніе по своему усмотрѣнію прямыми и косвенными налогами. При всей принудительности относящихся сюда распоряженій земскихъ собраній и городскихъ думъ по отношенію къ отдѣльнымъ плательщикамъ, мѣры эти разсматриваются обыкновенно не какъ осуществленіе одной изъ функцій верховной власти, а какъ *самообложеніе*. Напротивъ, участіе выборныхъ людей въ законодательной работѣ въ томъ видѣ, какъ оно намѣчено Рескриптомъ 18 февраля, должно, какъ показано выше, получить характеръ государственной службы, возлагаемой на населеніе страны. Здѣсь нѣтъ рѣчи даже о частичной уступкѣ государственной властью какого-либо ея права, или объ отказѣ ея отъ какой-либо изъ лежащихъ на ней обязанностей въ пользу народа. Поэтому и выборные не могутъ имѣть значенія народныхъ представителей. Если этому принципу не суждено остаться только на бумагѣ,

если онъ долженъ быть строго и послѣдовательно проведенъ при осуществленіи предначертаній Рескрипта 18 февраля, то очевидно, что государственная власть не можетъ пользоваться для новой избирательной организаціи учрежденіями, которыя основаны на совершенно иныхъ началахъ. Это внесло бы коренное противорѣчіе во всю создаваемую теперь организацію, явилось бы источникомъ цѣлаго ряда недоразумѣній и неминуемо направило бы на ложный путь дѣятельность выборныхъ людей, отъ участія которыхъ въ законодательныхъ работахъ столь многаго ожидаетъ и общество и правительство.

Но пріурочивать избирательную систему къ мѣстнымъ хозяйственнымъ учрежденіямъ было бы неправильно даже и въ томъ случаѣ, если бы участіе выборныхъ людей въ законодательной работѣ осуществилось въ формѣ представительнаго учрежденія. Опытъ тѣхъ странъ, гдѣ мѣстное самоуправленіе получило широкое развитіе, учитъ насъ, что мѣстныя учрежденія должны стоять въ сторонѣ отъ политической дѣятельности и только при этомъ условіи могутъ успѣшно исполнять возложенную на нихъ задачу. Такъ, въ Англіи выборы въ парламентъ организованы совершенно независимо отъ мѣстныхъ учрежденій; ни четвертныя сессіи мировыхъ судей, ни совѣты графствъ не участвуютъ ни прямо, ни косвенно въ выборѣ депутатовъ. Точно то же слѣдуетъ сказать о Германіи. Обратный примѣръ представляетъ Франція, но едва ли кто-нибудь пожелаетъ взять за образецъ для насъ организацію французскаго мѣстнаго самоуправленія; французскіе генеральные совѣты, облеченные нѣкоторыми политическими правами, пользуются въ завѣдываніи мѣстными дѣлами гораздо меньшею независимостью, чѣмъ наши земскія учрежденія.

Совершенное устраненіе мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій отъ политики требуется самымъ существомъ дѣла. Можно быть прекраснымъ предсѣдателемъ уѣздной управы и совершенно не годиться для законодательной дѣятельности, и обратно. То же слѣдуетъ сказать и о гласныхъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. Совмѣщеніе въ однихъ лицахъ политической дѣятельности съ обязанностями по завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами поставило бы избирателей въ положеніе крайне затруднительное, а нерѣдко даже безысходное. Теперь, выбирая гласныхъ, они уполномочиваютъ ихъ завѣдывать дорогами, школами, больницами и т. п.; тогда имъ пришлось бы имѣть въ виду, что эти же лица, сверхъ указанныхъ обязанностей, будутъ уполномочены на участіе черезъ выборныхъ изъ ихъ же среды въ работахъ законодательныхъ,

т. е. получатъ право высказываться отъ имени самого населенія о желательныхъ законодательныхъ мѣрахъ.

Если же допустить, какъ предлагаютъ нѣкоторые, чтобы земскія собранія могли выбирать народныхъ представителей не только изъ своей среды, но всѣхъ вообще лицъ, обладающихъ пассивнымъ избирательнымъ правомъ, то полномочія земскихъ учрежденій будутъ еще болѣе распирены, и населеніе, участвующее въ выборѣ земскихъ гласныхъ, еще менѣе будутъ въ состояніи оказывать вліяніе на выборы лицъ для участія въ центральномъ законодательномъ учрежденіи. При такомъ порядкѣ вся масса населенія въ сущности была бы совершенно устранена отъ участія въ выборахъ, и ея голосъ былъ бы подмѣненъ мнѣніемъ небольшого круга лицъ, призываемыхъ на опредѣленный срокъ для завѣдыванія мѣстными административно-хозяйственными дѣлами.

Если по всѣмъ этимъ соображеніямъ избирательная организація не можетъ быть пріурочена къ земскимъ и городскимъ общественнымъ учрежденіямъ, то спрашивается, нельзя ли воспользоваться, въ качествѣ основной избирательной единицы, другимъ, также общественнымъ союзомъ, именно приходомъ? Въ пользу такого разрѣшенія вопроса указываютъ на то, что приходъ является у насъ пока единственнымъ органически сложившимся бытовымъ союзомъ, въ которомъ объединяются мѣстные жители безъ различія сословій и званій. Однако, какъ ни желательно было бы по многимъ соображеніямъ сдѣлать изъ прихода основную ячейку нашего общественнаго строя, воспользоваться имъ для организаціи выборовъ въ настоящее время едва ли возможно. Приходская жизнь у насъ совершенно заглохла; во многихъ мѣстахъ приходскихъ собраній никогда не бываетъ, въ другихъ они обратились въ пустую формальность. При такихъ условіяхъ трудно видѣть въ современномъ приходѣ живую общественную единицу; если же смотрѣть на него, какъ на чисто территоріальный округъ, то онъ ничѣмъ не лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже хуже другихъ подобныхъ дѣленій.

Такимъ образомъ, за невозможностью пріурочить избирательную организацію къ общественному союзу или учрежденію, въ которомъ объединялись бы всѣ жители данной мѣстности, приходится положить въ основу избирательной системы другую группировку населенія—именно распредѣленіе его по классамъ и общественнымъ группамъ въ предѣлахъ одной и той же мѣстности.

Такъ можно воспользоваться группировкой населенія по

имущественнымъ его интересамъ и въ каждомъ уѣздѣ устроить избирательныя собранія землевладѣльцевъ, владѣльцевъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, лицъ, занимающихся торговлей, рабочихъ и т. п. Организовать выборы на этихъ основаніяхъ было бы сравнительно не трудно, и, конечно, такая избирательная система дала бы болѣе удовлетворительные результаты, чѣмъ всеобщая подача голосовъ по территоріальнымъ округамъ, или чѣмъ выборы отъ земскихъ учрежденій. Каждая отдѣльная имущественная группа могла бы безъ особаго затрудненія сговориться между собою и произвести выборы болѣе или менѣе сознательно; посторонннихъ вліяній при этой системѣ едва ли можно было бы опасаться. Тѣмъ не менѣе было бы неправильно и не цѣлесообразно полагать имущественное начало въ основу избирательной организаціи, которая должна выдвинуть изъ среды населенія лицъ, пригодныхъ для разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній съ государственной точки зрѣнія. Выборные отъ имущественныхъ классовъ неизбѣжно получатъ значеніе представителей имущественныхъ же интересовъ и будутъ считать, что они призваны отстаивать и проводить имущественные интересы той группы, къ которой они принадлежатъ. Отсюда вся дѣятельность ихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, въ которыя они будутъ призываться, получитъ характеръ борьбы интересовъ, и законодательныя предположенія, ими выработанныя, будутъ либо страдать односторонностью, вслѣдствіе преобладанія одного какого-либо интереса надъ другимъ, либо явятся сдѣлкою между равносильными частными интересами. Притомъ, если послѣдовательно проводить этотъ принципъ, то пришлось бы организовать выборы такъ, чтобы число выборныхъ отъ каждаго класса соотвѣтствовало стоимости его имущества и чтобы каждый избиратель обладалъ также большимъ или меньшимъ числомъ голосовъ, соразмѣрно со своимъ имуществомъ. Но это привело бы къ господству болѣе богатыхъ классовъ надъ остальнымъ населеніемъ. Представители имущественныхъ интересовъ, какъ и всякихъ другихъ, непремѣнно должны имѣть право отстаивать свою точку зрѣнія при обсужденіи законодательныхъ мѣръ. Ихъ непремѣнно слѣдуетъ призывать въ тѣ учрежденія, на которыя возложена законодательная работа; но они не должны участвовать въ составленіи законопроэктовъ. Поэтому избирательная система, которая должна указать Правительству достойнѣйшихъ людей, облеченныхъ довѣріемъ населенія, не можетъ быть построена на имущественномъ началѣ.

Если имущественное начало не можетъ служить основа-

ніемъ для избирательной системы, то приходится остановиться на группировкѣ населенія по сословіямъ, разумѣя подъ этимъ терминомъ потомственное дворянство, приходское духовенство, купечество, коренное мѣщанство и крестьянство. Эти общественныя группы отличаются отъ чисто-имущественныхъ классовъ тѣмъ, что онѣ объединены не одними измѣнчивыми матеріальными интересами; ихъ нравственно-бытовая физіономія опредѣляется не столько ихъ современнымъ имущественнымъ строемъ, сколько ихъ преданіями и исторіей. Особенно важно въ этомъ отношеніи, что эти группы въ своемъ существованіи тѣсно связаны съ исторически у насъ сложившеюся Верховною Властью. Хотя наши сословія не созданы путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, однако нынѣшнія свои права и современную свою организацію они несомнѣнно получили отъ Верховной Власти; достаточно указать въ этомъ отношеніи на Дворянскую Жалованную Грамоту 1785 г. и на Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года. Государственная власть привыкла довѣрять сословнымъ обществамъ и лицамъ, ими избираемымъ; она охотно возлагаетъ на нихъ отвѣтственное завѣдываніе наиболѣе важными отраслями мѣстнаго управленія и привлекаетъ ихъ къ отправленію правосудія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ широкій кругъ государственныхъ дѣлъ, ввѣренныхъ съ одной стороны предводителямъ дворянства, съ другой крестьянскимъ волостнымъ старшинамъ и судьямъ; вспомнимъ также, что важнѣйшія уголовныя дѣла разбираются при участіи сословныхъ представителей. Съ своей стороны сословія наши всегда оставались вѣрны принципу Царской власти, надъ созданіемъ и укрѣпленіемъ которой такъ много поработали старинные чины Московскаго государства—прародители нынѣшнихъ сословій.

Правда, въ настоящее время юридическія основанія сословнаго дѣленія въ значительной степени утратили прежнюю твердость и ясность, но это еще не значитъ, что сословія у насъ перестали существовать, какъ бытовыя группы. Дворянство и крестьянство, купечество и мѣщанство, даже духовенство, хотя почти не отличаются другъ отъ друга по своимъ гражданскимъ правамъ, однако вовсе еще не слились въ одну безразличную массу. Въ бытовомъ отношеніи они до сихъ поръ весьма опредѣленно отличаются одно отъ другого, и отличія эти никоимъ образомъ не могутъ быть сведены къ особенностямъ, вытекающимъ изъ различій профессіональныхъ и имущественныхъ. Члены одного и того же сословія въ большинствѣ случаевъ стоятъ ближе другъ къ другу по своему образу

жизни, по своимъ привычкамъ, понятіямъ и интересамъ, чѣмъ лица, принадлежащія къ разнымъ сословіямъ. Конечно, можно привести примѣры обратнаго явленія, но здѣсь рѣчь не объ отдѣльныхъ случаяхъ, а объ общемъ фактѣ, который трудно отрицать. Такъ какъ члены одного и того же сословія обыкновенно гораздо лучше другъ друга знаютъ, чѣмъ лица разныхъ сословій, то понятно, почему сословные выборы отличаются у насъ, какъ уже было замѣчено выше, большею сознательностью, нежели выборы по безсословнымъ территоріальнымъ округамъ. Вотъ почему сословное дѣленіе могло бы быть съ успѣхомъ положено въ основу избирательной организаціи, требуемой Рескриптомъ 18 февраля.

Не трудно, конечно, предвидѣть, что противъ изложенной точки зрѣнія будетъ сдѣлано не мало возраженій. Прежде всего, многіе считаютъ принципіально неправильнымъ пріурочивать какую бы то ни было вновь создаваемую организацію къ сословному дѣленію, ибо полагаютъ, что дѣленіе это уже отжило свой вѣкъ и не имѣетъ никакого реальнаго основанія въ дѣйствительности. Оно существуетъ лишь, какъ наслѣдіе прошлаго, и было бы не только безполезно, но даже вредно съ нимъ считаться и его поддерживать вопреки естественному ходу общественнаго развитія. Съ этимъ, конечно, нельзя было бы не согласиться, если бы сословныя группы у насъ были образованы совершенно искусственно. Но какого бы ни держаться взгляда на происхожденіе нашихъ сословій, едва ли можно отрицать, что естественною основою для ихъ возникновенія послужили общественныя группы, на которыя распадалось населеніе Московскаго государства. Законодательство лишь видоизмѣнило ихъ физіономію и дало имъ внѣшнія юридическія опредѣленія. Поэтому группы эти не могли исчезнуть съ измѣненіемъ законовъ, которыми опредѣлялось ихъ правовое положеніе; онѣ сохранили и сохраняютъ доселѣ свою бытовую обособленность, какъ указано выше, хотя и утратили во многихъ отношеніяхъ обособленность юридическую. Законодательство можетъ вести дѣло къ полному уравненію сословій въ гражданскомъ отношеніи, но оно не можетъ не считаться съ естественнымъ бытовымъ дѣленіемъ народа, когда рѣчь идетъ о созданіи организаціи, при помощи которой народъ могъ бы сознательно выбирать лучшихъ людей. Пусть эта бытовая группировка со временемъ утратитъ значеніе, или по крайней мѣрѣ существеннымъ образомъ измѣнится, пусть на смѣну прежнимъ сословіямъ явятся другіе общественные классы; пусть даже когда-нибудь совершенно исчезнутъ какія

бы то ни было общественныя и классовыя различія, и все населеніе обратится въ однородную массу. Въ настоящее время ничего этого нѣтъ, и закрывать глаза на существующія теперь бытовыя дѣленія было бы большою ошибкою.

Могутъ сказать, конечно, что сословія не обнимаютъ собою всего населенія, ибо есть такіе общественные группы и классы, члены которыхъ не принадлежатъ ни къ одному сословію; сюда относятся, напримѣръ, всѣ личные дворяне, личные и потомственные почетные граждане, а также потомственные дворяне, не имѣющіе имущественнаго ценза и потому не участвующіе въ сословныхъ выборахъ. Съ другой стороны, есть такіе классы населенія, которые несомнѣнно обособлены отъ другихъ въ бытовомъ отношеніи и имѣютъ свои особые интересы, хотя члены ихъ юридически числятся въ составѣ другихъ сословій; таковъ, напр. классъ фабричныхъ рабочихъ,

Это возраженіе противъ сословнаго начала несомнѣнно имѣло бы полную силу, если бы было предрѣшено, что участіе выборныхъ отъ населенія въ законодательныхъ работахъ должно быть организовано, какъ народное представительство. Въ такомъ случаѣ, конечно всѣ классы и группы населенія должны въ той или другой формѣ участвовать въ избраніи тѣхъ лицъ, которыя явятся ихъ представителями въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ Надо замѣтить однако, что на практикѣ эта точка зрѣнія не можетъ быть проведена послѣдовательно и безъ существенныхъ отступленій.

Даже тамъ, гдѣ дѣйствуетъ такъ называемая всеобщая подача голосовъ, въ дѣйствительности лишь меньшая часть населенія пользуется избирательнымъ правомъ. Есть цѣлые разряды лицъ, которыя обыкновенно въ силу закона устраняются отъ участія въ выборахъ: сюда относятся всѣ несовершеннолѣтніе, затѣмъ женщины, лица, лишенныя правъ по суду, и, наконецъ, всѣ состоящіе на дѣйствительной службѣ въ арміи или во флотѣ. Вслѣдствіе этого, напримѣръ во Франціи и въ Германіи не болѣе четверти всего населенія пользуется избирательнымъ правомъ; остальныя три четверти лишены права посылать своихъ представителей. Но если даже принимать въ разсчетъ только ту часть населенія, которой законъ предоставляетъ избирательное право, то все же значительная ея часть въ дѣйствительности не имѣетъ своихъ представителей. Сюда относятся всѣ воздерживающіеся отъ голосованія и тѣ избиратели, которые подавали свои голоса за кандидатовъ, оставшихся въ меньшинствѣ. Число тѣхъ

и другихъ бываетъ нерѣдко весьма значительно; такъ во Франціи оба эти разряда составляютъ около $^2/_3$ всѣхъ избирателей [1]).

Поэтому нельзя не признать справедливымъ замѣчаніе американскаго ученаго Лоуэлля, что депутатъ въ дѣйствительности является представителемъ не всего населенія и даже не населенія избирательнаго округа, а лишь извѣстной политической партіи или (гдѣ нѣтъ большихъ избирательныхъ партій) просто мѣстнаго избирательнаго комитета [2]). Несмотря на это депутаты признаются представителями не однихъ своихъ

---

[1]) См. Eichthal, Souveraineté du peuple et gouvernement, pp 203 et 204. Здѣсь приведена слѣдующая таблица:

	Число голосовъ получ. избр. депутатами.	Число голосовъ оставш. безъ представителей.
1881	4.500000	5,600000
1885	4,040000	6,000000
1889	4,500000	5,800000
1893	4,500000	5,900000

См. также Коркунова: Русское Госуд. Право, т. I, изд. 2, стр. 309.

[2]) „Кого же они, (т. е. депутаты) представляютъ? Весь народъ? Не бываетъ представителей, которые дѣйствительно были бы представителями всего населенія. По скольку дѣло касается чисто нравственныхъ мотивовъ, депутатъ есть представитель своихъ собственныхъ идей о справедливости, а что касается остального, то онъ есть главнымъ образомъ представитель тѣхъ людей, которые его выбрали и отъ которыхъ онъ долженъ ждать помощи и голосовъ въ слѣдующую избирательную кампанію. Въ нѣкоторыхъ странахъ это означаетъ партію и тѣ классы, которые идутъ за послѣднею и которые можно заставить къ ней присоединиться. Но во Франціи нѣтъ никакихъ большихъ организованныхъ партій... Тамъ обычный способъ процедуры слѣдующій: извѣстное число людей общины, принимающихъ активное участіе въ политикѣ.—такъ сказать главныхъ заправилъ образуетъ самопзбравшійся комитетъ... Комитеты или ихъ представители сходятся на собраніе, которое вырабатываетъ программу, назначаетъ кандидата и провозглашаетъ его кандидатомъ партіи. Такимъ образомъ эти по собственной иниціативѣ образовавшіеся комитеты держатъ назначенія совершенно въ своихъ рукахъ“ (Лоуэлль, Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы, перев. Полторацкой, стр. 89).—Часто думаютъ, что этотъ односторонній, партійный характеръ выборовъ можетъ быть устраненъ путемъ введенія пропорціональнаго представительства. Но, не говоря уже о томъ, что эта система вслѣдствіе своей значительной сложности не примѣняется пока ни въ одномъ изъ крупныхъ государствъ, она все же не можетъ устранить господства большинства надъ меньшинствомъ, ибо она даетъ возможность имѣть своихъ представителей только болѣе значительнымъ группамъ меньшинства. (Коркуновъ, Русское Государственное Право; т. I, изданіе 2-ое, стр. 307 и 308. Eichthal, op. cit. p.p. 206, 207).

избирателей, а всего народа; однако эта точка зрѣнія можетъ быть проведена только путемъ фикціи.

Но выше было уже показано, что по смыслу Рескрипта 18 февраля участіе выборныхъ въ законодательствѣ должно быть организовано не на принципѣ народнаго представительства, а на иныхъ началахъ. Оно должно разсматриваться, какъ извѣстный видъ исполненія государственной службы, и лица, привлекаемыя къ законодательной работѣ изъ состава населенія, должны участвовать въ ней не въ качествѣ народныхъ представителей, а въ качествѣ лучшихъ людей, наиболѣе пригодныхъ для исполненія высокой обязанности, возлагаемой на нихъ государствомъ. Поэтому нѣтъ никакой надобности непремѣнно добиваться, чтобы въ выборѣ этихъ „лучшихъ" людей участвовало непосредственно или хотя бы посредственно все населеніе страны. Выборъ при такой постановкѣ дѣла имѣетъ значеніе лишь указанія наиболѣе подходящихъ людей изъ состава населенія, и государственная власть могла бы даже обходиться безъ него. Не то важно, чтобы эти люди путемъ той или другой организаціи получили формальное право смотрѣть на себя, какъ на народныхъ представителей, а то, чтобы это были дѣйствительно лучшіе, наиболѣе пригодные для даннаго дѣла люди. Вѣдь главная задача въ томъ, чтобы законодательная работа производилась при такихъ условіяхъ, которыми обезпечивалось бы составленіе наиболѣе цѣлесообразныхъ и соотвѣтствующихъ жизненнымъ потребностямъ страны законовъ, а вовсе не въ томъ, чтобы дать законамъ формальную санкцію представительнаго собранія. Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности, чтобы привлекаемые къ участію въ законодательной работѣ выборные люди получали формальныя полномочія отъ всего населенія страны; пусть они будутъ выбраны лишь частью населенія, лишь бы только это были дѣйствительно наиболѣе пригодные для дѣла люди. Отъ недостатка ихъ формальныхъ полномочій законодательная работа ничуть не пострадаетъ; наоборотъ, если стремиться, во что бы то ни стало, къ тому, чтобы выборные представляли собою всю страну, то придется привлечь къ законодательной работѣ такія общественныя группы, которыя только еще начинаютъ складываться, не обладаютъ должною устойчивостью и не могутъ быть признаны элементомъ, вполнѣ надежнымъ съ государственной точки зрѣнія. Сомнительно, чтобы чрезъ это улучшился составъ выборныхъ. Опытъ другихъ странъ показываетъ, что самая правильная съ формальной стороны система вовсе не обезпечиваетъ высокаго

уровня народныхъ избранниковъ и что при избирательныхъ системахъ, теоретически очень несовершенныхъ, народное представительство можетъ дѣйствовать вполнѣ успѣшно. Въ этомъ отношеніи поучителенъ составъ депутатовъ современныхъ французскихъ палатъ. Безпристрастные наблюдатели свидѣтельствуютъ, что мѣстные заправилы, отъ которыхъ зависитъ исходъ выборовъ, вовсе не заботятся о томъ, чтобы въ депутаты избирались люди самостоятельные и дѣйствительно выдающіеся. „Они предпочитаютъ людей, которыми могутъ управлять и пользоваться для собственныхъ цѣлей“ [1]). Понятно, что при такомъ составѣ депутатовъ законодательная работа не можетъ итти успѣшно. Одинъ французскій писатель утверждаетъ даже, что если Франція несмотря на все живетъ, развивается и движется впередъ, то это въ значительной степени слѣдуетъ приписать безсилію ея законодательной власти [2]). Обратный примѣръ представляетъ Англія XVIII вѣка. Это была эпоха, когда парламентскій строй достигъ своего полнаго развитія, а между тѣмъ, всемогущая палата общинъ, правившая страной, совершенно утратила характеръ представительнаго учрежденія [3]) ибо право избирать представителей принадлежало въ то время исключительно высшему землевладѣльческому классу.

Допуская принципіальную правильность избирательной системы, основанной на сословномъ началѣ, многіе сомнѣваются однако въ возможности провести этотъ принципъ на практикѣ вполнѣ строго и послѣдовательно. Говорятъ, что только дворянство и крестьянство повсемѣстно обладаютъ сословнымъ устройствомъ и являются классами, обособленными, какъ въ юридическомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи. Остальныя сословія или страдаютъ отсутствіемъ всякаго внутренняго единства и сплоченности, какъ мѣщане, или, являясь скорѣе профессіями, какъ купечество и духовенство, доступны всѣмъ желающимъ войти въ ихъ составъ и не имѣютъ наслѣдственнаго характера. Притомъ купечество во многихъ мѣстностяхъ совсѣмъ не имѣетъ сословной организаціи, а духовенство не

---

[1]) Лоузлль, Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы, перев. Полторацкой, стр. 90. См. также Eichthal, Souverainetè du peuple et gouvernement, p. 236 et 237.

[2]) Eichthal, op. cit., page 244.

[3]) Green, ap. Eichthal, op. cit. p. 164: „A une époque (XVIII s.), observe à son tour Green (Histoire d'Angleterre, t. II), ou elle était toute-puissante dans l'Etat, la Chambre des communes avait perdu tout vrei caractère prerésentatif.

можетъ быть выдѣлено изъ церковной организаціи, въ составъ которой оно входитъ, какъ одно изъ звеньевъ. Какъ, же спрашиваютъ, пріурочить избирательную систему къ такимъ разнохарактернымъ, неустойчивымъ, юридически неопредѣленнымъ и неорганизованнымъ классамъ населенія?

Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что, если сословія пригодны въ качествѣ избирательныхъ единицъ, то не столько какъ юридически обособленные классы, сколько какъ бытовыя группы. Съ этой точки зрѣнія не можетъ имѣть значенія то обстоятельство, что доступъ къ духовному сану открытъ у насъ de jure лицамъ всѣхъ состояній (Св. Зак. т. IX, ст. 426), и дѣти духовныхъ лицъ со времени закона 26 мая 1869 года не принадлежатъ къ духовному званію. De facto составъ духовенства пополняется у насъ, какъ извѣстно, почти исключительно изъ его же собственной среды, а какъ бы ни было значительно число лицъ, вышедшихъ изъ духовнаго званія и примкнувшихъ къ другимъ общественнымъ классамъ, все же въ общемъ духовенство наше до сихъ поръ безспорно составляетъ совершенно опредѣленную бытовую группу, отличающуюся отъ другихъ слоевъ населенія своими особыми, унаслѣдованными отъ старины преданіями, привычками, нравами и понятіями. Когда идетъ рѣчь о духовенствѣ, какъ одной изъ избирательныхъ группъ, то имѣется въ виду именно такой бытовой общественный классъ, а вовсе не іерархія церковная. Поэтому и представляется правильнымъ, чтобы къ участію въ выборахъ привлекалось только приходское духовенство. Если бы имѣлось въ виду призвать къ участію въ законодательной работѣ не духовенство, какъ одинъ изъ классовъ русскаго народа, а церковь, то конечно, надлежало бы обратиться къ епископамъ, которые одни уполномочены говорить отъ имени церкви и дѣйствовать въ качествѣ ея представителей. Но это едва ли осуществимо при современномъ строѣ нашего церковнаго управленія. Само собою разумѣется, однако, что, если бы участіе представителей нашей высшей іерархіи или нашего монашества въ разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ мѣръ было признано необходимымъ, то они могли бы призываться непосредственно Верховной властью на совершенно особыхъ основаніяхъ.

Что касается купечества, то на его сословномъ строѣ и организаціи необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе, ибо этотъ вопросъ представляется довольно сложнымъ. По дѣйствующему закону на вступленіе въ купечество не требуется согласія купеческаго общества (Св. зак. т. IX ст. 531). Лица всѣхъ званій и состояній, за исключеніемъ дворянъ, свя-

щеннослужителей и церковныхъ причетниковъ, могутъ вступать въ купеческое сословіе (Св зак. т. IX ст. 399); при этомъ лица изъ бывшихъ податныхъ состояній должны предварительно увольняться изъ своихъ обществъ (Св. зак. т. IX ст. 572 и 675; Общ. пол. крест. изд. 1902 г. ст. 208). Лицо, желающее вступить въ купеческое сословіе, должно взять установленное промысловое свидѣтельство [1]) одного изъ высшихъ разрядовъ и кромѣ того купеческое сословное свидѣтельство (Св. зак. т. IX ст. 532; зак. 8 іюня 1898 г. ст. IV, 1; Инструкція о порядкѣ выдачи промысл. свидѣт. и бил. § 22, пунктъ 1). Какъ промысловое, такъ и сословное свидѣтельства должны возобновляться ежегодно; лица, не исполнившія этого, считаются выбывшими изъ этого сословія. Но выборка сословныхъ купеческихъ свидѣтельствъ ни для кого необязательна; лицо, желающее заниматься торговлей или промысломъ, обязано выбирать только промысловое свидѣтельство, купеческое же свидѣтельство ему необходимо лишь въ томъ случаѣ, если оно желаетъ принадлежать къ мѣстному купеческому сословному обществу. (Законъ 8 іюня 1898 г. ст. IV, 2; и Циркуляръ мин. фин. 12 дек. 1898 г., № 33343, пунктъ 6). Поэтому въ настоящее время многіе торговцы и промышленники обходятся совсѣмъ безъ купеческихъ свидѣтельствъ и слѣдовательно, не вступаютъ въ купечество. Съ другой стороны однако въ составъ купечества могутъ вступать лица, не имѣющія торговыхъ или промышленныхъ предпріятій: имъ достаточно для этого выбрать только промысловое свидѣтельство одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ на торговыя предпріятія и затѣмъ получить сословное купеческое свидѣтельство соотвѣтственной гильдіи. (Цирк. мин. фин. 12 дек. 1898 г. № 33343, пунктъ 2). Изъ этого видно, что купечество, какъ юридически опредѣленное сословіе, не совпадаетъ въ настоящее время съ торгово-промышленнымъ классомъ вообще, ни съ купечествомъ, какъ бытовою группою въ частности. Въ составъ купеческаго сословія не входятъ: 1) всѣ лица другихъ состояній, занимающихся торговлей или промысломъ (по прежней терминологіи „временные купцы“); 2) многія изъ лицъ, которыя прежде принадлежали къ купечеству, а теперь считаютъ излишнимъ брать

[1]) А именно промысловое свидѣтельство на торговое предпріятіе I-го или II-го разряда (торговыя предпріятія дѣлятся на 5 разрядовъ), или на промышленное предпріятіе первыхъ пяти разрядовъ (промышленныя предпріятія дѣлятся на 8 разрядовъ) или на пароходное предпріятіе, за которое платится основного промысловаго налога свыше 50 руб. въ годъ.

купеческія свидѣтельства, такъ какъ они имѣютъ большею частью званіе почетныхъ гражданъ. Естественно, что вслѣдствіе этого значительно сократился численный составъ купеческихъ обществъ, и потому многія изъ нихъ не имѣютъ своей организаціи. Такъ, купеческія управы существуютъ только въ обѣихъ столицахъ и въ Одессѣ; изъ остальныхъ городовъ въ нѣкоторыхъ имѣются купеческіе старосты, въ другихъ обязанности купеческаго сословнаго управленія исполняются городскими управами.

Такимъ образомъ необходимо различать слѣдующія три общественныя группы, имѣющія между собою много общаго, но не совпадающія одна съ другой: 1) купечество, какъ юридически опредѣленное сословіе; 2) купечество, какъ бытовой классъ, сложившійся исторически, и 3) торгово-промышленный классъ. Самый широкій кругъ лицъ принадлежитъ къ 3-ей группѣ, но у этой группы нѣтъ бытового единства; сюда входятъ наряду съ лицами, изъ поколѣнія въ поколѣніе занимавшимися торговлею и промыслами, и дворяне, и крестьяне, и мѣщане; всѣ они объединяются лишь общимъ экономическимъ интересомъ. Ко второй группѣ принадлежатъ лица, для которыхъ торговля и промыслы составляютъ, если не единственное, то главное занятіе, и которыя происходятъ отъ лицъ, изстари принадлежавшихъ къ купечеству. Въ составъ первой группы входитъ болѣе или менѣе значительная часть бытового купечества, но наряду съ этимъ *могутъ* входить и такія лица, которыя съ купечествомъ не имѣютъ ничего общаго. Соотвѣтственно съ вышеизложенными основными началами надлежало бы пріурочить избирательную организацію ко второй изъ этихъ группъ. Къ сожалѣнію это представляется неисполнимымъ, такъ какъ она не имѣетъ никакой организаціи. Поэтому остается только признать избирательными единицами сословныя общества, состоящія изъ лицъ, приписанныхъ къ купечеству на основаніи дѣйствующихъ узаконеній. Бытовое купечество, которое въ настоящее время не пользуется сословными правами, чрезъ это нисколько не будетъ устранено отъ участія въ выборахъ: отъ него самого будетъ зависѣть вступать въ число избирателей, приписываясь къ купеческимъ обществамъ путемъ выборки установленныхъ сословныхъ свидѣтельствъ. Съ другой стороны, для того чтобы въ составъ купеческаго сословія не вступали лица, чуждыя купечеству, исключительно ради пользованія нѣкоторыми правами, которыя даются принадлежностью къ этому сословію, достаточно было бы требовать, чтобы въ избирательныхъ собраніяхъ купеческихъ

обществъ принимали участіе лишь такія лица, имѣющія купеческое сословное свидѣтельство, которыя дѣйствительно производили торговлю или вели какое либо промышленное предпріятіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ выборами.

Наконецъ, по отношенію къ мѣщанскимъ обществамъ законъ самъ даетъ довольно твердое основаніе для выдѣленія изъ ихъ состава того ядра, которое является бытовою исторически сложившеюся группою. Дѣйствительно законъ проводитъ строгое различіе между коренными мѣщанами, причисленными къ обществамъ, съ согласія послѣднихъ (Св. Зак. т. IX ст. 563), и лицами, которыя приписываются къ мѣщанскимъ обществамъ лишь для исполненія установленной закономъ формальности (тамъ же, ст. 564); только первая категорія мѣщанъ обладаетъ правомъ голоса въ сословныхъ собраніяхъ [1]) и само собою разумѣется, что только на ней лежала бы обязанность выбирать лицъ для участія въ законодательной работѣ. Этимъ самымъ отъ участія въ выборахъ была бы устранена вся та часть мѣщанства, которая представляетъ элементъ неустойчивый, сбродный и которая объединяется лишь формально припиской къ одному обществу.

Самая организація выборовъ отъ сословій едва ли представитъ какія-либо затрудненія. Отъ дворянства выборы производились бы, конечно, на губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ; отъ духовенства—на епархіальныхъ съѣздахъ; отъ крестьянства—на волостныхъ сходахъ; отъ купечества и мѣщанства—на собраніяхъ соотвѣтствующихъ сословныхъ обществъ. Затрудненіе могло бы возникнуть лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ не имѣется купеческихъ и мѣщанскихъ сословныхъ управленій. Въ этихъ случаяхъ обязанности купеческихъ и мѣщанскихъ старостъ по производству выборовъ могли бы, конечно, исполняться городскими головами или городскими старостами [2]); но въ такихъ городахъ купеческое и мѣщанское общество не рѣдко бываетъ чрезвычайно малочисленно; поэтому надлежало бы опредѣлить въ законѣ, при какомъ наименьшемъ числѣ

---

[1]) См. опредѣленіе Правит. Сената отъ 21 марта 1889 г. за № 2693, приведенное подъ ст. 600 т. IX. Св. Зак. въ изд. Канторовича.

[2]) Въ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ введено упрощенное общественное управленіе, всѣ дѣла по мѣщанскому управленію возлагаются на городского старосту. При этомъ, за мѣщанскими обществами сохраняются неизмѣнно права частныхъ сословныхъ собраній для обсужденія указанныхъ въ законѣ дѣлъ сословія и составленіе по симъ дѣламъ общественныхъ приговоровъ (Св. Зак. т. IX, ст. 598, примѣчъ къ ней и разъясненіе подъ этой статьей, въ изд. Канторовича)

членовъ сословное общество, не имѣющее особаго сословнаго управленія, должно быть признано за избирательную единицу.

При такой организаціи выборовъ вопросъ объ избирательномъ цензѣ разрѣшается самъ собою: избирать и быть избираемыми могутъ всѣ дворяне, купцы и мѣщане, которые по дѣйствующимъ правиламъ пользуются правомъ участія въ сословныхъ выборахъ, и всѣ тѣ духовныя лица, которыя участвуютъ съ правомъ голоса въ епархіальныхъ съѣздахъ; что же касается крестьянъ, то изъ нихъ явились бы избирателями выборные волостныхъ сходовъ, а право быть избранными должно бы принадлежать всѣмъ домохозяевамъ, принадлежащимъ къ составу даннаго волостного общества.

Участіе по выбору сословныхъ обществъ въ законодательной работѣ должно разсматриваться, какъ повинность, отъ которой никто не можетъ уклоняться безъ уважительныхъ причинъ, точно опредѣленныхъ въ законѣ. Въ этомъ отношеніи долженъ дѣйствовать порядокъ, сходный съ тѣмъ, который установленъ для исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Срокъ службы выборныхъ долженъ быть трехлѣтній; отъ вторичнаго избранія они могутъ отказываться, если въ теченіе минувшаго трехлѣтія вызывались въ Петербургъ для исполненія своихъ обязанностей. Никакого вознагражденія за свою службу выборные получать не должны; но сословныя общества могутъ, конечно, возмѣщать выборнымъ расходы, вызываемые ихъ разъѣздами и пребываніемъ внѣ мѣста постояннаго ихъ жительства.

Для мѣстностей съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ придется допустить, очевидно, болѣе или менѣе существенныя отступленія отъ изложенной здѣсь избирательной системы, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Этотъ сложный и спеціальный вопросъ не можетъ быть разсмотрѣнъ въ настоящей запискѣ. Это и не представляется существенно необходимымъ, ибо то или другое разрѣшеніе его не должно оказать вліянія на выработку избирательной системы для мѣстностей съ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Что касается инородцевъ, разбросанныхъ мелкими группами среди русскаго населенія и входящихъ въ общую съ послѣдними сословную организацію, то для нихъ едва ли потребуются какія либо измѣненія въ избирательной системѣ. Исключеніе должны составить въ этомъ отношеніи только евреи. Они, хотя и живутъ среди русскаго населенія, но не принадлежатъ въ дѣйствительности ни къ одной изъ тѣхъ бытовыхъ общественныхъ группъ, которыя сложились у насъ историче-

ски Если они и приписываются къ сословнымъ обществамъ, то это дѣлается лишь въ силу формальныхъ требованій закона и нисколько не устанавливаетъ внутренней связи между ними и лицами одного съ ними сословія. Даже въ чертѣ осѣдлости на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на коренное мѣстное населеніе; въ остальныхъ мѣстностяхъ они еще болѣе сохраняютъ характеръ пришельцевъ. Поэтому едва ли было бы правильно и цѣлесообразно привлекать ихъ къ исполненію государственнаго служенія, возлагаемаго на коренное населеніе страны въ составѣ сословныхъ обществъ Ихъ участіе въ выборахъ внесетъ раздвоеніе въ сословныя общества, и послѣднія утратятъ ту сплоченность и однородность, въ которыхъ нельзя не видѣть главныя условія для сознательнаго производства выборовъ [1]).

Постараемся теперь выяснить, какую *форму* должно принять участіе выборныхъ въ законодательствѣ.

Если исходить изъ принципа народнаго представительства, то, очевидно, возможно только одно разрѣшеніе этого вопроса: выборные со всей страны должны составить одно общее законосовѣщательное собраніе. Послѣднее можетъ въ случаѣ надобности выдѣлять изъ своего состава особыя коммиссіи, какъ для предварительной разработки законодательныхъ предположеній, такъ и для того, чтобы отстаивать выработанные собраніемъ проэкты при разсмотрѣніи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Но все это должно непремѣнно исходить отъ самаго собранія, ибо только выборные во всей своей совокупности представляютъ народъ, которому предоставляется голосъ въ законодательной работѣ.

По поводу этой точки зрѣнія слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что она требуетъ для своего обоснованія той фикціи, что извѣстное минимальное число выборныхъ выражаетъ собою мнѣніе всего собранія, а слѣдовательно и всей страны, и что мнѣніе большинства наличныхъ членовъ собранія всегда сов-

---

[1]) Вопросъ о гражданскихъ правахъ евреевъ этимъ нисколько не предрѣшается Пусть будутъ отмѣнены всѣ постановленія, которыми теперь евреи стѣснены въ своихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ; изъ этого еще не слѣдуетъ, что они должны быть приравнены къ коренному русскому населенію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. И обратно: можно находить нежелательнымъ, чтобы евреи привлекались къ исполненію такихъ государственныхъ обязанностей, какъ участіе въ законодательствѣ, участіе въ отправленіи правосудія и защита отечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываться за то, чтобы имъ были предоставлены одинаковыя личныя и имущественныя права со всѣми остальными жителями русскаго государства.

падаетъ съ мнѣніемъ не только самого собранія, но и народа. Независимо отъ этого, у насъ созданіе одного постояннаго собранія выборныхъ встрѣтило бы рядъ затрудненій чисто практическаго свойства. Сессія Государственнаго Совѣта продолжается у насъ обыкновенно около восьми мѣсяцевъ; слѣдовательно, было бы необходимо, чтобы выборные жили въ Петербургѣ въ теченіе всего этого времени или большей его части. Можно заранѣе съ увѣренностью сказать, что такое продолжительное отвлеченіе отъ постоянныхъ занятій будетъ совершенно немыслимо для большинства выборныхъ. Напрасно стали бы думать, что можно было бы устранить это затрудненіе назначеніемъ содержанія выборнымъ. Во-первыхъ, если это содержаніе по своему размѣру не только будетъ покрывать издержки по проѣзду въ Петербургъ и по пребыванію тамъ, но будетъ имѣть характеръ жалованья за службу, то народные представители превратятся тѣмъ самымъ въ профессіональныхъ законодателей, и отличіе ихъ отъ правительственныхъ должностныхъ лицъ будетъ заключаться лишь въ срочности ихъ службы и въ зависимости отъ избирателей, а не отъ правительственной власти. Во-вторыхъ, что всего важнѣе, каковъ бы ни былъ размѣръ содержанія, оно не можетъ привлечь людей обезпеченныхъ и въ особенности людей занятыхъ какимъ либо практическимъ дѣломъ. Фабрикантъ, заводчикъ, крупный торговецъ не броситъ своего предпріятія ради того, чтобы участвовать въ законодательныхъ работахъ; изъ числа землевладѣльцевъ на переѣздъ въ Петербургъ согласятся лишь тѣ, у кого собственныя дѣла идутъ плохо, или кто самъ ими не занимается; всѣ же люди средняго достатка едва ли на это рѣшатся. Даже адвокаты, и тѣ затруднятся проводить цѣлую зиму въ Петербургѣ, отказываясь ради этого отъ веденія дѣлъ въ другихъ судебныхъ округахъ. Кромѣ матеріальныхъ разсчетовъ, тутъ будутъ дѣйствовать также соображенія семейныя, напр. забота о воспитаніи дѣтей и т. п. Въ результатѣ очень многіе, и притомъ наиболѣе желательные элементы будутъ уклоняться отъ избранія въ представители, а тѣ, которые пойдутъ на это, не будутъ жить все время въ Петербургѣ, а будутъ наѣзжать отъ времени до времени въ зависимости отъ большаго или меньшаго интереса къ тому или другому законодательному вопросу. Въ Петербургѣ же будетъ постоянно пребывать лишь небольшая группа лицъ, всецѣло посвятившихъ себя политической дѣятельности. Это ядро и будетъ на практикѣ руководить всѣмъ ходомъ дѣла, а масса выборныхъ въ

большинствѣ случаевъ будетъ слѣпо поддаваться вліянію этихъ случайныхъ руководителей.

Совершенно иначе придется организовать участіе выборныхъ людей въ законодательствѣ, если держаться изложенной выше точки зрѣнія, оправдываемой точнымъ смысломъ Рескрипта 18 февраля. Такъ какъ выборные призываются не для осуществленія воли населенія, ихъ избравшаго, а для совмѣстной съ Правительствомъ работы надъ законодательными предположеніями, то прежде всего нѣтъ никакой надобности составлять изъ выборныхъ отдѣльное собраніе; *совмѣстная съ Правительствомъ* работа можетъ производиться путемъ привлеченія выборныхъ къ участію въ трудахъ правительственныхъ учрежденій. Затѣмъ, такъ какъ по смыслу Рескрипта выборные участвуютъ лишь въ предварительныхъ работахъ, то очевидно, что они не могутъ замѣнить то учрежденіе въ которомъ теперь вырабатываются законопроэкты въ окончательной формѣ, т. е. Государственный Совѣтъ, или хотя бы войти въ это учрежденіе на правахъ постоянныхъ его членовъ. Наконецъ, такъ какъ въ Рескриптѣ объявлено, что Государю Императору угодно *„привлекать"* выборныхъ людей къ участію въ законодательной работѣ, то этимъ самымъ ясно указывается, что не имѣется въ виду облечь это участіе въ форму какого-либо единовременно созданнаго постояннаго учрежденія. Есть полное основаніе утверждать, что по смыслу Рескрипта участіе выборныхъ людей можетъ принимать различную форму, смотря по свойству законопроэтовъ, подлежащихъ обсужденію, и по положенію законодательной работы. Точно также можетъ видоизмѣняться и число выборныхъ, призываемыхъ къ обсужденію того или другого вопроса. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма важно участіе возможно большаго числа лицъ въ предварительномъ обсужденіи законопроэкта или хотя бы его основныхъ началъ; въ другихъ, наоборотъ, для успѣха законодательной работы требуется, чтобы она производилась небольшимъ собраніемъ. Опредѣлить заранѣе всѣ формы, въ которыя можетъ вылиться совмѣстная работа правительственныхъ учрежденій съ выборными людьми, едва ли возможно; да въ этомъ нѣтъ и надобности. Это только стѣснило бы свободное развитіе нашихъ государственныхъ учрежденій. По мѣрѣ того какъ выборные люди будутъ чаще и чаще призываться къ участію въ законодательной работѣ, практика сама будетъ давать указанія относительно наиболѣе цѣлесообразныхъ и желательныхъ формъ такого участія. Въ настоящее время достаточно намѣтить въ общихъ чертахъ лишь нѣкоторыя основанія, ко-

торыми можно было бы руководиться при первоначальной организаціи дѣла. При этомъ надлежало бы принимать въ соображеніе бывшіе у насъ ранѣе примѣры призыва людей изъ состава населенія къ участію въ законодательной работѣ. Ничто не мѣшало бы воспользоваться теперь тѣми формами, которыя уже примѣнялись на практикѣ, видоизмѣнивъ ихъ лишь соотвѣтственно условіямъ и обстоятельствамъ настоящей минуты.

Такъ, въ нашей законодательной практикѣ можно найти не мало примѣровъ предварительнаго разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ на мѣстахъ. Извѣстно, что такъ было поставлено дѣло въ концѣ 50-хъ годовъ при подготовкѣ крестьянской реформы. Какъ бы ни судить о дѣятельности дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что ихъ работа не только дала высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ обширные матеріалы, безъ которыхъ трудно было бы распутать узелъ крѣпостныхъ отношеній, но также способствовало уясненію, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ многихъ существенныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса. Поэтому правительство и въ послѣдующее время не разъ прибѣгало къ тому же пріему и пробовало итти тѣмъ же путемъ при разработкѣ вновь возникавшихъ законодательныхъ предположеній. Такъ, въ 1870 году вопросъ о податной реформѣ былъ переданъ на предварительное обсужденіе земскихъ собраній, въ 1880 году отъ земскихъ же собраній было потребовано заключеніе относительно намѣченныхъ Правительствомъ преобразованій въ мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ; въ послѣдующіе годы Правительство не разъ созывало по губерніямъ спеціальныя совѣщанія для разработки самыхъ различныхъ законодательныхъ вопросовъ—о пересмотрѣ крестьянскаго законодательства, по продовольственному дѣлу, о нуждахъ сельскаго хозяйства. Не всегда, конечно, разработка законодательнаго вопроса на мѣстахъ оказывалась столь успѣшной, какъ того ожидали; не всегда также правительство извлекало изъ трудовъ мѣстныхъ людей всю пользу, которую оно могло бы отъ нихъ получить. Но это зависило частью отъ недостатковъ въ организаціи мѣстныхъ работъ, частью отъ отсутствія связи между мѣстными совѣщаніями и центральными учрежденіями, призванными разработать и свести во-едино матеріалъ, доставленный изъ губерній. Но это все нисколько не умаляетъ значенія того основного принципа, которымъ руководствовалось Правительство, когда признавало необходимымъ передавать законодательныя предположенія на обсужденіе мѣстныхъ людей каждой отдѣльной губерніи. Дѣй-

ствительно, цѣлесообразность такого порядка вытекаетъ изъ условій нашей государственной и общественной жизни. Чрезвычайная обширность нашего отечества, большое разнообразіе хозяйственныхъ и бытовыхъ условій, въ которыхъ живетъ населеніе различныхъ мѣстностей, наконецъ крайняя недостаточность сколько-нибудь точныхъ статистическихъ данныхъ— все это въ высшей степени затрудняетъ законодательную работу. Законодательныя мѣры, вырабатываемыя центральными учрежденіями, поневолѣ получаютъ у насъ шаблонный характеръ, и либо оказываются во многихъ мѣстностяхъ непримѣнимыми, либо насильственно подгоняютъ жизненныя формы подъ одинъ уровень. Только внимательное изученіе вопроса въ каждой мѣстности отдѣльно можетъ предохранить отъ цѣлаго ряда подобныхъ ошибокъ. Казалось бы поэтому, что передача законопроэктовъ на мѣста для предварительнаго обсужденія требуется во многихъ случаяхъ самымъ существомъ дѣла и что, придавъ этой формѣ участія населенія въ законодательной работѣ нѣкоторое постоянство и правильную организацію. Верховная власть тѣмъ самымъ упрочитъ и возведетъ на степень закона порядокъ, установившійся за послѣднія 50 лѣтъ самъ собою, въ силу требованій жизни. По всѣмъ этимъ соображеніямъ нельзя не признать желательнымъ, чтобы законопроэкты, къ обсужденію коихъ будутъ привлекаться выборные люди, передавались всегда, когда это окажется возможнымъ и цѣлесообразнымъ, на предварительное разсмотрѣніе губернскихъ комитетовъ.

На *организаціи* этихъ комитетовъ необходимо нѣсколько остановиться. Они должны созываться по мѣрѣ надобности и для опредѣленной цѣли и составляться изъ лицъ, избираемыхъ губернскимъ собраніемъ дворянства, епархіальнымъ съѣздомъ духовенства, купеческими и мѣщанскими обществами и, наконецъ, крестьянскими волостными сходами. Число лицъ, избираемыхъ каждымъ отдѣльнымъ сословнымъ обществомъ, а также общее число всѣхъ членовъ комитета должно быть опредѣлено закономъ. Такъ какъ выборныхъ отъ крестьянскихъ волостей будетъ чрезвычайно много и едва ли окажется возможнымъ въ большинствѣ случаевъ призывать ихъ всѣхъ къ участію въ трудахъ комитета, то изъ нихъ придется дѣлать тѣмъ или другимъ путемъ выборъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ придется также поступать съ выборными и отъ другихъ сословій, напр. тамъ, гдѣ число купеческихъ или мѣщанскихъ обществъ очень велико. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ для избранія необходимаго числа лицъ изъ общаго числа выборныхъ надлежало бы прибѣгать къ жребію. Правда, этимъ путемъ привлеченіе тѣхъ

или другихъ лицъ изъ числа выборныхъ къ участію въ законодательной работѣ предоставляется случаю, но вѣдь и при выборахъ, особенно когда избирательная коллегія составлена изъ лицъ, созванныхъ ad hoc и не имѣющихъ другъ съ другомъ ничего общаго, случай нерѣдко имѣетъ рѣшающее значеніе. Выборные отъ крестьянскихъ волостей, если бы имъ было предложено указать изъ своей среды наиболѣе подходящихъ лицъ для участія въ Губернскомъ Комитетѣ, едва ли могли бы исполнить это сознательно. При ихъ незнакомствѣ другъ съ другомъ, ихъ выборъ опредѣлялся бы большею частью разными случайными обстоятельствами и посторонними соображеніями. Въ Комитетъ обыкновенно попадали бы при такомъ порядкѣ лишь наиболѣе богатые крестьяне, или такіе, которые занимаютъ какое-либо сравнительно выдающееся общественное положеніе. Между тѣмъ было бы желательно, наоборотъ, чтобы доступъ къ законодательной работѣ получили не только эти элементы, но и „рядовые“ крестьяне, если можно такъ выразиться. Вѣдь крестьяне могутъ быть полезны въ составѣ Комитетовъ не столько какъ отдѣльныя личности, сколько въ качествѣ хотя бы небольшой мірской сходки, которая будетъ высказываться „хоромъ“ и будетъ выступать смѣлѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ каждый выборный порознь. При такихъ условіяхъ не требуется непремѣнно, чтобы въ составъ губернскихъ комитетовъ вошли наиболѣе выдающіяся личности изъ крестьянъ; нужно только, чтобы выборные отъ крестьянъ въ Комитетѣ могли дѣйствовать дружно, а для этого составъ ихъ долженъ быть по возможности однороденъ. Эта цѣль путемъ жребія достигается во всякомъ случаѣ не хуже, нежели путемъ выборовъ. Кромѣ того, когда избирательная коллегія не способна дѣйствовать сознательно, она легко можетъ подпасть подъ разныя постороннія вліянія, и такимъ образомъ исходъ выборовъ можетъ совершенно не соотвѣтствовать дѣйствительному желанію выборщиковъ. Среди крестьянъ могутъ оказаться такія личности, которыя будутъ стремиться попасть въ члены комитета, а такъ какъ большинство выборщиковъ будетъ относиться довольно равнодушно къ исходу выборовъ, то подѣйствовать на нихъ въ пользу того или другого кандидата будетъ сравнительно не трудно. Напротивъ, жребій уравниваетъ всѣхъ и устраняетъ возможность какой-либо партійной борьбы или интриги.

Для организаціи участія выборныхъ *въ центральныхъ учрежденіяхъ* наша законодательная практика можетъ дать также нѣкоторыя указанія. Со времени Редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, въ составъ которыхъ входили,

наряду съ представителями правительственныхъ вѣдомствъ, члены-эксперты изъ дворянъ-помѣщиковъ и которыя не были пріурочены ни къ какому отдѣльному вѣдомству, у насъ было не мало примѣровъ образованія подобныхъ междувѣдомственныхъ коммиссій или совѣщаній. Таковы были: коммиссія графа Баранова по желѣзнодорожному дѣлу, созванное въ 1881 г. совѣщаніе трехъ министровъ съ участіемъ свѣдущихъ людей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, Коммиссія статсъ-секретаря Каханова по вопросу о реформѣ мѣстныхъ учрежденій, наконецъ въ недавнее время Особыя Совѣщанія по дворянскому вопросу и о нуждахъ сельскаго хозяйства. При всемъ различіи въ организаціи этихъ совѣщаній у нихъ были нѣкоторыя общія черты: они не были пріурочены ни къ какому отдѣльному вѣдомству и въ составъ ихъ входили наряду съ правительственными должностными лицами люди, тѣмъ или другимъ путемъ призванные изъ среды самого населенія. Казалось бы, что по этому типу могло бы быть организовано и участіе выборныхъ людей въ законодательной работѣ центральныхъ учрежденій. Наиболѣе подходящею формой въ данномъ случаѣ могли бы явиться Подготовительныя Коммиссіи при Государственномъ Совѣтѣ. Согласно дѣйствующему закону Подготовительныя Коммиссіи могутъ быть образуемы при Государственномъ Совѣтѣ „для предварительнаго соображенія и разработки особо важныхъ и сложныхъ законопроэктовъ“ (Учр. Гос Сов. ст. 49). Предсѣдательство въ такихъ Коммиссіяхъ возлагается на одного изъ Членовъ Государственнаго Совѣта по Высочайшему назначенію. Въ составъ Коммиссіи въ качествѣ членовъ входятъ высшіе чины Государственной канцеляріи и чины другихъ вѣдомствъ, командируемые по соглашенію Предсѣдателя Коммиссіи съ Государственнымъ Секретаремъ и подлежащими Министрами. По распоряженію Предсѣдателя Государственнаго Совѣта могутъ быть призываемы въ составъ Коммиссіи лица, по своимъ занятіямъ и опыту могущія принести пользу участіемъ въ трудахъ Коммиссіи (Учр. Госуд. Сов ст. 101). При разсмотрѣніи составленнаго Коммиссіею проэкта въ Государственномъ Совѣтѣ Члены Коммиссіи могутъ быть приглашаемы для представленія объясненій (Учр. Гос. Сов. ст. 104) Въ составъ такихъ подготовительныхъ Коммиссій могли бы призываться въ настоящее время и выборные люди въ томъ числѣ, въ какомъ по обстоятельствамъ дѣла окажется нужнымъ. Подобныхъ Коммиссій при Государственномъ Совѣтѣ можетъ быть образовано нѣсколько, въ зависимости отъ количества дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Совѣта. Само собою разумѣется, что онѣ могутъ засѣдать и

одновременно, и въ извѣстной, заранѣе опредѣленной, послѣдовательности. Занятія ихъ должны быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы выборнымъ, призваннымъ къ участію въ одной коммиссіи, не приходилось оставаться въ Петербургѣ слишкомъ продолжительное время; желательно было бы, чтобы по большинству текущихъ дѣлъ засѣданія каждой Подготовительной Коммиссіи продолжались не долѣе 4—6 недѣль. При такой организаціи выборные призывались бы въ Петербургъ по очередямъ, каждая очередь занималась бы въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени, и такимъ образомъ участіе въ законодательной работѣ не было бы чрезмѣрно обременительно для выборныхъ. Заключенія Коммиссій надлежало бы вносить обычнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ. При разсмотрѣніи ихъ въ Департаментахъ должны давать объясненія представители коммиссій, или въ случаѣ разногласія въ ихъ средѣ, представители всѣхъ высказанныхъ членами ихъ мнѣній. Этимъ путемъ всѣ Члены Коммиссіи получили бы возможность разъяснять недоразумѣнія, которыя могутъ быть вызваны ихъ письменнымъ докладомъ, и отвѣчать на тѣ возраженія, которыя могутъ быть противъ него сдѣланы въ Государственномъ Совѣтѣ. Независимо отъ этого необходимо, чтобы заключенія Коммиссій со всѣми отдѣльными мнѣніями представлялись Государю Императору вмѣстѣ съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Обратимся теперь къ наиболѣе трудной части задачи—къ организаціи призыва выборныхъ въ Подготовительныя Коммиссіи. Число лицъ, избранныхъ сословными обществами, будетъ такъ велико, что о приглашеніи всѣхъ выборныхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Всего проще, повидимому, было бы устроить двустепенные выборы: выборные отъ сословныхъ обществъ получили бы значеніе выборщиковъ, обязанность коихъ сводилась бы лишь къ избранію изъ своей среды лицъ для участія въ Подготовительныхъ Коммиссіяхъ Но такой порядокъ представляется во многихъ отношеніяхъ не цѣлесообразнымъ. При отсутствіи между выборщиками какой-либо связи, при ихъ незнакомствѣ другъ съ другомъ и при недостаткѣ у большинства изъ нихъ яснаго представленія о законодательныхъ вопросахъ, которые будутъ подлежать обсужденію, выборы въ большинствѣ случаевъ не могутъ происходить сознательно: весьма часто исходъ ихъ будетъ зависѣть отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній, напр. отъ агитаціи политическихъ партій, отъ давленія администраціи или вліятельныхъ лицъ и кружковъ и т. п.

Очевидно, необходима такая организація, которая давала

бы возможность выборнымъ отъ сословныхъ обществъ, прежде чѣмъ намѣчать изъ своей среды лицъ для участія въ работахъ центральныхъ законодательныхъ учрежденій, узнать другъ друга, столковаться между собою и сообща обсудить, хотя бы въ общихъ чертахъ, вопросъ, по которому имъ придется высказываться. Эту задачу могли бы съ успѣхомъ исполнять губернскіе комитеты по тѣмъ дѣламъ, которыя будутъ передаваться на ихъ обсужденіе. Здѣсь выяснятся различныя точки зрѣнія на дѣло, и выборные отъ сословныхъ обществъ сознательно сгруппируются по единству своихъ взглядовъ. Члены комитетовъ будутъ въ состояніи вполнѣ сознательно выбирать изъ своей среды такихъ лицъ, которыя лучше всего сумѣютъ выразить и отстоять выработанные сообща взгляды. Нужно только, чтобы выборы производились несословно, т. е. отъ каждой сословной группы отдѣльно изъ ея среды; чрезъ это будетъ предупреждена возможность односторонняго состава подготовительныхъ комиссій, и всѣ главныя мнѣнія, высказанныя въ комитетахъ, найдутъ себѣ защитниковъ при разработкѣ вопроса въ центральныхъ учрежденіяхъ.

Такая постановка дѣла особенно важна для выборныхъ отъ крестьянскихъ обществъ. Большинство ихъ не въ состояніи будутъ, конечно, по недостатку подготовки, самостоятельно изучать законодательные вопросы по предложеннымъ имъ матеріаламъ и излагать свои мнѣнія въ письменной формѣ. Тѣмъ не менѣе участіе ихъ въ дѣлѣ будетъ въ высшей степени полезно, и они несомнѣнно будутъ имѣть весьма рѣшительное вліяніе на ходъ и направленіе работъ, если только они получатъ возможность сознательно относиться къ вопросамъ, которые будутъ предлагаться на ихъ обсужденіе. Въ этихъ видахъ особенно важно такъ организовать дѣло, чтобы выборные являлись въ Петербургъ, уже ознакомившись съ тѣми законопроэктами, которые будутъ подлежать ихъ обсужденію. Чрезъ это будетъ устранена возможность случайнаго и необдуманнаго присоединенія большинства выборныхъ къ мнѣнію перваго оратора, который произведетъ на нихъ впечатлѣніе своей личностью или своимъ краснорѣчіемъ.

При всемъ томъ можетъ оказаться, что число лицъ, избранныхъ комитетами, будетъ все-таки слишкомъ велико для Подготовительной Коммиссіи. Въ такомъ случаѣ надлежало бы раздѣлить выборныхъ на нѣсколько очередей по мѣстностямъ и призывать ихъ послѣдовательно одну очередь за другою, или раздѣлить ихъ на нѣсколько коммиссій, которыя дѣйствовали бы одновременно.

Само собой разумѣется однако, что не во всѣхъ случаяхъ

примѣнимъ предлагаемый порядокъ. Можно перечислить цѣлый рядъ законодательныхъ дѣлъ, которыя было бы не цѣлесообразно передавать для предварительнаго заключенія въ мѣстные комитеты. Когда по такого рода дѣламъ будутъ привлекаться выборные къ участію въ законодательной работѣ, то призывъ выборныхъ въ Подготовительныя Коммиссіи придется организовать иначе. Такъ какъ призывать всѣхъ даже по очереди очевидно не возможно, а двустепенные выборы безъ предварительнаго изученія вопроса на мѣстахъ не цѣлесообразны, то остается только прибѣгнуть къ назначенію выборныхъ по жребію. При этомъ для того, чтобы составъ Подготовительныхъ Коммисій не былъ слишкомъ односторонѣнъ, нужно было бы производить призывъ выборныхъ по сословно, и число выборныхъ отъ каждаго сословія надлежало бы опредѣлять заранѣе. Въ этихъ же видахъ было бы необходимо такъ производить жеребьевку, чтобы въ составъ Подготовительныхъ Коммиссій попадали лица изъ разныхъ мѣстностей. Наконецъ, въ дополненіе къ членамъ, назначеннымъ по жеребью, нѣкоторое число выборныхъ могло бы приглашаться Высочайшею властью.

Таковы основныя начала, которыхъ, по нашему мнѣнію, надлежало бы держаться при осуществленіи предначертаній Рескрипта 18 февраля. Мы хорошо знаемъ, что организація, намѣченная въ настоящей запискѣ, многимъ покажется черезъчуръ скромной и во всѣхъ отношеніяхъ недостаточной. Намъ скажутъ: то, что вы предлагаете, никого не удовлетворитъ и не успокоитъ страну. Намъ поставятъ въ упрекъ, что мы не считаемся съ настоятельными требованіями минуты и не хотимъ понять, что только народное представительство, организованное на широкихъ основаніяхъ, можетъ дать исходъ изъ того необычайно тяжкаго положенія, въ которомъ находится наше отечество.

Но эти возраженія и упреки не могутъ насъ поколебать. Прочныя улучшенія въ государственныхъ учрежденіяхъ достигаются, какъ показалъ опытъ другихъ странъ, лишь путемъ цѣлаго ряда вызываемыхъ жизнью исправленій, иногда на видъ малозначительныхъ. Поэтому мы убѣждены, что участіе выборныхъ людей въ законодательной работѣ можетъ оказаться плодотворнымъ для нашего отечества лишь въ томъ случаѣ, если эта мѣра будетъ организована теперь на тѣхъ началахъ, которыя указаны Рескриптомъ 18 февраля. Отступленіе отъ содержащихся въ этомъ государственномъ актѣ предначертаній или произвольное ихъ расширеніе не вызывается потребностями

нашей народной жизни и приведетъ лишь къ созданію учрежденій, совершенно искусственныхъ, не имѣющихъ корней въ нашей дѣйствительности и потому непрочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы большою ошибкою надѣяться, что для удовлетворенія предъявляемыхъ Правительству требованій достаточно было бы нѣсколько расширить и видоизмѣнить форму участія населенія въ законодательной работѣ, намѣченную въ Рескриптѣ 18 февраля, не касаясь главныхъ началъ, столь опредѣленно возглашенныхъ, какъ въ самомъ Рескриптѣ, такъ и въ одновременно съ нимъ изданныхъ Манифестѣ и Указѣ. Чисто конституціонный характеръ движенія, происходящаго у насъ на глазахъ, съ каждымъ днемъ все яснѣе обнаруживается, и удовлетворить его невозможно, оставаясь на почвѣ Рескрипта и Манифеста 18 февраля. Пришлось бы въ угоду ничтожному меньшинству населенія отречься отъ исконныхъ началъ, на которыхъ зиждется нашъ государственный строй, порвать всякую связь съ политическимъ сознаніемъ всей массы народа и вступить на опасный путь безконечныхъ уступокъ. И все же такою дорогою цѣною не удалось бы, конечно, побороть смуту, ибо тѣ крайніе общественные элементы, которыми она порождается и поддерживается, увидятъ въ уступкахъ только поощреніе къ борьбѣ и будутъ продолжать свою разрушительную работу. Еще менѣе основаній надѣяться, что народное представительство въ какой бы то ни было формѣ могло бы помочь нашему отечеству съ честью выйти изъ тяжелой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. По самому существу своему, вопросы о войнѣ и мирѣ не подлежитъ гласному общественному обсужденію и должны рѣшаться единолично. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ народное представительство дѣйствуетъ не со вчерашняго дня, эти вопросы часто изъемлются изъ его вѣдѣнія. Какъ же можно давать такую задачу „представительному собранію“, при самомъ его учрежденіи! Да сохранитъ Богъ наше отечество отъ такого несчастнаго опыта!

Ѳедоръ Самаринъ, Юрій Бартеневъ, Эдуардъ фонъ-Беренсъ, Алексѣй Варженевскій, Князь Александръ Голицынъ, Князь В. А. Голицынъ, Николай Кисель-Загорянскій, Владиміръ Кожевниковъ, Александръ Корниловъ, Михаилъ Ляпинъ, Павелъ Мансуровъ, Николай фонъ-Мекъ, Клавдій Пасхаловъ, Александръ Самаринъ, Сергѣй Самаринъ, Дмитрій Хомяковъ.

Москва.
31 мая 1905 г.

Является ли „Русское Собраніе“ противникомъ всякихъ преобразованій? [1]

Многочисленныя нареканія и клеветы, въ изобиліи распускаемыя о „Русскомъ Собраніи“ и его цѣляхъ нашими ожесточенными и пренебрегающими правдой врагами, снова заставляютъ обратиться къ уясненію основныхъ нашихъ задачъ, дабы не соблазнилось сердце „единаго отъ малыхъ сихъ“. Да и какъ не соблазниться? Въ нѣкоторыхъ газетахъ настойчиво увѣряютъ, что Русское Собраніе хочетъ во что бы то ни стало „повернуть назадъ колесо исторіи“; другіе прямо утверждаютъ, что наши тайные замыслы имѣютъ въ виду добиться „возстановленія крѣпостного права“; третьи съ пѣной пѣной у рта доказываютъ, что мы натравливаемъ проповѣдью національстическаго человѣконенавистничества одну малоразвитую часть населенія на другую, „болѣе культурную“ и „передовую“; четвертые приписываютъ намъ даже руководство уличными безчинствами и выдаютъ насъ за вождей „черной сотни“; пятые считаютъ насъ „правительственными шпіонами“, которые предаютъ „борцовъ за освободительное движеніе“, будучи сторонниками „вѣчнаго застоя“, „косности“, „народнаго невѣжества“, „всякаго произвола и насилія, производимаго съ цѣлью укрѣпить господство безправія“; шестые твердятъ, что существующіе порядки мы считаемъ наилучшими въ мірѣ, а потому и выступаемъ сознательными и непримиримыми противниками всякой попытки къ улучшеніямъ... Впрочемъ, всѣхъ измышленій и упрековъ не перечислишь, но и приведенныя обвиненія несомнѣнно показываютъ, что правильное представленіе о „Русскомъ Собраніи“ все еще не проникло въ общественное сознаніе. Однако, каждый безпристрастный человѣкъ согласится, что отвергать любое измѣненіе въ данномъ положеніи

[1] Рѣчь, произнесенная на чрезвычайномъ засѣданіи Харьковскаго Отдѣла „Русскаго Собранія“ 7 января 1905 года послѣ прочтенія извѣстія о милостивомъ пріемѣ Его Императорскимъ Величествомъ челобитной „Русскаго Собранія“.

вещей можно только, или выступая поборниками началъ, осуждающихъ всякую перемѣну, въ корнѣ отвергающихъ необходимость улучшеній по своей глубокой враждебности къ дальнѣйшему движенію впередъ, или полагая, что достигнуто уже воплощеніе извѣстныхъ высокихъ, завѣтныхъ идеаловъ, совершеннѣе коихъ не можетъ быть ничего на землѣ.

Итакъ, „Русское Собраніе“ дѣйствительно окажется противникомъ всякихъ преобразованій, 1) если будетъ установлено, что тѣ идейныя начала, кои оно исповѣдуетъ, сами по себѣ рѣшительно осуждаютъ стремленіе къ лучшему, 2) если докажутъ, что оно признаетъ уже осуществленными извѣстные идеалы, коимъ служитъ, считая ихъ всесовершенными: вѣдь „отъ добра добра не ищутъ“.

Неоднократно было разъясняемо, что членовъ „Русскаго Собранія“ объединяетъ исповѣданіе вѣрности Православію, Самодержавію и народности. Стало быть, надо, прежде всего, установить отношеніе этихъ руководящихъ началъ къ общественнымъ улучшеніямъ.

Христіанство поставило передъ человѣчествомъ идеалъ высшаго личнаго всесовершенства, ибо Спаситель заповѣдалъ: „Будьте совершенны, какъ Совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. V, 48); св. Апостолъ [1]) также наставляетъ въ необходимости „быть совершенными во всей полнотѣ, безъ всякаго недостатка“ (Іаков. I, 4). Но евангельскіе завѣты не ограничиваются указаніемъ на обязательность стремленія къ высочайшему идеалу всесовершенной личности, ибо недаромъ ежедневно во всѣхъ христіанскихъ храмахъ звучитъ пламенное прошеніе господней молитвы: „Да пріидетъ царствіе Твое“! Недаромъ всѣмъ христіанамъ завѣщано самимъ Господомъ: „ищите же прежде царства Божія и Правды Его (Матѳ. VI, 33; ср. Лука XII, 31). Подъ царствіемъ же Божіимъ св. Отцы разумѣли совершенный общественный строй, который долженъ дать всему человѣчеству вожделѣнный „миръ“ и водворить на землѣ торжество высшей правды [2]). Само собою понятно, что религіозное ученіе, ставящее передъ людьми такой высокій личный и общественный идеалъ, является непримиримымъ врагомъ всякой косности и мертвящаго застоя. *Всѣ христіане* даже обязаны не довольствоваться достигнутой степенью совершенства, но неустанно стремиться къ большему распро-

[1]) Ср. Колосс. IV, 12. Ефес. IV, 13. Тимоѳ. 2, III, 17. Петра 1, II, 9.

[2]) Подробнѣе см. „Признаки божескаго царства по твореніямъ бл. Августина, Льва Великаго и Григорія Двослова“. Жур. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 3.

страненію евангельской истины и проведенію ея завѣтовъ въ нашу жизнь. Тѣмъ больше усилій для ихъ осуществленія могутъ и должны прилагать православные, ибо православіе сохранило въ идеальной чистотѣ безусловную истину соборной и апостольской церкви: оно одинаково далеко отъ двухъ противоположныхъ крайностей, представляемыхъ католичествомъ и протестантствомъ. Первое выдвигаетъ начало полнаго подчиненія авторитету непогрѣшимаго первосвященника, обладающаго, якобы, всесовершеннымъ знаніемъ истины, а потому требуетъ отъ отдѣльной личности отказа отъ духовной самостоятельности, ведущаго къ превращенію человѣка въ своего рода „трупъ“ (cadaver esto), вслѣдствіе чего и воспрещаетъ міянамъ даже чтеніе Библіи. Второе слишкомъ широко раскрываетъ двери личнаго разумѣнія, предоставляя каждому свободу не только читать, но и толковать по своему св. Писаніе, равно какъ умаляетъ значеніе добрыхъ дѣлъ для спасенія. Православіе же оставляетъ за своими сынами нравственную свободу и отвѣтственность, осуждая индульгенціи, разрѣшая и поощряя самостоятельное углубленіе въ св. Писаніе. Но, признавая недостаточность единичныхъ усилій и способностей отдѣльнаго человѣка для правильнаго воспріятія боговдохновенной истины, церковь православная выдвигаетъ обязательность соборнаго пониманія, установленнаго совмѣстными усиліями вѣрныхъ, и указываетъ на творенія св. отцовъ, какъ на источникъ для провѣрки и исправленія заблужденій, въ которыя обычно впадаетъ недостаточно свѣдущій и не изощрившійся въ богословствованіи умъ заурядной и даже выдающейся личности. Равнымъ образомъ, отъ православныхъ требуется не душевное самоудовлетвореніе, достигаемое сознаніемъ своего правовѣрія, но неустанный подвигъ жизни по вѣрѣ, слѣдуя завѣту апостольскому: „вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іаков. II, 20, 26). Въ области общественной католичество неуклонно стремится къ подчиненію государства велѣніямъ папы, тогда какъ протестантство допускаетъ главенство свѣтскаго государя въ жизни церкви: такъ императрица Викторія, равно какъ ея предшественники и преемникъ, являлась главой англиканской церкви; Вильгельмъ, какъ и другіе протестантскіе короли, держитъ церковь своей страны въ подчиненіи. Православіе, наоборотъ, открываетъ передъ государствомъ полную самостоятельность въ его области, „воздавая Кесарево Кесареви“, но и отъ царей требуетъ, чтобъ они воздавали „Божіе Богови“, помня, что представитель власти есть лишь „*Божій слуга*“, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Рим. XIII, 4).

Широта и безусловная истинность православнаго ученія, его превосходство надъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, въ настоящее время признаются всѣми безпристрастными изслѣдователями запада. Этого мало: на нашихъ глазахъ возникаетъ мощное стремленіе къ возсоединенію съ Православіемъ, ибо старо-католики, англикане, нѣкоторыя американскія религіозныя общины тяготѣютъ „къ восточному христіанству", истинность коего все неоспоримѣе подтверждается ростомъ научнаго изысканія, опровергнувшаго окончательно множество мнимыхъ открытій „свободомыслящихъ изслѣдователей". Достовѣрность евангельскихъ разсказовъ, раннее возникновеніе христіанской письменности, важность и значеніе преданія дѣлаются въ ученомъ мірѣ общепризнанными и грядущее готовитъ, благодаря точной наукѣ, великое торжество православія, которое никогда не осуждало научной пытливости, по глаголу апостольскому: „все испытывайте, хорошаго держитесь" (Θесс. 1, V, 21); „Изслѣдуйте писанія" (Іоан. V, 39)—вотъ великій завѣтъ, оставленный намъ воплощенной Истиной, налагающій на насъ обязанность самостоятельнаго усвоенія христіанскаго ученія и жизни, согласной съ его высоконравственными предписаніями. Поэтому исповѣданіе православія, какъ руководящаго начала, не можетъ привести ни къ проповѣди грубаго насилія, человѣконенавистничества и вражды, ни къ стремленію насадить невѣжество, грубость и рабство мысли въ странѣ, издавна православной, именующей себя „Святая Русь". Вѣдь исторія краснорѣчиво говоритъ, что народы, воспринявшіе христіанство, дѣлались культурнѣе, человѣчнѣе и способнѣе къ дальнѣйшему движенію. Церковь была великой воспитательницей народовъ, разсадникомъ образованности и хранительницей наслѣдія древности. Вся наша литература держится на подвигѣ св. Кирилла и Меѳодія; благодаря нашему духовенству мы сохранили своеобразіе, отбились отъ кочевниковъ, татаръ, поляковъ, запада. Православіе создало наше отечество и нынѣ хранитъ его.

Но, быть можетъ, зиждущей и вѣчно обновляющей идейной мощи христіанства служатъ помѣхой, искажающей все доброе и хорошее, два другихъ начала, начертанныхъ на знамени Русскаго Собранія?

Наиболѣе ожесточенныя нападенія и обвиненія направляются, какъ извѣстно, противъ Самодержавія, якобы „сдѣлавшагося ненавистнымъ для всѣхъ мыслящихъ людей" и вызывающаго де „презрѣніе всего міра къ Россіи, обладающей столь отсталой формой государственности". Нѣтъ той хулы,

нѣтъ того проклятія, какое не извергалось бы нынѣ на головы сторонниковъ Самодержавія, но самое ихъ существованіе оказывается явленіемъ знаменательнымъ и способнымъ возбудить пытливость безпристрастнаго и самостоятельно мыслящаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно примирить справедливость обвиненій, возводимыхъ на Самодержавіе, съ безусловной ему преданностью, обнаруживаемой, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, людьми независимыми, стойкими и образованными, мыслителями, поэтами, писателями, государственными и общественными дѣятелями, чуждыми корысти и честолюбія.

Идеалъ христіанскаго самодержавія, дѣйствительно, можетъ покорить многихъ своей нравственной высотой. Какъ божій слуга, самодержецъ на своихъ плечахъ выноситъ тяжкое бремя власти, облегчая другимъ заботы о вѣчномъ спасеніи. Его обязанность—водвореніе правды и наряда, укрѣпленіе мира, защита слабыхъ и бѣдныхъ; онъ долженъ поддерживать единство и чистоту вѣры, проводя въ жизнь соборныя и каноническія постановленія, но отнюдь не навязывая вѣрующимъ свои новшества, всегда вызывавшія ихъ отпоръ. Въ качествѣ справедливаго посредника, онъ воздаетъ каждому должное и своей законномѣрной властью отстаиваетъ общее благо своихъ подданныхъ. Это не деспотъ, руководящійся личнымъ усмотрѣніемъ и своекорыстнымъ интересомъ, это не абсолютный монархъ, признающій себя первымъ слугою народа, но совершенно не считающійся съ народными воззрѣніями, это—„отъ Бога приставъ“ по мѣткому русскому выраженію. Онъ служитъ не преходящимъ цѣлямъ земнымъ, но надмірнымъ, ибо онъ руководится не измѣнчивой волей народа, а завѣтами вѣчной правды. Христіанство поняло, что законъ самъ по себѣ не можетъ привести къ совершенству (ср. Евр. VII, 19 и X, 1), что только личность, чутко прислушивающаяся къ голосу совѣсти, можетъ восполнить односторонность, сухость и суровость его предписаній. Въ качествѣ устроителя мира, поборника правды, примирителя борющихся слоевъ населенія Самодержецъ, просвѣщенный немеркнущимъ свѣтомъ Евангелія, стоитъ безконечно выше мятущихся народныхъ представителей, олицетворяющихъ собой интересы не правды и общаго блага, но, въ лучшемъ случаѣ, своихъ избирателей, а въ большинствѣ только свои собственные. Другое дѣло, наслѣдственный Самодержецъ, отъ рожденія стоящій внѣ партій, выше сословій, неподкупный, обладающій всѣми благами и понимающій, что власть

не только соблазнительное право повелѣвать, но и тяжелая отвѣтственная передъ Судьей царей служебная обязанность!

Правда, уже языческая восточная древность выдвигаетъ идеалъ „царя правды", „слуги великихъ боговъ", „возвышеннаго божествомъ для управленія всѣми странами", „получившаго свыше законъ, чтобъ право судить свой народъ". Идеи греческой философіи, столкнувшись въ эллинистическихъ государствахъ съ восточными политическими идеалами, дали довольно стройное сочетаніе самодержавія съ самоуправленіемъ, выдвинувъ типъ царя-мудреца, правителя, устроителя соціальнаго мира, прекратителя гражданскихъ смутъ, поддерживающаго равновѣсіе борющихся интересовъ. Міродержавный Римъ, оплодотворенный эллинистическими идеями, отчасти осуществилъ въ имперіи идеалъ общечеловѣческаго союза, подчиненнаго единому властелину, какъ воплощенію закона на землѣ, насадителю всѣмъ желаннаго мира и поборнику правды, выраженной въ общемъ для всѣхъ правѣ—„писанномъ разумѣ". Уже отецъ исторіи церкви, Евсевій приписываетъ римской имперіи высшее предназначеніе, идущее рядомъ съ распространеніемъ истинной вѣры: „по небесному Промыслу одновременно проросли два зерна, поднялись надъ землей и покрыли своей тѣнью міръ—римская имперія и вѣра христіанская, предназначенныя объединить вѣчнымъ согласіемъ весь родъ человѣческій". Лучшія чаянія язычниковъ нашли выраженіе въ христіанскихъ императорахъ, объединившихъ въ своемъ лицѣ идеи библейскихъ помазанниковъ Божьихъ, римскихъ народныхъ представителей и просвѣщенныхъ эллинистическихъ устроителей общественнаго наряда. Идея всемірной имперіи своеобразно сочеталась съ идеей всесвѣтнаго божескаго царства и вдохновляла христіанскихъ самодержцевъ, ставя передъ ними совершенно опредѣленныя идейныя задачи. Римско-византійскій императоръ является божьимъ намѣстникомъ, „вдохновляемымъ божествомъ въ своихъ великихъ дѣяніяхъ" для устроенія земного града божьяго. Такъ смотрѣли на себя, такъ понимали смыслъ своихъ властныхъ полномочій христіанскіе самодержцы Востока и Запада, образцами коихъ служатъ Юстиніанъ и Карлъ Великій, поборники водворенія царства божьяго на землѣ. Все западно-европейское средневѣковье придерживается такихъ же возвышенныхъ представленій о власти христіанскихъ государей, носящей священный отпечатокъ и стремящейся отстоять чистоту вѣры, водворить мирный строй и подчинить всѣхъ требованіямъ справедливаго закона. Но борьба съ папствомъ, широкое раз-

витіе феодализма, слабость культурной подготовки варварскаго запада, исказивъ идею, помѣшали укрѣпленію священной римской имперіи, притязавшей быть царствомъ божьимъ на землѣ. Востокъ, несравненно болѣе просвѣщенный, по прежнему ставилъ передъ самодержцемъ образецъ царя-мудреца и человѣколюбца, стража закона, пополнителя его пробѣловъ и недочетовъ, нелицепріятнаго судьи и блюстителя чистоты истинной вѣры, причемъ повиновеніе подданныхъ было обязанностью, пока властелинъ правитъ на благо своего народа, на страхъ всѣмъ врагамъ христіанской державы, предназначенной охватить весь міръ.

Крушеніе второго Рима, еретичество перваго перенесли идеальное предназначеніе христіанской имперіи на третій Римъ —Москву. Первоначально, подобно варварскимъ королямъ запада, наши князья входили въ составъ великаго единаго цѣлаго —„всего христіанства“ (tota christianitas) и были своего рода намѣстниками единаго повелителя вселенной—православнаго императора. Поэтому кругъ ихъ обязанностей теоретически опредѣлялся заботами о чистотѣ вѣры, водвореніи мира и отправленіи правосудія по „закону святу“. Императоръ для нихъ былъ „святымъ самодержцемъ всея вселенныя“. Идея вѣчной христіанской имперіи требовала, чтобъ самый сильный изъ православныхъ князей принялъ на себя обязанности христіанскаго императора и вотъ уже Василія Васильевича называютъ „боговѣнчаннымъ православнымъ царемъ во вселенной“, а Іоанна III „самодержцемъ, новымъ царемъ Константиномъ“. Вся полнота власти римско византійскихъ божьихъ намѣстниковъ переходитъ къ московскому государю вмѣстѣ съ ихъ идейными обязанностями. „Царь, царствуя, почитается совершающимъ великій подвигъ, подвигъ самопожертвованія для цѣлаго народа... Тотъ, кто беретъ на себя, на пользу общую, подвигъ орудованія мечемъ и тѣмъ избавляетъ милліоны отъ необходимости къ нему прикасаться, конечно по идеѣ (не всегда на дѣлѣ) подвижникъ, положившій душу свою за други своя: „больше же сія любви никто же имать“ (Іоан. XV, 13)... Власть, понятая какъ бремя, а не какъ „привиллегія“—краеугольная плита самодержавія христіанскаго“ [1]). „Въ Россіи ни народу, ни самой власти не было нужды отыскивать для нея высшихъ священныхъ основъ, когда она освящалась самимъ ея призваніемъ, носительницы народной *тяготы*“: „Другъ

[1]) Д. Х. Самодержавіе (опытъ схематическаго построенія этого понятія) Римъ 1899 г. Отпечатано на правахъ рукописи. Москва 1908. Стр. 40—41.

друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ". „Носитель же общей тяготы не сугубо ли исполняетъ этотъ законъ и этимъ святится?" [1]). „Царь для русскаго человѣка есть представитель цѣлаго комплекса понятій, изъ котораго само собой слагается такъ сказать „бытовое православіе". Въ границахъ этихъ всенародныхъ понятій царь полновластенъ, но его полновластіе (единовластіе)—Самодержавіе—ничего общаго не имѣетъ съ абсолютизмомъ западно-кесарскаго пошиба. Царь есть отрицаніе абсолютизма именно потому, что онъ связанъ предѣлами народнаго пониманія и міровоззрѣнія, которое служитъ той рамой, въ предѣлахъ коей власть можетъ и должна почитать себя свободной [2]).

Однако, историческій опытъ показалъ, что самодержавная форма правленія возможна только у того народа, который почитаетъ наицѣннѣйшими не могущество, не утонченность политической системы, не принципъ „обогащенія", а свободу быта и вѣры, свободу жизни, для достиженія которой государство только орудіе" [3]). Вотъ почему на западѣ оно выродилось въ абсолютизмъ, затѣмъ въ конституціонализмъ. ставящіе цѣлью существованія государства улучшеніе матеріальной жизни, которому призваны служить и наука и просвѣщеніе. Востокъ всегда обладалъ болѣе глубокимъ взглядомъ на смыслъ жизни, понимая земное существованіе какъ ступень къ загробному, поэтому задача государства восточнаго типа—водвореніемъ справедливаго строя облегчить каждому свободное приготовленіе къ будущей жизни; западный человѣкъ ищетъ власти, восточный уклоняется отъ нея, какъ помѣхи для главнаго. Но и на Западѣ идея христіанской имперіи находила множество убѣжденныхъ поборниковъ: Дантъ, благородный Ульрихъ фонъ-Гуттенъ оставили творенія, проникнутыя преклоненіемъ передъ ея задачами; возстаніе дворянъ и крестьянскія войны возлагаютъ надежду на императора, что онъ возстановитъ попранную правду; да и доселѣ во всѣхъ странахъ З. Европы существуютъ общественныя сочетанія,

[1]) Тамъ-же стр. 42.

[2]) Тамъ же стр. 54. Вотъ глубоко вѣрная и проникновенная характеристика особенностей нашего самодержавія. Необходимо только имѣть въ виду, что все таки оно и западно-*кесарскій* абсолютизмъ имѣетъ нѣчто общее, благодаря христіанскому самодержавію первыхъ вѣковъ Глазки одного и того же побѣга были привиты къ разнымъ корнямъ, получились и неодинаковые плоды: на западѣ свойства дичка взяли верхъ, на востокѣ прививка нашла болѣе благодарную обстановку.

[3]) Тамъ же стр 32.

обращающія свои взоры на христіанскаго монарха, какъ исцѣлителя общественныхъ золъ и примирителя классовой борьбы [1]). На нашихъ глазахъ Вильгельмъ явственно вдохновляется идеалами имперіи и хочетъ быть вторымъ Карломъ Великимъ. Итакъ, сама по себѣ идея самодержавія представляется крупной культурной силой, преслѣдующей справедливое рѣшеніе общественныхъ задачъ и предоставленіе каждому должнаго. Ставя вершителемъ народныхъ судебъ не букву закона, не случайное рѣшеніе партійнаго большинства, не личный произволъ, а вѣрующую совѣсть человѣка, сознающаго страшную свою отвѣтственность за благо народа, оно не можетъ, безъ искаженія своей идеи, явиться началомъ, тормозящимъ всестороннее развитіе. Косность и застой, ненависть и вражда не могутъ находить поощреніе въ томъ, кто обязанъ вести свой народъ къ идеалу совершенства, указанному евангеліемъ, кто долженъ содѣйствовать водворенію на землѣ мира и правды, предвѣстниковъ обѣтованнаго божескаго царства, которое обемлетъ весь человѣческій родъ.

Правильно понимаемая идея народности столь же благопріятна здоровому культурному развитію, какъ и истинное самодержавіе. Мало того, только чрезъ живую силу народности идеи православія и самодержавія получаютъ свое тѣло, переходятъ въ бытіе изъ міра представленій о должномъ и желанномъ. Самое распространеніе христіанства стоитъ въ неразрывной связи съ тремя великими національностями той поры: *еврейскій* мессіанизмъ, *греческая* философія и *римская* имперія подготовили міръ къ воспріятію вѣры въ Искупителя народовъ. Нельзя считать случайностью и тотъ первостепенный фактъ, что эллинскій духъ, всесторонне и широко развитой, изощренный въ философскомъ мышленіи наиболѣе пытливо искалъ вѣчную истину и оказался наиболѣе способенъ къ совершенному, соборному ея разумѣнію: Православіе является драгоцѣннымъ сокровищемъ, коимъ обладаютъ греки и восточные славяне, вѣрные воспитанники византійской образованности; пока ея благотворное вліяніе имѣло доступъ на христіанскій западъ, народы германо-романскіе оставались причастными православію, но затѣмъ, въ силу особенностей національныхъ, романцы усвоили католическое пониманіе ученія

[1]) И. С. Аксаковъ говорилъ, „повѣрьте, что нашу теорію самодержавія когда нибудь откроютъ нѣмцы, изумятся ея правдѣ и глубинѣ, оправдаютъ философски и преподнесутъ ее намъ“. Отчасти это сбывается уже въ трудѣ проф. и академика фонъ Марбица, посвященномъ вопросу о „новѣйшей монархіи“.

Спасителя, а германцы, освободившись отъ преобладанія римской культуры, выдвинули протестантское исповѣданіе съ его развѣтвленіями. Нельзя не усмотрѣть воздѣйствія національностей и въ великихъ ересяхъ, напр. монофизитской, дожившей до нашего времени у *армянъ*, *коптовъ* и *аббесинцевъ*, причемъ церковь каждаго изъ этихъ народовъ имѣетъ и свои мѣстныя, національныя особенности; равнымъ образомъ монофелитство и несторіанство имѣли наибольшую силу въ Сиріи, гдѣ и уцѣлѣли до сихъ поръ ихъ обломки.

Такимъ образомъ, вѣчная и совершенная истина воспринималась неодинаково людьми въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или иному народу. Это совершенно понятно и естественно, ибо каждый народъ въ своемъ языкѣ имѣетъ не только готовое міровоззрѣніе, но и способы къ дальнѣйшему углубленію въ области мысли: на языкѣ дикарей и малокультурныхъ народовъ вовсе нѣтъ множества словъ для выраженія евангельской истины; само собой ясно, что и пониманіе таинствъ вѣры христіанской у нихъ не будетъ тожественнымъ съ эллинскимъ или римскимъ. Наконецъ, самая формулировка догматовъ христіанскаго вѣроученія была сдѣлана вселенскими соборами, въ составъ коихъ входили пастыри разныхъ странъ и народовъ, исповѣдавшихъ Христа. Стало быть, соборное сознаніе восполнило односторонность и погрѣшности отдѣльныхъ національныхъ пониманій. Но сходясь въ главномъ, существенномъ, отцы соборовъ не искореняли мѣстныя особенности, жившія въ преданіяхъ и обрядахъ помѣстныхъ церквей—„дабы всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца“ (Филип. II, 11), ибо самъ Спаситель завѣщалъ своимъ ученикамъ: „Идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари“ (Марк. XVI, 15),

Воздѣйствіе національности могуче сказывается не только въ области религіозной, но даетъ содержаніе, прелесть и своеобразіе всему укладу народной жизни; этого мало: творческому воздѣйствію національности обязаны своимъ существованіемъ всѣ великія явленія культурной жизни человѣчества, таковы, напримѣръ, *эллинская* философія, *римское* право, *итальянскій* гуманизмъ и т. п.; въ области даже наукъ точныхъ различаются національныя школы, нѣмецкая, англійская, французская и т. д. отличающіяся другъ отъ друга особымъ тяготѣніемъ къ извѣстному кругу вопросовъ и излюбленными пріемами изслѣдованія. Литература, музыка и искусство любого народа служатъ неопровержимымъ доказательствомъ отличія его отъ сосѣдей по міровоззрѣнію, по отношенію къ природѣ и че-

ловѣку, должному и прекрасному. Даже физіологическій строй людей отражаетъ на себѣ принадлежность ихъ къ той или иной расѣ и народу: многіе изъ насъ по наружному облику безошибочно опредѣлятъ англичанина, еврея, нѣмца и т. д.

Правда, въ нашемъ обществѣ, якобы образованномъ, идея національности не пользуется должнымъ признаніемъ и намъ всѣмъ навязываютъ идеалы космополитизма, требуютъ отреченія отъ отечества и родного народа, внушаютъ работать надъ превращеніемъ въ какихъ-то „общечеловѣковъ", надъ насажденіемъ „общечеловѣческихъ порядковъ и учрежденій". При этомъ забываютъ, что космополитизмъ—созданіе нашего мышленія, но не нѣчто, дѣйствительно существующее. Мужчину и женщину, старца и ребенка мы съ полнымъ правомъ назовемъ „человѣкомъ", но было бы нелѣпостью стремиться къ превращенію всѣхъ людей въ какое то безполое и лишенное возраста существо. Далѣе, кто опредѣлитъ цвѣтъ волосъ, кожи и глазъ, форму черепа, ростъ и другія примѣты „космополита"? Неужели надо перекрасить всѣхъ въ брюнетовъ, чтобъ достигнуть всеобщаго благополучія? Отсюда понятно, что всякій народъ долженъ цѣнить и любить свое своеобразіе, а не стремиться къ недостижимому превращенію въ нѣчто отвлеченное; кромѣ того каждый проповѣдникъ космополитическихъ идеаловъ, представляетъ себѣ ихъ непремѣнно въ какой-либо народной окраскѣ, причемъ трудно доказать, почему западно-европейскія начала должны быть признаны общечеловѣческими, а не китайскія. Однако, вовсе не слѣдуетъ всякій національный признакъ возводить въ перлъ созданія, ибо всюду люди имѣютъ свои недостатки и рядомъ съ національными добродѣтелями мы имѣемъ и національные пороки. Но внѣ національности нѣтъ жизни, нѣтъ творчества, нѣтъ стремленія къ идеалу, такъ какъ каждый борецъ за него *думаетъ* на какомъ-либо языкѣ и тѣмъ закрѣпляетъ свою принадлежность къ какому-либо народу. Слѣдовательно, оставаясь даже наединѣ съ самимъ собой, человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ народности, а при общеніи съ другими онъ и подавно обнаруживаетъ свою принадлежность къ тому или иному народу.

Итакъ, служеніе идеѣ народности вовсе не связано съ ея обожествленіемъ, такъ какъ христіанство дало намъ надежное мѣрило должнаго и заповѣдало стремиться къ совершенству по мѣрѣ своихъ „талантовъ". Необходимо развивать ихъ, пускать въ оборотъ, дабы не уподобиться „рабу лѣнивому и лукавому", необходимо бороться съ дурными свойствами своего народа, восполняя пробѣлы опытомъ и назида-

ніемъ другихъ, ибо исторія учитъ, что народы вѣчно находятся въ школѣ взаимнаго обученія, созидаемой ихъ историческимъ существованіемъ. Каждый народъ вноситъ въ общее дѣло *свой* вкладъ и сознательный націоналистъ никогда не станетъ проповѣдовать гоненія и истребленія своихъ братій, необходимыхъ ему для дальнѣйшаго поступательнаго движенія. Необъятное дѣло раскрытія истины, созиданія общественнаго блага осуществляется медленно, постепенно и на „урокъ" каждаго выпадаетъ извѣстная, хотя и не одинаково замѣтная, доля работы, но безъ простого рабочаго ни одинъ зодчій, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, не воплотитъ своего величаваго замысла. Вотъ почему духовная свобода творческихъ и благихъ силъ всякаго народа должна быть признана прямымъ выводомъ изъ исповѣданія правильно понимаемыхъ націоналистическихъ идеаловъ. Развѣ можно ихъ поборниковъ объявлять принципіальными врагами просвѣщенія, противниками улучшеній, единственно потому, что они поняли неосуществимость и непригодность „космополитическихъ мечтаній?" Дружная семья народовъ, сохраняющихъ свой духовный обликъ и своеобразіе внутренняго уклада, оказывается единственнымъ двигателемъ всесторонняго просвѣщенія, плодотворно работающимъ надъ благомъ всего человѣчества, понимаемаго какъ совокупность всѣхъ существующихъ племенъ, а не безжизненное созданіе отвлеченныхъ построеній теоретиковъ космополитизма. Это соединеніе усилій всѣхъ народовъ для достиженія единой общей цѣли—водворенія на землѣ царства правды, указаннаго Евангеліемъ, придаетъ отмѣнную цѣнность національнымъ особенностямъ, вносящимъ свою лепту въ общее дѣло. Такъ благотворный солнечный лучъ проявляетъ свои живительныя свойства именно потому, что состоитъ изъ совокупности разноцвѣтныхъ лучей, выполняющихъ каждый свою долю работы.

Стало быть, исповѣдуемыя „Русскимъ Собраніемъ" идеальныя начала сами по себѣ не могутъ превратить ихъ поборниковъ въ насадителей вражды, въ противниковъ всякихъ улучшеній и всеобщаго просвѣщенія, ибо они всѣ *обязываютъ* своихъ сторонниковъ къ неустанному стремленію по мѣрѣ силъ содѣйствовать торжеству Добра и Истины.

Но, быть можетъ, „Русское Собраніе" считаетъ свои идеалы уже осуществленными, отожествляя съ ними наши современные порядки? Въ самомъ дѣлѣ, разъ признаваемый совершеннымъ идеалъ достигнутъ, надо заботиться лишь о сохраненіи пріобрѣтеннаго безцѣннаго сокровища, ибо всякое измѣненіе будетъ тогда не улучшеніемъ, а искаженіемъ. Такое воззрѣніе

приписывается намъ многими, но оно опровергается самой природой нашихъ идеаловъ, ихъ всеобъемлимостью, ихъ высотой и широтой: водвореніе царствія Божьяго требуетъ совмѣстныхъ усилій всѣхъ людей, знаменуетъ собой полное искорененіе царящаго въ мірѣ зла, проявленія дремлющихъ добрыхъ склонностей во множествѣ милліоновъ. Поколѣніе за поколѣніемъ могутъ лишь приближаться къ завѣтной цѣли, совершенствуя себя для жизни будущаго вѣка, подготовляя въ своихъ дѣтяхъ продолжателей безконечнаго служенія вѣчнымъ идеаламъ. Прекрасно понимая все это, „Русское Собраніе“ съ самаго начала своей дѣятельности выдвинуло какъ разъ преобразовательныя, а не охранительныя задачи. Въ этомъ порукой является самый его уставъ, гласящій: „Русское Собраніе“ имѣетъ цѣлью содѣйствовать выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи и проведенію въ жизнь исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей Русскаго народа“. Изъ этой первой и главной статьи Устава неоспоримо вытекаетъ такое положеніе: всѣ члены „Русскаго Собранія“ объединяются сознаніемъ, что творческія наши начала *не проведены* въ жизнь, мало того, ихъ надо *еще выяснить* себѣ и другимъ *и укрѣпить въ общественномъ сознаніи!* Только недобросовѣстные обвинители могутъ утверждать, что общество, поставившее себѣ такую цѣль, явно стремящуюся къ *измѣненію* существующихъ отношеній, проповѣдуетъ застой и не хочетъ никакихъ улучшеній. Совершенно ясно, что эти улучшенія признаются желанными, ибо русскіе идеалы не занимаютъ въ нашемъ обществѣ подобающаго положенія. Дѣйствительно, оглянемся вокругъ и даже бѣглый взоръ покажетъ, какъ рѣзко противорѣчатъ современные порядки идеальнымъ воззрѣніямъ русскаго народа.

Множество чадъ „Святой Руси“ уклонилось въ разныя ереси и впало въ религіозныя заблужденія; рядомъ съ изувѣрнымъ фанатизмомъ видны проявленія полнѣйшаго невѣрія; проповѣдь безбожія раздается одновременно съ провозглашеніемъ новыхъ вѣръ, поправляющихъ „ошибки“ Апостоловъ и св. отцовъ. Невѣжественные низы пребываютъ во мракѣ суевѣрій и придаютъ неподобающее значеніе соблюденію однихъ обрядовъ, но остаются почти неосвѣдомленными въ самыхъ началахъ православія, а потому и дѣлаются легкой добычей разныхъ хищниковъ. Мнимо образованные, гордящіеся своей „просвѣщенностью“, верхи или примыкаютъ къ выводамъ отрицательныхъ философскихъ ученій, или относятся съ поразительнымъ безразличіемъ къ рѣшенію религіознаго вопроса,

опредѣляющаго цѣль и смыслъ нашего земного существованія. Въ послѣднее время поклоненіе злобному противнику подвига Христова—Ницше, сдѣлалось у насъ моднымъ; открытая проповѣдь ненависти къ слабымъ, злоупотребленія своей силой звучитъ все настойчивѣе; ей подтягиваютъ поклонники „святости плоти" и выдумываютъ какое-то неохристіанство. Разнузданность страстей и неуваженіе къ святынямъ отражается и въ стремленіи при помощи полицейскихъ мѣръ удержать простой народъ въ лонѣ православія. Послѣднее горше первыхъ удручаетъ сердце тѣхъ, кто по свободному убѣжденію исповѣдуетъ великое превосходство православія, какъ единственно истинной вѣры, ибо даетъ пищу для озлобленныхъ нападеній, отталкиваетъ слабыхъ, принимающихъ случайное проявленіе излишняго усердія отдѣльныхъ лицъ за требованіе самого православія, и ставитъ св. Церковь въ ложное положеніе утѣснительницы. Скорбятъ вѣрующіе сыны о забвеніи многихъ полезныхъ каноническихъ предписаній, многихъ спасительныхъ обычаевъ, установленныхъ въ первоначальныя времена, но разрозненные, за прекращеніемъ правильной приходской жизни, не находятъ утѣшенія и въ дѣятельности, направленной къ искорененію замѣчаемыхъ нестроеній. Общеніе пастырей и благочестивыхъ мірянъ на помѣстныхъ соборахъ также вышло изъ употребленія и унылую картину представляетъ положеніе православія въ современной Россіи... Если же бросить взоръ на міровое положеніе христіанства, то сила вражды между исповѣдниками Евангельскаго ученія способна повергнуть въ отчаяніе даже крѣпкаго духомъ человѣка, и эта вражда проявляется въ ту пору, когда воздвигаются гоненія на служителей божьихъ, когда за вѣрность Христу карають преслѣдованіемъ, разореніемъ, изгнаніемъ, когда цѣлыя страны отпадаютъ отъ Евангельскаго ученія, когда еврейство, буддизмъ и магометанство находятъ новыхъ поклонниковъ въ средѣ христіанъ, когда цѣлыя сотни тысячъ нашихъ братій пребываютъ въ открытомъ безвѣріи, а потому гонятся только за земнымъ благополучіемъ, пылая взаимной завистью и ненавистью. Какъ же могутъ ставшіе подъ знамя Креста признать такое положеніе соотвѣтствующимъ Евангельскимъ завѣтамъ и не стремиться всѣми силами къ личному и общественному улучшенію?

Пожалуй, кто-либо скажетъ, что мы признаемъ современный государственный строй воплощеніемъ идеаловъ самодержавія и народности, но и тутъ онъ впадетъ въ величайшую ошибку. Всѣ мы свидѣтели того, что нынѣ Царствующій

Государь призналь наши порядки подлежащими кореннымъ измѣненіямъ, ибо истиннаго самодержавія у насъ нѣтъ и самобытныя наши русскія начала находятся въ положительномъ загонѣ. Царь, по народному воззрѣнію, Отецъ своего народа, долженъ знать правду обо всемъ, что касается его дѣтей и общей матери Россіи, но кто станетъ утверждать, что нашему Самодержцу все вѣдомо, что слуги царскіе нелицепріятно доводятъ до Его свѣдѣнія „сущую истину", когда откровенность кн. Мещерскаго показала, что иные министры ложь возводятъ въ систему? Много лѣтъ назадъ Погодинъ писалъ: „Государь, очарованный блестящимъ отчетомъ, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи..." „Каждый министръ представляетъ собой самодержавнаго Государя и также не имѣетъ никакой возможности узнать правду о своей части". Стало быть, нужна широкая гласность и свобода обсужденія „канцелярскихъ тайнъ", но обсужденія правдиваго и благожелательнаго, а не сѣющаго смуту въ умахъ всякою ложью. Облегченія въ положеніи печати возможны только при господствѣ законности. Наши основные законы, правда, незыблемо устанавливаютъ (ст. 47), что Россійская Имперія управляется „на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій установленій отъ самодержавной власти исходящихъ", но всѣмъ извѣстны примѣры неисполненія Высочайшихъ повелѣній, оставшихся мертвой буквой, благимъ намѣреньемъ, ибо различныя вѣдомства предпочитали нравить на основаніи особыхъ циркуляровъ. Рядъ неоспоримыхъ данныхъ показываетъ, что „средостѣніе" отдѣлило Царя отъ народа, скрываетъ дѣйствительность и тормозитъ осуществленіе плодотворныхъ начинаній, недаромъ русскій человѣкъ говоритъ объ „оградѣ, ставшей выше колокольни", подмѣчаетъ, что „Царю изъ-за тына не видать", а потому „не вѣдаетъ Царь, что дѣлаетъ псарь". Общеніе, основанное на взаимной любви и довѣріи, власти и народа, бывшее существенной особенностью истиннаго самодержавія, прекратилось у насъ подъ напоромъ западно-европейскихъ идеаловъ абсолютной монархіи. Виновникъ ихъ пересадки Петръ Великій, давая ходъ дарованіямъ русскихъ людей независимо отъ происхожденія, оставался все таки близокъ къ родной почвѣ, ибо несомнѣнно любилъ Россію и, несмотря на свои ошибки и увлеченія, оказалъ ей великое множество добра. Но его преемники пустили на первое мѣсто инородцевъ; русскіе люди были оттерты, а русскіе идеалы стали достояніемъ „чумазыхъ", такъ какъ высшее общество тяготѣло къ политическому строю Европы, отворачивалось отъ право-

славія и даже забывало говорить на родномъ языкѣ. Нашъ высшій классъ и по своему составу все болѣе и болѣе становился инородческимъ, а потому русскія начала весь XVIII вѣкъ были подъ спудомъ. Но страшная мощь единенія Царя и народа не ускользала отъ внимательныхъ взоровъ наблюдателей и такой великій политикъ, какъ Наполеонъ прямо говорилъ: „Если русскій царь отроститъ бороду, онъ непобѣдимъ". Посмотрите на портреты нашихъ самодержцевъ и вы увидите, какъ съ начала XIX вѣка постепенно русскіе Государи возвращаются къ внѣшнему облику московскихъ царей: появляются усы, пробритый подбородокъ и, наконецъ, окладистая борода. Уже въ начинаніяхъ Александра II слышится поворотъ къ родной старинѣ, Александръ III являетъ изумленному міру образецъ Царя-Миротворца, неоднократнымъ призывомъ „свѣдущихъ людей" и другими мѣропріятіями показываетъ, что сознаніе необходимости „возвращенія домой", къ старинному народному укладу, проникло на высоту престола. Недаромъ этотъ Императоръ во всеуслышаніе выразилъ свою радость, когда, наконецъ то, услышалъ русскую фамилію при первомъ представленіи ему высшихъ чиновъ. Нынѣ правящій Государь, вѣрный сынъ св. православной церкви и продолжатель начинаній своихъ Отца и Дѣда, неоднократно заявлялъ въ своихъ манифестахъ, что служеніе великимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности вдохновляетъ его царственный трудъ. Его Императорское Величество только что осчастливилъ всѣхъ насъ своей благодарностью „*за честныя, истинно русскія мысли*". Онъ пожелалъ нашему собранію „дальнѣйшаго развитія" „*на благо русское*". Онъ сказалъ, что въ нашей челобитной „ничего ни добавить ни убавить нельзя". Это высшая степень похвалы, это признаніе полнаго совпаденія Высочайшихъ воззрѣній съ исповѣдуемыми нами! Значитъ, близко уже „установленіе такого тѣснаго общенія между возлюбленнымъ Царемъ и русскимъ народомъ, при которомъ голоса сего послѣдняго *непосредственно* доходили бы до Помазаника Божьяго". На насъ же лежитъ теперь сугубый долгъ— приложить всѣ старанія, чтобъ голосъ народа былъ подлиннымъ, чтобъ разные самозванцы, сами себѣ присвоившіе права „земскихъ уполномоченныхъ" и „народныхъ представителей", были изобличены въ своей лжи передъ цѣлымъ міромъ. Привыкнувъ вѣками, что тяжесть управленія лежитъ на плечахъ Царя и его чиновниковъ, русскіе люди даже въ предоставляемыхъ Властью Державной самоуправленіяхъ проявляютъ непомѣрную „уклончивость" и тѣмъ самымъ даютъ возможность

политикапамъ и поборникамъ зарубежныхъ конституцій безъ помѣхи „подготовлять почву“ для „завершенія зданія“. Теперь эта разрушительная работа находится въ полномъ разгарѣ. „Столоначальникъ, управлявшій Россіей“, по мѣткому выраженію Императора Николая Павловича, нынче забастовалъ первымъ. Забастовали и другіе представители власти, еще недавно „самодержавно“ вершившіе дѣла по своему усмотрѣнію. Оказалось, что у Царя не хватаетъ людей для проведенія въ жизнь его родныхъ и дорогихъ намъ замысловъ: одни все хотятъ „общечеловѣческой“ конституціи и торжества космополитическаго капитализма, а другіе стоятъ за торжество „полицейскаго государства“ съ его бюрократическимъ строемъ. Намъ не надо ни того, ни другого. Мы хотимъ вмѣстѣ съ Самодержавнымъ Царемъ зажить по божьему, по хорошему, по русски. Намъ не нужны заморскіе образцы, коими является и парламентаризмъ и бюрократизмъ. Но царское довѣріе намъ надо оправдать, надо доставить Ему рядъ скромныхъ, мирныхъ тружениковъ, не ищущихъ власти, но честно, не за страхъ, а за совѣсть, дѣлающихъ свое маленькое дѣло. Соединенными усиліями и упорнымъ трудомъ, идейнымъ противодѣйствіемъ недругамъ мы можемъ послужить Царю и Родинѣ, выполнить ихъ призывъ. Итакъ, впередъ, безъ страха и сомнѣнія, за неотложное дѣло, за творческое улучшеніе святорусской земли, *за проведеніе въ жизнь* завѣтныхъ русскихъ идеаловъ!

А. Вязигинъ.

* * *

Поле, широкое мертвое поле,
Залито дымкою лунныхъ лучей.
Стихли послѣдніе отлики боя,
Залпы, и крики, и ржанье коней.
Славная битва, страшная битва!
Грозно дрались здѣсь родные полки,
И, — собирайтесь, друзья, на молитву!—
Много ихъ пало на полѣ костьми.
Силъ нѣтъ держаться, бьютъ отступленье...
— Что жъ вы, полковникъ, идемте скорѣй!
— Полно, родные, что мнѣ спасенье,
Нѣтъ когда больше моихъ батарей?..
— Братцы, постойте!.. никакъ нашъ поручикъ?..
Братцы, спасемте,— подходятъ враги!..
— Брось же... спасибо... спасайся, голубчикъ!
— Что вы! Богъ милостивъ,—близко свои...
Хмурыя лица, хмурые взгляды.
Жалкія горсти разбитыхъ полковъ
Тихо отходятъ. Рвутся снаряды.
Слышны побѣдные крики враговъ.
Ночь наступила. Залпы замолкли.
Раненыхъ, раненыхъ — гдѣ тутъ считать!
Тамъ впереди слышны стоны и вопли
Тѣхъ, что остались средь поля лежать.
Врагъ ли терзаетъ? Волки ль подходятъ?
Или, очнувшись въ ночной темнотѣ,
Раненый въ ужасѣ бьется и стонетъ,
Помощи проситъ въ безумной тоскѣ?
Тише, все тише. Замерло поле,
Медленно въ небѣ всплываетъ луна.
Тучки толпою пугливой проходятъ.
По полю тѣни бѣжитъ полоса.
Славная битва, страшная битва!
Грозно дрались здѣсь родные полки,
И,—собирайтесь, друзья, на молитву!—
Много ихъ пало на полѣ костьми.
Спите, голубчики, спите, родные,
Богъ да пошлетъ вамъ и миръ, и покой!
Вашу кончину и муки святыя
Русь да оплачетъ горячей слезой!
Господи, Господи! Дай имъ спасеніе!
Всѣ пригрѣшенія ихъ отпусти!
Намъ же дай твердости, дай намъ терпѣнія
Господи, Боже,—спаси, сохрани!

В. Ермоловъ.

Славянофильство и его опредѣленія.

Содержаніе: 1) Вступительное слово. 2) Взглядъ на Славянофильство генерала А. А. Кирѣева. 3) Воззрѣніе на Славянофильство Аѳ. В. Васильева. 4) Выраженія Славянофильства «Славянскихъ извѣстій» и ихъ разборъ. 5) Наше пониманіе Славянофильства.

---

1. Вступительное слово.

Трудныя времена переживаетъ въ настоящее время многострадальная Россія! Особенно знаменателенъ для нея годъ 1904-ый. Имъ заканчивается звѣриное число 666=χξϛ со времени разгрома русскихъ силъ Батыемъ, ибо битва при р. Сити произошла ровно 666 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1238 году. Въ концѣ того же 1904 года падаетъ Артуръ ровно черезъ библейскія семь седминъ, т. е. 49 лѣтъ, послѣ паденія Севастополя! Въ теченіе всѣхъ этихъ семи седминъ въ Россіи сплошное внутреннее броженіе, сплошная подпольная крамола, рядъ явныхъ возстаній, бунтовъ, убійствъ и покушеній, непрерывная травля законной власти и представителей державнаго порядка. Россія внутренно болѣетъ.. Подмѣчено, что въ началѣ каждаго столѣтія Россія испытывала сильную военную встряску, но колесо Русской исторіи, какъ замѣтилъ К. С. Аксаковъ, оборачивается въ 150 лѣтъ. Изъ 200-тилѣтія непрерывной реформаціонной ломки Россіи, произведенной петербургскимъ, оторваннымъ отъ Москвы европейскимъ направленіемъ, 150 лѣтъ прошли не въ исполненіи прадѣдовскихъ христіанскихъ завѣтовъ старины, а по новомоднымъ фасонамъ (образцамъ) западнаго матеріалистическаго шаблона, и только послѣднія семь седминъ русскія начала стали понемногу осиливать иноземщину своею естественною, самобытною, творческою работою народнаго духа. Первый верстовой столбъ этого возрожденія поставленъ въ 1855 году, когда вопросъ объ рас-

крѣпощеніи кореннаго русскаго народа отъ помѣщичьяго ига, этотъ позоръ иностраннаго режима въ Россіи, былъ рѣшенъ судьбою безповоротно. 1904 годъ будетъ вторымъ такимъ столбомъ освобожденія Россіи и русскаго народа отъ тягчайшаго ига иноземнаго, столбомъ, указывающимъ на необходимость грядущаго оздоровленія Руси, на новую жизнь христіанскаго смиренія. Россія выступаетъ на новый путь исконнаго творческаго своего развитія, приближается новая весна вѣковѣчной сѣдой правды и истины. Двѣсти лѣтъ продолжались торжества моднаго подражанія иностранщинѣ! А что дало это подражаніе?—Разладъ, смятеніе, взаимное непониманіе, забвеніе ископныхъ устоевъ. Двѣсти лѣтъ продолжалось идолопоклонство фетишамъ западнаго культа и раболѣпство мысли. Положеніе интеллигентной Россіи дошло до отчаянія. Двѣсти лѣтъ объевропенившаяся Россія—въ тискахъ, сжимающихъ своими змѣиными зубьями. Творчество русское почти окончательно изсякло. Во все это время иностранный западный кошмаръ давилъ свободныхъ русскихъ людей и многихъ полонилъ чарами и прелестью повапленнаго золотомъ культурнаго дурмана. Россія была влюблена въ красавицу Европу и, увѣренная, что найдетъ въ ней друга и союзницу,—нашла размалеванную продажную развратницу, продувную торговку и ехидную интриганку.

Но все это суждено было пережить Россіи, дабы сознательно своимъ опытомъ, вынесеннымъ собственными плечами, оцѣнить достоинства западнаго *прогресса*. А этотъ прогрессъ въ крайнемъ своемъ выраженіи не что иное, какъ атеизмъ въ вѣрованіи, аморализмъ въ жизни, анархизмъ въ общественномъ устройствѣ, агнозцитизмъ въ философіи. Вѣримъ, народныя бѣдствія закаляютъ молодыя силы, все же слабое, сгнившее отпадаетъ! Россію всѣ двѣсти лѣтъ прогоняли сквозь строй шпицрутеновъ нѣмецкаго изобрѣтенія и сквозь строй бичей западной культуры. Бичемъ былъ Карлъ XII шведскій, смятый при Полтавѣ русскимъ мужикомъ, одѣтымъ въ голландскую куртку. Бичемъ былъ геніальнѣйшій насильникъ человѣчества, выскочка-Буонапартъ, размозжившій свой лобъ о бѣлокаменныя стѣны сожженной Москвы. Бичемъ была коалиція европейскихъ державъ, нанесшая глубокія раны Россіи на берегахъ севастопольскаго залива. Но внутренніе бунты, внутренняя ломка всего русскаго были еще бѣдственнѣе, и іезуитско-польско-жидовскія возстанія родныхъ братьевъ славянъ-поляковъ, измѣнившихъ своему племенному роду, и бироновскія гоненія православнаго и старообрядческаго духо-

венства, гоненіе, напоминающее жестокостями діоклиціановскія времена, не есть-ли тѣ же инквизиторски-мучительные удары шпицрутеновъ. Не прошло еще и вѣка, когда священнослужители святого алтаря были унижены до того, что должны были выходить на тракты мытарствовать, т. е. собирать подорожную подать у шлагбаумовъ. Тяжесть и ужасы крѣпостного безправія лежатъ всецѣло на совѣсти западничествующихъ цивилизаторовъ петровскаго періода. Должна же наконецъ Россія окончательно встать на собственныя ноги и вернуть себѣ право и свободу на творческій подвигъ самобытнаго бытія и существованія. Должна же она, наконецъ, избавиться отъ тяжелаго насилія надъ природными свойствами страны и народа, должна возстановить коренныя учрежденія, которыя создали, сплотили и укрѣпили ее. Россія должна *возродиться*. Возрожденіе неизбѣжно именно тамъ, гдѣ исторія допустила временныя печальныя отклоненія. Такое возрожденіе знакомо и западу, но тамъ оно носитъ громкое названіе—*ренесанса*. Ренесансъ западный привелъ Европу къ полуязычеству, къ узкому раціонализму аристотелевскому, къ классическому художеству нагого тѣла и сладострастнаго вожделѣнія, къ насилію политическому и духовному римскаго и ватиканскаго имперіализма. Рабское подражаніе западу привело Россію къ расшатанности, соціалистической крамолѣ, атеистическому безвѣрію, къ революціи и стремленію достичь *свободу насиліемъ*. Возрожденіе грядущей тысячелѣтней и вѣчно юной Россіи неминуемо приведетъ ее къ истинному христіанству ея первыхъ чистыхъ временъ. Это христіанство выработало: 1) соборность церковную, 2) кесарское государственное устройство, единственное благословенное Богомъ, какъ учитъ сплошь весь Ветхій и Новый завѣтъ; 3) общинный семейный бытъ, единственный природный, не искаженный насиліемъ, патріархальный строй съ прародительскимъ складомъ.

Смыслъ и значеніе, пути и средства, задачи и цѣли этого возрожденія всего славянства, его христіанское возобновленіе и исконно-народное возстановленіе—выяснили весьма ярко дѣятели тѣснаго московскаго кружка подъ духовнымъ водительствомъ А. С. Хомякова. Какъ извѣстно, этотъ кружекъ, несмотря на свою крайнюю малочисленность, обратилъ на себя вниманіе всего передового слоя образованныхъ людей, который подъ его вліяніемъ распался на два противоположные просвѣтительные стана:—*восточниковъ-самобытниковъ* и *западниковъ-подражателей*. Приверженцы второго направленія окрестили въ насмѣшку первыхъ кличкой *славянофиловъ*.

Кружокъ отъ названія этого, впрочемъ, не отказался, хотя оно и не соотвѣтствовало полнотѣ внутренняго содержанія самаго ученія. Теперь это наименованіе потеряло первоначальное презрительное значеніе и стало, наоборотъ, славнымъ названіемъ своеобразнаго, глубокопросвѣтительнаго, историческаго движенія на Руси, разлившагося по всему лицу земли русской.

Въ ряду именъ славянофиловъ встрѣчаются крупнѣйшія имена русскаго просвѣщенія. Достаточно, конечно, назвать одного Достоевскаго или одного епископа Ѳеофана, затворника Вышенскаго, чтобы доказать это. Съ тѣхъ поръ движеніе это незамѣтно укореняется, постепенно разростается и крѣпнетъ часто даже безсознательно для его приверженцевъ, напр. для тѣхъ, которые сердцемъ исповѣдуютъ высокія истины вселенскаго христіанства, составляющія основу славянофильства, и которые сочувствуютъ роднымъ намъ славянамъ. Но несмотря на этотъ ростъ, все-же спрашивается, можно-ли признать славянофильство движеніемъ общественнымъ, а не ученіемъ отдѣльныхъ лицъ? Сами основатели славянофильства отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Каждое новое явленіе начинается съ малаго, и чѣмъ возвышеннѣе оно, тѣмъ труднѣе пріобрѣтаются сторонники. Собственно говоря, такимъ временемъ для русскаго славянофильства было время его возникновенія, его зачинанія, примѣрно отъ 1820 по 1830 годъ. Затѣмъ слѣдуетъ 25-лѣтіе полнаго принужденнаго безмолвія. Строгая многоразрядная цензура насильно наложила запретъ на проповѣдниковъ русскаго просвѣтительнаго движенія ради интересовъ и защиты нѣмецкаго абсолютизма. Только въ 1855 г. въ годъ паденія Севастополя и смерти Николая I славянофильство свободно заговорило и сдѣлалось общественною просвѣтительною и нравственною силою. Оно проявило свое значеніе мощнымъ участіемъ къ коренному русскому народу и вообще славянскому племени. Оно способствовало освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного гнета съ неотчуждаемою землею; оно участвовало въ освобожденіи русскихъ людей въ балтійскомъ и западно-литовскомъ краѣ, оно дало дѣятелей, освободившихъ польскую окрайну отъ жидовскопольскаго повстанія, вспыхнувшаго подъ руководствомъ нѣмцевъ, оно руководило возсоединеніемъ исконнаго православія въ Холмщинѣ и тѣмъ сокрушило вѣроломную унію, наконецъ оно же стало во главѣ движенія освобожденія западныхъ и южныхъ зарубежныхъ славянъ, и создало нѣсколько новыхъ славянскихъ государствъ. Возрожденіе русское и славянское съ 1885 года

стало историческимъ событіемъ (фактомъ). На самодержавномъ престолѣ воцарился на 13 лѣтъ Царь-Миротворецъ, славянофилъ Императоръ Александръ III

Но совмѣстно съ этимъ пробужденіемъ къ родной жизни иноземщина, либеральнаго антирусскаго космополитическаго склада, собираетъ и сплачиваетъ всѣ свои силы, которыя начали противодѣйствовать всему русскому не только смѣло и задорно, не только дерзко и нагло, а прямо таки западноевропейскимъ насиліемъ, крамолою, бунтомъ, открытымъ вооруженнымъ возстаніемъ. У этого противорусскаго движенія оказались два вѣрныхъ союзника въ самомъ русскомъ обществѣ: 1) туманный заоблачный мистицизмъ, впавшій затѣмъ въ настоящее вырожденіе (предст. Вл. Соловьевъ и Максимъ Горькій), и 2) слѣпота равнодушныхъ, теплохладныхъ, элементъ косности. Толпа—въ рукахъ ловкихъ организаторовъ бунта. Неудивительно потому, что въ общественныхъ собраніяхъ раздаются голоса, которые, съ книгою Милюкова въ рукахъ, повторяютъ слова мистика Вл. Соловьева о смерти славянофильства, его похоронахъ. Выслушивать подобныя заявленія, бросаемыя въ лицо живымъ славянофиламъ, невыносимо, ибо самого себя считать умершимъ и погребеннымъ просто невозможно. А если исповѣдники славянофильства существуютъ, то тѣмъ болѣе живо и само ученіе. Вѣря въ неизбѣжность для новой Россіи окончательнаго выздоровленія и возрожденія, то есть возвращенія къ исконнымъ творческимъ началамъ русской жизни, заложеннымъ за 1000 лѣтъ существованія Россіи, не въ силахъ мы остаться безмолвными. Лучшимъ способомъ протеста кажется намъ была бы попытка дать наиболѣе ясное опредѣленіе сущности славянофильства, т. е. рѣшить посильно вопросъ: *что есть славянофильство?* Для этого изложимъ взгляды самихъ современныхъ славянофиловъ на ихъ же ученіе и подвергнемъ ихъ болѣе или менѣе подробному разбору. Изъ этихъ изысканій намъ станетъ ясно, почему возможны голоса, отрицающіе славянофильство. Дѣло въ томъ, что какъ живое направленіе и притомъ своеобычное, оно не вылилось еще въ опредѣленныя, твердо установленныя формулировки (выраженія). Болѣе устойчивое опредѣленіе проявится только, когда само движеніе приметъ болѣе осязательные размѣры и найдетъ всеобщее признаніе. Это не помѣшаетъ намъ дать въ концѣ нѣкоторые самостоятельные взгляды на самую сущность славянофильства, какъ историческаго явленія, какъ умственнаго направленія и какъ просвѣтительныхъ задачъ (идеаловъ). Достойно замѣчанія, что сами сла-

вянофилы-основатели, Хомяковъ и его друзья, точнаго и полнаго опредѣленія не дали, да и дать не могли, ибо словообозначеніе „*славянофильство*" не считали они достаточно широкимъ для обхвата содержанія всего ученія. Болѣе поздніе приверженцы извлекли изъ этого направленія наипростѣйшія выраженія содержанія славянофильства, изъ числа которыхъ самымъ распространеннымъ оказалось русское народническое знамя трехчленнаго единства: *Православіе, Самодержавіе* и *Народность*. По этому образцу получился рядъ подобныхъ выраженій: церковь, престолъ и народъ; вѣра, царь и отечество; соборность, свободовластіе и народоуправленіе и многія другія, болѣе или менѣе отступающія отъ первообразца. Во всѣхъ этихъ тріединствахъ всегда различаются три самостоятельныя области: духовная, волевая-душевная и вещественно-житейская. Такая троичность существенныхъ частей жизни племени несомнѣнно показываетъ на полноту обхвата, на высоту построенія и цѣльность содержанія славянофильскаго ученія. Единство же его вытекаетъ изъ требованія славянофиловъ сочетать и тѣсно связать эти начала, ибо безъ этой скрѣпы никогда свобода русскаго духа проявиться не можетъ. Эти краткіе образы славянофильскаго содержанія все же требуютъ болѣе подробнаго изложенія, такъ какъ въ тѣ же слова можно вложить и совершенно чуждыя направленію понятія. Напримѣръ, враги истиннаго славянофильства придаютъ ему крайне извращенные оттѣнки, видя въ Православіи—клерикализмъ ватиканскаго направленія, въ самодержавіи—деспотизмъ нѣмецкаго абсолютизма или турецкаго султанизма, въ народности—ретроградство варварскаго обскурантизма и татарскаго азіатизма и т. д.

Для точнаго и всесторонняго опредѣленія славянофильства изложимъ взгляды болѣе крупныхъ и видныхъ современныхъ дѣятелей направленія.

2. Взглядъ на Славянофильство генерала А. А. Кирѣева.

Однимъ изъ талантливѣйшихъ ученыхъ приверженцевъ современнаго славянофильства почитается извѣстный богословъ и сторонникъ старокатолическаго движенія въ западной церкви, генералъ А. А. Кирѣевъ, который еще въ 1896 году далъ широкому кругу читателей „краткое изложеніе славянофиль-

ского ученія", представляющее изъ себя сводъ положеній изложенныхъ въ „Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества" за 1883 г. [1]) въ руководящей статьѣ. Этотъ сводъ является поэтому какъ бы изложеніемъ взгляда самого Славянскаго Общества.

Основоположенія генерала А. А. Кирѣева, выраженныя въ его исповѣданіи, облекаются въ то же трехцвѣтное знамя, которое естественно вытекаетъ изъ положеній всѣхъ первыхъ славянофиловъ, т. е. знамя *Православія, Самодержавія* и *Народности,* но при этомъ даются и довольно опредѣленныя мысли объ этихъ трехъ понятіяхъ: *Православіе* понимается, какъ сумма этическихъ взглядовъ, *Самодержавіе,* какъ выраженіе политическихъ воззрѣній русскаго народа, а *народность* опредѣляется, какъ сфера дѣйствій, высочайшимъ выраженіемъ которой служитъ Православіе, органически связанное съ самодержавіемъ. При дальнѣйшемъ выясненіи этихъ же понятій указывается и внутреннее ихъ содержаніе. Православіе есть выраженіе равновѣсія свободы и авторитета, самодержавіе есть народная государственная сила, единственная, создавшая современную Россію, а народность есть своеобразность типа и самостоятельный характеръ русскаго самосознанія, цѣль котораго—вывести свою народность къ высшему человѣческому типу. Вотъ приблизительное, сжатое изложеніе понятій о славянофильствѣ генерала Кирѣева. Оно встрѣтило со стороны другого виднаго дѣятеля и писателя славянофила Ав. В. Васильева справедливыя возраженія, ибо Хомяковъ и его кружокъ очевидно смотрѣли на Православіе шире, не только какъ на сумму этическихъ взглядовъ, или какъ на равновѣсіе авторитета и свободы, но какъ на міровое новозавѣтное организованное (цѣлостное) домостроительство новаго Израиля, какова истинно вселенская соборная церковь. Не сумма этическихъ взглядовъ только, говоримъ мы, но историческое, пророками предреченное явленіе не только мірового земного порядка, но и всесвѣтной духовной надмірной цѣлосности, называемой Божіимъ царствомъ! Несмотря на эти возраженія, опредѣленія генерала Кирѣева по своей существенности остаются вѣрными, ибо дѣйствительно только совокупность началъ Православія, Самодержавія и Народности составляетъ корень славянофильскаго ученія, и не вполнѣ точная обрисовка и философское выраженіе не портитъ основного взгляда генерала Кирѣева.

[1]) № 1, октябрь.

3. Взглядъ на Славянофильство Ав. В. Васильева.

Ав. В. Васильевъ излагаетъ убѣжденія славянофильства въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ. Все славянское племя есть разнообразный въ своихъ частяхъ, но тѣмъ не менѣе единый цѣлостный народный организмъ, одно живое тѣло. Чаянія и стремленія каждаго неложнаго славянофила направлены къ тому, чтобы это великое народное тѣло во всѣхъ своихъ членахъ было одинаково здорово и свободно. Другими словами—идеалъ славянофильства это—полная и всесторонняя свобода и искреннее братство всѣхъ славянскихъ народовъ. При этомъ тутъ же дается и объясненіе, что надо понимать подъ словомъ свобода, 1) свобода требуется для славянъ политическая, т. е. свобода отъ гнета иноземщины и иностранщины и иноплеменной государственной власти; свобода экономическая, т. е. свобода отъ эксплуататорства и грабительства большею частью еврейскаго и иностраннаго предпринимательства и свобода нравственная, т. е. свобода отъ духовнаго рабства и церковнаго насилія по ватиканскому образцу.—„Братство или семейная, родственная, племенная связность таково, при которомъ каждый славянинъ, на всемъ широкомъ пространствѣ Славянской земли сознавалъ бы, что онъ дома, въ своей родной семьѣ, свободенъ и полноправенъ. Безбоязненно и непостыдно исповѣдывать этотъ идеалъ, постоянно имѣть его въ виду, какъ основную причину и конечную цѣль всѣхъ своихъ стремленій и дѣйствій, безостановочно искать и указывать другимъ средства и пути, ведущіе къ его осуществленію, неустанно бороться со всѣмъ, что стоитъ на дорогѣ или идетъ неперекоръ этимъ стремленіямъ и цѣлямъ—такова постоянная и неизмѣнная задача славянофильства и въ то же время—наша народная и государственная задача. Уяснить эту задачу и проводить ее во всеобщее сознаніе, звать всѣхъ и каждаго въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ на служеніе славянскому дѣлу, дѣлу всесторонняго славянскаго освобожденія,—такова обязанность славянскихъ обществъ". Славянофильство есть въ сущности не что иное, какъ выраженіе русскаго народнаго міровоззрѣнія, очищеннаго и возвышеннаго до идеаловъ.—Это самосознаніе русскаго народа. Славянофильство можетъ быть названо русскою народною партіею, но и такое опредѣленіе для него тѣсно. Славянофильство это—сама *русская* Россія, за нимъ стоитъ и сознательно или безсознательно готово идти все, что есть русскаго въ Россіи, и все, что есть чисто славянскаго въ остальномъ славянствѣ. „Осуществленіе

славянскаго идеала—свободы и братства славянскихъ народовъ—требуетъ: 1) прежде всего укрѣпленія народнаго русскаго самосознанія и освобожденія русскихъ общественныхъ силъ отъ тяжелаго лежащаго на нихъ иноплеменническаго гнета; затѣмъ—2) политическаго освобожденія отъ иноплеменной власти и объединенія угнетенныхъ и разобщенныхъ славянскихъ народностей и, наконецъ—3) духовнаго объединенія Славянскаго міра, т. е. уничтоженія въ немъ вѣроисповѣдной и нравственной розни.

Это воззрѣніе на славянофильство убѣжденнаго его представителя особенно дорого намъ по чувствамъ народолюбія, по чаяніямъ и намѣченнымъ возвышеннымъ идеаламъ, и все содержаніе сосредоточивается на 1) цѣльности и единствѣ всеславянскаго племенного тѣла, на 2) свободѣ державнаго хозяйственнаго и нравственнаго развитія и 3) братствѣ, соборности и совѣстливости русскаго и славянскаго самосознанія, дабы достичь духовнаго объединенія и уничтожить вѣроисповѣдную и нравственную рознь. При этомъ указывается на вѣроисповѣданіе Православное.

Не то направленіе замѣчаемъ мы въ нынѣшнемъ представителѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петроградѣ въ лицѣ редактора печатнаго его изданія и его неизвѣстнаго сотрудника, скрывшаго свое имя подъ двумя буквами *ин.*

4. *Выраженія Славянофильства „Славянскихъ Извѣстій“ и ихъ разборъ.*

„Славянскія Извѣстія“, передѣланныя изъ „Извѣстій С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества“, въ первомъ послѣ переименованія выпускѣ въ руководящей передовой статьѣ даютъ свою подробную формулу славянофильства. Редакція, раздѣляя взгляды своего сотрудника господина —ин—а, выдаетъ эту формулировку за знамя своего изданія. Выраженіе задачъ изложено весьма разносторонне, такъ какъ, несмотря на краткость статейки, на трехъ ея страницахъ даются три отдѣльныя опредѣленія: 1) *историческое*, по которому *славянофильство* будто-бы *есть совершенное и гармоническое примиреніе двухъ великихъ идей XIX вѣка: идеи народности и идеи прогресса и свободы.* „Такого примиренія, продолжаетъ сотрудникъ, оно достигло, благодаря своему чрезвычайно широкому и просвѣтительному взгляду на „народность“; 2) *психологическое*—по коему *славянофильство есть уманизмъ*, болѣе послѣдовательный и честный и вмѣстѣ съ

тѣмъ болѣе широкій и глубокій по содержанію, чѣмъ гуманизмъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова и 3) *логическое* заключительное опредѣленіе по внутренней его сущности, въ которомъ выражены задачи современнаго славянофильства: „*Славянофильство есть націоналистическое направленіе, стремящееся обосновать самобытность славянской культуры на признаніи единой великой славянской собирательной личности и стремящееся внести въ ея творчество единство сознанія и организаціи*". Девизомъ сего направленія являются слова одного чешскаго славянофила: „все изъ народа, съ народомъ и для народа; ничего безъ народа, не изъ народа и противъ народа". Подъ народностью г-нъ —ин— понимаетъ извѣстную біологическую и психологическую индивидуальность, т. е. совокупность такихъ антропологическихъ свойствъ, которыя при внѣшнемъ разнообразіи извнутри составляютъ нѣчто цѣлое и недѣлимое. Изъ ряда всѣхъ народностей славянскаго племени единая великая коллективная славянская личность, которая имѣется въ виду въ заключительномъ опредѣленіи,—есть Русь, и другой предположить нельзя, ибо всѣ остальныя сравнительно невелики; единственно великій народъ среди славянъ —народъ Русскій. Что господинъ —ин— беретъ Россію для опредѣленія „народности" русскаго славянофильства вполнѣ естественно и понятно, но почему онъ не пожелалъ назвать ее собственнымъ именемъ, составляетъ его тайну; между тѣмъ это весьма необходимо для ясности, такъ какъ прямѣе слѣдовало-бы признать за единую цѣлую единицу не какую нибудь народную личность, а всю полную совокупность этихъ народныхъ личностей въ племени, каково въ данномъ случаѣ всеславянство. Но объ этомъ племенномъ соборѣ во всей статьѣ нѣтъ и помину. Современное славянофильство „Слав. Изв." основывается исключительно на національной культурѣ. Культурою же сотрудникъ „Слав Изв." называетъ только конкретное воплощеніе народности, то, что называется вещественною культурою. Гуманизмъ принятъ въ статьѣ не въ широкомъ общечеловѣческомъ (космополитическомъ) значеніи, не въ смыслѣ гуманизма національныхъ единицъ, а въ узкомъ примѣненіи къ отдѣльнымъ личнымъ единицамъ (особямъ), т. е. принятъ индивидуальный гуманизмъ, который отличается „святыми требованіями уваженія и свободнаго развитія для каждой человѣческой личности (а не народной личности), какъ бы она незначительна ни была. Изъ всего этого слѣдуетъ, что славянофильство „Слав. Извѣстій" гуманистическаго сепаратнаго индивидуальнаго свойства и основано на націонализмѣ

каждаго отдѣльнаго народа для себя врозь. Для Руси это національное воплощеніе заключается, по положеніямъ „Слав. Изв.“, въ примиреніи идеи національности съ идеями свободы и прогресса, но такое неопредѣленное воззрѣніе не совпадаетъ съ яснымъ взглядомъ коренного славянофильства московскаго кружка друзей знаменитаго Хомякова. Само словообозначеніе „славянофильство“ имѣетъ строго опредѣленное содержаніе, принадлежащее строго опредѣленному историческому явленію. Оно выражаетъ собою просвѣтительное историческое движеніе на Руси середины прошлаго вѣка, на трехцвѣтномъ знамени котораго было начертано *всеславянское возрожденіе* или возвратъ къ святой старинѣ. Въ частности славянофильство имѣетъ предметомъ истинное христіанское православіе, взамѣнъ казеннаго со стороны вѣрующихъ, искаженнаго къ нему отношенія, истинное земское народное самодержавіе, взамѣнъ полицейскаго иностраннаго (нѣмецкаго) бюрократическаго режима, создавшаго средостѣнное сословіе „интеллигентовъ“ между народомъ и царемъ, и историческую просвѣтительную самобытность Кирилло-Меѳодіевской культуры взамѣнъ привитой западно-европейской германо-романской цивилизаціи. Всякое направленіе, отступающее отъ этихъ коренныхъ началъ коренного славянофильства, получало во всѣхъ случаяхъ новое отдѣльное наименованіе. Казалось и для своеобразнаго славянофильства „Слав. Извѣстій“ надлежало бы установить свое особое словообозначеніе, подобно тому какъ воззрѣнія Ореста Миллера и его кружка не вполнѣ тожественныя съ хомяковскими, названы *неославянофильствомъ*. „Славянскій Вѣкъ“, вѣнскій органъ всеславянскаго примиренія, обозначаетъ исторически слагающееся братское единеніе славянъ простымъ, всѣмъ понятнымъ, весьма удачнымъ наименованіемъ „всеславянство“. Намъ лично пришлось указать на страницахъ „Славянскаго Вѣка“ (№ 77) на нѣсколько теченій объединенія всеславянскаго племени,—на чешскій гуманистическій внѣцерковный *панславизмъ*, на мистическій *мессіанизмъ* польскихъ славянофильствующихъ католиковъ-ватиканистовъ. „Прибалтійскій Край“ открылъ еще новый *„общекультурный панславизмъ“* временнаго характера. Самъ г-нъ —ин— даетъ особыя названія различнымъ дѣятелямъ славянофильскаго, по его мнѣнію, направленія, именуя ихъ то *народниками*, то *почвенниками*, то приверженцами культурно-историческаго славянофильства и т. д. Но предположимъ, что слово „славянофильство“ (въ переводѣ славянолюбіе) сдѣлалось уже теперь столь излюбленнымъ и общимъ, что стало нарицательнымъ

именемъ, и имъ начали обозначать всякое ученіе о каждой славянской народности въ отдѣльности и о всемъ славянствѣ въ совокупности. Такъ „Слав. Изв." отмѣчаютъ чешское, русское славянофильство. Но и въ такомъ случаѣ примиреніе идеи національности съ идеями прогресса и свободы безъ указанія какого именно народа, въ чемъ прогрессъ, для чего и отъ чего свобода, т. е. своеобразное славянофильство „Слав. Изв." не можетъ остаться безъ новаго особеннаго названія въ отличіе отъ коренного московскаго славянофильства кружка Хомякова и отъ всѣхъ вышедшихъ изъ него разновидностей. По общему смыслу трехъ опредѣленій, данныхъ г. —ин—омъ, вѣрнѣе всего назвать его направленіе *сепаратнымъ національнымъ индивидуализмомъ* каждаго славянскаго народа въ отдѣльности, или проще *славянскимъ народобильствомъ*, причемъ самъ сотрудникъ остановился только на одной „единой великой" русской народности. Легко доказать, что всѣ три опредѣленія г-на —ин—а не полны и не точны; первое—совершенно туманно, второе не вполнѣ высококачественнаго свойства, а третье неправильно и лишено внутренняго логическаго смысла, и всѣ три вмѣстѣ противорѣчатъ коренному славянофильству, возвышенному по идеаламъ и глубокому по исконно творческимъ началамъ. Обстоятельное разсмотрѣніе перваго опредѣленія даже и невозможно по непонятности самого содержанія. Славянофильство есть примиреніе двухъ (вѣрнѣе трехъ) великихъ идей XIX в.: 1) идеи національности, 2) идеи прогресса и 3) идеи свободы. Въ этомъ опредѣленіи изъ трехъ понятій, „національность", „прогрессъ" и „свобода", только народность выяснена сотрудникомъ „Слав. Изв.", какъ народная особь или какъ единая, цѣльная народная индивидуальность. Двѣ остальныя идеи свободы и прогресса оставлены безъ поясненія. Разумѣется-ли подъ словами „великая идея прогресса XIX в." развитіе анархизма, атеизма, аморализма, декадентства и т. д. (что въ переводѣ значитъ, безначаліе, безбожіе, безнравственность, вырожденіе и упадочничество) или иное что—не выяснено. Тоже и относительно словъ „великая идея свободы": свобода отъ христіанства или вѣры вообще, отъ гнета западнаго парламентаризма, отъ иностраннаго и жидовскаго эксплуататорства? или отъ чего другого? Не находя этихъ весьма необходимыхъ поясненій подробнаго разсмотрѣнія даннаго опредѣленія, случайно втиснутаго въ статью, повидимому, для краснаго либеральнаго словца,—мы дать не можемъ.

Второе опредѣленіе—славянофильство есть гуманизмъ

болѣе послѣдовательный и честный, чѣмъ гуманизмъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Этотъ относительный гуманизмъ по качеству не полное совершенство, поэтому онъ не можетъ служить руководящимъ идеаломъ для міровыхъ великихъ и единыхъ собирательныхъ народностей, какова свободная Русь, народный идеалъ которой всенародная святость. Славянофильство, понятое, какъ возрожденіе и воплощеніе христіанской истины не въ личныхъ единицахъ только, а во всенародной совокупности, ставитъ эту святость путеводною звѣздою и по идеалу вмѣстѣ съ народомъ называетъ Русь—Святою. Мы оставимъ подъ сомнѣніемъ и другой вопросъ, не скрывается ли въ опредѣленіяхъ г-на —ин—а все таки, (въ противоположность увѣреніямъ его о распространеніи гуманизма на личности коллективныя, т. е. народности) противорѣчія между общечеловѣческимъ характеромъ гуманизма вообще и между индивидуальнымъ народническимъ эгоизмомъ сепаратнаго славянофильства „Слав. Изв.“, т. е. между *племенною* славянскою международною солидарностью и славянскимъ провинціализмомъ составляющихъ его народностей. Это сомнѣніе вытекаетъ изъ того, что сотрудникъ „Слав. Изв.“ не выдвигаетъ племенной соборности, а гуманизмъ, обращенный къ цѣлымъ народностямъ, какъ къ одному лицу, можетъ проявиться только въ средѣ взаимныхъ отношеній народовъ, собранныхъ въ одну семью, какова племенная единица всеславянства.

По третьему заключительному и главному опредѣленію, задачи русскаго современнаго славянофильства, по утвержденію г-на —ин—а, слѣдующія: 1) обосновать славянскую *самобытность* славянскаго конкретнаго воплощенія (т. е. культуры) на признаніи славянской личности и 2) внести въ славянское народное творчество единство сознанія (очевидно также славянское, а можетъ быть, только русское?) и единство какого то домостроительства (организаціи). Объ эти задачи должны обосноваться на *признаніи* (кѣмъ, не сказано) единой великой собирательной личности, которую иную, какъ единую великую Русь, признать мы не могли, такъ какъ понимать подъ этой собирательной личностью все славянское племя было бы ошибочно, ибо племя не есть только коллективная народная личность, а соборъ всѣхъ славянскихъ народовъ, соборъ всѣхъ народныхъ коллективныхъ личностей и ихъ племенное согласіе. Итакъ, основа самобытности культуры, по мнѣнію „Слав. Изв.“, есть не племенное согласіе, а *признаніе* народной собирательной личности. Обосновывать историческое явленіе, какова самобытная народная культура, не на фактѣ, а на по-

добномъ *признаніи* (кѣмъ—неизвѣстно), по крайней мѣрѣ излишне, ибо самобытность вообще обосновывать на самобытности-же не зачѣмъ, какъ не зачѣмъ свѣтъ освѣщать свѣтомъ, тьму затемнять тьмою. Вѣдь самобытность есть то, что не требуетъ никакого обособленія: оно—бытіе, само отъ себя истекающее, природное исконное начало, заложенное въ самыхъ глубочайшихъ нѣдрахъ народа. Сама самобытность обосновываетъ всякую культуру, она и есть то цѣлое и недѣлимое, которое проявляетъ культуру извнутри, а не наоборотъ, она есть источникъ, а не потокъ. Обосновать можно все привитое, и тогда это значитъ согласовать чужое съ кореннымъ самобытнымъ. Самобытная народная культура несетъ съ собою неизбѣжно и роковымъ образомъ свои коренныя свойства, свои духовныя силы и не требуетъ внѣшнихъ подпорокъ и обоснованія на единствѣ сознанія. Тутъ единство нужно понимать, какъ существенное свойство самого сознанія. Сознаніе объединяетъ, т. е. претворяетъ или извергаетъ, все привитое и чужое въ лицѣ сознающаго. Самобытная культура не требуетъ какой-то организаціи творчества. Повторяемъ: славянскую культуру и славянскую самобытность обосновать на славянскихъ-же началахъ занятіе совершенно пустое. Какъ-же понимать еще требованіе г-на —ин—а внести въ народное творчество единство сознанія и единство какой-то организаціи? Творчество есть свойство или сила духа (свободное отъ всякаго стѣсненія) производить самопроизвольно и часто непроизвольно, самосознательно или часто безсознательно (вѣрнѣе сверхсознательно) новое изъ ничего. Творчество есть первоначальное источное начало самобытности или вѣрнѣе его другая сторона. Самобытность—пассивное творчество, творчество—активная самобытность,—оба коренныя свойства и начала свободной личности, одно есть состояніе, другое есть дѣятельность личнаго, народнаго и племеннаго „я“. Творчество само домостроительствуетъ, оно само нарождаетъ новые образцы для созиданія, изобрѣтаетъ новые планы для построенія и само никакихъ организаціонныхъ стѣсненій не терпитъ. Организовать и внести единство сознанія въ творчество, которое, какъ духовное начало, вытекаетъ изъ области сверхсознательнаго, значитъ лишить его свободы проявленія, стѣснять и ограничивать неумѣстными рамками, заглушать и мертвить. Не даромъ Хомяковъ, творецъ славянофильства, всю жизнь свою такъ упорно отказывался отъ всякихъ схемъ, формулъ, системъ и т. п. стѣснительныхъ ограниченій творчества и духовной свободы!..

Въ трехъ отношеніяхъ славянофильство „Слав. Извѣстій“ ограничено и сужено: 1) предметъ его изслѣдованія есть каждая народность въ своей отдѣльности, а не племенная совокупность, т. е. соборъ всѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ въ объединяющемся славянствѣ; 2) народность понимается, какъ біологическая и психологическая сущность и отбрасывается ея духовная суть; 3) культура принимается въ своемъ узкомъ вещественномъ значеніи, какъ воплощеніе конкретное, а не какъ духовное проявленіе. Наоборотъ, истинное коренное славянофильство московскихъ свѣточей полагаетъ въ основу своего развитія племенную историческую жизнь всего славянскаго племени въ связи съ человѣчествомъ и вселенскою церковью, понимая здѣсь подъ церковью живущее, нарождающееся и сошедшее въ могилу, но живущее духовно на небесахъ, вкупѣ со всѣмъ духовнымъ міромъ, человѣчество. Коренное славянофильство развиваетъ и укрѣпляетъ народную жизнь на исконныхъ самобытныхъ началахъ и творческой свободѣ душевныхъ и духовныхъ силъ всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ всеславянства, какъ въ отдѣльности, такъ наипаче въ общей совокупности. Итакъ, формулы славянофильства „Слав. Изв.“ и ограничены, отчасти неопредѣленны, и лишены внутренняго логическаго смысла.

Постараемся выразить нашъ собственный взглядъ на „*славянофильство*“, на „*всеславянство*, принимая въ основаніе московскихъ коренныхъ славянофиловъ. Но предварительно постараемся измѣнить формулу „Слав. Изв.“ въ этомъ направленіи Узелъ разнорѣчія между взглядами этого изданія и между нашимъ пониманіемъ заключается въ томъ, что поставить во главѣ построенія: *личность*, хотя и коллективную, или *соборность*. Въ первомъ случаѣ получится пирамида съ одноличною вершиною, во второмъ шаровидное совмѣстное излученіе изъ общаго творческаго средоточія во всѣ стороны. Если признать личность выше собора, (начало современнаго ватиканизма), какъ принимаетъ сотрудникъ „Слав Изв.“, то его славянофильство выразится, вводя измѣненія въ понятіяхъ согласно нашему выясненію, слѣдующимъ образомъ:

Славянофильство есть національное направленіе, стремящееся обосновать заимствованную чужую культуру на признаніи этихъ привитыхъ свойствъ за коренныя и старающееся внести въ благопріобрѣтенныя заимствованія единство сознанія и организаціи, т. е. согласовать ихъ съ коренными чертами творчества и единствомъ народной самобытности. Если же признать соборность главенствующею надъ народной лич-

ностью, то славянофильство есть племенное (а не національ-стическое только) направленіе, стремящееся согласовать куль-туры отдѣльныхъ народовъ, входящихъ въ составъ племени, не стѣсняя свободнаго проявленія творческаго дара каждой отдѣльной народности никакимъ единствомъ или предвзятою организаціею, для образованія племенного соборнаго единенія во всей полнотѣ и цѣльности всего народнаго разнообразія и племенной многочисленности. Въ первомъ случаѣ произойдетъ подчиненіе свободной личности отдѣльнаго народа игу чужой культуры, чего такъ упорно добиваются нѣмцы относительно славянъ, во второмъ—гармоническое развитіе народныхъ час-тей одного племени, т. е. сочетаніе развитія началъ народ-ныхъ личностей и согласованіе ихъ въ племенномъ собор-номъ единствѣ.

5. Наше пониманіе Славянофильства.

Изложимъ самостоятельно наше пониманіе славянофиль-ства. Славянофильство есть историческо-просвѣтительное явле-ніе всесторонняго возрожденія (т. е. возвращеніе къ святымъ идеаламъ старины) и дальнѣйшее развитіе исконныхъ само-бытныхъ свойствъ и свободныхъ творческихъ силъ всѣхъ сла-вянскихъ народовъ, соборно сплачивающихся къ одно племен-ное семейство, во исполненіе завѣтовъ истиннаго христіанства и водворенія на землѣ международнаго и междуплеменного царства любви, которое безъ соборнаго согласія и соборной совѣсти немыслимо. Соборность есть единство, цѣльность всей совокупности творческаго многообразія и многочленности для достиженія истинной свободы отъ гнета одной части надъ дру-гою и для совершенія полноты истинной и праведной жизни. Соборность заключаетъ въ себѣ обязательно этическое высоко-нравственное начало. Всякія ограничительныя стремленія въ развитіи частей и членовъ соборности противны самобытнымъ началамъ и природнымъ свойствамъ всеславянскаго племени. Соборное единство основывается на взаимномъ довѣріи и на свободномъ подчиненіи всѣхъ частей общему нравственному началу (любви). Единство личной индивидуальности требуетъ личнаго подчиненія главенствующему народу, что допустимо въ внѣшней матеріальной жизни, но не терпимо въ духовныхъ творческихъ стремленіяхъ. Въ отсутствіи разсмотрѣнія этихъ духовныхъ, церковныхъ и государственныхъ вопросовъ у со-трудника „Слав. Изв.“ видимъ мы причину его узкаго взгляда на народность всеславянскаго племени. Славянофильство хо-

мяковскаго воззрѣнія отличается самымъ широкимъ обхватомъ взгляда. Полная, единовсеобъемлющая цѣлокупность есть цѣль стремленія коренного московскаго славянофильства, которая намѣчена издревле проповѣдническою дѣятельностью Св. Пр—хъ Кирилла и Меѳодія, а потому это коренное движеніе въ славянствѣ не что иное, какъ истинное христіанское кирилломенодіевское возрожденіе начала IX вѣка, а не какое-то примиреніе громкихъ, но неопредѣленныхъ и неясныхъ идей XIX в. Западная Европа пережила уже подобное *возрожденіе*, которое переживаетъ нынѣ славянство, т. е. пережила переходъ и возвращеніе къ своей старинѣ—въ романизмѣ и средневѣковомъ ренесансѣ. Но то было возрожденіе классическаго язычества, т. е. настоящій регрессъ. Возрожденіе всеславянства есть истинный прогрессъ въ сторону христіанскаго совершенствованія до народной святости [1]). Если органъ С.-Петербурго-Славянскаго благотворительнаго Общества ограничится узкими рамками національности каждаго народа въ своей обособленности и не проявитъ стремленій къ ихъ взаимному сближенію и объединенію, то по задачамъ своимъ будетъ ниже „Славянскаго Вѣка“. широкія стремленія котораго сдѣлаться печатнымъ всеславянскимъ вѣчемъ всеобщаго просвѣтительнаго согласованія, ясно доказаны четырехгодичнымъ упорнымъ разнообразнымъ и безпрерывнымъ трудомъ. Устранивъ вопросы духовные, церковные, государственные и общекультурные (всеславянская азбука, общій торговый и международный славянскій языкъ, общая научная словесность и терминологія и т. д.), вновь переименованныя „Славянскія Извѣстія“ не въ силахъ будутъ замѣнить собою русскимъ читателямъ широко поставленнаго вѣнскаго изданія (Слав. Вѣкъ). Отстранить вопросы духовнаго, церковнаго и государственнаго свойства не рѣшается даже „Общій культурный панславизмъ“ „Прибалтійскаго края“, который положилъ себѣ за правило не затрогивать сферы вѣроисповѣдныхъ и государственныхъ вопросовъ, но отказывается отъ нихъ только „до поры до времени“. Къ тому сроку „Приб. Край“ навѣрное расширитъ свои познанія по этой части, такъ какъ еще недавно не умѣлъ отдѣлить вѣро-

[1]) Подобно сему и еврейскому народу надлежитъ пережить возрожденіе или возвращеніе къ пророческой культурѣ, которое совершится, когда евреи всей своей массой признаютъ Мессію, пророками предсказаннаго, въ лицѣ Господа Бога нашего, Іисуса Христа, и благодаря этому признанію выйдутъ изъ жидовской своей исключительности.

исповѣдныхъ вопросовъ отъ церковныхъ, и даже смѣшивалъ[1] черты міровоззрѣнія, хотя бы и протестантскаго направленія, съ религіознымъ ученіемъ, ибо усмотрѣлъ нелогичность у тѣхъ, которые не путаютъ этихъ элементарныхъ понятій.

Изъ вышеприведеннаго ряда опредѣленій славянофильства, разсмотрѣнныхъ подробно, или только вскользь указанныхъ, можно вывести одно заключеніе—*опредѣленіе славянофильства еще не окристаллизовалось*, и каждый новый дѣятель стремится дать ему свое личное направленіе. Есть-ли это доказательство того, что само славянофильство мертво и поросло травою забвенія? Намъ кажется наоборотъ—то, что вырабатывается, то живетъ и растетъ. Живымъ словомъ называютъ то, которое выражаетъ измѣняющіеся оттѣнки, которое само измѣняется. Славянофильство есть именно живое слово. Мертвымъ языкомъ называютъ тотъ, который окостенѣлъ въ неподвижныя формы рѣчи. Славянофильство не окостенѣло, а потому и не умерло. На основаніи разбора мыслей г-на —ин—а, мы удостовѣряемъ, что его взглядъ не полный, мы отвергаемъ сепаратно-гуманитарно-либеральное воззрѣніе его на славянофильство и опредѣляемъ его, какъ *историческое*, пророческимъ откровеніемъ предсказанное явленіе торжества христіанскаго воплощенія, христіанской жизни не для каждаго лица въ отдѣльности, а для народныхъ цѣльностей, сплоченныхъ кровью, вѣрою и любовью, и даже для объединенія цѣльныхъ племенъ между собою въ одно дружное христіанское человѣчество. Основа нашего воззрѣнія понятіе *отчества*. Патріархальность семьи, патріотичность народа и патріаршество въ церковномъ соборѣ человѣчества, или говоря иначе, дѣдовщина для семьи, царевотчизна и отечество для народа, родоначальство для племени и богоотчество всего христіанства—вотъ разныя ступени одного и того начала славянофильскаго святоотчества и соборности. Славянофильство и есть возрожденіе родового начала въ семьѣ, земско-народнаго собора людей всѣхъ сословій въ государствѣ, на службѣ у единаго самодержавнаго царя и помазанника, державнаго союзнаго собора многихъ государствъ въ одномъ междудержавномъ согласіи, вселенскаго собора всѣхъ помѣстныхъ церквей, т. е. всего христіанскаго человѣчества. А соборность безъ соблюденія свободы отъ взаимнаго притѣсненія, безъ участія совѣсти въ дѣлахъ общихъ, государственныхъ и международныхъ, и безъ проявленія любви во всѣхъ

[1] „Прибалтійскій Край“ 6 апр. 1904 г. № 77. О формулахъ славянофильскаго сближенія.

его частяхъ—*соборностью не будетъ*. Итакъ, славянофильство есть возрожденіе соборности въ жизни семейной, государственной, племенной, междуплеменной и церковной, которое обнаружится въ установленіи вселенскости любви. А вселенская соборность во всѣхъ частяхъ человѣчества въ отдѣльности и во всемъ человѣчествѣ въ цѣлокупности, т. е. въ полнотѣ и цѣлости, и есть *полнота царствія Божія на землѣ*, которая обѣтована откровеніями пророковъ.

Личное начало запада противополагается союзному началу Востока. Итакъ, славянофильство предполагаетъ существованіе глубокаго отличія между цивилизаціею и культурою западнаго германо-романскаго типа и просвѣщенія и просвѣщеніемъ восточнаго греко-славянскаго христіанскаго совершенствованія. И дѣйствительно, славянофильство проводитъ рѣзкую черту между раціонализмомъ, эволюціонизмомъ и аморализмомъ западнаго прогресса съ распущенною языческою жизнью, технически-усовершенствованною роскошью, съ одной стороны, и между свободотворческою соборностью и святоотеческою возышенною духовною ученостью и христіанскою аскетическою жизнью—съ другой. Эта двойственность установлена уже въ историческихъ трудахъ Хомякова. Онъ усматриваетъ ее въ глубинахъ исторической жизни самой отдаленной древности и опредѣляетъ характеръ этой двусторонности въ двухъ вселенскихъ теченіяхъ: 1) въ *кушитствѣ*, которое есть выраженіе признанія вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ, и 2) въ *иранствѣ*, которое есть выраженіе духовнаго поклоненія свободотворческому духу. Эту двойственность цивилизаціи и просвѣщенія необходимо различать для яснаго пониманія славянофильства, ибо оно, по нашему опредѣленію, ни что иное, какъ предопредѣленное назначеніе славянскихъ народовъ воплотить и возродить въ чистотѣ и полнотѣ иранскій свободотворческій духъ, т. е. истинное церковно-установленное христіанство. При дальнѣйшемъ ходѣ развитія ученіе славянофиловъ должно доказать и водворить на землѣ убѣжденіе, что истинныя начала святого Православія сдѣлаются неизбѣжными для всемірнаго признанія, и что внѣ соборности Православія не произойдетъ всеобщаго торжества христіанскихъ истинъ. Оно должно доказать еще, что истинныя земско-народныя начала самодержавія будутъ необходимыми условіями для переустройства всѣхъ государствъ земного шара, какъ единственный правильный образецъ богоблагословенныхъ земныхъ царствъ.

Славянофильство должно доказать еще, что начало народности, христіански понятое, будетъ всѣми принято, какъ единственное средство водворенія на землѣ мира и царства любви. Будемъ твердо вѣрить, что постепенное выясненіе и усвоеніе началъ славянофильства будетъ способствовать своимъ искреннимъ, любвеобильнымъ словомъ и самимъ жизненнымъ дѣломъ къ уничтоженію смуты въ русскихъ умахъ и преступнаго своеволія, и крамольныхъ дѣйствій взбаломученнаго моря русскаго современнаго общества. Тогда, по слову Пророка Исаіи, „блуждающіе духомъ познаютъ мудрость, а непокорные научатся послушанію, и дѣломъ правды будетъ миръ, и плодомъ правосудія—спокойствіе и безопасность во вѣки“ (Ис. 29–24, 32–17).

Баронъ Михаилъ Таубе.

Св. Петроградъ, 31 января 1905 г.

„Что надо теперь дѣлать русскимъ людямъ?"

„Непреклонная Царская воля" привлекаетъ нынѣ „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, выборныхъ отъ населенія людей" „къ работѣ государственной", дабы установить, какъ „было встарь", единеніе „между Царемъ и *всею Русью*". ради укрѣпленія въ ней прочнаго порядка, вполнѣ отвѣчающаго „самобытнымъ русскимъ началамъ", „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи". Стало быть, долгъ вѣрноподданныхъ и святость присяги повелѣваютъ „благомыслящимъ людямъ всѣхъ сословій и состояній, каждому въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ", соединиться въ совмѣстной работѣ надъ осуществленіемъ державныхъ предначертаній, направленныхъ къ „обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка". Для достиженія такихъ благихъ и высокихъ цѣлей необходимо, чтобъ воля царская была „выполнена правильно", чтобъ не была разорвана „естественная связь съ прошлымъ", чтобъ не былъ разрушенъ „существующій государственный строй" предпочтеніемъ „началъ, нашему отечеству несвойственныхъ" и чуждыхъ русской жизни.

Вопреки столь опредѣленнымъ и яснымъ указаніямъ Самодержца лукавые витіи, выдавая себя, безъ всякаго права, за уполномоченныхъ стомилліоннаго народа, упорно и настойчиво стремятся введеніемъ зарубежнаго строя отдать св. Русь въ кабалу людямъ, „чуждымъ намъ по вѣрѣ и крови", навязываютъ намъ „конституцію", при которой, по наглядному опыту всѣхъ другихъ странъ, неизбѣжно господствуютъ подкупъ, насиліе и произволъ борющихся изъ-за власти партій въ прямой и непоправимый ущербъ населенію. „Благо же русское", по „завѣтамъ родной старины", требуетъ, чтобъ только русскіе, тысячелѣтнимъ трудомъ создавшіе свой домъ, остава-

лись въ немъ полными хозяевами, чтобъ наше крестьянство и нынѣ выносящее на своихъ плечахъ главное бремя всякихъ налоговъ, весьма часто употребляемыхъ самоуправленіями не на прямую пользу плательщиковъ, само высказало свои подлинныя желанія, послав въ законо-совѣщательное учрежденіе своихъ выборныхъ, которые не станутъ говорить тамъ блестящія рѣчи, а навѣрное проявятъ живую и плодотворную дѣятельность, въ соотвѣтствіи насущнымъ нуждамъ и кореннымъ народнымъ стремленіямъ. Помѣстное дворянство, искони вѣрное самобытнымъ русскимъ началамъ, должно рука объ руку съ крестьянствомъ продолжать свой многовѣковый трудъ надъ водвореніемъ правды и наряда въ нашемъ отечествѣ, руководясь завѣтами св. Православной Церкви, внѣдряемыми въ души вѣрующихъ ея достойными пастырями.

Соединенными и дружными усиліями духовенства, служилаго дворянства и крестьянства мало по малу создалась и разрослась могучая русская держава и ея великое прошлое обѣщаетъ полный успѣхъ совмѣстной ихъ работѣ, руководимой Государевой волей. Нельзя, однако, упускать изъ вида, что къ нашему времени усложненіе бытовыхъ условій постепенно выдвигало новыя общественныя силы, а потому справедливость требуетъ призвать къ совѣщанію о домостроительствѣ государственномъ наше купечество, городскихъ обывателей, промышленниковъ и рабочихъ, дабы всѣ трудящіяся и производительныя подраздѣленія русскаго народа могли внести свою долю въ общее дѣло. Таже справедливость побуждаетъ отвести совѣщательный голосъ культурнымъ инородцамъ, обладавшимъ своей собственной территоріей, по приговору исторіи нынѣ нераздѣльно связанной съ Россійской имперіей.

Итакъ, каждый изъ благомыслящихъ русскихъ людей, по волѣ Царской, обязанъ безотлагательно приложить самыя рачительныя старанія, чтобъ въ составъ законо-совѣщательнаго учрежденія вошли дѣйствительно лучшіе люди, „выборные [1]),

[1]) Что же касается способовъ избранія ихъ, то, по нашему мнѣнію, при многомилліонномъ и чрезвычайно разнообразномъ, по культурному уровню и племенному составу, населеніи Россіи не можетъ быть и рѣчи о „всеобщей и прямой подачѣ голосовъ", которая, кромѣ того, потребуетъ отъ бѣдной страны неслыханно большой затраты времени и средствъ. Поэтому правоспособными избирателями необходимо признать лишь лицъ, достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія (25 л.) и платящихъ какой-либо государственный налогъ по имуществу или роду занятій. Женщины не могутъ быть лишены тѣхъ правъ, коими онѣ пользуются по зем-

облеченные народнымъ довѣріемъ и способные честно и совѣстливо радѣть о всякомъ государевомъ дѣлѣ". Нынѣшнихъ же городскихъ и земскихъ дѣятелей, какъ избранныхъ для несенія особой, ясно указанной закономъ, службы населенію нельзя огульно признать пригодными для участія въ Совѣщательномъ учрежденіи: одни изъ нихъ ничего не дѣлали, другіе слишкомъ много говорили и даже открыто ратовали противъ самыхъ устоевъ вѣковой жизни Россіи, а потому отнюдь не могутъ пользоваться всенароднымъ довѣріемъ. Послѣднія прискорбныя для всѣхъ любящихъ Родину событія должны всѣхъ пробудить отъ сладкихъ мечтаній, неоспоримо доказавъ, что группа извѣстной окраски, весьма малочисленная по сравненію съ народнымъ множествомъ, по сильная своей сплоченностью и безпастѣнчивостью, явственно хочетъ навязать всѣмъ свою разрушительную программу и, при помощи инородческой или рабски услужливой печати, выдаетъ своихъ членовъ, выкрикнутыхъ на какихъ-то „частныхъ совѣщаніяхъ", за подлинныхъ народныхъ представителей, за истинныхъ истолкователей настроенія и пожеланій всей земской и городской Россіи. Этимъ самоизбранцамъ, подавляющимъ свободу иномыслящихъ, необходимо, наконецъ, дать надлежащій общественный отпоръ и немедленно приложить усилія всѣхъ сторонниковъ порядка и законности къ подготовкѣ избранія въ законосовѣщательное учрежденіе надежныхъ, честныхъ, безбоязненныхъ и любящихъ Родину людей. Къ сожалѣнію, они по своей скромности остаются въ тѣни, не кричатъ о своихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ и, въ большинствѣ случаевъ, оказываются даже совер-

---

скому и городовому положенію, и должны сохранить право передачи принадлежащихъ имъ голосовъ. Во избѣжаніе давленій на избирателей и подлоговъ съ записками въ странѣ малограмотныхъ, выборы могутъ производиться только шарами и должны быть по крайней мѣрѣ двустепенными во избѣжаніе излишней многочисленности членовъ совѣщательнаго учрежденія, навязывающей ему всѣ недостатки многолюдной и пестрой толпы. Срокъ дѣйствія полномочій и предметы занятій новаго учрежденія каждый разъ заранѣе опредѣляются Самодержавнымъ Государемъ, распускающимъ собраніе по своему усмотрѣнію и до срока, разъ дѣятельность членовъ будетъ признана несоотвѣтствующей русскимъ началамъ. Если даже выборы въ законосовѣщательное учрежденіе и будутъ безсословными, то и тогда предварительная ихъ подготовка сословными группами принесетъ свою пользу, выдвинувъ потребныхъ Россіи людей. Чѣмъ больше правъ получитъ это учрежденіе, тѣмъ необходимѣе озаботиться о достойныхъ „выборныхъ".

шенно неизвѣстными широкимъ кругамъ избирателей, что при выборномъ началѣ отдаетъ страшный перевѣсъ уже успѣвшимъ объединиться противникамъ устоевъ русскаго государственнаго и общественнаго уклада. Вотъ почему надо признать существованіе величайшей опасности, грозящей, что, при такихъ условіяхъ, избранными окажутся не болѣе многочисленные, но еще не сплотившіеся поборники „самобытныхъ русскихъ началъ", но какъ разъ ихъ непримиримые враги, которые предадутъ на долгіе годы наше отечество гражданской смутѣ и даже усобицамъ, ибо и теперь замѣчается крайнее озлобленіе народа противъ непрошенныхъ благодѣтелей съ ихъ подстрекательствами и назойливыми прокламаціями, противъ „будущихъ правителей", которые уже теперь отняли у страны внутренній миръ и подорвали правильную въ ней общественность своими насиліями и убійствами.

Стало быть, первая и главная, неотложная потребность нашего смутнаго времени—*объединеніе всѣхъ* на почвѣ добросовѣстнаго, чуждаго кривотолковъ и искаженій, выполненія царскихъ предначертаній, а не споры и пререканія о подробностяхъ. Надо проникнуться духомъ искренней уступчивости и соглашенія, дабы сплотиться ради творческаго служенія нашей общей Матери, несчастной, но великой Россіи. Если мы то и дѣло узнаемъ о „постановленіяхъ и требованіяхъ" всевозможныхъ „частныхъ съѣздовъ" шумливыхъ и говорливыхъ представителей крайняго направленія, то и всѣ умѣренные должны, наконецъ, возвысить смѣло и открыто свой голосъ и устроить свой съѣздъ. Для успѣшнаго противодѣйствія смутѣ надо повсемѣстно немедленно образовать ячейки единомышленниковъ, которые выяснили бы, на кого изъ мѣстныхъ людей лучше всего для „государева дѣла" слѣдовало бы возложить тяжелое бремя борьбы въ законосовѣщательномъ учрежденіи съ началами, чуждыми русской жизни, и выясненія передъ Престоломъ ея подлежащихъ удовлетворенію нуждъ и насущныхъ потребностей. Въ особенности важно заблаговременное разъясненіе крестьянамъ необходимости самостоятельнаго избранія дѣйствительно „добрыхъ мужей совѣта", способныхъ безбоязненно постоять за наши святыни и правдиво повѣдать Царю о запросахъ деревни, а не смутьяновъ и горлановъ изъ „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ".

Пусть каждый постарается сговориться сначала со своими сосѣдями и близкими знакомыми, выясняя общими силами положеніе дѣлъ всѣмъ остальнымъ, а затѣмъ уполномоченные

отъ болѣе или менѣе значительнаго количества мѣстныхъ людей должны съѣхаться для выработки общаго плана повсемѣстной дѣятельности, необходимой для правильнаго осуществленія задуманныхъ Царемъ широкихъ преобразованій.

Это воззваніе наше просимъ распространять между единомышленниками, дабы поскорѣе сплотить ихъ въ могучую и непреодолимую общественную силу направленную на безкорыстное служеніе благу и величію Россіи [1]).

Кн. *А. и О. Вадбольскіе*, дворянинъ *А. Вязигинъ*, граф. *Ц. Гендрикова*, свящ. *И. Даневскій*, двор. *В. и Е. Задонскіе*, двор. *Е. Куколь-Яснопольская*, крест. *С. Лелюкъ*, свящ. *П. Лукашевъ*, двор. *В. Ляшенко*, крест. *И. Майстренко*, двор. *Н. Ребиндеръ*, крест. *И. Писаревъ*, кн. *М. Шаховской* и свящ. *Л. Червонецкій*.

Великій Бурлукъ, 24 іюня.

---

[1]) Позволяемъ себѣ указать на важнѣйшіе изъ существующихъ уже „союзовъ", преслѣдующихъ приблизительно одну и ту же цѣль—обновленіе Россіи въ духѣ ея самобытныхъ началъ: *Петербургъ*. 1) „Русское Собраніе". Троицкая, 13. Совѣту. 2) Отечественный Союзъ. Галерная, 58. Графу Бобринскому, „Союзу". *Москва*. 3) „Союзъ Русскихъ людей". Поварская, домъ Коннозаводства, гр. П. С. Шереметеву. 4) Страстной бульваръ. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей", Монархической партіи. 5) *Варшава*. Русскій Кружокъ. А. А. Боголюбову. 6) *Одесса*. „Отдѣлъ Русскаго Собранія". Юнкерское училище. 7) *Харьковъ*. „Отдѣлъ Русскаго Собранія". Редакція журнала „Мирный Трудъ".

Завѣтъ старины.

Въ тревожный часъ державнаго раздумья,
Когда томился, сомнѣваясь, царь,
Что предпринять? какое дать рѣшенье?
Онъ вспоминалъ, какъ дѣлывалось встарь.
Онъ обращался къ голосу народа,
Изъ устъ его желалъ услышать вѣсть,
Чтобъ прикоснувшись къ мудрости исконной,
Для царства силы новыя обрѣсть.
Онъ зналъ, что въ ней онъ встрѣтитъ неизмѣнно
Правдивый, честный и благой совѣтъ;
Не царедворцевъ льстивыхъ указанья,
И не приказныхъ путанный отвѣтъ.
Онъ кликалъ кличъ—и къ царственному трону,
Завѣтныя преданья не забывъ,
Стекалися избранники народа,
На всенародный царственный призывъ.
Они текли помочь, цареву думу
Раздумать вѣстѣ въ мирѣ и любви,
Блюдя и честь державы, и охрану
Родной, священной матери-земли.
Повѣдаютъ—и мирно возвратятся,
Исполнивъ честно свой священный долгъ,
Зане у нихъ, глаголовъ устъ народныхъ,
Свободный голосъ правды не умолкъ.
А тамъ пускай разсудитъ царь, какъ знаетъ,
Пригодно-ль отвѣтствовалъ соборъ,
И, помолившись Господу, вершаетъ,
Принять ли нѣтъ народный приговоръ.
То старый путь, извѣданный царями;
Завѣтъ святой минувшаго временъ;
И въ дни грядущихъ свыше испытаній
Еще Россіи пригодится онъ.

А. А. Навроцкій.

Отвѣтъ Г. А. Шечкову.

«Ибо надлежитъ быть и разномыслiямъ между вами». I Кор. XI, 19.

Милостивый Государь!

Помѣстивъ Ваше письмо [1]) въ виду важности затронутыхъ въ немъ общественныхъ вопросовъ, я принялъ на себя обязательство дать свои разъясненія. Въ нихъ совершенно устраняется личное препирательство, такъ какъ всякому внимательному читателю статьи „Мертвое учрежденіе“ [2]) видно, что она представляетъ собой не „возраженія“, какъ ошибочно Вы думаете, а „простыя *замѣчанія*“ по поводу напечатаннаго въ той-же книжкѣ доклада Вашего, „Истинное значеніе земскихъ соборовъ“. Замѣчанія эти выражаютъ личный мой взглядъ на возстановленіе былыхъ земскихъ соборовъ. Подобно Вамъ и многимъ другимъ, я признаю, что, „земскій соборъ“ возможенъ только на почвѣ соборности, но въ отличіе отъ Васъ полагаю, что ея теперь нѣтъ въ нашей общественной и политической жизни, а потому „земскій соборъ“ прежняго типа невозможенъ. Вотъ моя основная мысль, проводимая въ статьѣ „Мертвое учежденіе“. Слѣдовательно, сторонникъ созыва теперь „земскаго собора“ долженъ привести доказательства, что соборность дѣйствительно существуетъ, напр. при полномъ упадкѣ прихода, несоблюденіи ряда каноническихъ предписаній соборной церкви, упраздненіи помѣстныхъ соборовъ, забвеніи даже самаго веденія общественныхъ дѣлъ соборне въ нашихъ самоуправленіяхъ и т. п. Если отлетѣла душа—остается трупъ, вотъ почему созывъ „земскаго собора“, при отсутствіи соборности, уподобленъ мною стремленію вырыть изъ гроба мертвеца. Отсюда ясно, что „Императорскій земскій соборъ“ не только

[1]) См. Мирный Трудъ № 5.
[2]) См. Мирный Трудъ № 2.

будетъ *по внѣшности* не походить на земскій соборъ царскаго періода, но будетъ противорѣчить ему *по духу*, ибо міровоззрѣніе участниковъ очевидно иное, а „это все очень касается принципіальной стороны дѣла“: поступки людей обусловливаются ихъ вѣрованіями, ихъ представленіями о должномъ, справедливомъ, желанномъ. Неужели можно полагать, что только по внѣшности отличается отъ прежнихъ теперешній (мнимо) „земскій соборъ“, гдѣ будутъ засѣдать „представители“, „чуждые намъ по вѣрѣ и крови“, вмѣстѣ съ „образованными русскими“, отпавшими отъ православія и желающими „конституціи“, а, можетъ быть, и республики? Само собою понятно, что такое идейное противорѣчіе съ настроеніемъ участниковъ былыхъ соборовъ должно отразиться на дѣятельности новаго учрежденія, которое подъ старой вывѣской будетъ работать въ совершенно иномъ духѣ, въ зависимости отъ „большинства“, а не отъ „единомыслія“. Развѣ не служитъ вѣщимъ предзнаменованіемъ настойчивая проповѣдь недопущенія крестьянъ въ новый соборъ: вѣдь ясно, что наши передовые космополиты и республиканцы боятся ихъ „отсталости“, не хотятъ, чтобъ они сами довели до Царя свои нужды и пожеланія, навязываютъ имъ „представителей“, оторвавшихся отъ родной почвы.

Наше время имѣетъ свои особенности, выдвигаетъ свои запросы, кои и должны быть усчитаны и удовлетворены—незаимствованными учрежденіями, все равно современными западноевропейскаго, или старыми русскаго образца, а *новыми*, ибо каждое учрежденіе имѣетъ свое назначеніе, вытекаетъ изъ извѣстныхъ условій и исторической обстановки. Поэтому необходимо *творчество*, необходимо созданіе своего, болѣе совершеннаго, чѣмъ сосѣдское, или свое собственное, но сдѣлавшееся нынѣ неподходящимъ; вѣдь на взрослаго человѣка все равно нельзя надѣть платья, которое онъ носилъ, будучи ребенкомъ или даже юношей, а, скажемъ, англійскій „смокингъ“ будетъ смѣшенъ на нашемъ крестьянинѣ, да и не подойдетъ къ нему по своей дороговизнѣ.

Нельзя также утверждать, что „эти новыя формы“, *сами собой* неминуемо выстроются по готовымъ образцамъ „парламентскаго типа“. Такого стихійнаго созданія учрежденій исторія не знаетъ, ибо они „*сами собой*“ нигдѣ не возникаютъ, но воплощаютъ извѣстные замыслы различныхъ государственныхъ людей, являются плодомъ дѣятельности цѣлыхъ поколѣній, вдохновляемыхъ поисками лучшаго. Только подъ условіемъ признанія Россіи „тысячелѣтней обезьяной“, только заранѣе рѣшивъ, что всякое творчество у насъ изсякло оконча-

тельно можно высказать подобное, не на чемъ, впрочемъ, не основанное положеніе. Конечно, если „земскій соборъ" будетъ составленъ по рецепту извѣстной партіи, рабски поклоняющейся Западу, то мы получимъ парламентъ, который полетитъ кувыркомъ предъ проявленіемъ подлинной народной воли, ибо народъ не удовлетворится ограниченіемъ власти Царя ради полученія тысячи маленькихъ „носителей его суверенной власти". На феодальномъ западѣ политическое представительство понятно, а у насъ могутъ быть только отвѣтственные выборные, лучшіе люди, на коихъ, по призыву Царя, возлагается великое бремя—устроительства правды и наряда. Весьма любопытно, какія суверенныя права будутъ представлять у насъ напр, гг. еврейскіе депутаты, очень желающіе „володѣть и править" нами русскими? Пусть построютъ *свой домъ* и живутъ въ немъ по своему обычаю, но въ нашемъ домѣ распорядокъ будетъ зависѣть отъ насъ, русскихъ, если только мы дѣйствительно не оказываемся народомъ, годнымъ лишь для одного удобренія, если жалкое подражаніе не нашъ горькій удѣлъ.

Но мощь русскаго народа проявилась въ нашей литературѣ, музыкѣ, искусствѣ, наукѣ и будущее за нами, разъ правильно будетъ рѣшенъ злополучный вопросъ, являющійся вторымъ поводомъ къ разногласію между нами,—вопросъ національный.

Не могу я согласиться съ Вашимъ мнѣніемъ, будто „Россія для русскихъ" противорѣчитъ девизу „Православіе, Самодержавіе и Народность", „обезпечивая развитіе только одного національнаго начала въ ущербъ прочимъ двумъ". Прежде всего „Россія для русскихъ" вовсе не является, какъ я имѣлъ честь вамъ замѣтить[1]) при обсужденіи доклада „Наше знамя", „формулой безпринципнаго націонализма". Подобное пониманіе рѣшительно никѣмъ изъ сознательныхъ націоналистовъ не раздѣляется: дѣло въ томъ, что идеалы Православія и Самодержавія нуждается для своего проведенія въ жизнь въ реальномъ началѣ—народности. Русскіе, по своему складу, чуждому мелкой исключительности, наиболѣе воспріимчивы къ широкимъ идеаламъ истинной Христіанской Вѣры и великимъ задачамъ Самодержавія, поэтому формула „Россія для русскихъ" обозначаетъ собой, что Россія должна служить осуществленію этихъ, сродныхъ исконнымъ особенностямъ русскаго племени, началъ, а не какихъ либо чуждыхъ. „Россія для русскихъ" требуетъ, чтобъ русскій человѣкъ получилъ просторъ жить по своимъ

[1]) См. „Мирный Трудъ" № 8. Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Отдѣла.

завѣтнымъ представленіямъ, а не по навязываемымъ зарубежнымъ образцамъ, а это мыслимо только тогда, когда русскіе снова сдѣлаются дѣйствительными хозяевами своего дома—Россіи, когда забравшіе себѣ все лучшее инородцы будутъ поставлены на свое мѣсто, когда отъ ихъ упорныхъ и наглыхъ посягательствъ будутъ на вѣки защищены наши дорогія святыни—Православная, Соборная и Апостольская Вѣра и „истинное Самодержавіе". Отстаивая эти творческія начала, мы работаемъ не только для своего народа, но и для всего человѣчества, ибо настанетъ время, когда подлинная природа ихъ будетъ понята не только нами, порой недостойными ихъ носителями, но и всѣмъ міромъ. Великая терпимость, уживчивость, незлобливость русскаго человѣка представляются качествами, кои недопустятъ восторжествовать у насъ узкому, исключительному національному. Будущее сулитъ не истребленіе національности во имя космополитизма, а ожесточенную борьбу за существованіе между различными великими народностями. Русскіе же по особенностямъ своего народнаго характера оказываются примирителями двухъ крайностей: безпочвеннаго космополитизма и замкнутаго въ самодовольствѣ національнаго. Братство народовъ, сохраняющихъ свое „я" во имя служенія высшей истинѣ, является завѣтомъ правильно понимаемаго сознательнаго національнаго. Если въ предѣлахъ Россіи оно будетъ осуществлено раньше, чѣмъ гдѣ-либо, то это будетъ воплощеніемъ понятія „великая *семья* русскаго народа", въ составъ коей, какъ члены, войдутъ и наши инородцы и иновѣрцы, подъ условіемъ признанія ими нашихъ святынь и сохраненія за собой ихъ внутренней свободы, по скольку она не противорѣчитъ благу цѣлаго.

Этотъ идеалъ справедливѣе и осуществимѣе, чѣмъ пагубное стремленіе къ отвлеченному общечеловѣчеству, вытравливающее драгоцѣнныя національныя особенности, являющіяся самостоятельными путями въ Царство Истины и Добра.

Стало быть, на мой взглядъ, положительно нѣтъ никакихъ основаній для возведенія на Русское Собраніе тяжкаго обвиненія въ измѣнѣ своему идейному знамени: надо только правильно понимать и содѣйствовать распространенію правильнаго пониманія формулы „Россія для русскихъ". Примиреніе народности съ общечеловѣчествомъ, синтезъ космополитизма и національныхъ началъ—великая задача грядущаго, въ разрѣшеніи коей русскимъ „народу богоносцу", по чаянію Достоевскаго, будетъ принадлежать главная роль, ибо способность къ пониманію другихъ, перевоплощеніе въ дру-

гихъ—наша національная черта, заслуживающая справедливой оцѣнки.

Непонятно, наконецъ, какъ отрицая формулу „Россія для русскихъ“ можно утверждать, что „только ограждение себя отъ космополитизма можетъ спасти насъ отъ обезличенія“. Неужели это ограждение будетъ достигнуто исповѣданіемъ девиза: Россія для инородцевъ“, неужели эти инородцы воплотятъ чуждые и непонятные имъ идеалы Православія и Самодержавія?

Намъ дорога русская Россія, какъ самое совершенное орудіе для отстаиванія нашихъ святынь, для сохраненія на благо всего человѣчества великихъ нашихъ идеаловъ, какъ единственная возможность подготовить въ дали вѣковъ ихъ полное торжество. Вотъ почему Русское Собраніе и призываетъ своихъ соотечественниковъ къ всестороннему развитію хорошихъ національныхъ задатковъ, къ борьбѣ съ національными нашими недостатками,—безпечностью, лѣнью, уклончивостью отъ выполненія своихъ гражданскихъ обязанностей; вѣдь благодаря именно нашему ничегонедѣланію да политиканству и пошло у насъ все вкось да вкривь на радость иноплеменниковъ и ихъ прислужниковъ. Исповѣдуемый нами принципъ не сѣетъ вражду, но служитъ простой справедливости; ибо ключи отъ русскаго дома должны быть въ русскихъ рукахъ, русское юношество должно получать національное воспитаніе, русскій человѣкъ—освободиться отъ гнета иностранщины, а все это дастъ только „Россія для Русскихъ“. Въ заключеніе позволяю себѣ выразить надежду, что наше разномыслie послужитъ разъясненію истины, и прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

А. Вязигинъ.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ [1].

Тяжкая неудача постигшая, нашъ флотъ у береговъ Японіи, въ значительной степени разъясняется послѣдующими событіями. Уже въ донесеніи адмирала Рожественскаго обращали вниманіе приводимыя имъ свѣдѣнія о количествѣ непріятельскихъ судовъ, принявшихъ участіе въ битвѣ: онъ сообщаетъ, что вступилъ въ бой „съ главными силами японскими въ числѣ *12 судовъ* и съ крейсерами японскими въ числѣ не менѣе 12". Между тѣмъ намъ хорошо извѣстно, что главныя силы японцевъ состояли всего изъ *четырехъ* броненосцевъ: Миказа, Асахи, Сикисима и Фуджи, если даже прибавить отнятый у китайцевъ Чепъ-Іенгъ, даже броненосные крейсера Ниссинъ и Касугу и др., то все таки окажется, что нѣкоторое количество судовъ первостепеннаго боевого значенія усилило эскадру Того передъ Цусимскимъ боемъ. Откуда же прибыло это подкрѣпленіе? Отвѣтъ даютъ показанія участниковъ боя, прорвавшихся во Владивостокъ, единогласно утверждающія, что въ сраженіи принимали участіе огромныя *четырехтрубныя суда*, которыхъ раньше у японцевъ *не было*. Этихъ морскихъ гигантовъ иностранные корреспонденты приняли за владивостокскіе крейсера, которые, какъ извѣстно, не покидали своей стоянки. Слѣдовательно, установлено, что четырехтрубныя суда были не русскими и сражались *противъ насъ*. Наши моряки во Владивостокѣ увѣрены, что это были англійскіе корабли, стоявшіе въ Вей-хай-вэ и незадолго до битвы двинувшіеся на сѣверъ, причемъ англійскій крейсеръ несъ сторожевую службу и, завидя эскадру Рожественскаго, умчался съ вѣстью о ея приближеніи къ японскому флоту,

Итакъ, Англія, все время помогающая Японіи, осталась вѣрна себѣ и усилила своего союзника новыми судами весьма значительной боеспособности и послѣдней постройки, типъ

[1]) См. Мирный Трудъ 1904 г. № 2—10, 1905 г. № 1—5.

которыхъ исключаетъ возможность пріобрѣтенія ихъ въ какомъ либо иномъ мѣстѣ

Но нашимъ морякамъ пришлось бороться въ злополучные цусимскіе дни не съ однимъ только вражескимъ вѣроломствомъ и неблагопріятными стихійными условіями: недобросовѣстность и халатность постройки судовъ русскими заводами поставила нашу эскадру въ безнадежное положеніе: при уходѣ въ далекое плаваніе адмиралъ Рожественскій получилъ предупрежденіе, что въ виду перегрузки броненосцевъ во время сильнаго волненія надо снимать даже реи (поперечные брусья на мачтахъ), чтобъ сдѣлать суда болѣе устойчивыми. Мыслимо ли было сражаться съ такихъ утлыхъ посудинъ, по явному недоразумѣнію величаемыхъ „броненосцами"? Вѣдь неизбѣжныя пробоины должны были быстро нарушить равновѣсіе, которому грозилъ даже простой брусокъ реи! Вступить въ бой пришлось, однако, какъ разъ при большой волнѣ и одинъ за другимъ уходятъ на дно суда домашней постройки, тогда какъ израненый „Цесаревичъ", выстреленный французами, доплелся, полузалитой волнами, до Ци-ван-дао. Кромѣ того, недочеты отечественнаго кораблестроенія довели до того, что нижніе ряды мелкихъ орудій не могли стрѣлять по непріятельскимъ миноносцамъ, такъ какъ отверстія для дулъ пушекъ находились *ниже* уровня воды (по чертежамъ, конечно, они были выше). Иностранная печать говоритъ о недочетахъ въ машинахъ, о вопіющихъ упущеніяхъ во всевозможныхъ отношеніяхъ, что дѣлаетъ положительно изумительнымъ переходъ, совершенный „новыми развалинами" отъ Либавы до Цусимы, такъ какъ при бурной погодѣ броненосцы должны были принимать рядъ предосторожностей, „чтобъ не перевернуться".

Наконецъ, адмиралъ Небогатовъ дѣлаетъ ошеломляющее признаніе, что „его суда не имѣли никакого боевого значенія". Зачѣмъ же онъ принялъ надъ ними начальство и повелъ ихъ не на увеселительную прогулку, а на бой со врагомъ? Впрочемъ, благоразуміе посовѣтовало этому нынѣ столь откровенному флотоводцу предпочесть прелести японскихъ приморскихъ городковъ мужественному исполненію долга. Но обстоятельства этой позорной сдачи, равно какъ и удалого бѣгства „человѣколюбиваго" николаевскаго градоначальника и финляндскаго уроженца г. Энквиста—все еще остаются не вполнѣ ясными. Правда, на многое открыли глаза послѣднія событія въ Либавѣ, гдѣ матросы открыто взбунтовались и были усмирены только сухопутными войсками, въ Одессѣ, гдѣ броненосецъ „Потемкинъ Таврическій" поднялъ красный флагъ, истребивъ

офицеровъ и заразивъ духомъ бунта „Георгія Побѣдоносца", „Прутъ" и другія суда, въ Манилѣ, гдѣ американскій броненосецъ вынужденъ стать рядомъ съ нашими быстрыми бѣглецами „въ виду волненій матросовъ на русскихъ крейсерахъ". Ясно, что во всѣхъ этихъ печальныхъ явленіяхъ сказались тѣ же причины, какія вызвали омерзительную сдачу четырехъ русскихъ броненосцевъ: не даромъ „Потемкинъ Таврическій", попавшій въ руки агитаторовъ, не замедлилъ предъявить требованіе—*мира съ Японіей*. Конечно, если бы такъ настроенная команда появилась у японскихъ береговъ, то снова бы русскія ядра безвредно пролетали надъ непріятельскими судами, безсильно шлепались передъ ними, а въ концѣ концовъ японскій флотъ обогатился бы еще однимъ судномъ „новѣйшей конструкціи".

Къ счастью, далеко не всѣ моряки наши забыли честь, совѣсть и святость присяги на службу Царю и Родинѣ: безстрашной гибелью они засвидѣтельствовали свою вѣрность служебному долгу и причинили своимъ мужественнымъ сопротивленіемъ крупныя потери врагу: по послѣднимъ свѣдѣніямъ броненосецъ „Асахи" потонулъ со всѣмъ экипажемъ; та же участь постигла Идзуми и Ивате, 5 истребителей и 8 миноносокъ. Значительныя поврежденія понесли Миказа, Фуджи, Сикисима, Идзутсима, Ниссинъ, Касуга, Читозе, Акаши, Сума, Касаги, 6 истребителей и 8 миноносокъ. Въ общемъ, у японцевъ было выведено изъ строя 40 судовъ (16 потоплено и 24 сильно повреждены), да и всѣ уцѣлѣвшія получили болѣе или менѣе значительный ущербъ. Всѣ подводныя лодки числомъ 13, полагаютъ, погибли.

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что побѣда японцевъ вовсе не является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ чрезмѣрной геніальности, а прежде всего подготовленнымъ нами самими событіемъ: это наши строители заранѣе обрекли на потопленіе самыя сильныя суда, это наши космополиты и международные лакеи занесли въ сердца простыхъ русскихъ людей черныя сѣмена измѣны и предательства, это наши „двадцатники" не озаботились воспитать въ войскахъ и въ народѣ здоровое, національное самосознаніе, развить въ нихъ могучее чувство безпредѣльной преданности Отечеству, дѣлающее рядового солдата сознательнымъ борцомъ за его честь и славу, за благополучіе послѣдующихъ поколѣній. Безпризорные, обреченные пьянству и разврату, видящіе хищенія и безнаказанность вопіющихъ нарушеній дисциплины—моряки, какъ стадо безъ пастырей, легко пошли по сладкому призыву крамольниковъ,

завлекавшихъ ихъ на бунтъ и измѣну несбыточными мечтаніями и призрачными обѣщаніями всеобщаго блаженства, въ которое, однако, вѣритъ у насъ и множество такъ называемыхъ „образованныхъ людей".

Эта оторванность отъ родной почвы, это рабство мысли и преклоненіе передъ началами, совершенно чуждыми русской жизни, не только производятъ свое пагубное воздѣйствіе, лишая нашихъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ необходимой для побѣды увѣренности и духовной стойкости, но и создаютъ внутри страны своеобразный театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ союзники японцевъ открыто сражаются съ нашими войсками и тѣмъ затрудняютъ отправку потребныхъ подкрѣпленій и боевыхъ припасовъ. Зато тюками везутъ разныя преступныя воззванія, переполненныя ложью, запугиваніями и требованіями сдачи японцамъ. Конечно, этого рода произведенія не придадутъ бодрости русскому воину, наполняя его сердце мучительной тревогой за оставшихся дома. Немудрено, что изъ груди А. Н. Куропаткина, мученика этой небывалой войны, вырываются такія горькія слова: „если москвичи не чувствуютъ себя въ силахъ послать къ намъ на помощь для скорѣйшаго одолѣнія врага лучшихъ своихъ сыновъ, то пусть они, по крайней мѣрѣ, *не мѣшаютъ намъ* исполнить свой долгъ на поляхъ Манджуріи *до побѣднаго конца*. Не одна Первопрестольная, но и вся городская, промышленная, отчасти и деревенская Русь должна, поникнувъ головой, сознаться, что замарала себя тяжкимъ грѣхомъ братоубійства, вонзая въ спины нашихъ воиновъ удары внутреннихъ смутъ, позорныхъ забастовокъ, гнусныхъ насилій, поджоговъ и отвратительныхъ убійствъ. Газеты пестрятъ ежедневно свѣдѣніями о новыхъ волненіяхъ, неурядицахъ, перерывѣ необходимыхъ для нашей побѣды работъ. Чья то опытная рука зажигаетъ въ наболѣе опасныхъ мѣстахъ пламя пожаровъ, кто то объединяетъ общими до смѣшного несамостоятельными требованіями „представителей научнаго знанія", педагоговъ, студентовъ, курсистокъ, семинаристовъ и всевозможныхъ „учащихся", земскихъ и городскихъ дѣятелей, предводителей дворянства и простыхъ рабочихъ, прикащиковъ, ремесленниковъ, извощиковъ и женщинъ легкаго поведенія. Все это кружится въ общемъ безстыдно-нагломъ канканѣ, все эти вопитъ одно и то же, не давая себѣ отчета, не вникая даже въ свои громкія заявленія. Вдумываться въ нихъ не полагается, возражать и обсуждать изготовленное закулисными руководителями постановленіе воспрещается во имя высшей

свободы: „у насъ слишкомъ мало времени, нужно сегодня же рѣшить и принять предложенную резолюцію и, что самое главное по теперешнимъ временамъ—это единеніе, такъ сказать, отсутствіе раскола". Противорѣчій не замѣчаютъ, вопіющія нелѣпости, подлоги, искаженія исторической истины принимаются на вѣру глубоко невѣжественной толпой. Да и откуда у нея могутъ появиться „государственныя познанія" или даже простое знакомство съ общественными науками? Не изъ школъ, гдѣ процвѣтаетъ ничегонедѣланіе, да отупляющее зубреніе грамматики, не изъ чтенія разныхъ радикальныхъ газетъ, словно попугаи твердящихъ одно и то же безъ всякихъ доказательствъ, не изъ популярныхъ книжонокъ, написанныхъ ради барышей людьми безъ всякихъ свѣдѣній, желающими внѣдрить партійные взгляды, а не воспроизвести истину. Кто изъ современныхъ политикановъ прочиталъ отъ доски до доски того же Чичерина или Градовскаго, на которыхъ любятъ ссылаться наши лордъ мэры за обѣдами и завтраками? Кто изучилъ „конституціи" западно-европейскихъ странъ и шагъ за шагомъ прослѣдилъ ихъ зарожденіе и развитіе, чтобъ понять и уяснить переживаемое нами время? Всюду видно полное отсутствіе необходимыхъ знаній и слѣпая вѣра во всемогущество слова: вѣдь отыскалъ же современный и неудачный преемникъ гр. Брюса необходимыхъ для Россіи государственныхъ людей—доморощенныхъ „Бисмарковъ, Тьеровъ, Гамбеттъ и Фавровъ" на основаніи произносимыхъ ими жгучихъ или искреннихъ *рѣчей!* Но одинъ только Богъ изъ ничего сотворилъ вселенную своимъ словомъ, а говоруны только соблазняютъ простоватыхъ людей работой своего языка, мѣтко названнаго тысячелѣтіе назадъ—„бичемъ воздуха".

Упразднившіе всякую вѣру наивно вѣрятъ не только въ силу слова, но и въ спасительность учрежденія. Какъ часто теперь насмѣхаются надъ алхимиками, искавшими философскій камень, превращавшій, якобы, всѣ вещества въ чистое золото, но вѣдь современные политики столь-же наивно вѣрятъ, что уже найдено учрежденіе, превращающее всякое государство въ земной рай, негодяевъ—въ истинныхъ общественныхъ дѣятелей, невѣждъ—въ мудрыхъ государственныхъ мужей, глупцовъ—въ вершителей народныхъ судебъ. Только люди утратившіе способность видѣть своими собственными глазами, способны повѣрить въ такое всемогущество конституціи, когда передъ нашими же очами стоятъ западно-европейскія страны, когда напр. возмутительныя злоупотребленія по поставкѣ припасовъ во время войны съ бурами раскрываются нынѣ въ Англіи,

недосягаемомъ образцѣ всѣхъ конституціонныхъ странъ. Во истину, имѣютъ очи—не видятъ, имѣютъ уши—не слышатъ! И такіе лишенные самыхъ зачаточныхъ свѣдѣній въ трудной наукѣ государствовѣдѣнія—руководители выступаютъ всюду, и ихъ успѣхъ объясняется ихъ наглостью, ихъ сплоченностью и нашей разрозненностью, нашей дряблой уступчивостью и скрываемымъ сознаніемъ въ собственномъ глубочайшемъ невѣжествѣ: большинство, ничего не зная, старается имѣть видъ всезнающаго и рукоплещетъ всему, боясь проявить свое блаженное невѣдѣніе буквально во всемъ. Въ такомъ обществѣ—„кто палку взялъ—тотъ и капралъ“. Взяли же эту палку наши инородцы и еще недавно нѣкій князь-философъ, жалуясь на здравомыслящихъ людей, распинался за тѣхъ, кто „чуждъ намъ по вѣрѣ и крови“,—„чтобъ они могли чувствовать себя гражданами русскими и не исключались изъ представительства народнаго“. Конечно, съ высоты философскаго обобщенія незамѣтны національныя отличія и скрываются во мглѣ вѣковъ историческія данныя, но припомнимъ смуты въ Египтѣ, закончившіяся удаленіемъ изъ этой страны „избраннаго народа“,—мятежи и возстанія противъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей, недовольство наглыми пришельцами въ Персіи, кровавыя избіенія римлянъ и жестокую ненависть къ христіанамъ, длинную цѣпь изворотливыхъ хищеній и угнетеній цѣлыхъ народовъ на экономической почвѣ, развращеніе сильныхъ, порабощеніе слабыхъ и мы получимъ право съ увѣренностью сказать, что народецъ, нынѣ лишенный праведнымъ гнѣвомъ Божіимъ собственнаго государства, всегда былъ и остается нынѣ врагомъ всякаго государственнаго порядка, а потому онъ способенъ внести только разлагающее начало въ великое дѣло строенія земли русской по завѣтамъ родной старины. Для пришельцевъ и поклонниковъ Золотого Тельца они не святы, они чужды торгашескому сердцу, преисполненному, еще по наблюденію древнихъ, „ненавистью ко всему человѣческому роду“. Эти исконные бунтовщики противъ даннаго Богомъ закона обреченны Всемогущимъ „быть ужасомъ, притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ“ [1]). Эта страшная угроза исполнилась предъ глазами всего міра, ибо „избранный народъ“ дѣйствительно былъ „отданъ на посмѣяніе народамъ, на поруганіе всѣмъ землямъ“. Но въ ожесточеніи своемъ, въ погонѣ за земнымъ могуществомъ онъ презрѣлъ воплощенную Истину и рас-

[1]) См. Второзаконіе XXVIII, 37; III Царствъ IX, 7 II Парал. VII, 20, Іер. XXIV, 9. Іезек. XX, 4.

нялъ Искупителя міра, вопя „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ". Пусть это для „передового безбожника" будетъ безразлично, но вѣрующій человѣкъ съ благоговѣніемъ усмотритъ перстъ Божій въ судьбахъ Еврейскаго народа, во всѣхъ этихъ точно сбывшихся грозныхъ предсказаніяхъ и пророчествахъ. Развѣ можно отдавать отверженнымъ Богомъ устроеніе земного града Божьяго, развѣ вѣковые разрушители могутъ создать прочный государственный строй, развѣ міровые развратители могутъ нравственно обновить и очистить зараженную всякими скверна Россію? Не къ спасенію ея, а къ гибели въ пламени усобицъ и кровавыхъ мятежей явственно и открыто стремятся единственные „всесвѣтные граждане", тысячелѣтія назадъ лишенные отечества. Достаточно заглянуть, чтобъ убѣдиться въ этомъ, въ лѣтопись событій, происшедшихъ уже послѣ рѣчи сіятельнаго заступника евреевъ, послѣ возвѣщенія, что комитетъ министровъ не устраняетъ ихъ отъ представительства. То въ томъ, то въ другомъ городѣ евреи производятъ уличные безпорядки, бросаютъ бомбы, убиваютъ полицейскихъ, носятъ красные флаги, съ революціонными надписями на еврейскомъ языкѣ, во всеуслышаніе говорятъ дерзкія рѣчи, оглашаютъ воздухъ революціонными криками и мятежными возгласами, образуютъ вооруженные кружки „самообороны", нападаютъ на патрули, стрѣляютъ изъ оконъ, изъ-за заборовъ, съ крышъ, избиваютъ тѣхъ, кто оказываетъ противодѣйствіе преступнымъ забастовкамъ, устраиваютъ тайныя сообщества („бунды") и типографіи, раздаютъ прокламаціи, назойливо предъявляютъ нелѣпыя требованія, разсѣеваютъ тревожные слухи, плетутъ всякія небылицы, злонамѣренно обманываютъ общество лживыми извѣстіями въ захваченной и опошленной ими печати, отправляютъ лживыя телеграммы, мѣшаютъ правильному ходу занятій въ городскихъ учрежденіяхъ, куда открытъ доступъ ихъ гласнымъ, наконецъ открыто становятся во главѣ вооруженнаго возстанія, повлекшаго за собой многомилліонные убытки, обрекшаго на безработицу тысячи трудящихся и нанесшаго непоправимый ударъ русской торговлѣ.—Наша святыня—православіе, а евреи всячески изрыгаютъ хулу на него и еврейскій мальчишка бросаетъ въ отхожее мѣсто православныя иконы. Наша святыня самодержавіе—евреи учатся стрѣлять, избравъ себѣ мишенью царскій портретъ и всюду разсѣевая козни противъ Царя, который одинъ только еще защищаетъ народъ свой отъ экономическаго порабощенія Израилемъ. Наша святыня—народность—евреи всѣмъ навязываютъ космополитически-соціалистическіе идеалы, поносятъ идею Оте-

чества и клеймятъ національность, какъ человѣконенавистничество, и въ тоже время мечтаютъ о возстановленіи Сіона и міровомъ господствѣ еврейства. Духъ крайней нетерпимости, изувѣрства, стѣсненія свободы вносится ими въ арійскую среду и подъ покровомъ проповѣди свободы водворяется подавленіе личныхъ и народныхъ убѣжденій, подъ личиной братства и равенства подготовляется закабаленіе всѣхъ труждающихся и обремененныхъ жрецамъ золотого тельца, которые ставятъ презрѣннаго гоя-христіанина—ниже животнаго [1]).

Еврейскій Талмудъ—неизсякаемый источникъ высокомѣрной и человѣконенавистнической исключительности, является разсадникомъ идеаловъ для цѣлаго народа, а потому о равноправіи его, пришельца и чужеядца, не можетъ быть и рѣчи: Россія сперва должна отказаться отъ задачъ христіанскаго государства, чтобъ признать направителями своей судьбы тѣхъ, кто тысячелѣтія ожесточенно гонитъ Христа. Магометанинъ признаетъ Его величайшимъ пророкомъ. язычникъ способенъ проникнуться преклоненіемъ передъ Его искупительнымъ подвигомъ, но еврей, отринувшій Его, всегда будетъ враждовать съ

[1]) Вотъ цѣнное свидѣтельство ген. Драгомірова, человѣка наблюдательнаго и талантливаго, хорошо знакомаго съ еврействомъ, по должности кіевскаго генералъ-губернатора: „Я первый высоко ставлю, говоритъ онъ евреямъ, волю вашу и умъ; но этики вашей поставить не могу даже и невысоко: она, скажу прямо, человѣконенавистническая. И не за преслѣдованіе васъ вы ненавидите другіе народы, какъ въ томъ стараетесь лживо всѣхъ убѣдить, а наоборотъ, васъ преслѣдуютъ за ненавистничество къ другимъ, которое есть, по вашему закону не только не грѣхъ, а заслуга передъ Іеговой. Однимъ словомъ, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, вы подтасовываете, выставляя причину за слѣдствіе и наоборотъ. И разъяснять это необходимо не для того, чтобы возбуждать къ вамъ ненависть, которой, по вашей же милости, накипѣло и такъ довольно, но просто изъ принципа самозащиты. Ужъ если судьба свела насъ съ вами, то безъ взаимныхъ стѣсненій обойтись нельзя, но быть на сторожѣ всегда необходимо". Поборникамъ еврейской равноправности полезно вдуматься въ такія слова извѣстнаго философа Шопенгауэра: „Евреи живутъ паразитами въ другихъ народахъ, но тѣмъ не менѣе они воодушевлены живѣйшимъ патріотизмомъ въ интересахъ своей націи, что они доказываютъ своей сильнѣйшей солидарностью. Отечество евреевъ—всѣ остальные евреи. Изъ этого слѣдуетъ, что въ высшей степени нелѣпо дать имъ участіе въ правительствѣ или управленіи государствомъ. Эманципація не должна идти такъ далеко, чтобы евреи получили право на управленіе христіанскимъ государствомъ. Тогда они еще больше останутся con amore Juden. На нихъ всегда надо смотрѣть, какъ на проживающихъ въ данномъ мѣстѣ иностранцевъ".

Его исповѣдниками по непримиримому противорѣчію идеаловъ. Только искренне увѣровавшій въ Евангельскую истину еврей перестаетъ быть врагомъ Искупителя и входитъ какъ полноправный членъ въ семью христіанскихъ народовъ.

Развитіе антисемитизма во всѣхъ странахъ міра, еврейскіе погромы за предѣлами Россіи показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ причиной, повсемѣстно проявляющей свое дѣйствіе. Но одновременно замѣчается страшное усиленіе міровой мощи еврейства: оно-то и устроило тайную коалицію противъ Россіи, оно сдѣлало Англію, Америку и Китай негласными союзниками Японіи, оно снабдило золотомъ ея скудную казну, оно въ печати повело войну противъ русскаго кредита, оно безпорядками, забастовками и убійствами нарушило внутренній миръ въ нашей странѣ, оно теперь торжествуетъ и предвкушаетъ сладость позорнаго мира, который низведетъ ненавистную, вѣрную Христу Россію на ступень еврейской данницы и вѣчной рабы международнаго капитала...

Будущее покажетъ, оправдаются ли эти ликованія, но общій голосъ знатоковъ военнаго дѣла не признаетъ наше положеніе въ Манджуріи безнадежнымъ; письма солдатъ свидѣтельствуютъ, что армія съ негодованіемъ гонитъ прочь мысль о позорномъ мирѣ; позиціи наши сильны, промахи во многомъ исправлены; предпріимчивость возросла; появился боевой навыкъ; послѣднія схватки, хотя и незначительныя, наприм. у Сайвацзы (18 іюня), оканчивались полнымъ разгромомъ и поспѣшнымъ отступленіемъ разстроеннаго непріятеля. Всѣ вѣсти изъ Японіи говорятъ объ утомленіи страны, истощеніи боевыхъ силъ, привлеченіи къ службѣ мало пригодныхъ, признанныхъ прежде неспособными, стариковъ и подростковъ. Между тѣмъ, свидѣтельствуетъ А. Н. Куропаткинъ, наша армія никогда еще не была такъ сильна и готова къ самому упорному бою, какъ теперь. Побѣда много ближе къ намъ, чѣмъ это кажется издали; войска относятся съ полнымъ довѣріемъ къ новому своему главнокомандующему; войска прочно обезпечены всѣмъ необходимымъ и ихъ санитарное состояніе отлично". Въ народѣ также крѣпнетъ здоровое сознаніе необходимости почетнаго мира и столбцы газетъ пестрятъ письмами крестьянъ, изъявляющими готовность на всякія жертвы ради побѣды. Не страшатъ русскихъ людей ни внутреннія смуты, ни угрозы вмѣшательства иностранцевъ, ни происки враговъ православной и самодержавной Россіи. Все кончится хорошо, если Царь обопрется о преданный Ему народъ, если народъ найдетъ въ Царѣ Желаннаго Вождя, оберегателя правды и неустаннаго

стоятеля за землю русскую. Это единеніе встарь приносило лишь добрые плоды, спасетъ оно и нынѣ измученную Россію, разъ установится на незыблемыхъ коренныхъ русскихъ началахъ. Измѣна же вѣковымъ устоямъ родной старины немедленно будетъ наказана крушеніемъ русской державы. Вотъ почему доблестное курское дворянство выражаетъ настроеніе всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей. обращаясь къ Государю съ такой сердечной мольбой: „Умоляемъ Тебя, Государь, продолжать войну всѣми далеко неистощенными еще силами Россіи до заключенія почетнаго и достойнаго мира“...

26 іюня. *Н. Черниковъ.*

Книги, поступившія въ редакцію журнала „Мирный Трудъ“ по 20 Іюня 1905 года.

Будиловичъ А. С. проф. „Наука и политика“. П—гъ. 1905 г.

„Высшее церковное управленіе въ Россіи“. Москва. 1905.

Коссинскій Ф. М. баронъ. „Состояніе русскаго флота въ 1904 г.“ Петербургъ. 1904.

Соловьевъ І. протоіерей. „Царское самодержавіе по ученію святой Библіи и родной исторіи“. Москва. 1905 г. *второе дополненное изданіе.*

Соловьевъ І. протоіерей. „На рѣкахъ вавилонскихъ“ (объясненіе 136 псалма въ приложеніи къ вопросу о духовномъ обновленіи нашихъ дней). Москва. 1905.

Шейнъ-Фогель А. „Къ реформѣ орѳографіи. Тифлисъ 1904.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ. Изданіе Русскаго Собранія. С.-Петербургъ. 1905.

Эта небольшая (48 стр.), но чрезвычайно интересная и содержательная книжка представляетъ собой докладъ, съ большимъ успѣхомъ прочитанный П. Ѳ. Булацелемъ въ Русскомъ Собраніи на засѣданіи Отдѣла объ окраинахъ, равно какъ на засѣданіяхъ Харьковскаго и Одесскаго Отдѣловъ. Необходимо привѣтствовать выходъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ этого правдиваго вопля русской души, глубоко потрясенной событіями, происходящими на нашихъ окраинахъ. Ни одинъ русскій не дышетъ противъ нихъ злобой и ненавистью, какъ увѣряютъ забывшіе совѣсть передовые прислужники международныхъ капиталистовъ Докладъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что разногласіе, раздѣляющее русское общество по отношенію къ Финляндіи, основывается лишь на различной оцѣнкѣ финляндскаго политическаго строя: одни желаютъ, чтобъ и у насъ было подобіе представительнаго правленія, и дорожатъ „финляндской конституціей", какъ образцомъ грядущаго федеративнаго устройства Россіи, другіе, не возставая противъ національной жизни и внутренняго самоуправленія Великаго Княжества желаютъ тѣснѣе связать его съ Имперіей; одни готовы всячески льстить и заискивать передъ обладающими, а потому де и болѣе культурными, финнами, а другіе стремятся безъ пелѣныхъ поблажекъ, недостойныхъ потачекъ и уступокъ выяснить взаимные интересы и сдѣлать Финляндію органическою частью единаго Россійскаго государства, такъ какъ она пріобрѣтена послѣ упорной столѣтней борьбы, цѣною 150,000 доблестныхъ русскихъ воиновъ и обладаніе ею является необходимымъ условіемъ безопасности русской столицы и твердаго положенія нашего на берегахъ Балтійскаго моря. Къ несчастью, наше отношеніе къ Финляндіи опредѣлялось не насущными потребностями Россійской Державы, а умозритель-

ными мечтаніями: покоренная страна не только не была превращена своевременно въ органическую часть русскаго государства, но даже отъ Имперіи отторгли завоеваніе Петра Великаго—Выборгскую губернію, „безъ боя, безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Въ исторіи народовъ найдите другой примѣръ столь несправедливому дѣйствію", говоритъ умный патріотъ Ф. Ф. Вигель. Мало того—въ администраціи, судѣ, школѣ былъ оставленъ шведскій языкъ, одинаково чуждый какъ русскимъ, такъ и коренному, преобладающему по численности населенію, далѣе, провели таможенную черту въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы Имперіи, обособили Финляндію таможней, монетой, войсками, запретивъ русскимъ офицерамъ служить въ нихъ; единственное русское должностное лицо—генералъ-губернаторъ окруженъ мѣстными учрежденіями и властями, заслоненъ стоящимъ у самого трона финляндскимъ докладчикомъ. Неудивительно, что подъ вліяніемъ этихъ пагубныхъ мѣропріятій финляндцы прониклись сознаніемъ обособленности своихъ интересовъ и стали явственно стремиться къ отдѣленію отъ Имперіи. Вѣчно незабвенный олицетворитель русскаго Монарха Александръ III понялъ опасность для Россіи подобныхъ вожделѣній и прямо напомнилъ заблуждавшимся, что „финляндскій край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и сохранилъ только особый характеръ внутренняго управленія". Открыто объявивъ, что въ его „намѣренья не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія". Царь выработалъ рядъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіей. Объединительныя реформы имѣли въ виду слить почту, таможню, монету и войска Финляндіи съ имперскими. Эти мѣропріятія, удовлетворявшія и прямымъ нуждамъ края, встрѣтили противодѣйствіе финляндскихъ политикановъ, создавшихъ искусной пропагандой броженіе въ краѣ, помѣшавшее быстрому осуществленію мудрыхъ предначертаній Александра III. Его Державный Сынъ выступилъ продолжателемъ завѣтовъ своего отца, а рачительнымъ выполнителемъ Высочайшихъ повелѣній оказался Н. И. Бобриковъ, заслуги котораго хорошо извѣстны читателямъ Мирнаго Труда по обстоятельной статьѣ М. М. Бородкина [1]). Но вѣрный царскій слуга, какъ извѣстно, палъ жертвой злодѣевъ, крамольниковъ, почти совершенно имъ раздавленныхъ. Верховное направленіе Царской политики осталось прежнимъ,

[1]) См. Мирный Трудъ. 1905. № 1.

новому генералъ-губернатору и сейму была указана задача— сохранить въ непреложной силѣ объединительные законы послѣднихъ лѣтъ. Новый исполнитель, однако, не оказался на высотѣ своей отвѣтственной задачи и не оправдалъ довѣрія и надеждъ русскихъ людей. Сами финляндцы были смущены убійствомъ: населеніе края ожидало заслуженной кары виновныхъ и настойчиваго провеленія русскихъ требованій и рѣзко обнаружило готовность ихъ выполнить, какъ показали воинскіе призывы. Но петербургскіе космополитическіе слои, которые кромѣ жалованья и орденовъ ничего не имѣютъ общаго съ русскими интересами, испортили дѣло своимъ злорадствомъ по поводу мученической кончины Н. И. Бобрикова и новый генералъ-губернаторъ поостерегся идти по его стопамъ. Недостаточно ясно и полно изложивъ русскую программу, онъ возбудилъ надежды и требованія финляндцевъ, а потомъ принялся въ сущности за разрушеніе всего дѣла Н И. Бобрикова: въ край были возвращены высланные имъ агитаторы, за границей не только продолжавшіе свою преступную пропаганду, но и сблизившіеся съ революціонными элементами. По ходатайству кн. Оболенскаго, Государь оказалъ высланнымъ высочайшую милость, которая нисколько не тронула ихъ озлобленныя сердца, а была истолкована какъ сознаніе въ слабости. Высланные немедленно по возвращеніи принялись за свое прежнее дѣло: въ отвѣтъ на привѣтствія толпы раздались такія рѣчи: „рано еще, господа, кричать „ура", надо сначала свергнуть иго и притѣсненія, надо добиться свободы народу". Конечно, возвращеніе коноводовъ только влило новое масло въ уже еле тлѣющіе очаги броженія; сеймъ попалъ въ руки крайнихъ враговъ Россіи, которые навязали ему требованіе отъ правительства полной отмѣны всѣхъ распоряженій послѣднихъ лѣтъ и заставили забастовать, какъ сознаются сами финляндцы: по словамъ барона Пальмена „невѣдомый кружокъ, не имѣющій полномочія отъ земскихъ чиновъ и частью стоящій внѣ сейма, подготовлялъ дѣла и отдавалъ приказы". Возвращенные стали открыто руководить уличными безпорядками, въ петиціи сейма дерзко и совершенно несправедливо упрекали правительство за неправильность и незаконность его мѣропріятій, требуя „немедленной отмѣны призыва и прекращенія дальнѣйшаго примѣненія устава о воинской повинности", открыто подстрекая очередныхъ новобранцевъ уклоняться отъ ея отбыванія. Все это осталось не только безнаказаннымъ, но даже повело къ ходатайству генералъ-губернатора о пріостановленіи воинской повинности. Естественно, что новая

уступка не замедлила вызвать и новыя требованія—объ исполненіи всѣхъ пунктовъ петиціи. Мехелинъ, главный коноводъ и подстрекатель, увѣщевалъ забастовавшій сеймъ, продолжать свои засѣданія, ровно ничего не дѣлая: „собраніе земскихъ чиновъ не должно прерываться до отмѣны всѣхъ временныхъ постановленій и пріостановки призыва по воинской повинности". Другой депутатъ, Рунебергъ грозилъ открытой анархіей, разъ не будетъ возстановленъ прежній порядокъ. Понимая тяжесть переживаемаго Россіей военнаго времени и внутреннихъ смутъ, члены сейма дѣйствовали, какъ ловкіе шантажисты, говоря, что другого столь благопріятнаго момента не дождаться. Всѣ очередныя Высочайшія предложенія не были разсмотрѣны сеймомъ, который всячески поощрялъ лицъ, понесшихъ наказаніе за неповиновеніе новымъ законамъ: помимо высокопарныхъ восхваленій „пострадавшимъ" ассигновано 5 милліоновъ марокъ, въ то время, какъ требованіе Россіи взамѣнъ воинской повинности ежегодно платить по 10 милліоновъ марокъ въ государственное казначейство было предметомъ возмутительнаго обсужденія и приравнено къ желанію получить контрибуцію. Такимъ образомъ, снисходительность привела къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: созывъ сейма далъ возможность оппозиціи сплотиться, а возвращеніе агитаторовъ привело къ усиленію революціоннаго движенія, новыми жертвами котораго были прокуроръ Іонсонъ и выборгскій губернаторъ Н. А. Мясоѣдовъ. Вмѣстѣ съ русскими революціонерами финляндскіе подготовили гнусное убійство Н. И. Бобрикова и Плеве, кровь которыхъ скрѣпила этотъ омерзительный союзъ: въ октябрѣ 1904 г. въ Парижѣ состоялся съѣздъ русскихъ революціонеровъ, созванный по почину финляндскихъ агитаторовъ. Здѣсь то и были выработаны тѣ пресловутыя требованія, которыя, какъ стадо попугаевъ, стали повторять записки „ученыхъ", „профессоровъ", земскихъ дѣятелей, женщинъ и всякаго рода „обществъ", ничего не смыслящихъ въ сложныхъ политическихъ вопросахъ. „Январскіе безпорядки, происходившіе въ Петербургѣ, повторены были, при содѣйствіи русскихъ революціонеровъ въ Гельсингфорсѣ; кромѣ того, въ разныхъ городахъ Финляндіи устроены были манифестаціи съ цѣлью заявить, что „борьба будетъ продолжаться до полнаго уничтоженія безправія". Разборъ дѣла о покушеніи на Н. А. Мясоѣдова также доставилъ рядъ несомнѣнныхъ доказательствъ существованія организаціонной партіи активнаго сопротивленія. Участники преступныхъ кружковъ извѣстны, но „нѣкоторые изъ нихъ ходятъ по улицамъ Гельсингфорса съ гордо поднятыми головами". Наконецъ, всѣмъ

извѣстное дѣло отца убійцы Н. И. Бобрикова—сенатора Шаумана, дало въ руки правительства собственноручно написанный имъ планъ устройства по всей Финляндіи тайныхъ стрѣлковыхъ обществъ. Возстаніе должно было открыться при ихъ содѣйствіи, „когда въ Россіи съ неукротимой силой проявится требованіе иной формы правленія". По словамъ нѣмецкой газаты „National Zeitung", дѣло Шаумана является убійственнымъ обвиненіемъ шведоманскихъ агитаторовъ". Однако финляндскій судъ оправдалъ Шаумана, „такъ какъ за мысли законъ не караетъ". Но несомнѣнны дѣла революціонныхъ кружковъ, такъ какъ иностранная печать громогласно приписываетъ имъ рядъ убійствъ, свидѣтельствуетъ, что гимнастическія и стрѣлковыя общества организованы по всему краю и имѣютъ совершенно военную организацію, причемъ финны разсчитываютъ на близкое возникновеніе національныхъ возстаній въ главныхъ частяхъ Россіи, а также на Японскую войну, которая помѣшаетъ правительству усилить войска въ краѣ. Революцію въ Россіи рѣшено было начать съ Финляндіи. Конечно положеніе русскаго человѣка въ этой странѣ сдѣлалось совершенно невыносимымъ. Бойкотъ увеличивается, прежняя сплоченность распалась. На помощь правительству должны поэтому выступить общественныя силы. а Русское Собраніе, по нравственному долгу и вѣрноподданническимъ чувствамъ своимъ, обязано оказать нашимъ соотечественникамъ въ Финляндіи посильную поддержку. Дѣло Н. И. Бобрикова, имѣвшаго своихъ союзниковъ между финнами, гибнетъ, такъ какъ „новый курсъ" выдвинулъ упорнѣйшихъ противниковъ всякаго единенія съ Россіей—шведомановъ. Выданные головой финны, сторонники русскихъ, теперь брошенные передъ врагами, потеряли увѣренность въ послѣдовательности русской политики и спрашиваютъ, стоитъ ли помогать тѣмъ, кто завтра отвернется отъ нихъ; кто изъ русскихъ пойдетъ на отвѣтственную службу въ Финляндіи, не зная положительной стороны программы представителей „новаго курса", такъ какъ въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ ни одного распоряженія, указывающаго на твердую рѣшимость, направленную къ объединенію Финляндіи съ Россіей. Поднимается мучительный вопросъ, выживетъ ли что нибудь изъ русскихъ насажденій послѣднихъ лѣтъ, когда даже русская газета, издававшаяся на финскомъ языкѣ прекращена, а одинъ изъ ораторовъ сейма публично благодарилъ редактора и сотрудниковъ подпольной газеты „Свободное Слово", восхваляющей политическія убійства въ Россіи и Финляндіи. Введеніе русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ края ка-

жется сему обиднымъ, идетъ походъ на всѣхъ русскихъ, служащихъ въ краѣ, не увѣренныхъ поголовно въ личной безопасности; русскій человѣкъ безправенъ на этой окраинѣ своей имперіи: не мѣшаетъ сторонникамъ еврейской равноправности узнать, что въ Финляндіи „нашим учителя лишены права преподавать исторію; практика русскихъ врачей ограничена; русскіе не могутъ быть шкиперами и машинистами на финляндскихъ судахъ, не имѣютъ права строить желѣзныхъ дорогъ, заниматься акушерской практикой, русскій, хотя бы онъ обладалъ большой недвижимой собственностью, не имѣетъ права голоса ни въ городскихъ, ни въ сельскихъ собраніяхъ, хотя законъ облагаетъ русскихъ подоходнымъ налогомъ въ пользу общины; русскіе по торговымъ правамъ вообще приравнены къ иностранцамъ и т. п., даже православные приходы „по внѣшнимъ дѣламъ“ подвѣдомственны лютеранскому правительству. Такимъ образомъ, положеніе русскаго человѣка въ Финляндіи таково, что отнимать у него рѣшительно ничего нельзя, чтобъ не сдѣлать его совершеннымъ паріемъ на собственной окраинѣ, пріобрѣтенной его кровью. Но за послѣднее время мы все-таки подались назадъ, достаточно обратить вниманіе на одну пріостановку дѣйствія воинскаго устава, хотя Н. И. Бобриковъ добился крупнаго успѣха: въ 1902 г. неявившихся было 54%, въ 1903—около 4%, въ 1904—всего 0,9%. Новый генералъ-губернаторъ, очевидно, по мѣткому замѣчанію „Гражданина“, разсуждаетъ такъ: „ну, съ варварами соотечественниками дѣйствовать одно, а съ образованными и культурными финляндцами надо церемониться, надо *русское мужичество* запрятать въ карманъ и сдѣлаться джентльменомъ: гдѣ нужно, расшаркиваться, гдѣ нужно, уступать“. Къ сожалѣнію, онъ при этомъ позабылъ, что повелѣніе Государя болѣе мягко и примирительно достигать цѣлей, поставленныхъ предшественнику, никакъ не могло получить значеніе политики уступокъ и слабости, вызванныхъ страхомъ, террористическихъ дѣйствій. Если бы кн. Оболенскій открытымъ заявленіемъ, что ему не нужны цвѣты, а нужны дѣйствія, свидѣтельствующія о преданности финляндцевъ русскому Монарху, то никто и не смѣлъ бы новую политику генералъ-губернатора называть трусливою“. Теперь же можно сказать, что онъ такъ скоро сумѣлъ послѣ убіенія своего предшественника убить и его дѣло“. Дѣйствительно, послѣднія вѣсти изъ Финляндіи ясно показываютъ, что угодничество передъ зазнавшимися инородцами перешло всякую границу и превратилось въ прямое поруганіе русскаго національнаго достоинства. Одна надежда у

Русскаго Собранія и всѣхъ русскихъ людей—на Высшее Правительство, которое не дастъ мѣстной администраціи поколебать основныя начала русской политики и государственное сліяніе Финляндіи съ коренной Русской землей! Но опытъ, произведенный въ Финляндіи кн. Оболенскимъ, поучителенъ для насъ и въ другомъ отношеніи: онъ наглядно показываетъ, что современное „движеніе“ не можетъ быть упорядочено никакими уступками, обыкновенно признаваемыми за слабость противниками, только повышающими свои „требованія“. Власть—имѣющая право повелѣвать—обязана пользоваться этимъ правомъ, а не заискивать передъ смутьянами. Стойкость, твердость и неуклонная послѣдовательность имѣетъ подавляющее вліяніе надъ умами, внушаетъ всѣмъ уваженіе и заставляетъ быть сдержанными и осторожными. Лишь немногіе истинно культурные люди способны понять, правильно оцѣнить и преклониться передъ мѣрами кротости и снисходительной уступчивости; „большинство“, по-просту говоря, всегда склонно „класть лапы на столъ“. Правительство, какъ культурная сила, стоитъ выше всякихъ рядовыхъ „революціонеровъ“, способныхъ лишь на злодѣйства, разрушеніе, но не на созиданіе. Этихъ господъ и надо обуздывать, какъ наставляетъ насъ и св. Апостолъ: *„начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло—бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“*. (Рим. 13. 4).

Бездѣйствіе власти—худшее изъ должностныхъ преступленій, ибо является причиной роста всякихъ преступленій: безнаказанность увеличиваетъ вліяніе подстрекателей, дѣлаетъ *ихъ* какъ бы носителями особыхъ властныхъ полномочій и они дерзко выступаютъ съ „карами“ противъ вѣрныхъ слугъ Государя, противъ сторонниковъ порядка, далекихъ отъ политики скромныхъ тружениковъ; въ свою очередь, трусливое большинство жмется къ тому, въ комъ видитъ больше силы, а потому и всякая поблажка, не удовлетворяя, въ сущности, никого, является исходной точкой для новой еще болѣе опасной смуты. По самой цѣли своего существованія—водворенію добра, власть обязана непрестанно вносить улучшенія, искоренять зло, отстаивая справедливость, воздавая каждому должное, но не рубить тотъ сукъ, на которомъ сама основывается, равно какъ мирное житіе множества милліоновъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, отдаваемыхъ нынѣ „на потокъ и разграбленіе“ слабостью власть имущихъ...

А. Кауть

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ

на ЕЖЕДНЕВНУЮ безъ предварительной цензуры ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“.

Предпринятая издателемъ весьма распространеннаго журнала „Родная Рѣчь“ А. А. Петровичемъ совмѣстно съ редакторомъ того же журнала Ф. Н. Бергомъ **ежедневная газета** подъ названіемъ „**ДЕНЬ**“ въ недалекомъ будущемъ начнетъ издаваться въ Москвѣ по программѣ большихъ столичныхъ газетъ **безъ предварительной цензуры**. Имена редактора и издателя хорошо извѣстны читающей публикѣ по журналу „Родная рѣчь“, пріобрѣвшему огромную извѣстность среди русской публики своимъ патріотическимъ направленіемъ. Предпринимая теперь изданіе ежедневной газеты, какъ редакторъ, такъ и издатель приложатъ все стараніе къ тому, чтобы пріобрѣтенныя ими репутація и довѣріе читателей еще болѣе упрочились.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ представлять собой наиболѣе полную, обо всемъ освѣдомленную, серьезную, дешевую ежедневную газету, предназначенную главнымъ образомъ для провинціальныхъ читателей.

Значеніе для всей Россіи и центральное мѣстоположеніе Москвы наиболѣе соотвѣтствуютъ цѣлесообразности именно такой газеты. **Московская газета получается въ провинціи на цѣлыя сутки ранѣе петербургскихъ.** О важности такого преимущества излишне говорить.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ выходить ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ, въ годъ свыше 360 №№.

Кромѣ ежедневной газеты, подписчики будутъ получать еженедѣльно

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Составъ сотрудниковъ въ газетѣ „**ДЕНЬ**“, какъ и въ журналѣ „Родная Рѣчь“, будетъ исключительно изъ русскихъ писателей и публицистовъ, въ настоящее время уже изъявившихъ согласіе. При давнихъ и прочныхъ литературныхъ отношеніяхъ редактора Ф. Н. Берга, къ этому и представляется широкая возможность. **Постояннымъ и спеціальнымъ нашимъ корреспондентомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій будетъ** состоящій при штабѣ Главнокомандующаго манчжурской арміей, дѣйств. ст. сов. докт. **М. Н. Гвоздановичъ**. Заграничные корреспонденты есть во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ „ДЕНЬ“

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи **НА ГОДЪ** съ 1-го января . . . . . **4 р.**

на ½ года 2 рубля, на три мѣсяца 1 рубль.

ПОДПИСКУ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ КОНТОРУ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“,

Москва, Петровка, Кузнецкій переулокъ, домъ СОКОЛЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1905 годъ на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

газету политическую, общественную и литературную

ИЗДАНІЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) Послѣдняя почта 2) Телеграммы: Петербургскаго и Россійскаго агентствъ. 3) Статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики 4) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 5) Свѣдѣнія о войнѣ. 6) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т п.). 7) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 8) Мнѣнія печати (столичной и провинціальной) 9) Корреспонденціи. 10) Новости науки, литературы и искусства. 11) Театръ и музыка. 12) Внутреннія извѣстія. 13) Внѣшнія извѣстія. 14) Судебный отдѣлъ. 15) Фельетонъ. 16) Библіографическія замѣтки. 17) Смѣсь. 18) Справочный отдѣлъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ книжн. магазинахъ „Новаго Времени" и въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.", Петровскій пер. № 17.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка.

8—1

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ. Исторія французской революціи[1])

Книга 1. Добровольная анархія.

ГЛАВА I: Начало анархіи. 1. Первая причина—нужда. Плохой урожай. Зима 1788—89 г.г. Дороговизна и плохое качество хлѣба. Въ провинціи. Въ Парижѣ. 2. Вторая причина—надежда. Раздвоеніе и нерадѣніе административныхъ властей. Анкеты мѣстныхъ собраній. Народъ начинаетъ сознавать свое положеніе. Созывъ генеральныхъ штатовъ. Надежда родилась. Совпаденіе первыхъ собраній съ началомъ волненій. 3 Провинціи во время первыхъ 6 мѣсяцевъ 1789 г. Слѣдствія голода. 4. Вмѣшательство бродягъ и разбойниковъ. 5. Слѣдствіе политическихъ новшествъ. 6. Первая жакерія въ Провансѣ. Слабость или ничтожность репрессаліи.

Въ ночь съ 14 на 15 іюля 1789 года герцогъ Ларошфуко Ліанкуръ велѣлъ разбудить Людовика XVI, чтобъ доложить ему о взятіи Бастиліи.

„Это, стало быть, возстаніе“ сказалъ король. „Ваше Величество, отвѣтилъ герцогъ, это революція“.

Но событіе оказалось имѣющимъ гораздо большее значеніе. Власть не только выскользнула изъ рукъ короля, но и не досталась Учредительному Собранію: она упала на землю и попала въ руки разнузданнаго народа, буйной, возбужденной толпы, въ руки сборищъ, подобравшихъ ее, какъ оружіе, брошенное на улицѣ.

Правительства на дѣлѣ не существовало: искусственое зданіе человѣческаго общества цѣликомъ рушилось, общество возвращалось въ естественное состояніе.

Это была не революція, но *разрушеніе*.

---

[1]) Предлагаемый вниманію читателей переводъ извѣстнаго сочиненія замѣчательнаго французскаго историка представляетъ собой второй отдѣлъ его обширнаго изслѣдованія: „Les origines de la France contemporaine. Первый отдѣлъ (L'ancien Régime) уже переведенъ на рус-

I.

1. Двѣ причины возбуждаютъ и питаютъ всеобщее возстаніе. Первая—нужда, которая, продолжаясь уже 10 лѣтъ безъ перерыва, увеличенная насиліями, ею вызываемыми, довела до безумія народныя страсти и сдѣлала все теченіе революціи порывистымъ и ложнымъ.

Когда рѣка течетъ въ уровень съ берегами, достаточно маленькаго притока воды для возникновенія наводненія. Такова была крайняя нужда въ XVIII вѣкѣ. Народу, съ трудомъ перебивающемуся и при дешевомъ хлѣбѣ, грозитъ смерть, когда онъ дорогъ. При этой угрозѣ просыпаются животные инстинкты, и всеобщее повиновеніе, залогъ спокойствія въ государствѣ, находится въ большей или меньшей зависимости отъ того, сухо ли, или сыро, тепло или холодно.

Чрезвычайно сухой 1788 годъ далъ плохой урожай.

скій языкъ. Второй, посвященный революціи (La Révolution) состоитъ изъ 6 томовъ: L'Anarchie (2 vol), La Conquête jacobine (2 vol) и La Gouvernement révolutionaire (2 vol). Третій отдѣлъ Le Régime moderne (3 vol)—замыкаетъ величественное зданіе, возведенное столь искуснымъ и опытнымъ художникомъ-историкомъ. Въ наше смутное время увлеченія французской революціей и толковъ объ учредительномъ собраніи очень полезно заглянуть въ трезвый разсказъ—представляющій собой, по словамъ автора, „только исторію—ничего болѣе", „написанный такъ, какъ будто рѣчь идетъ о революціи во Флоренціи или Аѳинахъ". Это отношеніе Тэна къ великой революціи, чуждое наивнаго преклоненія передъ ея дѣятелями, послужило причиной, замедлившей переводъ одного изъ лучшихъ историческихъ произведеній на русскій языкъ: переводъ оборвался на первомъ отдѣлѣ, дающемъ мѣткую характеристику „стараго порядка" со всѣми его многочисленными недочетами. Второй отдѣлъ рисуетъ столь же безпощадно „великую революцію", а потому ея культъ, давно уже имѣющій въ Россіи многочисленныхъ поклонниковъ, не могъ способствовать распространенію здравыхъ взглядовъ Тэна на это уродливое явленіе. Въ средѣ русскихъ читателей французскій изслѣдователь не оправдалъ возлагаемыхъ на него, по недомыслію, партійныхъ надеждъ и дальнѣйшіе томы его поучительнаго произведенія остались недоступными большинству нашихъ соотечественниковъ, хотя могли имъ принести только пользу, освободивъ отъ ходячихъ и вполнѣ ненаучныхъ увлеченій. Этотъ пробѣлъ предполагаетъ заполнить редакція „Мирнаго Труда", давъ своимъ подписчикамъ *постепенно* полный переводъ 6 томовъ, отведенныхъ Тэномъ подъ исторію французской революціи и вышедшихъ въ 1904 г. уже *двадцать четвертымъ изданіемъ*, что свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ успѣхѣ и распространеніи этого выдающагося изслѣдованія.

А. В.

Кромѣ того, наканунѣ жатвы [1]) надъ окрестностями Парижа отъ Нормандіи до Шампани пронесся ужасный градъ, опустошившій 60 миль самаго плодороднаго края и принесшій 100 милліоновъ убытка. Наступившая зима была самой жестокой послѣ 1709 г. Въ концѣ декабря Сена замерзла отъ Парижа до Гавра и термометръ показывалъ 18°/₀ ниже нуля.

Въ Провансѣ погибла треть оливковыхъ деревьевъ, оставшіеся же такъ пострадали, что съ нихъ не разсчитывали получать плоды ранѣе двухъ лѣтъ. Такое же бѣдствіе охватило Лангедокъ. Въ Виварэ и Севеннахъ погибли цѣлыя каштановыя рощи, а также весь хлѣбъ и кормъ въ горахъ, а на равнинѣ Рона два мѣсяца не входила въ берега.

Съ весны 1789 г. голодъ распространился повсемѣстно и съ каждымъ мѣсяцемъ возросталъ, какъ прибывающая вода. Напрасно правительство приказывало фермерамъ, помѣщикамъ и торговцамъ снабжать рынки, удвоило пошлины съ вывозимыхъ товаровъ, прибѣгало къ ухищреніямъ и задолжало, истративъ 40 милліоновъ для снабженія Франціи хлѣбомъ. Напрасно различныя частныя лица, принцы, великіе сеньоры, епископы, капитулы и общины увеличили раздачу своей милостыни, напрасно парижскій архіепископъ сдѣлалъ долгъ въ 400000 ливровъ, одинъ богачъ роздалъ 40000 франковъ на другой день послѣ града, а бернардинскій монастырь кормилъ 1200 бѣдныхъ въ теченіе шести недѣль [2]). Нужда была слишкомъ велика и ни общественныя мѣры, ни частная благотворительность не могли справиться съ ея столь обширными размѣрами.

Въ Нормандіи, гдѣ послѣдній торговый договоръ уничтожилъ изготовленіе полотна и позумента, сорокъ тысячъ рабочихъ остались безъ работы; во многихъ приходахъ четвертая часть прихожанъ нищенствуетъ [3]). Здѣсь „почти всѣ обитатели, не исключая фермеровъ и собственниковъ, питаются ячменнымъ хлѣбомъ и водой“, тамъ—„многимъ несчастнымъ приходится ѣсть хлѣбъ изъ овсяной муки или изъ подмоченныхъ отрубей, отчего множество дѣтей умерло“.

---

[1]) Marmontel, Memoires II, 221. A. Babeau—Histoire de Troyes pendant la Révolution, I, 91, 187; (письмо мэра г. Труа отъ 30 іюля 1788) Archives nationales H. 1274, (письмо отъ 22 апр. 1789 г.) H. 942 („Тетрадь“ пожеланій лангедокскихъ штатовъ) Buchez et Roux, Histoire parlementaire I, 283.

[2]) L'ancien régime I—45; A. Babeau I, 91 (Епископъ Труа далъ 12000 франковъ, капитулъ 6000 на богадѣльни).

[3]) L'ancien régime II—213, 294. Floquet; Histoire du parlement de Normandie VII, 505, 518 (представленія парламента Нормандіи 3 мая 1788 г. Письмо парламента къ королю 13 іюля 1789 г.).

„Прежде всего, пишетъ Руанскій парламентъ, пусть придутъ на помощь умирающему отъ голода народу. Ваше Величество, большая часть Вашихъ подданныхъ не въ состояніи покупать хлѣбъ, да и какой еще хлѣбъ даютъ тѣмъ, кто можетъ его купить!"

Артуръ Юнгъ [1]), проѣзжавшій въ это время черезъ Францію, слышитъ всюдѣ только жалобы на дороговизну хлѣба и бѣдственное положеніе народа.

Въ Труа хлѣбъ стоитъ 4 су за фунтъ, т. е. 8 су на современныя деньги, и безработные ремесленники нахлынули въ благотворительныя мастерскія, гдѣ они едва зарабатываютъ 12 су въ день. Въ Лотарингіи, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, „населеніе наполовину вымерло отъ голода".

Въ Парижѣ число нуждающихся утроилось: въ одномъ лишь Сентъ Антуанскомъ предмѣстьи ихъ насчитываютъ около 30000. Возлѣ Парижа зернового хлѣба или совсѣмъ нѣтъ, или онъ попорченъ [2]).

Въ Монтро въ началѣ іюля рынокъ пустуетъ. „Булочники не могли бы печь хлѣбъ, если бы полицейскіе чиновники не довели цѣну на него до 5 су за фунтъ. Рожь и ячмень, которые могъ прислать интендантъ, отвратительнаго качества, подгнившіе и могутъ вызвать опасныя болѣзни. Однако, большая часть мелкихъ потребителей была приведена къ суровой необходимости питаться этимъ испорченнымъ хлѣбомъ".

Въ Вильневъ ле-Руа, пишетъ мэръ, „рожь двухъ послѣднихъ присылокъ настолько щупла и черна, что ее нельзя продавать, не примѣшивая къ ней пшеницы". Въ Сансѣ „ячмень имѣетъ затхлый запахъ", настолько сильный, что покупатели швыряютъ отвратительный хлѣбъ подъ носъ поставщику. Въ Шевревѣ ячмень проросъ и имѣетъ смрадный запахъ; несчастные должны быть, говоритъ одинъ чиновникъ, слишкомъ угнетены голодомъ, чтобъ взять его.

„Въ Фонтенебло рожь, наполовину съѣденная, даетъ больше отрубей, нежели муки и для того, чтобы изъ нея изготовить хлѣбъ, надо печь его нѣсколько разъ.

Получаемый хлѣбъ, несмотря на такія свои качества, служитъ предметомъ ожесточенныхъ столкновеній: „приходится раздавать хлѣбъ черезъ окошечки"; вдобавокъ получившіхъ

---

[1]) Arthur Young Voyages en France—29 іюня, 2 и 18 іюля. Journal de Paris 2 янв. 1789 г. (письмо настоятеля церкви св. Маргариты).

[2]) Buchez Roux et—Histoire parlementaire. IV—79—82. Montjoie—Histoire de la Revolution de France, 2 часть, глава XXI, 5.

свою порцію неоднократно убивали на улицѣ и грабили болѣе сильные изъ истомленныхъ голодомъ озвѣрѣвшихъ бѣдняковъ.

Въ Нанжи „магистраты запрещаютъ одному и тому же лицу покупать болѣе двухъ четвериковъ на одномъ и томъ же рынкѣ. Однимъ словомъ, запасы съѣстныхъ припасовъ такъ незначительны, что не знаютъ, чѣмъ кормить солдатъ; министръ вынужденъ отправить два приказа одинъ за другимъ, чтобы заставить снять 20000 сетье (старинная мѣра въ 12 четверик.) ржи до уборки хлѣбовъ [1]). Равнымъ образомъ, Парижъ въ совершенно мирное время напоминалъ голодный городъ къ концу долгой осады и голодъ въ іюлѣ 1789 года былъ не меньше, а пища не была хуже, чѣмъ въ декабрѣ 1870.

„Чѣмъ ближе было къ 14 іюля, говоритъ одинъ очевидецъ [2]), тѣмъ болѣе росла нужда. Каждая булочная была окружена толпой, которой раздавали хлѣбъ съ величайшей скупостью. Хлѣбъ этотъ въ большинствѣ случаевъ былъ горькій, черноватый, землистый, вызывалъ воспаленіе въ горлѣ и причинялъ боли во внутренностяхъ. Я видѣлъ въ военной школѣ и другихъ складахъ отвратительную муку, я видѣлъ кучи муки желтаго цвѣта, съ омерзительнымъ запахомъ; онѣ образовывали столь твердую массу, что ее надо было рубить повторными ударами топора, чтобъ выдать пайки. Приведенный въ отчаяніе тѣми затрудненіями, которыя надо было испытать, чтобы достать себѣ этого столь плохого хлѣба, и получивъ отвращеніе къ приносимому отъ общаго стола, я вполнѣ отказался отъ такого питанія. По вечерамъ я отправлялся въ кафе Каво, гдѣ, къ счастью, мнѣ оказывали вниманіе, оставляя пару небольшихъ продолговатыхъ хлѣбцевъ, называемыхъ „флейтами“; только этимъ хлѣбомъ я питался какъ то цѣлую недѣлю“.

Но этимъ способомъ могли пользоваться только богатые. Народъ же, чтобы получить собачьяго хлѣба, долженъ былъ простаивать вереницами цѣлые часы. Въ этихъ „хвостахъ“ подымаются драки, отнимаютъ другъ у друга провизію. Работы нѣтъ, мастерскія пустуютъ. Нерѣдко мастеровой, продежуривъ у булочной цѣлый день, возвращается домой съ пустыми руками, а если онъ и принесетъ хлѣбъ въ 4 фунта,

---

[1]) Bouchez et Roux IV, 79—82. „Очень прискорбно, пишетъ маркизъ д'Отишамъ, быть вынужденнымъ собирать на корню жатву, но было опасно оставить войска умирать отъ голода“.

[2]) Montjoie—гл. XXXIX, V, 37—De Goncourt La société française pendant la Révolution 53.—Deposition de Maillard (Enquête criminelle du Châtelet).

то это стоитъ ему 3 фр. 12 су, а именно 12 су за хлѣбъ и 3 фр. за потерянный день.

Въ длинной, праздной, возбужденной вереницѣ, волнующейся у дверей булочной, зарождаются мрачныя мысли: если въ эту ночь у булочника не хватитъ муки,—завтра мы не будемъ ѣсть! Ужасная мысль, противъ которой правительство не имѣетъ слишкомъ много средствъ даже при напряженіи всѣхъ своихъ силъ, ибо нѣтъ той силы, кромѣ силы воруженной, видимой, состоящей на лицо, грозной, которая могла бы поддержать порядокъ въ средѣ, пораженной голодомъ.

При Людовикахъ XIV и XV приходилось долѣе поститься и страдать; но возстанія, быстро и сурово подавляемыя, были лишь частичными и скоропроходящими волненіями. Однихъ мятежниковъ вѣшали, другихъ посылали на галеры и тотчасъ же крестьянинъ и рабочій, убѣдившись въ своемъ безсиліи, возвращались къ своему станку или плугу.

Когда стѣна слишкомъ высока, никто не помышляетъ даже взлѣзть на нее. Но вотъ стѣна треснула и всѣ ея охранители, духовенство, дворянство, среднее сословіе, писатели, политики и даже само правительство продѣлываютъ въ ней широкую брешь. Въ первый разъ въ жизни обездоленные видятъ выходъ; они бросаются туда, сначала кучкой, а потомъ всей массой и возстаніе теперь дѣлается такимъ же всеобщимъ, какимъ раньше была покорность.

2. Сквозь это отверстіе, какъ лучъ свѣта, проскальзываетъ надежда и доходитъ понемногу до низшихъ слоевъ.

Полъ вѣка назадъ она взошла и ея лучи, освѣщавшіе сначала высшіе классы въ ихъ роскошныхъ покояхъ перваго этажа, затѣмъ буржуазію въ ея антресоляхъ и нижнемъ этажѣ, проникли за послѣдніе два года въ подвалы, гдѣ работаетъ простой народъ, и дошли до глубокихъ вертеповъ и темныхъ угловъ, гдѣ укрываются отъ преслѣдованія закона неимущіе, бродяги, злодѣи и вся эта грязная, размножающаяся толпа.

Къ двумъ первымъ провинціальнымъ собраніямъ, учрежденнымъ Неккеромъ въ 1778 и 1779 годахъ, Ломени де Бріенъ въ 1787 г. прибавилъ еще 19; къ каждому изъ нихъ примыкаютъ окружныя собранія, а къ этимъ послѣднимъ—приходскія—и вотъ вся административная машина передѣлана [1]). Эти новыя собранія распредѣляютъ подати и надзираютъ за ихъ сборомъ, они устраиваютъ общественныя работы, они являются послѣд-

[1]) Tocqueville—L'ancien régime et la Révolution 272—290. Léonce de Lavergne—Les assemblées provinciales—109. Procés—verbaux des Assemblées provinciales, passim.

ней инстанціей по большинству спорныхъ тяжбъ. Интендантъ, намѣстникъ и выборный теряютъ такимъ образомъ три четверти своей власти. Вскорѣ между этими двумя соперничающими властями подымаются споры въ виду неопредѣленности круга ихъ дѣйствій; повиновеніе слабѣетъ, а приказаніе колеблется.

Подданный не чувствуетъ болѣе на своихъ плечахъ страшной тяжести единой руки, которая раньше гнула его, толкала и заставляла идти по своему усмотрѣнію, не встрѣчая ни сопротивленія, ни вмѣшательства. Мало того, въ каждомъ собраніи, будь это приходское, окружное или даже провинціальное, разночинцы, землепашцы, и зачастую простые фермеры, засѣдаютъ рядомъ съ сеньорами и прелатами. Они слушаютъ, запоминаютъ огромную цифру налоговъ, которые имъ приходится платить однимъ или почти однимъ, поземельныхъ разнаго рода, подушныхъ, подорожныхъ, ввозныхъ и пр. и конечно, по возвращеніи разсказываютъ все своимъ сосѣдямъ.

Всѣ цифровыя данныя печатаются; деревенскій уполномоченный говоритъ о нихъ съ ихъ плательщиками, ремесленниками и селянами, по воскресеньямъ, при выходѣ изъ церкви послѣ обѣдни, или вечеромъ въ общей комнатѣ мѣстнаго кабачка. И эти сходбища узаконены, провозглашены сверху. Съ первыхъ же дней 1788 года провинціальныя собранія требуютъ свѣдѣній о мѣстномъ положеніи дѣлъ и жителей отъ старшинъ каждаго прихода: они хотятъ знать подробности объ ихъ обидахъ, знать. какая часть дохода уходитъ на пошлины, что вообще платитъ и какія тяготы выноситъ земледѣлецъ, сколько привиллегированныхъ лицъ въ приходѣ, каково ихъ имущество, живутъ ли они въ имѣніяхъ, сколько приноситъ имъ ихъ льготное положеніе и вотъ уполномоченный въ своемъ отвѣтѣ указываетъ поименно на каждое привиллегированное лицо, критикуетъ образъ его жизни, оцѣниваетъ его состояніе, вычисляетъ всѣ неудобства, причиняемыя деревнѣ его льготнымъ положеніемъ, бранитъ налоги и канцеляристовъ.

По выходѣ изъ собранія поселянинъ долго пережевываетъ все слышанное имъ. Онъ видитъ свои бѣды не по одиночкѣ, какъ раньше, но всѣ вмѣстѣ, присоединенныя къ безчисленнымъ бѣдамъ, отъ которыхъ терпятъ ему подобные. Кромѣ того онъ начинаетъ разбираться въ причинахъ своего злополучія. Король добръ: но почему же его чиновники берутъ у насъ столько денегъ? Такіе то прелаты или сеньоры вовсе не злы: но почему же насъ заставляютъ платить за нихъ?

Представьте себѣ упряжную лошадь, которой внезапно промелькнувшій лучъ разсудка показалъ бы положеніе лошадей сравнительно съ положеніемъ людей, и попробуйте, если можете, воспроизвести тѣ новыя мысли, какія придутъ ей въ голову, сначала относительно кондуктора и кучера, надѣвающихъ на нее уздечку и бьющихъ ее кнутомъ, а затѣмъ относительно тѣхъ сердобольныхъ пассажировъ и чувствительныхъ дамъ, которые, жалѣя ее, все же прибавляютъ къ вѣсу коляски свой собственный вѣсъ и всю свою поклажу.

Подобно этому и у крестьянина, сквозь смутныя мечтанія, понемногу прорѣзывается новое представленіе о той подавленной массѣ, частью которой онъ является, представленіе о большомъ стадѣ, разсѣянномъ по необозримому пространству, о стадѣ, вездѣ оббираемомъ, голодномъ, съ которымъ невыносимо плохо обращаются. Къ концу 1788 года въ перепискѣ интендантовъ и военныхъ начальниковъ начинаютъ повсемѣстно распознавать глухіе раскаты, предвѣстникъ грядущаго гнѣва. Характеръ людей видимо мѣняется, они становятся сумрачны и упрямы. И вдругъ какъ разъ въ такое время правительство, опустивъ поводья, приглашаетъ ихъ къ самоуправленію! [1])

Въ ноябрѣ 1787 года король объявилъ, что онъ соберетъ генеральные штаты. 5 іюля 1788 года онъ приглашаетъ всѣ учрежденія и свѣдущихъ лицъ высказаться по этому предмету. 8 августа онъ назначаетъ день начала засѣданій. 8 октября онъ созываетъ нотаблей [2]) для совѣщанія съ ними. 27 декабря онъ даруетъ двойное представительство третьему сословію, потому что „его дѣло связано съ великодушными чувствами и всегда будетъ имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе“. Въ тотъ же день онъ вводитъ въ избирательное собраніе духовенства большинство настоятелей церквей, „такъ какъ эти добрые и полезные пастыри ближе всѣхъ ежедневно погружены въ нужды бѣднаго народа, оказывая ему помощь“, откуда слѣдуетъ, „что они лучше всѣхъ знаютъ его горести и потребности“. 24 января 1789 года онъ вырабатываетъ порядокъ и форму созыва собранія. Съ 7 февраля созывательныя письма посылаются одно за другимъ. Спустя 8 дней каждое приходское собраніе начинаетъ составлять наказы съ изложеніемъ

[1]) Duvergier: Collection des lois et décrets I, 1—23 и въ особенности стр. 15.

[2]) Нотабли—именитые люди—*назначенные* королемъ, представители отъ духовенства, дворянъ и третьяго сословія, имѣвшіе совѣщательный голосъ.

своихъ жалобъ и, конечно, разгорячается при подробномъ описаніи и перечисленіи своихъ невзгодъ.

Всѣ эти воззванія и распоряженія, словно удары отзываются въ воображеніи народа. „Его Величество, гласитъ указъ, хочетъ, чтобы самыя отдаленныя мѣстности его королевства, самыя малоизвѣстныя поселенія. всѣ могли бы быть увѣрены, что ихъ желанія и требованія дойдутъ до него". И такъ, это—дѣло совершенно истинное, вполнѣ достовѣрное. Приглашаютъ говорить, собираютъ ихъ, совѣтуются съ ними, имъ хотятъ помочь; отнынѣ нужда ихъ умепьшится, настанутъ лучшія времена. Больше они ничего не знаютъ; вотъ все, что одна крестьянка можетъ сказать А. Юнгу [1]) нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, въ іюлѣ: „ей говорили, что нѣкіе богачи хотятъ сдѣлать кое что для бѣдняковъ ея сословія", но кто, что и какъ, она не знаетъ: это слишкомъ сложно и непонятно для ея тяжелаго ума, вращающагося въ обычномъ кругѣ понятій.

Выдѣляется только одна мысль, надежда на внезапное облегченіе, увѣренность въ правѣ на это облегченіе, рѣшимость содѣйствовать этому всѣми средствами, а въ силу этого тревожное ожиданіе, вполнѣ готовое рвеніе, крайнее напряженіе воли, которая ждетъ лишь случая, чтобы прорваться и. обратившись въ дѣйствіе, стрѣлой неудержимо помчаться къ невѣдомой цѣли, которая откроется сразу. Голодовка указываетъ имъ эту цѣль, всю сразу. Надо, чтобы на рынкѣ былъ хлѣбъ, надо, чтобы фермеры и собственники подвозили его, не надо, чтобы крупные покупатели, правительственные или частные, увозили его въ другое мѣсто; надо, чтобы онъ былъ дешевъ, чтобъ была такса, дабы булочники продавали его по 2 су за фунтъ, надо, чтобы за зерновой хлѣбъ, за муку, вино, соль и разные припасы не платили пошлинъ; не надо впредь ни податей, ни сеньоральныхъ оброковъ, ни церковной десятины, ни королевскихъ или муниципальныхъ пошлинъ.

И эти мысли вызываютъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ повсемѣстныя вспышки мятежей. Современники „не знаютъ, что и думать объ этомъ бичѣ [2]); они не понимаютъ, какъ такое огромное количество злодѣевъ, безъ видимыхъ вождей, оказываются способными всюду предаваться одинаковому буйству и именно въ то время, когда готовятся засѣданія генеральныхъ штатовъ".

Дѣло въ томъ, что при старомъ порядкѣ пожаръ тлѣлъ

---

[1]) Arthur Young—12 іюля 1789 г. (въ Шампани).

[2]) Montjoie, I часть, 102.

въ закрытомъ помѣщеніи; вдругъ, открываются настежь главныя двери, проникаетъ свѣжій воздухъ и тотчасъ проявляется пламя.

3. Сначала это былъ не пожаръ, но перемежающіеся одинокія вспышки, которыя или легко потушить, или онѣ и сами скоро тухнутъ; но мгновеніе спустя на томъ же самомъ мѣстѣ, или возлѣ него начинается опять трескъ искръ и многочисленность равно какъ повторяемость вспышекъ показываетъ громадность, глубину и высокую температуру того горючаго матеріала, который готовъ вспыхнуть.

За 4 мѣсяца, предшествовавшихъ взятію Бастиліи, можно насчитать болѣе трехсотъ волненій во Франціи. Ежемѣсячно и ежедневно вспыхивали они въ Пуату, Бретани, Турэни, Нормандіи, Орлеанэ, Иль-де-Франсѣ, Пикардіи, Шампани, Эльзасѣ, Бургундіи, Ниверна, Оверни, Лангедокѣ и Провансѣ.

28 мая Руанскій парламентъ извѣщаетъ о грабежѣ зернового хлѣба и „объ упорныхъ кровавыхъ столкновеніяхъ, гдѣ погибло много людей съ обѣихъ сторонъ“, происшедшихъ въ Канѣ, Сенло, Мортенѣ, Гранвилѣ, Эвре, Бернэ и кромѣ того въ др. мѣстахъ. 20 апрѣля баронъ Безанваль, командующій войсками центральныхъ провинцій, пишетъ: „Я напоминаю г. Неккеру картину ужаснаго положенія Турэни и Орлеанэ. Каждое донесеніе, получаемое мною изъ этихъ двухъ провинцій, содержитъ свѣдѣнія о трехъ—четырехъ волненіяхъ, съ трудомъ подавленныхъ объѣздными командами и отрядами войскъ“[1]). Подобныя же зрѣлища наблюдались во всемъ королевствѣ.

Обыкновенно, и совершенно понятно, женщины впереди: это вѣдь онѣ распороли ножницами мѣшки въ Монлери. Каждую недѣлю въ базарный день, узнавъ, что плата за хлѣбъ поднялась на три, четыре, семь су, онѣ кричатъ и возмущаются: какъ кормить семью при такихъ податяхъ, при скудномъ заработкѣ ихъ мужей и отсутствіи работы?[2]) Толпа собирается возлѣ кулей и у дверей булочниковъ; среди криковъ и проклятій въ толпѣ поднимается давка: торговца или хозяина толкаютъ, валятъ, врываются въ лавку; провизія попадаетъ въ руки покупателей и голодающихъ. Каждый тянетъ себѣ, все равно, платитъ ли онъ, или нѣтъ, и удираетъ, унося свою добычу. Иногда для этой цѣли заранѣе образуются шайки[3]).

[1]) Floquet—Histoire du parlement de Normandie VII, 508. Archives nationales, H. 1458.

[2]) A. Young—29 іюня (въ Нанжи).

[3]) Archives nationales—H. 1453 (Письмо герцога Мортемара и сеньора Бри отъ 4-го мая и г. Балленвалье, лангедокскаго интенданта отъ 15-го апрѣля.

Въ Бре-на-Сенѣ, 1 мая крестьяне цѣлой округи, радіусомъ въ 4 мили. вооруженные камнями, ножами, дубинами, въ количествѣ 4000 человѣкъ заставляютъ работниковъ и фермеровъ, привезшихъ зерновой хлѣбъ, продавать сго по три ливра, вмѣсто 4 ливр. 30 су, за четверикъ, и грозятъ возобновить безпорядокъ и въ слѣдующій базарный день: если фермеры не привезутъ хлѣба и рынокъ будетъ пустовать, придется вызвать солдатъ, иначе обитатели Бре подвергнутся разграбленію.

Въ Баньолѣ въ Лангедокѣ 1 и 2 апрѣля крестьяне, вооруженные дубинами, собрались по барабанному бою и „прошли черезъ городъ, грозя предать все огню и крови. если имъ не дадутъ хлѣба и денегъ". Они отыскиваютъ хлѣбъ у частныхъ лицъ, дѣлятъ его между собой по уменьшенной цѣнѣ, съ обѣщаніемъ вернуть изъ будущаго урожая, и заставляютъ консула назначить цѣну на хлѣбъ въ 2 су за фунтъ и повысить дневную плату рабочимъ на 4 су.

Чаще всего дѣло сводится къ тому. что не народъ повинуется властямъ, а власти народу. Консулы, старшины, мэры. прокуроръ синдики. муниципальные чиновники впадаютъ въ смущеніе и обнаруживаютъ слабость передъ страшнымъ ропотомъ; они боятся. что ихъ растопчутъ ногами и вышвырнутъ за окно. Другіе, болѣе твердые, понимаютъ, что взбунтовавшаяся толпа безумна, и стѣсняются проливать кровь; они уступаютъ. въ крайности. на этотъ разъ, разсчитывая, что къ слѣдующему базару въ ихъ распоряженіи будетъ больше солдатъ и мѣры предупрежденія найдутъ лучшій пріемъ.

Въ Амьенѣ. „послѣ сильнѣйшаго волненія" [1]) начальство рѣшаетъ взять хлѣбъ у Якобинцевъ и продать его народу. подъ прикрытіемъ войскъ. на треть дешевле стоимости. Въ Нантѣ, послѣ того какъ толпа заняла городской домъ, были вынуждены понизить цѣну хлѣба на 1 су за фунтъ. Въ Ангулемѣ, чтобы не прибѣгать къ помощи оружія, пришлось просить графа Артуа отказаться на два мѣсяца отъ пошлинъ на муку и опредѣлить цѣны на хлѣбъ, вознаградивъ булочниковъ за убытки. Въ Сеттѣ властей такъ запугали. что они предоставили все произволу: народъ разорилъ ихъ дома и заставилъ ихъ объявить при звукѣ трубъ, что они согласны со всѣми его требованіями.

Въ другихъ случаяхъ толпа свергаетъ совсѣмъ властей и дѣйствуетъ самостоятельно. Если на базарѣ нѣтъ зернового

[1]) Archives nationales—H. 1453. Донесенія разныхъ лицъ отъ 30 апр. 9 янв, 22 іюня, 15 апр.

хлѣба, толпа идетъ искать его тамъ, гдѣ его можно найти—у собственниковъ и фермеровъ, которые не везутъ его на продажу, боясь грабежа, въ монастыряхъ, которые по королевскому указу обязаны хранить свой годичный урожай, въ хлѣбныхъ амбарахъ, гдѣ правительство хранило свой провіантъ, въ обозахъ съѣстныхъ припасовъ, которые интенданты посылали голодающимъ городамъ. Каждый заботился лишь о себѣ: тѣмъ хуже для сосѣдей. Жители Фужера избили и выгнали жителей Эрне, приѣхавшихъ къ нимъ за покупками на базаръ; тоже насиліе производятъ въ Витрэ съ обитателями Мэна [1]). Въ Сенъ-Леонардѣ толпа задерживаетъ зерновой хлѣбъ, отправляемый для Лиможа, въ Бо—хлѣбъ для Орльяка, въ С.-Дидіе—хлѣбъ для Мулена, въ Турню—для Макона.

Напрасно обозы охраняются солдатами: толпы мужчинъ и женщинъ, вооруженныхъ топорами и ружьями, устраиваютъ засады на дорогахъ въ лѣсахъ и бросаются на поводья лошадей; приходится пускать въ дѣло сабли, чтобы двигаться впередъ. Напрасно ихъ уговариваютъ, расточаютъ имъ хорошія слова, „предлагаютъ даже пріобрѣсти хлѣбъ за деньги; они отказываются, крича, что обозъ не двинется дальше". Они уперлись и похожи на быка, ставшаго поперекъ дороги, наклонивъ рога. Хлѣбъ де принадлежитъ имъ, потому что онъ находится въ ихъ округѣ; кто увозитъ его или прячетъ—тотъ воръ: невозможно вырвать эту укоренившуюся идею. Въ Шантене близъ Манса [1]) они не позволили мельнику снести на мельницу зерно, купленное имъ; въ Мондрагонѣ въ Лангедокѣ они забрасали камнями торговца, отправлявшаго послѣднюю повозку; въ Тьерѣ рабочіе силой собираютъ хлѣбъ по деревнямъ: они едва не убили одного владѣльца, у котораго оказалось зерно, они пьянствуютъ въ погребахъ и не затыкаютъ бочекъ, такъ что вино вытекаетъ. Въ Невершѣ, послѣ того, какъ у булочниковъ четыре дня не хватало хлѣба для продажи, населеніе силой овладѣло амбарами частныхъ лицъ, купцовъ и религіозныхъ общинъ. „Перепуганные торговцы продаютъ хлѣбъ по предложенной цѣнѣ, большую же часть у нихъ раскрадываютъ на глазахъ сторожей". Въ суматохѣ, производимой этими домовыми обысками, множество домовъ было разграблено.

Въ это время горе всѣмъ тѣмъ, кто причастенъ къ охранѣ, пріобрѣтенію, продажѣ или удержанію зерна. Народному во-

---

[1]) Archives nationales—H. 1453. Донесенія отъ 4 іюня, 5 іюня, 29 апр., 29 мая, 2 іюня, 25 апр.

[2]) Ibid. Документы отъ 27 мая, 25 апр., 12 іюня, 19 апр.

ображенію необходимы живыя лица, которымъ оно могло бы приписать свои бѣдствія и на которыхъ могло бы сорвать свою злобу; для толпы всѣ эти люди барышники и, во всякомъ случаѣ, враги общества. Возлѣ Анжера въ монастырь бенедиктинцевъ ворвалась толпа и всѣ ихъ постройки и роща опустошены [1]). Въ Амьенѣ „народъ собирался разграбить и быть можетъ сжечь дома двухъ коммерсантовъ, построившихъ мельницы съ болѣе прибыльнымъ помоломъ"; благодаря войскамъ успѣли разбить только окна; но въ другой разъ прибываютъ толпы, съ цѣлью разграбить или сжечь все имущество у трехъ—четырехъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ барышничествѣ.

Въ Нантѣ нѣкто Гесленъ, посланный толпой обыскать одинъ домъ, не нашелъ тамъ хлѣба; поднимается цѣлая буря криковъ: „онъ утайщикъ, онъ соучастникъ!" Толпа бросается на него, онъ раненъ, почти изрубленъ. Ясно, что во Франціи нѣтъ болѣе спокойствія: имущество и даже самая жизнь въ опасности.

Важнѣйшее изъ правъ собственниковъ—право на продовольствіе нарушено въ тысячи мѣстъ, ему вездѣ угрожаютъ, оно дѣлается ненадежно. Вездѣ интенданты и намѣстники просятъ помощи, доносятъ о безсиліи объѣздной стражи, призываютъ регулярныя войска. И вотъ противъ недостаточной, разбросанной, колеблющейся правительственной власти поднимаютъ мятежъ не только слѣпые ужасы голодовки, но и тѣ злобные инстинкты, которымъ выгоденъ всякій безпорядокъ, и постоянныя вожделѣнія, съ которыхъ всякое политическое потрясеніе снимаетъ узду.

4 Извѣстно[2]), какъ многочисленны были контрабандисты, лжесолевары, бракопьеры, бродяги, нищіе и преступники, равно какъ и то, что ихъ число увеличивается даже послѣ одного голоднаго года. Они пополняютъ ряды всякихъ скопищъ и во время мятежей, подъ ихъ покровомъ, каждый изъ нихъ набиваетъ свой мѣшокъ. „Въ области Ко [3]) до окрестностей Руана, въ Ронпероллѣ, Кевревиллѣ, Прео, С.-Жакѣ и во всѣхъ мѣстахъ кругомъ вооруженныя шайки разбойниковъ врываются въ дома, преимущественно священническіе, и завладѣваютъ всѣмъ, что имъ понравится". На югъ отъ Шар-

---

[1]) Archives nationales H. 1453. Документы отъ 2 марта, 30 апрѣля, 25 апрѣля, 9 января и т. д.

[2]) L'Ancien régime II, 282—297.

[3]) Floquet—VII, 508: Hippeau—Le gouvernement de Normandie—IV, 377. Archives nationales H. 1453; ib.—F. 7, 3250, 3185.

тра триста или четыреста дровосѣковъ. выйдя изъ беллемскихъ лѣсовъ, крошатъ топорами все оказывающее имъ сопротивленіе и заставляютъ отдавать имъ хлѣбъ по той цѣнѣ, по какой они хотятъ". Въ окрестностяхъ Этампа 15 бандитовъ забираются ночью на фермы и вымогаютъ у фермеровъ деньги, грозя поджогомъ. Въ области Камбрэ они грабятъ аббатства Воселль, Вержэ и Гильеманъ, замокъ маркиза Бесслара, помѣстье г. Дуази. 2 фермы. обозъ съ хлѣбомъ, проѣзжавшій по дорогѣ въ С.-Кентень и кромѣ того семь фермъ въ Пикардіи.

„Очагъ этого бунта находится въ нѣсколькихъ селеніяхъ, расположенныхъ на границахъ Пикардіи и области Камбрэ, занимавшихся обычно контрабандой и привыкшихъ къ своеволію. присущему этому занятію. Разбойники вербуютъ безпрепятственно крестьянъ въ свои шайки. Человѣкъ быстро скользитъ по наклону кражи. Какой-нибудь болѣе или менѣе честный человѣкъ, случайно или поневолѣ увлеченный въ возстаніе. продолжаетъ принимать въ немъ участіе. прельщенный безнаказанностью или наживой. Конечно. „ихъ побуждаетъ только крайняя нужда". Вырабатывается новый видъ контрабанды. расчетъ на жадность. „Какой-нибудь отставной карабинеръ. съ саблей въ рукѣ, лѣсной сторожъ съ десяткомъ головорѣзовъ товарищей становятся во главѣ 400—500 человѣкъ, посѣщаютъ ежедневно три—четыре селенія и заставляютъ всѣхъ имѣющихъ хлѣбъ отдавать его по 24 и даже по 18 ливровъ за куль. Члены шайки, не имѣющіе денегъ. уносятъ свою долю, не заплативъ ничего". Другіе. заплативъ ничтожную цѣну, по своему усмотрѣнію, перепродаютъ съ барышомъ по 45 ливровъ за куль. Прекрасная афера. въ которой жадность беретъ себѣ въ компаньоны бѣдность".

На слѣдующую жатву соблазнъ останется прежнимъ: „они грозили придти собрать нашу жатву, расхитить скотъ и продать мясо въ деревни по 2 су за фунтъ".

Во всѣхъ большихъ возстаніяхъ выступаютъ подобные злодѣи, неимущіе. враги закона, дикіе и отчаянные бродяги, которые, какъ волки, стекаются всюду, гдѣ чуютъ добычу. Это они служатъ вожаками и исполнителями частной и общественной злобы и мести. Возлѣ Юзеса 25 замаскированныхъ людей съ ружьями и дубинами забираются въ домъ нотаріуса, стрѣляютъ въ него изъ пистолета, убиваютъ его, опустошаютъ домъ. сжигаютъ отчеты вмѣстѣ съ документами и бумагами, которые онъ держалъ на храненіи для графа де-Рувръ; семерыхъ изъ нихъ арестовали, но народъ—за нихъ, онъ бросается

на объѣздную команду и освобождаетъ ихъ [1]). Ихъ узнаютъ по ихъ поступкамъ, по потребности разрушенія ради разрушенія, по ихъ чужому выговору, по ихъ дикимъ фигурамъ и лохмотьямъ. Они являются изъ Парижа въ Руанъ и 4 дня городъ находится въ ихъ власти: [2]) они врываются въ магазины, вымогаютъ деньги у монастырей и семинарій, они нападаютъ на домъ генеральнаго прокурора, возбудившаго противъ нихъ преслѣдованіе, и хотятъ разнести его въ дребезги; они бьютъ зеркала, ломаютъ мебель и выходятъ, нагруженные добычей, направляясь въ городъ и городской округъ грабить мануфактуры, ломать или жечь всѣ машины. У нихъ отнынѣ появляются новые вожди: во главѣ каждой шайки идетъ самый смѣлый, наименѣе подверженный сомнѣнію, который и служитъ примѣромъ при опустошеніи. Примѣръ заразителенъ: сначала вышли съ цѣлью достать хлѣба, а кончили убійствами и пожарами; разнузданная дикость усиливаетъ своими необузданными насиліями возстаніе, вызванное нуждой.

5. Будучи таковымъ, возстаніе, не смотря на голодъ и на разбойниковъ, можетъ быть пришло бы къ концу, но его дѣлала неодолимымъ увѣренность, что оно одобрено и одобрено именно тѣми, кому на самомъ дѣлѣ поручено было подавить его.

То тамъ, то сямъ слышны толки о выраженіяхъ и поступкахъ, ужасныхъ по своей наивности и обѣщающихъ, вмѣсто мрачнаго настоящаго, еще болѣе грозное будущее. 9 января 1789 г. въ толпѣ, ворвавшейся въ городской домъ въ Нантѣ и осаждающей булочныя [3]), крики „да здравствуетъ свобода“ смѣшиваются съ возгласами „да здравствуетъ король!“ Нѣсколько мѣсяцевъ спустя возлѣ Плоермеля крестьяне отказываются платить десятину, ссылаясь на отмѣну этой подати въ наказѣ ихъ маршальства; въ мартѣ тотъ же отказъ—во многихъ мѣстахъ Эльзаса многія общины отказываются впредь платить налоги, пока ихъ депутаты въ генеральныхъ штатахъ не установятъ по справедливости цифру общественныхъ повинностей. Въ Изерѣ общины, согласно напечатанному и обнародованному рѣшенію, отказываются впредь платить за „личныя права“ и потерпѣвшіе ущербъ сеньоры не смѣютъ возбуждать дѣло предъ трибуналами.

Въ Ліонѣ народъ пришелъ къ убѣжденію, что „всякое взиманіе податей должно прекратиться, и 29 іюня, при извѣстіи о сліяніи трехъ сословій, пораженный иллюминаціей и

[1]) Archives nationale H 1453. Донесеніе отъ 22 апрѣля.

[2]) Floquet—VII, 511 (съ 11 по 14 іюля).

[3]) Archives nationales H. 1453, F, 7—2358, 3227.

выраженіями всеобщаго ликованія", онъ вѣритъ, что настали счастливыя времена и „уже вырабатываетъ проэктъ, чтобъ получать мясо по 4 су и вино за туже цѣну. Кабатчики внушаютъ ему, что вскорѣ будутъ уничтожены пошлины на съѣстные припасы, а пока, король въ честь слiянія сословій освободилъ Парижъ на три дня отъ всякихъ пошлинъ, а потому слѣдуетъ, чтобъ и Лiонъ пользовался такою же льготой". Поэтому толпа неистово бросается къ заставамъ у различныхъ воротъ и у моста, сжигаетъ или разрушаетъ канцелярiи, уничтожаетъ списки, грабитъ жилища сборщиковъ, забираетъ деньги и расхищаетъ вино, находившееся въ складахъ. Между тѣмъ по деревнямъ распространяется слухъ, что въѣздъ въ городъ свободенъ и вотъ въ слѣдующiе дни крестьяне нахлынули съ цѣлыми вереницами невиданныхъ, въ нѣсколько быковъ, повозокъ вина, такъ что, не смотря на возстановленiе охраны, пришлось цѣлый день пропускать ихъ безплатно. Только 7 iюня можно было снова взимать пошлины. Тоже происходитъ въ южныхъ провинцiяхъ, гдѣ главные налоги падали на предметы потребленiя; тамъ тоже отъ имени государственной власти прекращаютъ ихъ взиманiе. Въ Агдѣ [1]) „народъ безумно увѣренъ въ томъ, что онъ—все и можетъ все, въ виду якобы желанiя короля уравнять сословiя"; такъ онъ толкуетъ на своемъ языкѣ и на свой ладъ двойное представительство, данное третьему сословiю. Въ силу этого онъ и грозитъ городу полнымъ разграбленiемъ, если не понизятъ цѣны на всѣ припасы и не отмѣнятъ провинцiальныя пошлины на вино, рыбу и мясо; мало того, „они хотятъ выбрать консуловъ изъ своего сословiя", а епископъ, мэръ, мѣстный сеньоръ и нотабли, противъ которыхъ они силой вербовали крестьянъ, вынуждены при звукахъ трубъ объявить, что всѣ ихъ требованiя приняты.

Три дня спустя они требуютъ уменьшенiя наполовину мельничныхъ пошлинъ и ищутъ епископа—владѣльца мельницъ. Больной прелатъ падаетъ въ обморокъ на улицѣ, но его усаживаютъ на тумбу и, какъ-бы въ засѣданiи, заставляютъ подписать отреченiе Вслѣдствiе этого мельничная пошлина, сданная въ откупъ за 15000 ливровъ, теперь падаетъ до 7500.

Въ Лиму, подъ предлогомъ поисковъ хлѣба, они проникаютъ къ контролеру и къ откупщику пошлинъ, уносятъ ихъ записныя книги, которыя бросаютъ потомъ въ воду вмѣстѣ съ домашней утварью чиновниковъ. Въ Ировансѣ еще хуже; по

[1]) Archives nationales H. 1453. Документы отъ 21 апрѣля, 19 апрѣля и 5 мая.

страшной несправедливости и непонятному неблагоразумію всѣ пошлины въ городахъ тяготѣютъ на мукѣ; конечно именно пошлинамъ непосредственно приписываютъ дороговизну хлѣба; и поэтому чиновникъ казны становится очевиднымъ врагомъ, а голодный бунтъ превращается въ возстаніе противъ государства.

6. Политическія новости являются искрами, которыя бросаютъ огонь въ груды пороха: всюду въ самый день избирательнаго собранія, народъ возстаетъ и за 15 дней въ провинціи насчитывается отъ 40 до 50 возстаній. Народное воображеніе стремится прямо къ цѣли, какъ ребенокъ; реформы только обѣщаны, онъ считаетъ ихъ наступившими, а для большей вѣрности онъ тотчасъ проводитъ ихъ въ жизнь: разъ намъ должны помочь, поможемъ себѣ сами.

„Это не отдѣльное возстаніе, какія бываютъ обыкновенно. пишетъ начальникъ одного отряда [1]), здѣсь всѣ связаны и руководятся единообразными принципами; одни и тѣже заблужденія распространены во всѣхъ умахъ... Эти принципы, усвоенные народомъ, таковы: король хочетъ, чтобы всѣ были равны, но не желаетъ болѣе существованія сеньоровъ и епископовъ, сословій, десятины и сеньоральныхъ податей. Вотъ какъ эти сбитые съ толку люди думаютъ пользоваться ихъ правомъ и слѣдовать волѣ короля".

Громкія слова сдѣлали свое дѣло: имъ сказали, что генеральные штаты будутъ прилагать старанія къ возрожденію королевства", а они заключили изъ этого, „что эпоха созыва штатовъ должна явиться эпохой полнаго, коренного измѣненія какъ условій жизни, такъ и состоянія". Вслѣдствіе этого-то „возстаніе противъ дворянства и духовенства столь же сильно, сколь всеобще". „Во многихъ мѣстахъ достаточно дали понять, что *это ничто вродѣ войны, объявленной собственникамъ и собственности*; а потому какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ народъ упорно твердитъ, что *они ничего не хочетъ платить, ни пошлинъ, ни податей, ни недоимокъ*".

Разумѣется, первый ударъ обрушивается на заставы, требующія ввозныхъ пошлинъ на муку. Въ Э, Марселѣ, Тулонѣ и еще въ болѣе чѣмъ сорока городахъ и мѣстечкахъ ихъ сметаютъ въ одно мгновеніе. Въ О и Люкѣ отъ дома, гдѣ помѣщались вѣсы, остаются лишь четыре стѣны; дома откупщика скотобоенъ въ Марселѣ и директора кожнаго акцизнаго управленія разрушены: „рѣшено очистить страну отъ управленскихъ чиновниковъ". Это только начало: необходимо еще, чтобъ хлѣбъ

[1]) Arch. nat. H. 1453, H. 1274.

и другіе съѣстные припасы сдѣлались дешевыми и притомъ немедленно. Въ Арлѣ корпорація матросовъ бывшая, подъ предсѣдательствомъ консула г. де Барраса, собралась для избранія своихъ представителей; передъ закрытіемъ засѣданія они требуютъ чтобы г. де Баррасъ, по особому постановленію, понизилъ цѣны на всѣ съѣстные припасы, и на его отказъ, „они открываютъ окно, крича: „мы держимъ его, остается бросить его на улицу, а другіе пусть подберутъ!“ Приходится уступить насилію: постановленіе было объявлено по городу при звукахъ трубъ, причемъ послѣ каждаго параграфа, опредѣляющаго цѣну, толпа кричитъ: „да здравствуетъ король и г. де-Баррасъ!“ Предъ грубой силой приходится преклоняться, но затрудненія были велики, такъ какъ, благодаря устраненію заставъ, города не имѣли болѣе доходовъ, будучи, съ другой стороны обязаны вознаграждать булочниковъ и мясниковъ за убытки, то напримѣръ, Тулонъ долженъ ежедневно по 2500 ливровъ.

Во время этихъ безпорядковъ, горе тому, кого заподозрѣли, что онъ болѣе или менѣе способствуетъ народнымъ невзгодамъ. Въ Тулонѣ требуютъ выдачи головой мэра, подписавшаго роспись цѣнъ на припасы, и архиваріуса, хранившаго податные списки: обоихъ растоптали ногами, а дома ихъ были разграблены. Въ Маноскѣ обвинили епископа, во время посѣщенія имъ семинаріи, въ потворствѣ какому то скупщику. Когда епископъ шелъ къ своей каретѣ, онъ былъ осмѣянъ и осыпанъ угрозами; въ него бросали грязью, а потомъ и камнями. Консулы въ своихъ повязкахъ и намѣстникъ, прибѣжавшіе защитить его, были избиты и прогнаны. Нѣсколько безумцевъ на ихъ глазахъ начинаютъ „копать могилу, чтобы похоронить епископа“. Подъ защитой пяти—шести храбрецовъ онъ добирается кое-какъ до своей кареты подъ градомъ булыжниковъ, пораженный ими въ голову и другія мѣста; онъ спасается лишь благодаря быстротѣ своихъ лошадей, которыя помчались, закусивъ удила, будучи въ свою очередь осыпаны камнями.

Часть иностранцевъ, итальянцевъ и разбойниковъ присоединились къ крестьянамъ и рабочимъ и слышатся рѣчи, замѣчаются дѣянія, предвѣщающія поголовное возстаніе—жакерію. Наиболѣе воспламененные говорятъ епископу: „Мы бѣдны, вы богаты, и мы хотимъ присвоить всѣ ваши богатства“. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мятежники облагаютъ всѣхъ зажиточныхъ поборами. Въ Бриньолѣ 13 домовъ разграблены до тла, 30—

[1]) Archives nationales H. 1474 (донесеніе отъ 2 апрѣля).

наполовину. Въ О убили и „разорвали на мелкіе куски“ г. де Монферра, который сталъ защищаться. Въ Сейнѣ черни, подъ предводительствомъ одного крестьянина, собирается подъ бой барабана, нѣсколько женщинъ приносятъ гробъ къ дому одного изъ вліятельнѣйшихъ горожанъ и велятъ ему приготовиться къ смерти: „его почтятъ погребеніемъ“. Онъ спасается, домъ его грабятъ, равно какъ и помѣщеніе для заставы, а на слѣдующій день начальникъ шайки обязываетъ виднѣйшихъ горожанъ внести ему извѣстную сумму денегъ, „чтобы вознаградить за убытки крестьянъ, покинувшихъ свои полевыя работы и затратившихъ время на служеніе общественному благу“. Въ Пенье восмидесятилѣтній президентъ былъ осажденъ въ своемъ замкѣ шайкой изъ 150 рабочихъ и крестьянъ, они привели съ собой консула и нотаріуса; въ присутствіи этихъ должностныхъ лицъ они заставляютъ президента выдать бумагу, въ которой онъ отказывается отъ своихъ сеньоральныхъ правъ, въ чемъ бы они не состояли. Въ Солье они разрушаютъ мельницы г. де Форбенъ-Жансона, расхищаютъ домъ его повѣреннаго, грабятъ его замокъ, ломаютъ крышу, часовню, алтарь, рѣшетки и гербы, забираются въ погреба, разбиваютъ бочки и уносятъ все, что можно было унести: „эта переноска продолжалась два дня и причинила маркизу убытокъ въ 100 тысячъ экю. Въ Ріецѣ они обкладываютъ хворостомъ епископскій дворецъ и грозятъ сжечь его, „но наконецъ идутъ на мировую, получаютъ отъ епископа обязательство на 50000 ливровъ“ и требуютъ, чтобы онъ уничтожилъ свой архивъ. Они разрушаютъ замокъ прево де Пиньяна и розыскиваютъ Тулонскаго епископа съ цѣлью его убить. Короче, это—*соціальный бунтъ*, такъ какъ онъ обрушивается на всѣхъ, кто занимаетъ выгодное или начальствующее положеніе въ существующемъ строѣ. Наблюденіе же надъ такимъ образомъ дѣйствій позволяетъ сказать, что смутьяны проникнись идеями „Общественнаго договора“. Они обращаются съ чиновниками, какъ со слугами, издаютъ законы, ведутъ себя, словно властелины, пользуются правами общественной власти и короткимъ судомъ, произвольно, грубо вводятъ то, что, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствуетъ естественному праву. Въ Пенье они требуютъ второго избирательнаго собранія и права голоса для себя. Въ Сенъ—Максименѣ они сами избираютъ самихъ себя новыми консулами и судьями. Въ Соллье они заставляютъ помощника судьи подать въ отставку и ломаютъ его должностной жезлъ. Въ Барьолѣ „они дѣлаютъ консуловъ и судей низшими городскими служителями

и объявляютъ, что они хозяева и сами будутъ отправлять правосудіе". На самомъ дѣлѣ они судятъ такъ, какъ понимаютъ. т. е. очень превратно, поощряя вымогательство и грабежи. У такого-то есть хлѣбъ: онъ долженъ раздѣлить его съ тѣмъ, у кого не хватаетъ; у такого-то есть деньги: онъ долженъ дать тому, у кого не хватаетъ средствъ на покупку хлѣба. На этомъ основаніи въ Барьолѣ они налагаютъ на Урсулинокъ платежъ въ 1800 ливровъ, отбираютъ 50 грузовъ хлѣба у капитула, 18 у одного бѣднаго ремесленника, 40 у другого и предписываютъ каноникамъ и владѣльцамъ духовныхъ бенефицій выдать росписки своимъ арендаторамъ.

Затѣмъ, съ дубинами въ рукахъ они переходятъ изъ дома въ домъ, заставляя однихъ платить деньги, другихъ отказываться отъ полученія ихъ долговъ, „такого-то—прекратить уголовное преслѣдованіе, другого—отказаться отъ полученнаго имъ запрещенія на имущество, вознаградить за расходы на судебныя издержки по процессу, выигранному имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какого-то отца заставили дать согласіе на женитьбу сына". Припоминаются всѣ старыя неудовольствія, а извѣстно, какъ злопамятенъ крестьянинъ: сдѣлавшись хозяиномъ положенія, онъ припоминаетъ всѣ несправедливости, какія только онъ, по его мнѣнію, претерпѣлъ. Возвращается все, а прежде всего собранныя феодальныя пошлины: крестьяне отбираютъ у довѣреннаго г. де Монмейена всѣ наличныя деньги, въ возмѣщеніе тѣхъ, которыя онъ получалъ въ теченіе 15 лѣтъ въ качествѣ нотаріуса. Бывшій консулъ въ Бриньолѣ еще въ 1775 году наложилъ пеню въ 1500 или 1800 франковъ, предназначенныхъ въ пользу бѣдныхъ: эти деньги теперь берутъ у него обратно.

Наконецъ, если консулы и представители закона оказываются зловредными, то еще вреднѣе документы на собственности, оброчные списки и прочія бумаги, на основаніи которыхъ они дѣйствуютъ. Въ огонь—старыя писанія, не только всѣ списки чиновниковъ, но и, какъ было въ Гіерѣ, всѣ бумаги думы и старшаго нотаріуса! Въ самомъ дѣлѣ изо всѣхъ бумагъ хороши только тѣ, новыя, которыя содержатъ въ себѣ росписки, квитанціи или обязательства въ пользу народа! Въ Бриньолѣ владѣльцевъ мельницъ заставляютъ подписать запродажный актъ, по которому они уступаютъ свои мельницы общинѣ по 5000 фр. въ годъ, съ разсрочкой на 10 лѣтъ безъ процентовъ, что конечно разоряетъ ихъ. При видѣ подписаннаго контракта крестьяне испускаютъ клики радости и такъ

довѣряютъ этой гербовой бумагѣ, что заставляютъ францискапцевъ немедлено служить благодарственную обѣдню.

Внушительные признаки, указывающіе на тайныя намѣренія, твердую волю и будущія дѣйствія возникающей власти! Если чернь овладѣетъ ею, она прежде всего начнетъ уничтожать старыя бумаги, списки, грамоты, контракты, долговыя обязательства, которымъ подчиняется теперь поневолѣ, силою же она введетъ тогда новыя обязательства, въ свою пользу, и его теперешніе писцы, которыхъ она держитъ въ своемъ грубомъ кулакѣ, будутъ ея депутатами и правителями.

Тамъ, наверху, не безпокоятся по поводу этого движенія: находятъ даже, что возмущеніе имѣетъ свои хорошія стороны, такъ какъ оно заставило города отмѣнить несправедливые поборы [1]). Тамъ снесли даже, что молодежь изъ новой марсельской гвардіи „пошла въ Обань требовать отъ судьи и королевскаго адвоката освобожденія заключенныхъ по уголовнымъ дѣламъ“. Снесли также и неповиновеніе Марселя, который отказался принять чиновниковъ, посланныхъ по высочайшему указу для производства слѣдствія. Еще лучше, въ Э, несмотря на предостереженія парламента, объявлена всеобщая амнистія „за исключеніемъ нѣсколькихъ главарей, которымъ вдобавокъ предоставили возможность покинуть королевство“.

Мягкость короля и командующихъ войсками—удивительна: народъ приравниваютъ къ ребенку, который грѣшитъ только по заблужденію, въ раскаяніе котораго надо вѣрить и принимать его съ родительскими изліяніями лишь только онъ вернется къ порядку.

Истина же заключалась въ томъ, что этотъ ребенокъ—слѣпой великанъ, раздраженный страданіями: вотъ почему онъ ломаетъ все, къ чему ни прикоснется, ломаетъ не только въ провинціи мѣстныя колеса, которыя можно исправить послѣ временнаго разстройства, но также и въ центрѣ, главную пружину, дающую ходъ всему, и поломка которой разстраиваетъ всю машину.

---

[1]) Archives nationales H. 1274. Письмо г. де-Карамона отъ 22 апр. и документы отъ 17 апрѣля и 11 іюня.

ГЛАВА II. Парижъ до 14 іюля. 1. Рекруты возстанія изъ окрестностей. Вступленіе бродягъ. Количество неимущихъ. 2. Подстрекательства печати и ходячаго мнѣнія. Народъ принимаетъ участіе. 3. Дѣло Ревельона. 4. Пале-Рояль. 5. Народныя скопища становятся политической властью. Давленіе на Собраніе. Измѣна солдатъ. 6. Дни 13 и 14 іюля. 7. Убійство Фулона и Бертье. 8. Парижъ въ рукахъ народа.

1. Дѣйствительно, наиболѣе сильныя судорожныя потрясенія происходятъ въ центрѣ. Нѣтъ ни въ чемъ недостатка для умноженія смуты, ни въ весьма глубокихъ подстрекательствахъ, для того, чтобы вызвать ее, ни въ шайкахъ, весьма многочисленныхъ для того, чтобъ ее произвести. Всѣ окрестности Парижа доставляютъ ей новобранцевъ и нигдѣ нѣтъ столько несчастныхъ, столько голодныхъ, столько мятежныхъ. Всюду происходятъ грабежи хлѣба, въ Орлеанѣ, Конѣ, Рамбулье, Жуи, Понъ-Сенъ-Максенсъ, Бре-на-Сенѣ, въ Сансѣ и Нанжи [1]).

Въ Медонѣ пшеница такъ рѣдкостна, что издано предписаніе, чтобъ всякій покупающій ее, покупалъ въ то же время столько же ячменя. Въ Вирфлэ тридцать женщинъ, съ мужчинами позади, останавливаютъ на большой дорогѣ подводы, нагруженныя по ихъ предположенію хлѣбомъ. Въ Монлери семь отрядовъ объѣздной стражи разсѣяны отъ ударовъ камнями и палками; чудовищная толпа изъ женщинъ и мущинъ, около 8000 человѣкъ, съ мѣшками въ рукахъ, собирается возлѣ хлѣба, вывезеннаго на продажу и заставляетъ продавать по 24 франка то зерно, которое стоитъ 40 франковъ, причемъ половину уносятъ, ничего не заплативъ. „Стража приведена въ смятеніе, пишетъ намѣстникъ; рѣшимость народа удивительна. Я устрашенъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ".

Съ 13 іюля 1788 г. (день града), „отчаяніе" охватило крестьянъ. Какъ ни велики были добрыя пожеланія собственниковъ, невозможно было помочь пострадавшимъ. Не существуетъ ни одного дома трудолюбія [2]); сеньоры и буржуа, вынужденные отсрочить полученіе своихъ доходовъ, не могутъ дать работы". „Голодный народъ, въ свою очередь, каждую минуту готовъ рискнуть жизнью для жизни и открыто, дерзко ищетъ съѣстныхъ припасовъ тамъ, гдѣ они есть".

Въ Конорланъ-Сентъ-Онорингъ, Эраньи, Невиллѣ, Шеневьерѣ, Сержи, Понтуазѣ, Лиль-Адамѣ, Прелѣ и Бомонѣ муж-

---

[1]) Archives nationales. H. 1458; Arthur Young 10 и 29 іюня.

[2]) Archives nationales H. 1458.

чины, женщины, дѣти— весь приходъ устраиваютъ облавы, ставятъ силки, уничтожаютъ логовища. „Прошелъ слухъ, что правительство, узнавъ, какой вредъ причиняетъ дичь земледѣльцамъ, разрѣшило уничтожить ее... Собственно говоря, правда, что зайцы уничтожаютъ почти пятую часть посѣвовъ".

Сначала арестовали девять этихъ новыхъ бракопьеровъ, но вскорѣ ихъ освободили „въ виду исключительныхъ обстоятельствъ", и вотъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на земляхъ принца де Конти и посла Мерси Д'Аржанто происходитъ массовое избіеніе: за недостаткомъ хлѣба ѣдятъ дичь.

По совершенно естественному увлеченію, при злоупотребленіяхъ собственностью, крестьяне посягаютъ на самую собственность. Возлѣ Сенъ Дени были опустошены лѣса, принадлежащіе аббатству; „окрестные арендаторы увозятъ изъ нихъ кладь на четырехъ—пяти лошадяхъ". Поселяне Вилль-Паризи, Трамбле, Веръ-Галон, Вилльпенть открыто распродавали добычу, грозя сторожамъ прибить ихъ до смерти. Къ 15 іюня убытокъ, причиненный крестьянами, оцѣнивается уже свыше 60000 ливровъ.—Ничего не значитъ, если помѣщикъ недавно еще творилъ благодѣянія, какъ напримѣръ г. де Таларю [1]), который кормилъ бѣдныхъ прошлую зиму въ своемъ имѣніи Песи: крестьяне разрушаютъ плотину, которая направляла воду къ помѣщичьей мельницѣ; присужденные парламентомъ возстановить ее, они объявляютъ, что не окажутъ повиновенія, но и, если г. Таларю посмѣетъ возобновить ее, придутъ, числомъ около трехъ сотенъ, хорошо вооруженными, чтобъ разрушить ее вторично.

Для наиболѣе замѣшанныхъ бунтовщиковъ Парижъ служитъ самымъ близкимъ убѣжищемъ. Для самыхъ бѣдныхъ и наиболѣе ожесточенныхъ открываются всѣ прелести бродячей жизни. Вокругъ столицы образуются шайки, точно какъ въ странѣ, гдѣ общественная жизнь еще не начиналась или совсѣмъ прекратилась. Въ первыя недѣли мая [2]) возлѣ Вилль-жюива появилась одна изъ такихъ шаекъ въ 500—600 бродягъ, которые хотѣли ворваться въ Бисетръ, и приблизились къ Сенъ-Клу; нѣкоторые изъ нихъ пришли за 30—40 и 60 лье изъ Шампани и Лотарингіи и вообще изо всѣхъ мѣстностей округи, пострадавшей отъ града. Все это носится возлѣ Па-

---

[1]) Montjoie 2 часть, XXI г. 14 с. (первая недѣля іюня). Монжуа, человѣкъ партіи, но онъ точенъ и заслуживаетъ довѣрія, въ случаѣ подтвержденія его свидѣтельства другими.

[2]) Montjoie I, 92, 101; Archives nationales H 1453.

рижа и скопляется здѣсь, какъ вода въ сточной трубѣ,—несчастные и головорѣзы, одни для того, чтобы найти работу, другіе, чтобъ нищенствовать, шататься, гонимые сюда зловредными подстрекательствами голода и слуховъ, возникающихъ на улицахъ.

Въ послѣдніе дни апрѣля [1]) чиновники видѣли, какъ черезъ заставы „прошло ужасающее количество плохо одѣтыхъ подозрительныхъ людей". Въ первыхъ числахъ мая замѣчаютъ, что внѣшній видъ толпы мѣняется: къ ней присоединяется множество посторонніхъ, пришедшихъ изо всѣхъ краевъ; большая часть ихъ была покрыта лохмотьями, вооружена огромными дубинами и вообще одинъ ея видъ возвѣщалъ, что слѣдуетъ бояться всего самаго дурного".

Уже до этого окончательнаго скопленія всѣ вертепы были въ изобиліи переполнены. Надо припомнить также о необычайно быстромъ расширеніи Парижа, о множествѣ рабочихъ, привлеченныхъ туда снесеніемъ старыхъ и возведеніемъ новыхъ построекъ, о всякаго рода ремесленникахъ, дошедшихъ до крайней нужды, благодаря застою въ промышленности, повышенію пошлинъ, суровой зимѣ и дороговизнѣ хлѣба.

Вспомните, что еще въ 1786 году въ Парижѣ считалось „200000 неимущихъ, дѣйствительная стоимость имущества которыхъ не превышала 50 экю", что съ незапамятныхъ временъ они въ войнѣ съ полиціей, что съ 1789 года въ столицѣ сто двадцать тысячъ нуждающихся, что, чтобы дать имъ работу, пришлось учредить національныя мастерскія, что „заставили 12000 человѣкъ безполезно срывать пригорокъ на Монмартрѣ, платя имъ по 20 су въ день, что пристани и набережныя кишатъ ими, что они не отходятъ отъ Городского дома, что они какъ будто насмѣхаются возлѣ дворца надъ бездѣйствіемъ безоружнаго правосудія", что каждый день они ожесточаются и воспламеняются возлѣ дверей булочныхъ, не будучи увѣрены, что получатъ хлѣба послѣ долгаго ожиданія. Вы заранѣе чувствуете, съ какой яростью и неистовствомъ набросятся они на препятствіе, которое имъ покажутъ пальцемъ.

2. Уже въ теченіе двухъ лѣтъ указываютъ имъ это препятствіе: это—министерство, дворъ, правительство, старый порядокъ. Кто протестуетъ противъ него въ пользу народа, увѣренъ, что за нимъ послѣдуютъ даже дальше, чѣмъ онъ имѣетъ желаніе вести. Какъ только парламентъ какого нибудь боль-

[1]) Besenval Mémoires I, 353; l'Ancien régime T. II, 296, 297, Marmontel IX, 252 и слѣд Ferrières I, 407.

этого города отказывается принять къ исполненію указы казны, онъ находитъ возстаніе къ своимъ услугамъ.

7 іюня 1788 года въ Греноблѣ на солдатъ сыпется градъ черепицъ и военная сила оказывается безпомощной. Въ Ренн'ѣ понадобилось цѣлое войско, почти весь составъ лагернаго отряда, 4 полка пѣхоты, 2—кавалеріи подъ начальствомъ одного изъ маршаловъ Франціи, чтобы справиться съ взбунтовавшимся городомъ [1]). Въ слѣдующемъ году, когда парламенты перешли на сторону привилегированныхъ, возстанія возобновляются, но на этотъ разъ противъ парламентовъ. Въ февралѣ 1789 г. въ Безансонѣ и Э магистраты были обезчещены, преслѣдуемы на улицахъ, осаждены въ своемъ должностномъ помѣщеніи и принуждены или прятаться или бѣжать. Если въ главныхъ городахъ провинцій было такое настроеніе, то что же должно дѣлаться въ столицѣ королевства? Для начала, въ августѣ 1788 года, послѣ отставки де Бріенна и ле Ламуаньона толпа собирается на площади Дофина и выдаетъ себя за судъ, сжигаетъ изображенія обоихъ министровъ, разсѣиваетъ полицію и оказываетъ сопротивленіе войскамъ: за цѣлый вѣкъ не видали еще такого кроваваго бунта. Два дня спустявозстаніе вспыхиваетъ вторично: толпа собирается, чтобъ поджечь особняки обоихъ министровъ, а также особнякъ начальника полиціи Дюбуа.

Ясно, что въ грубую и невѣжественную массу вошла новая закваска и новыя идеи производятъ свое дѣйствіе. Уже долгое время эти идеи нечувствительнымъ образомъ проникали, различные одинъ за другимъ, слои и охвативъ сперва аристократію, всю образованную часть средняго сословія, людей закона, школу, всю молодежь. онѣ просочились капля за каплей и чрезъ тысячи разсѣлинъ къ тому классу, который живетъ трудами своихъ рукъ. Большіе баре одѣваясь подсмѣивались надъ христіанствомъ и провозглашали права человѣка въ присутствіи своихъ лакеевъ, парикмахеровъ, поставщиковъ и всей вообще прихожей. Писатели, адвокаты и прокуроры повторяли еще болѣе рѣзкимъ тономъ тѣ же разглагольствованія и тѣ же теоріи въ кафе, ресторанахъ, на прогулкахъ и во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ. Передъ людьми изъ народа говорили, какъ будто ихъ тамъ вовсе не было, и брызги отъ всего этого неосторожно расточаемаго краснорѣчія проникали въ мозги ремесленниковъ, кабатчиковъ, разсыльныхъ, торговокъ и солдатъ.

---

[1]) A. Young, 1 сентября 1788 г.

Вотъ почему достаточно было одного лишь года, чтобы ихъ глухое недовольство превратилось въ политическую болѣзнь. Начиная съ 5 іюля 1787 года, отъ приглашенія короля, который объявилъ созывъ Генеральныхъ Штатовъ и спрашивалъ у всѣхъ и каждаго ихъ совѣтовъ, слово и печать мѣняютъ тонъ [1]): вмѣсто общихъ умозрительныхъ разсужденій, является проповѣдь, имѣющая въ виду приложимыя къ дѣлу грядущія внезапныя, глубокія, послѣдствія,—звучащая и сверлящая словно сигнальный рожокъ. Ударъ за ударомъ гремятъ революціонные памфлеты, „что такое третье сословіе“? Сіейса, „Памятка французскому народу“ Серютти, „Размышленія объ выгодахъ третьяго сословія“ Рабо Сентъ-Этьена, „Мое прошеніе“ Тарже, „Права Генеральныхъ штатовъ“ Д'Антрега, немного позже „Свободная Франція“ Камилла Демулэна и еще сотни и тысячи другихъ, повторяемыхъ и распространяемыхъ на избирательныхъ собраніяхъ, куда новые граждане являются для произнесенія напыщенныхъ рѣчей и взаимнаго возбужденія [2]). Единодушный и всеобщій крикъ ежедневно катится словно эхо по казармамъ, предмѣстьямъ, рынкамъ, мастерскимъ и чердакамъ. Въ февралѣ 1789 года Неккеръ признается, „что повиновенія нѣтъ нигдѣ и нельзя даже быть увѣреннымъ въ войскахъ“. Въ маѣ торговки рыбнаго, а затѣмъ и фруктоваго базаровъ приходятъ, чтобъ ввѣрить избирателямъ интересы народа и пропѣть куплеты въ честь третьяго сословія. Въ іюнѣ памфлеты ходятъ уже вездѣ по рукамъ, „даже лакеи съ жадностью читаютъ ихъ на подъѣздахъ особняковъ“. Въ іюлѣ, однажды, когда король подписывалъ какой-то указъ, одинъ слуга-патріотъ встревожился и прочелъ его черезъ плечо Государя.

Не надо обманываться: это не одна буржуазія подымается противъ законныхъ властей и установленнаго порядка, это—весь народъ, это ремесленники, лавочники, прислуга, поденщики всѣхъ родовъ и всѣхъ ступеней, низшіе слои населенія, бродяги, уличные забіяки и бѣдняки.

Вся эта масса, согбенная подъ заботой объ ежедневномъ пропитаніи, никогда еще не поднимала взоровъ, чтобы взглянуть на грандіозный соціальный порядокъ, самымъ нижнимъ слоемъ котораго она является, неся на себѣ всю его тяжесть.

---

[1]) Barère: Memoires I, 234.

[2]) См. въ національной библіотекѣ столь длинный списокъ уцѣлѣвшихъ памфлетовъ.

[3]) Malouet I, 255. Bailly I, 43 (9 и 19 мая). Comte d'Hézecques Souvenir d'un page de Louis XVI, 293. Besenval I, 368.

3. Вдругъ эта масса дѣлаетъ движеніе и нагроможденные лѣса шатаются. Это движеніе животнаго, доведеннаго до отчаянія нуждой и обезумѣвшаго отъ подозрѣній.

Не щипали ли его снизу скрытыя подкупленныя руки? Современники увѣрены въ этомъ [1]) и они, пожалуй, правы.

Но достаточно было и того шума, который производили возлѣ страдающаго животнаго, чтобы сдѣлать его пугливымъ и вызвать его внезапное пробужденіе.

21 апрѣля въ Парижѣ начались избирательныя собранія; они происходятъ въ каждомъ участкѣ, отдѣльно для духовенства, дворянъ и третьяго сословія. Цѣлые дни, въ теченіе мѣсяца, по улицамъ видны вереницы проходящихъ избирателей. Избиратели первой степени продолжаютъ все же собираться, назначивъ избирателей второй степени: необходимо, чтобы нація слѣдила за своими представителями и охраняла свои неотъемлемыя права; если она и ввѣрила имъ пользованіе ими, то все-же сохранила за собой право собственности на нихъ и оставила за собой вмѣшательство, когда ей будетъ угодно. Подобное притязаніе быстро находитъ распространеніе и тотчасъ отъ третьяго сословія собраній переходитъ къ третьему сословію улицы. Нѣтъ ничего естественнѣе желанія руководить своими вождями: при первомъ неудовольствіи на тѣхъ, кто брыкается, накладываютъ руку и заставляютъ безпрекословно шествовать по указкѣ.

Въ субботу, 25 апрѣля [2]), разносится слухъ, что избиратель, фабрикантъ обоевъ, съ улицы св. Антонія, Ревельонъ и комиссаръ Лера „дурно говорили“ въ избирательномъ кварталѣ св. Маргариты. „Говорить дурно“ значитъ—говорить дурно о народѣ. Что же сказалъ Ревельонъ? Неизвѣстно; но народное воображеніе со своей ужасающей силой изобрѣтательности и опредѣленности сочиняетъ, или воспринимаетъ смертоносную фразу: „онъ сказалъ, что рабочій съ женой и дѣтьми можетъ жить на 15 су въ день. Это измѣнникъ, бѣжимъ къ нему, предадимъ все его имущество огню, вырѣжемъ всѣхъ его домочадцевъ“. Замѣтьте, что слухъ ложный [3]), что Ревельонъ самому младшему своему рабочему платитъ 25 су въ день, что онъ даетъ средства къ жизни 350 человѣкамъ, что

[1]) Marmontel II, 249. Montjoie I часть стр. 92. Besenval I, 387 „Шпіоны присовокупляли, что видѣли людей, возбуждающихъ смуту и даже раздающихъ деньги“.

[2]) Archives nationales Y—11441; Y 11033—слѣдуетъ присоединить донесеніе де Безанваля.

[3]) Ferrières t. III, note A.

прошлую зиму онъ не разсчиталъ ни одного изъ нихъ, платилъ ту же плату, несмотря на частые прогулы, что онъ самъ—бывшій рабочій, увѣнчанный медалями за свои изобрѣтенія, извѣстный благотворитель, уважаемый всѣми почтенными людьми. Все это оказывается для него безполезнымъ. Шайка бродягъ и провинціаловъ, только что вошедшихъ черезъ заставы и не присматривающихся ко всѣмъ этимъ подробностямъ,—разные поденщики, извощики, чеботари, каменьщики, мѣдники и растиральщики красокъ, которыхъ вербуютъ по ихъ квартирамъ, ровно ничего о немъ не знаютъ. Когда раздраженіе накопилось въ изобиліи, оно разливается по игрѣ случая.

Въ это самое время [1]) парижское духовенство собралось, чтобъ объявить, что оно отказывается отъ своихъ привиллегій по ввознымъ пошлинамъ, а народъ, принимая своихъ друзей за своихъ враговъ, соединяетъ въ своихъ ругательствахъ имя духовенства съ именемъ Ревельона.

Во время всего воскреснаго досуга, броженіе растетъ, а въ понедѣльникъ 27, на второй день праздношатанія и пьянства, шайки приходятъ въ движеніе. Очевидцы встрѣчаютъ въ улицѣ С.-Северина столь густыя толпы людей, вооруженныхъ дубинами, что нельзя было пройти. „Со всѣхъ сторонъ закрываютъ двери и магазины, крича: вотъ возстаніе! Возставшіе изрыгаютъ проклятія и ругательства противъ духовенства“ и, увидя проходящаго аббата, называютъ его „ . . . . . попомъ“ [2]). Другая шайка таскаетъ чучело Ревельона, украшенное лентой ордена св. Михаила, продѣлываетъ надъ нимъ подобіе суда, сжигаетъ его на Гревской площади и грозитъ его дому; прогнанная стражниками она врывается въ домъ его друга селитровара, ломаетъ и сжигаетъ всѣ пожитки и всю обстановку [3]). Только къ полуночи удается разогнать скопище, причемъ думали, что возстаніе подавлено; однако на слѣдующій день оно возобновляется и усиливается. Кромѣ обычныхъ побужденій нужды [4]) и своеволья, является еще новое погибнемъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, если не поддержимъ побужденіе, идея о дѣлѣ, нуждающемся въ защитѣ, убѣжденіе, что они сражаются за третье сословіе“. Въ подобномъ случаѣ каждый долженъ стоять за себя и всѣ другъ за друга. „Мы

[1]) Bailly I, 25 (отъ 26 апр.).

[2]) L'appellent f. . . . prêtre.

[3]) Hippeau IV, 377.

[4]) Письмо къ королю одного жителя С.-Антуанскаго предмѣстья гласитъ: не сомнѣвайтесь, Государь, что только дороговизнѣ хлѣба слѣдуетъ приписать всѣ наши послѣднія невзгоды.

другъ друга". Сильные этой увѣренностью, они три раза посылаютъ въ предмѣстье Сенъ-Марсо вербовать тамъ людей и во время ихъ прохожденія по улицамъ къ нимъ присоединяются силой или добровольно—подъ страхомъ поднятыхъ дубинъ, всѣ встрѣчные.

Другіе, у С-Антуанскихъ воротъ, останавливаютъ возвращающихся съ бѣговъ и спрашиваютъ, за дворянство они, или за третье сословіе, заставляя при этомъ дамъ выходить изъ каретъ и кричать: „да здравствуетъ третье сословіе!" [1]).

Тѣмъ временемъ передъ домомъ Ревельона растетъ толпа: тридцать человѣкъ стражи не въ состояніи сопротивляться—и вотъ домъ занятъ толпой и разграбленъ съ верху до низу. Обстановка, запасы, бѣлье, дѣловыя бумаги, экипажи, даже живность, вытащенная изъ задняго двора, все это брошено было на костры, зажженные въ трехъ различныхъ мѣстахъ; пятьсотъ луидоровъ наличными деньгами и вся серебряная посуда украдены. Многіе забираются въ погреба и пьютъ случайно лакъ и разныя жидкости до тѣхъ поръ, пока падаютъ охмелѣвшими до безчувствія или въ судорогахъ испускаютъ духъ.

Противъ этой ревущей толпы [2]) выступаетъ пѣшая и конная стража, сто всадниковъ изъ королевской охраны, французская и затѣмъ швейцарская гвардія.

„Дождь черепицъ и камней съ печныхъ трубъ сыплется на солдатъ, которые открываютъ огонь четырьмя рядами. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ опьянѣвшіе отъ вина и злобы мятежники отчаянно защищаются: болѣе двухсотъ человѣкъ убито, почти триста ранено, съ бунтовщиками справились только при помощи пушки, но скопленіе толпы продолжается до наступленія ночи. Въ 8 часовъ вечера на улицѣ Вьель-дю-Тампль

[1]) Dampmartin: „Événements qui se sont passés sous mes yeux", I, 25; „Мы повернули назадъ, но были остановлены небольшими шайками негодяевъ, которые нахально предлагали намъ кричать: „да здравствуетъ Неккеръ и третье сословіе!" Его два спутника были кавалерами ордена св. Людовика и ихъ кресты возбуждали „чрезвычайное озлобленіе". Они вызывали грубый ропотъ даже въ той части толпы, которая не примыкала къ смутьянамъ

[2]) Ibidem: „Въ тотъ же день я обѣдалъ въ отелѣ Эккевилли въ улицѣ св. Людовика". Онъ вышелъ оттуда пѣшкомъ и присутствовалъ при мятежѣ: отъ 1500—1600 жалкихъ отбросовъ націи, покрытые лохмотьями, заклейменные постыдными пороками, тянущіе водку, представляли отвратительнѣйшее и возмутительнѣйшее зрѣлище. Огромное количество лицъ обоихъ половъ, разныхъ возрастовъ и состояній чрезвычайно стѣсняло дѣйствія войскъ. Вскорѣ былъ открытъ огонь и полилась кровь; возлѣ меня ранили двухъ почтенныхъ гражданъ.

парижская гвардія вынуждена дать еще нѣсколько залповъ, чтобы защитить дома, въ которые хотятъ ворваться злодѣи. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи они вламываются въ булочную и колбасную на улицахъ Сантожъ и Бретань. Даже въ этой послѣдней волнѣ стихающаго возстанія можно различить тѣ стихійныя силы, которыя вызвали бунтъ и произведутъ скоро Революцію. Это—во первыхъ голодающіе: на улицѣ Бретань, толпа обокравшая булочника, приноситъ хлѣба женщинамъ, задержаннымъ на углу улицы Сантожъ. Во вторыхъ—это бандиты: шпіоны г. дю-Шателэ, проходя среди ночи вдоль рва „увидѣли большое скопище разбойниковъ", собравшихся за Тронской заставой: ихъ вожакъ, ставъ на бугорокъ, побуждаетъ ихъ продолжать начатое дѣло, и въ слѣдующіе дни бродяги на большихъ дорогахъ толкуютъ между собой: „намъ больше нечего дѣлать въ Парижѣ; здѣсь приняты слишкомъ строгія предупредительныя мѣры, идемъ въ Ліонъ". Есть наконецъ и „патріоты": въ вечеръ бунта, между мостами Шанжъ и Мари, босяки въ рубищахъ, вымазанные грязью, носильщики, тоже сознаютъ, въ чемъ ихъ дѣло. Они повышеннымъ голосомъ просятъ подаяніе и, протягивая шляпу, говорятъ прохожимъ: „Будьте милостивы къ бѣдному третьему сословію".

Итакъ, голодные, бандиты и „патріоты" составляютъ одинъ станъ и съ этого момента нищета, преступленіе и общественное настроеніе соединяются, чтобъ питать возстаніе, всегда готовое къ услугамъ возмутителей, которые пожелаютъ пустить его въ ходъ.

4. Но возмутители уже имѣютъ свои постоянныя засѣданія. Пале-Рояль сдѣлался клубомъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ весь день и до глубокой ночи они говорятъ зажигательныя рѣчи и подстрекаютъ толпу къ насиліямъ. Въ его предѣлы, охраняемые привилегіями дома Орлеановъ, полиція не смѣетъ войти, здѣсь слово—свободно и публика, пользующаяся имъ, какъ бы нарочно подобрана, чтобъ имъ злоупотреблять. Эта публика—обычные посѣтители подобныхъ мѣстъ [1]). Пале-Рояль, являясь центромъ проституціи, игры, праздности и брошюръ, привлекаетъ къ себѣ весь тотъ безпочвенный людъ, который шатается по улицамъ большого города, не имѣя ни своего угла, ни опредѣленнаго дѣла, и живетъ лишь ради какой либо страсти или ради удовольствія. Это завсегдатаи кафе

---

[1]) E. et J de Goncourt, La societé française pendant la Révolution. Здѣсь насчитывали 31 игорный домъ, а одна изъ современныхъ брошюръ, озаглавлена: Pétition des 2100 filles du Palais Royal.

и кабацкіе гуляки, пройдохи и лишенные правъ забулдыги или неудачники-литераторы, художники и адвокаты, мелкіе писцы, ученики разныхъ школъ, зѣваки и шатуны, пріѣзжіе и обитатели меблированныхъ комнатъ, а ихъ, говорятъ, въ Парижѣ сорокъ тысячъ. И все это заполняетъ садъ и галлереи. „Но врядъ-ли вы встрѣтите кого-либо изъ такъ называемыхъ Шести Сословій“ [1]), напр. занятаго и установившагося буржуа, человѣка, которому занятія дѣлами и заботы о семьѣ придаютъ солидность и значеніе. Нѣтъ здѣсь также мѣста для трудолюбивыхъ и порядочныхъ пчелъ: это мѣсто свиданій политическихъ и литературныхъ трутней. Они собираются туда со всѣхъ концовъ Парижа и ихъ жужжащій, безпорядочный рой покрываетъ землю, какъ подвѣшенный узей.

„Цѣлый день, пишетъ А. Юнгъ [2]), въ Пале-Роялѣ толпилось не менѣе десяти тысячъ человѣкъ“ и давка такова, что яблоко, брошенное съ балкона на движущуюся мостовую изъ головъ, не упадетъ на землю. Можно догадаться о состояніи всѣхъ этихъ мозговъ: это все головы, наиболѣе пустыя изъ всего балласта Франціи, наиболѣе надутыя умозрительными идеями, наиболѣе возбужденныя и легко возбуждаемыя. Въ этой толчеѣ неподготовленныхъ политиковъ никто не знаетъ тѣхъ, кто говоритъ, никто не чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за свои рѣчи. Каждый ходитъ здѣсь точно въ театрѣ, незнакомцемъ среди незнакомцевъ, съ потребностью быть взволнованнымъ и приведеннымъ въ восторгъ, жертва заразы окружающихъ его страстей, увлеченный въ вихрь громкихъ словъ, выдуманныхъ новостей, вырастающихъ слуховъ и преувеличеній, которыми бѣснующіеся стараются перещеголять другъ друга. Тутъ слезы, крики, аплодисменты и топаніе ногами, какъ при представленіи любой трагедіи; здѣсь такъ горячатся и дерутъ горло, что падаютъ замертво на мѣстѣ отъ волненія и истощенія. А. Юнгъ, кажется, хорошо освоился съ шумомъ политической свободы, но и онъ ошеломленъ тѣмъ, что здѣсь увидѣлъ. По его словамъ [3]) „броженіе превосходитъ всякую познавательную способность. Мы считаемъ, что книжные магазины Дебретта и Стокдаля въ Лондонѣ, переполнены публикой. Но они кажутся пустынѣй сравнительно съ магазиномъ Дезенна и нѣкоторыми другими книгоиздательствами въ Парижѣ. Здѣсь можно только съ трудомъ протиснуться отъ входа до прилавка. Каждый часъ выходитъ новая брошюрка. Сегодня

[1]) Montjoie 2, 144.—Bailly II, 130.

[2]) A. Young 24 іюня 1789 г.—Montjoie 2, 69.

[3]) A. Young, 9, 24, 26 іюня.—C. Desmoulin La France libre passim.

ихъ вышло 13, вчера 16, а за послѣднюю недѣлю 92. 19 изъ 20 конечно за свободу".

А отъ свободы требуютъ уничтоженіе привилегій, верховенство числа, приложеніе теорій „Общественнаго Договора", Республику, высшее благо, всеобщее равенство, вѣчную анархію и даже народное возмущеніе (жакерію). Камиллъ Демуленъ, посредственный ораторъ, возвѣщаетъ и вызываетъ ее въ такихъ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Разъ звѣрь попалъ въ ловушку, его убиваютъ... Никогда побѣдителямъ не представлялась болѣе богатая добыча: *сорокъ тысячъ дворцовъ, особняковъ, замковъ, двѣ пятыхъ всѣхъ имуществъ Франціи—вотъ стоимость этой добычи.* Тѣ, кто считаетъ себя сейчасъ покорителями, будутъ въ свою очередь покорены. Нація будетъ очищена". Вотъ первый шагъ программы Террора.

Все это не только читается, но и произносится съ трибунъ, дополняется и обращается въ дѣловыя предложенія. „Каждый вечеръ передъ кафе смѣняются всѣ, имѣющіе здоровыя глотки" [1]). „Они взбираются на стулъ или столъ и читаютъ самыя забористыя изъ послѣднихъ статей о новостяхъ дня. Невозможно представить себѣ безъ труда ту жадность, съ какой ихъ слушаютъ и громъ аплодисментовъ, которые они получаютъ за каждое болѣе смѣлое и наглое, чѣмъ обыкновенно, выраженіе противъ правительства. Три дня тому назадъ одинъ грузчикъ разъ двадцать обошелъ садъ съ четырехлѣтнимъ но вполнѣ смышленнымъ и хорошо выученнымъ мальчикомъ на плечахъ, который кричалъ: „приговоръ французскаго народа! Г-жа Полиньякъ изгнана за сто лье отъ Парижа, Кондэ—также, Конти—также, Артуа—также, королева... Я не смѣю вамъ повторять".

Въ серединѣ Пале-Рояля одинъ изъ досчатыхъ балагановъ постоянно полонъ преимущественно молодежью, которые обсуждаютъ дѣла на подобіе парламента; по вечерамъ, президентъ приглашаетъ зрителей подписать рѣшенія, принятыя ими за день, причемъ подлинники сохраняются въ кафе Фойи[2]). Они по пальцамъ считаютъ враговъ отечества. „Во-первыхъ, два королевскихъ величества (король и графъ Артуа), три свѣтлости (принцъ Кондэ, герцогъ Бурбонскій и принцъ Конди), одна фаворитка (г-жа Полиньякъ), г.г. де Водрель, де ла Тремуллъ, дю Шателе, де Вилледейль, де Барантенъ, де ла Галезіеръ, Видо де ла Туръ, Бертье, Фулонъ и даже Ленге.

[1]) C. Desmoulin—письма отцу и Артуръ Юнгъ 9 іюня.

[2]) Montjoie, II—69, 77, 124, 144.—К. Демуленъ: письмо отъ 24 іюня и слѣдующихъ дней.

ГАЗ

Ред

Ко
стр

Въ
Фам
лей

На

тор
газ

Ю

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1905 годъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Южный Край"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ столицъ и провинцій отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Корреспонденціи изъ Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Турціи, Швейцаріи, Персіи, Малой Азіи и другихъ странъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1905 годъ:

Съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Съ пересылкою иногороднимъ:

11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	—	3 —	1 50.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Сумской ул., въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край" печатается на ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторы: А. А. Іозефовичъ.
Н. Н. Окулевъ

Издатель А. А. Іозефовичъ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ 1905 г.

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

ГОДЪ ТРЕТІЙ 1905 г.

(современное научно-литературное и общественное изданіе)

выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ Іюля и Августа) ежемѣсячными выпусками не менѣе 100 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, *русскаго національнаго самосознанія*, усиленію *культурнаго общенія со славянствомъ*, изученію *созидательной* работы Запада и росту *общественной самостоятельности*, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, 2) Беллетристическія новости, 3) Литературная критика, 4) Искусство, театръ и музыка, 5) Вопросы воспитанія и обученія, 6) Внутреннее обозрѣніе. 7) Политическая лѣтопись, 8) Статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, 9) Обозрѣніе научныхъ журналовъ, 10) Дѣятельность ученыхъ обществъ, 11) Научныя мелочи, 12) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій, 13) Библіографія, 14) Объявленія.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Русскаго Собранія и его Отдѣловъ, ускатривающихъ въ сознательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 р. съ пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за комиссію и пересылку денегъ по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ).

Плата за объявленія: 20 рублей за полную страницу, 10 руб. за половину и 5 руб. за четверть страницы. Въ редакціи продаются книжки „Мирнаго Труда“ за 1902—3 г. (первый годъ изданія) и за (второй) 1904 г. по 5 руб. съ пересылкой за годовой экземпляръ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1905 годъ.

Редакторъ-издатель проф. *А. Вязигинъ.*

045 049

2044 092 939 891